

№ 10 (65) 2009
Выпуск 9

НАУЧНЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в 1995 г.

**Журнал входит
в Перечень ведущих рецензируемых
научных журналов и изданий,
выпускаемых в Российской Федерации,
в которых рекомендуется публикация
основных результатов диссертаций
на соискание ученых степеней
доктора и кандидата наук**

Учредитель:

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Белгородский государственный университет»

Издатель:

Белгородский государственный
университет.
Издательство БелГУ

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору
за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций
и охране культурного наследия

Свидетельство о регистрации средства
массовой информации ПИ № ФС77-21121
от 19 мая 2005 г.

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
ЖУРНАЛА**

Главный редактор

Дятченко Л.Я.

ректор Белгородского государственного
университета, доктор социологических
наук, профессор

Зам. главного редактора

Давыденко Т.М.

проректор по научной работе
Белгородского государственного
университета, доктор педагогических
наук, профессор

Ответственный секретарь

Московкин В.М.

заместитель по инновационной
деятельности проректора по научной
работе Белгородского государственного
университета, доктор географических наук

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
СЕРИИ ЖУРНАЛА**

Председатель редколлегии

Дятченко Л.Я.

ректор Белгородского государственного
университета, доктор социологических
наук, профессор

Главный редактор

Римский В.П.

доктор философских наук, профессор
(Белгородский государственный
университет)

Заместители главного редактора

Бабинцев В.П.

доктор философских наук, профессор
(Белгородский государственный
университет)

**НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ Белгородского
государственного университета**

Философия Социология Право

**Belgorod State University
Scientific bulletin**

Philosophy Sociology Law

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Мир в прямой и обратной перспективе (Размышления на тему Флоренского). **Г.Ф. Перетятыкин 5**

ЛОГИКА, МЕТОДОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

Рефлексивная научно-образовательная среда вуза: методологические проблемы. **Т.М. Давыденко, И.А. Шумакова 19**

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

Антропологические ограничения безопасности техники. **О.Д. Гаранина, И.В. Усик 25**

Культурная морфология русской народной песни: теоретико-методологический аспект. **М.С. Жиров О.И. Алексеева 34**

А.С. Пушкин – романтик и проблема формирования национального самосознания. **В.В. Липич 44**

Диалог как форма взаимодействия культур. **Т.И. Липич 50**

Постмодернистские образы пола и любви в отечественной культуре. **А.М. Страхов 55**

Гуманизм: изменение содержания и поиски новых границ. **В.Н. Шилов 62**

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Оценка эффективности технологий здоровьесбережения студентами и преподавателями Белгородского государственного университета. **Н.И. Жернакова, Б.В. Заливанский 68**

Социальное здоровье населения Белгородской области. **Л.В. Колпина 77**

Российский частный инвестор фондового рынка – кто он? **П.Ф. Кравчук, Б.Б. Подгорный 90**

Управленческий мониторинг: оценка теории и практики руководителями муниципальных образований. **Э.Н. Рычихина 105**

Высшая школа как стратегический компонент национальной безопасности РФ (социологическая интерпретация). **Е.В. Песегова 114**

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

Личность императора как воплощение космического порядка в официальной идеологии и даосской традиции. **И.В. Белая 118**

Тонков Е.Е.

доктор юридических наук, профессор
(Белгородский государственный
университет)

Ответственный секретарь

Борисов С.Н.

кандидат философских наук
(Белгородский государственный
университет)

Члены редколлегии

Борисов Г.А., доктор юридических наук, профессор (Белгородский государственный университет)

Витрук Н.В., доктор юридических наук, профессор (Российская академия правосудия)

Громов М.Н., доктор философских наук, профессор (Институт философии РАН)

Зубок Ю.А., доктор социологических наук, профессор (ИСПИ РАН)

Климова С.М., доктор философских наук, профессор (Белгородский государственный университет)

Кожмякин Е.А., кандидат философских наук, доцент (Белгородский государственный университет)

Королева Л.Г., доктор философских наук, профессор (Курский государственный университет)

Мархей М.В., доктор юридических наук, профессор (Белгородский государственный университет)

Реутов Е.В., кандидат социологических наук, доцент (Белгородский государственный университет)

Розин М.Д., доктор философских наук, профессор (СКНЦ ВШ при ЮФУ)

В авторской редакции

Оригинал-макет С.Н. Борисов,
А.А. Махова

E-mail: gimskiy@bsu.edu.ru;
SBorisov@bsu.edu.ru

Подписано в печать 28.10.2009.
Формат 60×84/8.
Гарнитура Georgia, Impact
Усл. п. л. 31,85.
Тираж 1000 экз.
Заказ 229.

Подписные индексы в каталоге агентства
«Роспечать» – 81462,
в объединенном каталоге
«Пресса России» – 39748

Оригинал-макет тиражирован
в издательстве Белгородского
государственного университета
Адрес: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Особенности правового статуса беженцев и вынужденных переселенцев и экологических мигрантов: сравнительно-правовой анализ. **В.И. Евтушенко 125**

Соотношение аудио- и видеозаписей с письменными доказательствами в гражданском процессе. **С.А. Короткий 131**

Организация внутрикандидатного взаимодействия как координационная юридическая технология. **А.А. Максуров 138**

Возникновение и опасность терроризма для развития российского федерализма. **Н.Н. Олейник 142**

Наличие вины как условие ответственности за вред, причиненный актами публичной власти. **В.С. Синенко 148**

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

Провиденциализм как религиозно-мировоззренческий ориентир протопопа Аввакума в оценке им церковной реформы XVII века. **Р. Ю. Аторин 154**

Развитие инновационной модели образования в муниципальной системе. **О.В. Баюкатова 160**

Концепция религиозного опыта И.А. Ильина. **Г.В. Болотнов 165**

Семья как ядро системы социальной работы с детьми с ограниченными возможностями. **Т.В. Городова 176**

Духовные ценности в структуре религиозного мировоззрения. **С.Е. Кривых 182**

Диагностика уровня готовности муниципальных служащих к самостоятельному решению социальных проблем села. **Ю.Ю. Маринченко 188**

Человек в системе информационного общества как основы глобализирующегося мира. **С.И. Некрасов, З.В. Макатов 193**

Влияние неокантианства на философские воззрения Генриха Ланца. **О.А. Попова 210**

Понятия «концепт» и «дискурс» и проблема гражданского общества: к методологии исследования. **А.В. Тихомиров 218**

Социальные, культурно-исторические и ценностные основания информационной этики. **О.А. Филина 228**

К вопросу о формировании новых типов человеческой телесности. **М.И. Цой 234**

Интернет и проблема антропологической перспективы. **А.Н. Черняков, Р.А. Дунаев 239**

Теогенезис в религиозно-философской концепции Мирчи Элиаде. **М.Е. Серёгин 245**

Культурный этос Л.Н. Толстого. **И.В. Рождественская 253**

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ И КОММУНИКАЦИИ

Социально-технологическая культура специалиста: проблемы формирования и развития. **И.В. Мамина 258**

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Рецензия на монографию Л.В. Колпиной «Теоретико-методологические основы исследования социального здоровья личности». **Е.В. Реутов 262**

Сведения об авторах **267**

Информация для авторов **270**

№ 10 (65) 2009
Issue 9
Scientific reviewing journal

Founded in 1995

The Journal is included into the nomenclature of the leading reviewing journals and publications issued in the Russian Federation that are recommended for publishing the key results of the theses for Doctor and Candidate degree-seeking.

Founder:

State educational institution of higher professional education "Belgorod state university"

Publisher:

Belgorod state university
BSU Publishing house

The journal is registered in Federal service of control over law compliance in the sphere of mass media and protection of cultural heritage

Certificate of registration of mass media ПИ № ФС 77-21121 May, 19 2008.

EDITORIAL BOARD

Chief editor

L.Y. Dyatchenko

Rector of Belgorod State University, doctor of sociology, professor.

Co-editor

T.M. Davydenko

Vice-rector on science of Belgorod State University, doctor of pedagogy, professor.

Executive secretary

V.M. Moskovkin

Assistant vice-rector on innovations of Belgorod State University, doctor of geography

Chairman of editorial board

L.Y. Dyatchenko

Rector of Belgorod State University, doctor of sociology, professor

Chief editor

V.P. Rimskiy

Doctor of philosophy, professor (Belgorod state university)

Deputies of chief editor

V.P. Babintsev

Doctor of philosophy, professor (Belgorod state university)

E.E. Tonkov

Doctor of law, professor (Belgorod state university)

Responsible secretary

S.N. Borisov

Candidate of philosophy (Belgorod state university)

Belgorod State University

Scientific bulletin

Philosophy Sociology Law

НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ Белгородского государственного университета
Философия Социология Право

CONTENTS

HISTORY OF PHILOSOPHY, SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES

The world in the direct and reverse perspectives (reflexions on Florensky). **G.F. Peretyatkin 5**

LOGICS, METHODOLOGY AND PHILOSOPHY OF SCIENCE

Reflexive scientific and educational field of the high school: methodological problems. **T.M. Davydenko, I.A. Shumakova 19**

HUMAN BEING. CULTURE. SOCIETY

Anthropologic limitations of the security of the technique. **O.D. Garanina, I.V. Usic 25**

Cultural morphology of the Russian folk song: theoretical and methodological aspect. **M.S. Zhiron O.I. Alekseeva 34**

A.S. Pushkin –romanticist and the problem of the formation of the national consciousness. **V.V. Lipich 44**

Dialogue as a form of interaction of cultures. **T.I. Lipich 50**

Post-modern images of sex and love in russian culture. **A.M. Strakhov 55**

Humanism: change of the maintenance and searches of new borders. **V.N. Shilov 62**

SOCIOLOGY AND SOCIAL TECHNOLOGIES

Evaluation of health saving technologies students and teachers at Belgorod state university. **N.I. Zhernakova, B.V. Zalivansky 68**

Social health of belgorod region population. **L.V. Kolpina 77**

Russian stock market private investor – who is he? **P.F. Kravchuk, B.B. Podgorny 90**

Managerial monitoring: assessment of the status and utilization by the municipalities' leaders. **E.N. Rychikhina 105**

High school as a strategic component of the national security of the Russian Federation (sociological interpretation). **E.V. Pesegova 114**

RELIGION STUDIES AND SOCIOLOGY OF CULTURE

Emperor's personality as the objectivation of the Universe order in the official ideology and Daoism tradition. **I.V. Belaya 118**

ACTUAL PROBLEMS OF LEGAL REGULATION

Features of legal status of refugees and compelled immigrants and ecological migrants: the comparative analysis. **V.I. Evtushenko 125**

Members of editorial board

G.A. Borisov, Doctor of law, Professor
(Belgorod State University)

N.V. Vitruk, Doctor of law, Professor
(Russian Academy of Law)

M.N. Gromov, Doctor of philosophy,
Professor (Institute of Philosophy,
Russian Academy of Science)

Y.A. Zubok, Doctor of sociology,
Professor (Institute of Social and
Political Research, Russian Academy
of Science)

S.M. Klimova, Doctor of philosophy,
Professor (Belgorod State University)

L.G. Korolyova, Doctor of philosophy,
Professor (Kursk State University)

E.A. Kozhemyakin, Candidate
of philosophy, associate Professor
(Belgorod State University)

M.V. Marhgeim, Doctor of Law,
Professor (Belgorod State University)

E.V. Reutov, Candidate of sociology,
associate professor (Belgorod State
University)

M.D. Rozin, Doctor of philosophy,
Professor (North-Caucasian Science
Centre of High School, Youth Federal
University)

Original editing by contributors

Original layout by S.N. Borisov,
A.A. Mahova

E-mail: rimskiy@bsu.edu.ru;
SBorisov@bsu.edu.ru

Signed to print 28 October, 2009.
Format 60×84/8.
Type: Georgia, Impact
Print lists 31,85.
Circulation: 1000
Order 229.

Subscription index in Rospechat'
catalogue – 81462,
in Pressa Rossiya catalogue – 39748

Original layout is copied in Belgorod
State University Press
Address: Pobedy, 85, Belgorod, 308015,
Russian Federation

Comparison audio- and videorecordings with literal proofs in civil
process. **S.A. Korotkiy 131**

The organization of intracommand interaction as coordination legal
technology. **A.A. Maksurov 138**

The origin and danger of terrorism to development of the russian federal-
ism. **N.N. Oleinik 142**

Presence of fault as a condition of the responsibility for the harm caused
by acts of public authority. **V.S. Sinenko 148**

THESIS

Providentialism a religious-world outlook reference point of protopriest
Avvakum in the estimation it of church reform of a XVII-th century.

R. J. Atorin 154

On the development of an innovative model of educational system at the
municipal level. **O.V. Bashkatova 160**

The concept of religious experience of I.A. Ilyin. **G.V. Bolotnov 165**

Family as a heart of social work system with children having the limited
possibilities. **T.V. Gorodova 176**

The spiritual values in the religious world outlook structure. **S.E. Kri-
vykh 182**

Diagnosis of a municipal employee's willingness level for independent solv-
ing of social problems in rural municipalities. **J.J. Marinchenko 188**

Human being in the system of the information society as a basis of globa-
lizing world. **S.I. Nekrasov, Z.V. Makatov 193**

An influence of the neokantianism on the philosophical ideas of Henry
Lanz. **O.A. Popova 210**

Notions «concept» and «discourse» and the problem of civil society: to-
wards methodology of the research. **A.V. Tikhomirov 218**

Social, cultural, historical and axiological basis of informational ethics.
O.A. Filina 228

On the issue of formation of new types of human corporeity. **M.I. Tsoy 234**

Internet and the problem of anthropological perspective.

A.N. Chernyakov, R.A. Dunaev 239

Theogenesis in the religious studies concept of Mircea Eliade.

M.E. Seryogin 245

L.N. Tolstiy's cultural ethos. **I.V. Roshdestvenskaya 253**

SCIENCE LIFE AND COMMUNICATION

Socio-technological culture specialist: problems of formation and
development. **I.V. Mamina 258**

CRITICS AND BIBLIOGRAPHY

The review on the monography by L. Kolpina «The theoretico-methodo-
logical bases of person's social health researches». **E.V. Reutov 262**

About authors **267**

Information for authors **270**

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

УДК 001.1

МИР В ПРЯМОЙ И ОБРАТНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ (Размышления на тему Флоренского)

Г. Ф. Перетяцкий

*Южный федеральный
университет*

*e-mail:
isrgu@mis.rsu.ru*

В статье в контексте современной философии рассматривается оригинальная концепция, представленная в работах П. Флоренского, классика отечественной философии XX века.

Ключевые слова: классическая наука, социальные функции науки, язык, категориальная структура.

Плывут облака отдыхать после долгого дня.
Стремительных птиц улетела последняя стая.
Гляжу я на горы, и горы глядят на меня.
И долго глядим мы, друг другу не надоедая.

Ли Бо

Кто на мир смотрит разумно, на того и мир смотрит разумно.

Гегель

Я вспоминаю давние уже, но по прежнему свежие и сильные, впечатления от «Обратной перспективы» – первой работы П.А. Флоренского, ксерокопия которой невесть какими путями попала ко мне. Это было в конце 70-х, образная характеристика которых вполне умещалась в известных блоковских строках – «В те годы дальние, глухие, в сердцах царили сон и мгла...». В философских же журналах царили статьи, посвященные различным аспектам и оттенкам метода «Капитала» Маркса. Помню, один мой друг сказал тогда по этому поводу (на кухне, разумеется), что метод «Капитала» напоминает ему ружье, из которого Маркс когда-то выстрелил и которое мы теперь смазываем, протираем, не решаясь больше стрелять. Я нашел это сравнение забавным, хотя считал, что диалектический метод лучше сравнить не с ружьем, а с луком – больше историко-философских ассоциаций: Гераклит с «гармонией лука и лиры», Порфирий, у которого гармония «стреляет из лука посредством противоположностей» и т. д... Не то, чтобы из этого лука вообще не стреляли. Но стрелять можно по-разному. Как утверждает Л.Н. Гумилев, у кочевников натягивание тугого лука «до уха» позволяло стрелять на 700 м, тогда как при натягивании «до глаза» дальность полета стрелы была 350 – 400 м. Если воспользовать-

ся данной классификацией, то нужно сказать, что в то время мало кто мог и хотел натягивать лук диалектики «до уха» – стрела мысли могла угодить, как в русской сказке, в какое-нибудь болото и указать, скажем, на то, что идеалы странным образом стали идолами, а идолы незаметно заменили собою идеалы. Немного было и тех, кто натягивал тетиву «до глаза» – тоже можно было попасть не туда, куда надо. Наиболее безопасно было «стрелять» не дальше решений и постановлений очередного съезда или пленума. Ну а постановления эти составляли «лучники» немощные, натягивавшие тетиву не дальше собственного носа, так сказать, «до носа». В коннице кочевников таких стрелков не держали, но мы ведь не кочевники...

И вот в эту-то эпоху «генеральной линии партии», **прямой перспективы** в светлое будущее, из туманного прошлого вдруг возник Флоренский со своею «Обратной перспективой». Светлое будущее и загадочное прошлое сошлись в настоящем. Бездна призывала бездну. В наступившей духовной тишине неведомый мощный лучник со звоном натягивал тетиву диалектики. И тонко пели стрелы мысли...

Мировоззренческий водораздел

В самом ли деле линейная перспектива, кажущаяся современному человеку естественным и единственно правильным способом изображения, «выражает природу вещей и потому должна всегда и везде быть рассматриваема как безусловная предпосылка художественной правдивости? или же это есть только схема, при том одна из возможных схем изобразительности, соответствующая не мировосприятию в целом, а лишь одному из возможных истолкований мира, связанному с вполне определенным жизненным чувством и непониманием?»¹ – так ставит вопрос Флоренский, и это придает частной, эстетической, искусствоведческой и даже технической проблеме перспективы в древнерусской иконописи всеобщий, метафизический и, как мы увидим, трансцендентальный характер.

Прежде всего, благодаря такой постановке проблемы, линейная перспектива, столь привычная и естественная для современного человека, предстает у Флоренского как результат культурно-исторического развития. Она является художественным эквивалентом мировоззрения, которое синтезирует картину мира, в соответствии с требованием «перспективного единства», из одного единственного центра восприятия. Такое мировоззрение – «гумани-тарно-натуралистическое непонимание Возрождения», с характерной для него индивидуализацией общественной жизни. Углубленным философским выражением возрожденческого миропонимания является кантианство марбургской школы с его предельным субъективизмом, для которого, как иронично замечает Флоренский, «действительность существует лишь тогда и постольку, когда и поскольку наука соблаговолит разрешить ей существовать, выдав свое разрешение в виде сочиненной схемы... Утверждается же патент на действительность – только в канцелярии Г. Когена, и без его подписи к печати недействителен»². При таких мировоззренческих предпосылках задача искусства должна состоять не в символическом постижении вещей в их собственной сущности и онтологической значимости, а в создании иллюзии внешнего подобия вещей, изображения их такими, какими они должны казаться или выглядеть в апперцепции созерцающего субъекта – центра перспективного единства. «При этом (и – что самое опасное – бессознательно) предполагается само собою разумеющимся или где-то и кем-то абсолютно доказанным, что никаких форм в природе не существует, – не существует, как живущих каждая своим мирком, – ибо вообще не существует никаких реальностей, имеющих в себе центр и потому подлежащих **своим** законам, что посему все зримое и воспринимаемое есть только простой материал для наполнения некоторой общей, извне на него накладываемой схемы упорядочения, каковую служит канто-евклидовское пространство»³ Предмет в таком случае воспринимается и изображается не как имеющий свою особую **реальность**, а только как особая **ценность** для субъекта. Не случайно категория ценности, появляющаяся у Канта всего лишь на периферии его «Критик», у кантианцев становится одной из центральных. Эти-то ценности и должны располагаться в пространстве картины линейно, по ранжиру относительно воспринимающего субъекта – единственного реального центра перспективы, задающего всю «систему ценностей».

¹ Флоренский П.А. Обратная перспектива. // Флоренский П.А. Т. 2. У водоразделов мысли. М., 1990 – С. 48.

² Там же. – С. 59.

³ Там же. – С. 58.

Разумеется, что такое отношение (в том числе и художественное) к миру кажется естественным и единственно правильным не под влиянием субъективизма неокантианства. Скорее наоборот, неокантианство является лишь философским выражением определенной исторической ситуации. «Когда разлагается религиозная устойчивость мировоззрения, и священная метафизика **о б щ е – г о** народного сознания разъедается индивидуальным усмотрением **о т д е л ь - н о г о** лица с его **о т д е л ь н о й** точкою зрения, и притом с отдельною точкою зрения в **э т о т** именно данный момент – тогда появляется и характерная для отъединенного сознания перспективность»⁴. В античности подобная ситуация возникает в период разложения греческого полиса, «когда жизнь, удаляясь от глубинных истоков своих, течет мелкими водами легкого эпикуреизма, в атмосфере легковесней буржуазности греческих человечков, ... лишившихся ноуменальной глубины греческого гения и не успевших приобрести величественного размаха, вселенской по охвату, морально-политической мысли римского народа»⁵. Именно в это время, в театре, в качестве приема росписи декораций, появляется линейная перспектива, призванная создавать **иллюзию** реальности у неподвижно сидящего в зале зрителя. Однако в то время линейная перспектива вовсе не воспринимается как естественный и единственно правильный способ художественного постижения природы вещей; она была призвана решать «задачи иллюзионизма». Другое дело эпоха Возрождения, придающая «индивидуальному усмотрению отдельного лица» всеобщий характер. Идеологическим выражением такой индивидуализации является «канонизированность, вознесенность почти в область метафизическую, буржуазной цивилизации второй половины XIX века, т.е. кантовская, хотя бы и не прямо от Канта берущаяся, ориентировка»⁶. Возникнув как реализация духа Возрождения, подобная идеология начинает идеально подпитывать «пафос нового человека – избавиться от всякой реальности, чтобы «хочу» законодательствовало вновь строящейся действительности, фантазмагоричной, хотя и заключенной в разграфленные клетки»⁷. И в этом законодательствующем «хочу», не знающем границ, Флоренский не только улавливает истоки того, что сегодня называют «кризисом современной цивилизации». Необходимо иметь в виду еще и скрытый, едва уловимый подтекст «Обратной перспективы», написанный в эпоху торжества линейной перспективы уже не в искусстве, не в эстетических или философских трактатах, а в социально-политической жизни, протекающей под знаком «линии партии», проводимой в светлое будущее посредством произвола законодательствующего «хочу» из одного единственного центра перспективного единства. «То, что у марбужцев высказывается откровенно, – составляет д у х возрожденческой мысли, и вся история просвещения в значительной мере занята войною с жизнью, чтобы всецело ее придушить системою схем»⁸, – пишет Флоренский. И мы должны видеть в этих словах не только связь с эстетической проблемой, рассматриваемой в статье, но и непосредственно наблюдаемую автором тенденцию практической «войны с жизнью», «придушения» ее догматически, схематически воспринятым марксизмом. Абстрактное, теоретическое «заклучение» неокантианцами действительности в «разграфленные клетки» на глазах у Флоренского фантазмагорически оборачивалось вполне практической разграфленностью в клетку неба в окне тюремной камеры для всех несогласных с генеральной линией.

У предельного активизма есть и другая сторона, – как и все крайности, он переходит в свою противоположность. И это очень тонко вскрывает Флоренский. В самом деле, если действительность признается только за одним центром – единством апперцепции субъекта, то сам этот центр, будучи бесконечным источником трансцендентальной синтезирующей активности, должен быть неподвижным и бездейственным. Ведь последовательное проведение принципа перспективного единства требует, чтобы картина мира синтезировалась совершенно пассивным, созерцающим субъектом, который, во имя сохранения линейной перспективы, не должен сдвигаться из некой идеальной точки един-

⁴ Там же. – С. 50.

⁵ Там же. – С. 53.

⁶ Там же. – С. 56.

⁷ Флоренский П.А. Обратная перспектива // Флоренский П.А. Т.2. У водоразделов мысли. М., 1990 – С. 58-59.

⁸ Там же. – С. 59.

ства апперцепции. Да и нет ничего объективно существующего, относительно чего он мог бы сдвигаться – «вещь в себе» устранена как «непоследовательность» Канта, а пространство и время объявлены **категориями** мышления. «Художественные символы должны быть здесь перспективны потому, что это есть такой способ объединить все представления о мире, при котором мир понимается как единая, нерасторжимая и непроницаемая сеть канто-эвклидовских отношений, имеющих средоточие в Я созерцателя мира, но так, чтобы это Я было само бездейственным и зеркальным, неким мнимым фокусом мира»⁹. Иначе говоря, это Я, синтезирующее свою активностью картину мира, само должно быть абсолютно неподвижным и созерцающим, подобно перво двигателю Аристотеля, помещенному внутрь трансцендентального субъекта. Неокантианство как бы завершает процесс своеобразного опрокидывания, «выворачивания» **объективизма** античности в **субъективизм** Нового времени. Разработанная в платонизме схема космоса: **единое – ум – мировая душа – первоматерия** – в философии Нового времени, особенно у Канта, как бы «выворачивается» и проецируется на всю глубину человеческой субъективности так, что в **космосе человеческой души** самым глубинным моментом, соответствующим античному единому, оказывается **трансцендентальное единство апперцепции**, уму соответствует **рассудок**, мировой душе, опосредствующей в платонизме связь между идеями ума и первоматерией, соответствует **продуктивное воображение**, наконец, коррелятом античной первоматерии выступает данная в чувственности **«материя» ощущений**. Неокантианство, устранившее объективно существующую «вещь в себе», сделало по отношению к кантовской философии примерно то же, что христианство по отношению к античному платонизму. Устранение христианскими неоплатониками античной первоматерии привело к тому, что единое – как, впрочем, и вся платоновская триада – трансформировалось в супранатуралистического личного бога, творящего мир уже не из материи, а из ничего в соответствии со свободой собственной воли, собственного «хочу». Устранение же «вещи в себе» неокантианством придает такой же супранатуралистический характер единственного законодательствующего центра самосознанию субъекта, «творящего» реальность в соответствии лишь со своими хотениями. Однако результат в первом и во втором случаях противоположный: в первом случае рождается трансцендентный личный бог, во втором – место божественного «хочу» занимает «хочу» трансцендентального субъекта, и Ницше с полным основанием мог констатировать: «Бог умер!». Но и там и здесь мы имеем противоположные предельные варианты, **предельные точки удаления от реальности**: в одном случае, в виде трансцендентного абсолюта, в другом – в виде трансцендентального субъекта. Сама эта предельность удаления предполагает обратное движение к реальности этих разъятых половинок единого бытия, их синтез в каком-то новом мировоззрении, снимающем крайности объективизма и субъективизма и выражаемом в новой «конкретной метафизике». Но об этом позже. А пока вернемся к выявленной Флоренским диалектике перехода субъективистского активизма в свою противоположность – пассивность созерцания Я как «мнимого фокуса мира».

Сегодня, в эпоху ориентированной на массовое потребление «индустрии культуры», это пассивно созерцающее неокантианское Я обнаруживается в неподвижно сидящем часами перед экраном телевизора «массовом человеке», на которого многоканальными средствами коммуникации как будто бы сфокусирован весь мир. На самом же деле, подобный массовидный субъект, замкнутый в монадичной непроницаемости своего бесценного Я и желающий, чтобы его **оставили в покое**, объективно является тем самым «мнимым фокусом мира», о котором писал Флоренский. Мир, сфокусированный на такого человека, предварительно «разграфлен» по всем правилам «иллюзионизма» линейной перспективы на «клипы», «рейтинги», «хит-парады», «слоганы» и т.д. целыми «фабриками грез», выполняющими роль «канцелярии Г. Когена» – центра, осуществляющего «ценностную ориентацию» общества. При этом увеличение количества каналов трансляции лишь скрывает «иллюзионизм» массовой культуры, создавая видимость свободы выбора.

Таковы лишь некоторые практические следствия из возрожденческих мировоззренческих предпосылок, философски выраженных в субъективизме неокантианства.

⁹ Там же. – С. 92-93.

«Не трудно видеть, что эти предпосылки отрицают и природу и человека зараз, хотя и коренятся, по насмешке истории, в лозунгах, которые назывались «натурализм» и «гуманизм», а завершились формальным провозглашением прав человека и природы»¹⁰, – резюмирует Флоренский.

Субъективизму и «иллюзионизму» человека нового времени, считающего себя единственным центром «перспективного единства» Флоренский противопоставляет античного и средневекового человека, благодарно признающего и утверждающего реальность как в себе и вне себя объективную. Такой человек – «глубоко реалистичен и твердо стоит на земле, не в пример человеку новому, считающемуся лишь со своими хотениями и, по необходимости, с ближайшими средствами их осуществления и удовлетворения. Понятно отсюда, что предпосылками реалистического жизнепонимания были и всегда будут: есть реальности, т.е. центры бытия, некоторые сгустки бытия, подлежащие **с в о и м** законам, и потому имеющие каждый **с в о ю** форму»¹¹. Это понимание исходит не из Я, как единственного центра, а из признания таким центром каждой вещи, как если бы она обладала собственным, пусть неразвитым, единством апперцепции, подобно лейбницевским монадам. Каждая вещь – это сгущение Вселенной, ее попытка сосредоточиться на себе, и человек всего лишь наиболее удачная попытка, высшая сосредоточенность в осознании себя, мира и Бога. «И потому, – продолжает Флоренский, – формы должны постигаться по **своей** жизни, через **себя** изображаться, согласно постижению, а не в ракурсах заранее распределенной перспективы. И, наконец, самое пространство – не только равномерное бесструктурное место, не простая графа, а само – своеобразная реальность, насквозь организованная, нигде не безразличная, имеющая внутреннюю упорядоченность и строение»¹². Художественным эквивалентом такого миропонимания как раз и выступает средневековая русская икона с характерной для нее многоцентренностью в организации пространства. Пространство иконы обнаруживает свою собственную внутреннюю упорядоченность и упругость, выталкивающую из себя апперцепцирующее зрение субъекта, мнящего себя единственно реальным центром. Предметы и люди, находящиеся в этом пространстве, никак не желают принаравливаться к этой единственной точке восприятия. Напротив, они требуют считаться с их собственной центричностью, они как бы сами задают себе масштаб и ракурс. Поэтому на иконе, совсем как в библейских псалмах, «горы прыгают, как овны, и холмы, как агнцы». Пространство иконы организовано в некое «самозамкнутое целое» – «Мы не втягиваемся в это пространство; мало того, оно нас выталкивает из себя, как выталкивало бы наше тело ртутное море. Хотя и видимое, оно трансцендентно нам, мыслящим по Канту и Эвклиду»¹³. Благодаря такой самозамкнутости сжатого в себя духовного пространства иконы дается не иллюзия подобия жизни, а «символическое знаменование» ее глубочайшей реальности. Предметы изображаются здесь не столько как имеющие особую **ценность** по отношению к воспринимающему субъекту, задающему шкалу ценностей и масштаб изображения по степени приближения к самому себе, сколько как особые реальности, ценность и масштаб которых задаются вовсе не субъектом, а их собственной жизнью. И эта независимость от субъекта выражается в свойстве «духовного пространства» иконы: «чем дальше в нем нечто, тем больше, и чем ближе, – тем меньше. Это – обратная перспектива»¹⁴. Уходящие к горизонту параллели здесь всегда должны расходиться, и тем заметнее, чем значимее предмет, который требуется выделить.

Таким образом, для Флоренского, обратная перспектива – это не продукт непонимания перспективы линейной, а метод изобразительности, вытекающий из особого исторического типа мировоззрения, из своеобразного «восприимательного синтеза мира». За частной, как будто бы, проблемой противопоставления двух методов изобразительно-

¹⁰ Флоренский П.А. Обратная перспектива // Флоренский П.А. Т.2. У водоразделов мысли. М., 1990 – С. 58.

¹¹ Там же. – С. 59–60.

¹² Там же. – С. 60.

¹³ Там же. – С. 72.

¹⁴ Флоренский П.А. Обратная перспектива // Флоренский П.А. Т. 2. У водоразделов мысли. М., 1990 – С. 72.

сти скрывается противоположность двух исторических типов мировоззрения: субъективизм современной западноевропейской культуры, крайности которого А.Ф. Лосев, возможно под влиянием Флоренского, очень метко назвал «сплошной мировой хлестаковщиной», и объективизм средневековой и античной культуры.

Однако, в чем смысл такого противопоставления, такого «водораздела» двух исторических типов мировоззрения для самого Флоренского? Прежде, чем попытаться ответить на этот вопрос, необходимо рассмотреть еще один аспект «Обратной перспективы», как бы углубляющий выявленный мировоззренческий «водораздел».

Метафизика пространства и метафизика времени

Выявляя всеобщие мировоззренческие основания обратной перспективы, рассматривая ее не как продукт индивидуального незнания, неумения, недопонимания, а как проявление исторически определенных принципов мышления, «априорных» для индивидуального сознания, Флоренский осуществляет то, что Кант называл метафизической дедукцией. Но одновременно в «Обратной перспективе» совершается и нечто, напоминающее кантовскую трансцендентальную дедукцию. Чисто внешне это выражается в употреблении Флоренским терминов явно из лексикона трансцендентальной философии Канта: «схема», «воспринимательный синтез», «сгущенная синтетичность», «степень синтетичности», «трансцендентальная связь» и т.д.. Употребление этих терминов объясняется не столько критикой неокантианства, которая уже была рассмотрена нами, сколько той общей задачей, которая стоит перед нашим автором – установить связь между определенным историческим типом мировоззрения и «схемами изобразительности», выражающими данный «воспринимательный синтез мира». Такая постановка вопроса заставляет вспомнить кантовские трансцендентальные схемы синтеза воображения и предположить трансцендентальный характер тех схем, которые интересуют Флоренского.

Однако такое предположение может показаться безосновательным уже в начале в силу одного существенного обстоятельства, рознящего Флоренского и Канта. Самым глубоким и чувствительным нервом кантовской философии, дающим ключ к ее пониманию, является **время**. В метафизике же Флоренского ключевым является не время, а **пространство**. В примечании к «Обратной перспективе» он подчеркивает, «что вопрос о пространстве есть один из первоосновных в искусстве и, ... в миропонимании вообще»¹⁵. В противоположность кантианскому пониманию пространства как чего-то бесструктурного и пустого, что можно кроить и расчерчивать из единственного центра апперцепции на какие угодно «клеточки» и даже вообще редуцировать ко времени, он подчеркивает объективную структурированность пространства, его собственную центрированность и упругость. Отсюда критическое отношение Флоренского к линейным перспективным соотношениям, «основная функция каковых есть кантовское единство целокупного опыта, выражающееся в необходимости от каждого опыта переходить к другим и невозможности встретиться с областью самодовлеющей»¹⁶. Для него пространство как раз и обеспечивает встречу с объективной реальностью, – «областью самодовлеющей». Как объективная форма бытия мира и человека, оно пульсирует в бесконечном многообразии и многоцентренности. «Это именно: пространство абстрактное или геометрическое, пространство физическое и пространство физиологическое, причем в этом последнем, своим чередом, различаются пространство зрительное, пространство осязательное, пространство слуховое, пространство обонятельное, пространство вкусовое, пространство общего органического чувства и т.д., с их дальнейшими более тонкими подразделениями»¹⁷. Перед нами настоящая апология пространства, восстановление его прав, «попранных» в «кантианском единстве целокупного опыта». Но этого мало, кантовскому «единству целокупного опыта», основанному на времени, Флоренский совершенно сознательно противопоставляет свое понимание единства опыта, основанного на пространстве. Здесь необходимо иметь в виду, что рассматриваемая нами «Обратная перспектива» является разделом книги «У водоразделов мысли», посвященной проблемам «конкретной метафизики».

¹⁵ Там же. – С. 102.

¹⁶ Там же. – С. 73.

¹⁷ Флоренский П.А. Обратная перспектива. // Флоренский П.А. Т.2. У водоразделов мысли. М., 1990 – С. 93.

В своеобразном предисловии под названием «Философская антропология», предвещающей следующую за ним «Обратную перспективу», Флоренский пишет: «Особливость различных восприятий должна быть в соответствии с метафизическими линиями мира. Метафизические плоскости спайности бытия выражаются в своеобразиях психологического устройства нашего опыта»¹⁸. Как видим, речь идет, как и у Канта, о своеобразии «устройства нашего опыта», но в основе этого своеобразия лежит не время, а пространство – некие «метафизические линии мира», которые мы запоем, поскольку скоро встретим их у Канта при весьма странных обстоятельствах. И в единстве, «спайности» этого опыта, по Флоренскому, выражается пространственная, объективная «спайность» неких «метафизических плоскостей» бытия. Само собою разумеется, что это опыт уже не **внепространственного, самодовлеющего сознания**, как у Канта, а вполне **пространственного человека, обладающего сознанием**. И так понимаемая целокупность опыта должна быть предметом рассмотрения не просто философии, но философской антропологии, поскольку «антропология не есть самодовлеемость уединенного сознания, но есть сгущенное, представительное бытие, отражающее собою бытие расширенно-целокупное: микрокосм есть малый образ макрокосма, а не просто что-то само в себе»¹⁹.

При такой явно выраженной противоположности **метафизики пространства** Флоренского и **метафизики времени** Канта насколько обоснованно говорить о трансцендентальности первой, т.е. давать ей характеристики, обычно связываемые со второй? Попробуем обосновать это, предположив, что в самой противоположности подхода Флоренского и Канта (но не кантианцев) к проблеме единства опыта и, выражающих это единство, схем проявляются **«водоразделы» генезиса человеческого мышления**.

Начнем с Канта и его «коперникианского переворота» в философии, как известно, состоявшего в том, что «солнцем», вокруг которого должна была вращаться интеллектуальная вселенная, ее активным законодательствующим центром становился субъект мышления. Переворот этот, совершенный по всем правилам (с установлением диктатуры разума и гильотиной – критикой), Кант с полным правом называл «революцией в способе мышления». Средоточием этой мыслительной революции, ее наиболее концентрированным выражением явилось открытие «трансцендентальных схем» категориального синтеза сознанием своего предмета посредством продуктивного воображения. Схемы эти – своеобразные временные «технологии» производства сознанием предметности, или того, что сам Кант называл «предметом вообще». Природа этих схем могла бы стать поводом для особого и отдельного разговора. Здесь же нас будет интересовать лишь один вопрос: **всегда ли трансцендентальные схемы человеческого сознания были временными?** Можно поставить его и по другому: **должны ли они быть только временными, или возможны и другие?** В частности, какими были схемы сознания до той «революции в мышлении», о которой писал Кант, и была ли им присуща та трансцендентальность, которая есть у временных схем? Вопросы эти напрашиваются при чтении Канта даже без влияния Флоренского, стоит только усомниться в возможности кантовской редукции пространства ко времени, т.е. в том, что «чистый образ всех предметов чувств вообще есть время»²⁰. Пытаясь ответить на них, необходимо предположить возможность пространственных схем мышления, предшествовавших временным (или сосуществующих с ними). Но тогда возникают новые вопросы: как и где можно обнаружить эти схемы, и какие черты должны быть им присущи? Ну а какие черты присущи кантовским временным схемам?

Кантовские временные трансцендентальные схемы призваны опосредовать применение категорий к явлениям и поэтому являются одновременно и чувственными и интеллектуальными. Эти схемы, лежащие в основе образования любого понятия, Кант, в силу их двойственной природы, называет парадоксально – «чистыми чувственными понятиями». Однако эти «чувственные понятия» ни в коем случае нельзя понимать как чувственный образ предмета, ибо они означают лишь правило синтеза, представление об общем способе, каким воображение доставляет понятию образ. Многократно подчерки-

¹⁸ Там же. – С. 34.

¹⁹ Там же.

²⁰ Кант. Критика чистого разума. // Кант. Соч. в 6-ти томах, Т. 3. М., 1964 – С. 224.

вая эту несводимость трансцендентальной схемы к образу чего-либо реально существующего, Кант указывает, что «она представляет собой лишь чистый, выражающий категорию синтез сообразно правилу единства на основе понятий вообще, и есть трансцендентальный продукт воображения, касающийся определения внутреннего чувства вообще, по условиям его формы (времени) в отношении всех представлений, поскольку они должны априори быть соединены в одном понятии сообразно единству апперцепции»²¹. Но в таком случае, предполагаемые пространственные трансцендентальные схемы так же должны пониматься как «чувственные понятия»; они также не должны сводиться к образу предмета, т.е. должны быть образно непредставимыми правилами синтеза сознанием предмета. Но если по отношению к временным схемам эта образная непредставимость как-то понятна, поскольку, по Канту, время это внутренне чувство, то, как возможна такая непредставимость пространственных схем? Ведь пространство **воспринимается** нашими внешними чувствами.

Послушаем теперь Флоренского, анализирующего средневековую икону как эмпирический факт истории сознания. Рассматривая средства иконописной изобразительности, при помощи которых достигается эффект обратной перспективы, он, в частности, выделяет такое средство как «линия разделки», выделяемые особым цветом. «Этим подчеркиванием цвета линий разделки мы хотим сказать, – пишет Флоренский, – что иконописец сознательно обращает на нее внимание, хотя **она не соответствует ничему физически зримому**, т.е. какой-нибудь аналогичной системе линий на одежде или седалище, например, **но есть лишь система линий потенциальных, линий строения данного предмета**, подобных, например, линиям силы электрического или магнитного поля, или системам эквипотенциальных или изотермических и тому подобных кривых. Линии разделки выражают **метафизическую схему данного предмета**, динамику его, с большею силою, чем видимые его линии, **но сами по себе они вовсе невидимы** и, будучи начертанными на иконе, **составляют**, по замыслу иконописца, **совокупность заданий созерцающему глазу, линии заданных глазу движений при созерцании им иконы**»²² (выделено мною – Г.П.). Не правда ли, похоже на кантовские «чувственно-сверхчувственные» трансцендентальные схемы? И характеристики у них такие же парадоксальные: будучи зримыми, они, тем не менее, «не соответствуют ничему физически зримому», т.е. не сводятся к образу предмета; будучи видимыми на иконе, они, в то же время, «сами по себе вовсе невидимы»; наконец, так же, как кантовские схемы, «метафизические схемы» Флоренского выражают активность нашего сознания, «совокупность заданий» движения созерцающему глазу. Все это так, однако, с той существенной разницей, что в одном случае, у Канта, выделяется **временной момент активности**, а в другом, у Флоренского, – **пространственный**.

Но тогда почему бы не предположить, что, в историческом развитии сознания, трансцендентальные схемы, открытые Кантом, до того, как стать временными, были пространственными. Для подтверждения этой гипотезы стоит повнимательнее присмотреться к «революционным» кантовским схемам. Ведь после революции всегда остаются «родимые пятна» прошлого. Может быть такие «пятна» обнаружатся и на них? Нам тем легче будет сделать это, что такие «пятна» на своих временных схемах обнаружил сам Кант. «Пятна», как вы понимаете, явно пространственного происхождения. Они начинают проступать уже в «Трансцендентальной эстетике», где Кант, рассматривая пространство и время как априорные формы чувственности, утверждает, что первое может быть опосредствовано, а, в конечном счете, и сведено ко второму, ибо, если пространство есть чистая форма лишь внешнего созерцания, то время является априорным формальным условием всех явлений вообще. «Оно есть непосредственное условие внутренних явлений (нашей души) и тем самым косвенно также условие внешних явлений»²³. Но здесь же он замечает, что поскольку время как внутреннее чувство не имеет никакого внешнего вида, «мы стараемся устранить этот недостаток с помощью аналогий и представляем времен-

²¹ Кант. Критика чистого разума // Кант. Соч. в 6-ти томах, Т. 3. М., 1964 – С. 223-224.

²² Флоренский П.А. Обратная перспектива // Флоренский П.А. Т.2. У водоразделов мысли. М., 1990 – С. 47.

²³ Кант. Критика чистого разума. // Кант. Соч. в 6-ти томах, Т. 3. М., 1964. – С. 138.

ную последовательность с помощью бесконечно продолжающейся линии»²⁴. Как будто бы речь здесь идет всего лишь о том, как представить время по аналогии с проведением линии в пространстве. Но вот Кант переходит к трансцендентальной дедукции категорий, к синтезу чувственности (т.е. времени, как внутреннего чувства) и рассудка. И здесь обнаруживается, что связь между временем и пространством гораздо более глубокая, чем представление о ней с помощью аналогий, что пространство напоминает о себе и не хочет сводиться ко времени. Снова и снова возвращается Кант к этой теме и образ линии, проводимой в пространстве, уже не кажется ему простой аналогией, а обнаруживает более глубокий смысл, так что «и даже время мы можем **мыслить** не иначе, как обращая внимание при **п р о в е д е н и и** прямой линии (которая должна быть внешне фигурным представлением о времени) исключительно на действие синтеза многообразного»²⁵ (выделено мною – Г.П.). Кстати, о линии, которую обнаруживает Кант при попытке **мыслить** чистое время. Я надеюсь, вы еще не забыли «метафизические линии мира», которые у Флоренского выражаются в своеобразиях «устройства нашего опыта». Подозреваю я, что линия, на которую «наткнулся» Кант, находится в самом тесном родстве с линиями Флоренского. Более того, я, почти убежден, что она является «прародительницей» всех других «метафизических линий», поскольку представляет в нашем сознании неотъемлемые «права» пространства как объективной формы существования «предмета вообще».

И что же делает Кант, в самый разгар решения проблемы синтеза чувственности (времени) и категорий рассудка обнаружив «неподатливость» пространства, его несводимости ко времени? Он поступает гениально «непоследовательно», определяя получающийся первичный продуктивный синтез сознания совершенно пространственно – как **«фигурный синтез»**. Вдумайтесь только: решать проблему синтеза чистого времени и рассудочных категорий и получить синтез с пространственными параметрами – «фигурный синтез»! Но такова была логика объективного исследования, а ее Кант ставил выше интереса создания системы, в которой все концы сведены с концами. Тема «фигурного синтеза», открытого Кантом, также могла бы стать предметом особого разговора. Но здесь мы отметим лишь, что в этой «фигурности» первоначального синтеза сознания проступает его **изначальная предметность**. «Фигурный синтез» Канта сразу же заставляет вспомнить идею Спинозы о человеке как мыслящем теле, способном строить свое движение по форме, конфигурации любого другого тела. Очень не нравился этот пункт кантовской философии Гегелю. Но двум причинам. Во-первых, из-за непреодоленной (и непреодолимой, как оказывалось у Канта) предметности сознания, делающей невозможным чистый, абсолютный идеализм. Во-вторых, из-за участия в «фигурном синтезе» продуктивного воображения, которое у Канта никаким «правилам» не подчиняется, поскольку само создает правила. В своей большой «Логике» Гегель объявит все это неоправданным психологизмом и даже «психологическим идеализмом».

Однако нам сейчас важно то, что Кант с необходимостью обнаруживает на своих временных трансцендентальных схемах «родимые пятна» пространственности; более того, он буквально натывается на то, что сейчас называют континуумом пространства-времени. Эту континуальность, но уже не на уровне субъективности, как у Канта, а объективности, обнаружит и подчеркнет Гегель в своей «Философии природы». «В представлении пространство и время совершенно отделены друг от друга, и нам кажется, что существует пространство и, кроме того, **т а к ж е** и время. Против этого «также» восстает философия»²⁶. Позже Эйнштейн подхватит «знамя» этого философского восстания, или, как сказал бы М.Мамардашвили, экземплифицирует уже предварительно обработанное немецкой классической философией, интеллектуальное поле в теории относительности.

Но если временные схемы Канта обнаружили свою пространственную «родословную», то не обнаружат ли пространственные схемы «устройства нашего опыта» Флоренского, в свою очередь, «беременность» будущими временными схемами? Посмотрим, как характеризует Флоренский линии разделки на иконе, которые, как уже выяснилось, выражают «метафизическую схему данного предмета». «Эти линии, – пишет он, – схема воспостворения в сознании созерцаемого предмета, а если искать физические основы этих

²⁴ Там же. – С. 136.

²⁵ Кант. Критика чистого разума. // Кант. Соч. в 6-ти томах, Т. 3. М., 1964. – С. 206.

²⁶ Гегель. Наука логики. // Энциклопедия философских наук. Т. 1. М., 1974 – С. 52.

линий, то это – силовые линии, линии натяжения, т.е. иными словами – не складки, образующиеся от натяжения, **еще** не складки, но складки лишь в возможности, в потенции, – те линии, по которым легли бы складки, если бы стали складываться вообще. Нечертанные на дополнительной плоскости линии разделки выявляют сознанию структуривный характер этих плоскостей и, следовательно, помогают, не ограничиваясь пассивным созерцанием этих плоскостей, понять функциональное отношение таковых к целому...»²⁷. Не трудно заметить, что пространственные «метафизические схемы», открываемые Флоренским, имеют в себе временные характеристики, поскольку показывают, каким предмет **еще только может быть** в будущем времени, в потенции, как он мог бы развернуть свои возможности. Эту пространственность, протяженность времени на иконе Флоренский особенно хорошо характеризует в конце «Обратной перспективы», описывая эффект созерцания «сгущенной синтетичности» образа многоцентричной обратной перспективы. «При **созерцании** же картины, – пишет он, – глаз зрителя, следовательно проходя по этим характерным чертам, воспроизводит в духе уже **временно-длительный** образ играющего и пульсирующего представления, но теперь более интенсивного и более сплоченного, нежели образ от самой вещи, ибо, тут яркие разновременные наблюдаемые моменты даны в чистом виде, уже уплотненно, и не требуют затраты психических усилий на выплавку из них шлаков»²⁸. Если же представить себе картину, в которой идеально осуществлен принцип линейной перспективы, то здесь «временно-длительный образ», о котором пишет Флоренский, был бы невозможен, поскольку в пространстве такой картины выразилось бы всего лишь мгновение, запечатленное из одной единственной точки.

Однако нам сейчас важно отметить, что **если у Канта пространство в конечном счете выражается через время, то Флоренский показывает тот этап развития сознания, когда, наоборот, время еще выражается через пространственные схемы «устройства нашего опыта».**

История ранних этапов развития человеческого сознания, как и история становления мышления ребенка (на случайно, сам Флоренский проводит параллель между мышлением, выраженным в иконописи и мышлением ребенка) могла бы эмпирически подтвердить первоначальную пространственность трансцендентальных схем организации опыта сознания. В «Обратной перспективе» рассматривается уже развитая форма этого «пространственного» сознания, к которой ведет целый ряд исторических метаморфозов. И если ослепительные «линии разделки» рублевской «Троицы» – это наиболее развитая фаза этого метаморфоза, то исходной фазой здесь являются совсем другие «линии разделки» – линии разделки тела тотемного жертвенного животного. «Речь идет об осуществляемых мифологическим мышлением и действием операциях членения (анализ) и соединения (синтез) пространства, которые выявляются не только в результате научной реконструкции, но и реально и вполне осознанно используются носителями мифологического сознания в основном годовом ритуале на стыке старого и нового года; распаде старого мира [прежнего пространственно-временного (и вещного) континуума] – расчленение жертвы, понимаемой как образ этого мира; составление (соединение, синтезирование из частей, образовавшихся при распадении) нового мира – собирание воедино членов тела расчлененной ранее жертвы»²⁹.

Прежде чем развитое сознание начнет расчленять мир и синтезировать его по чистым временным категориальным схемам, архаическое сознание должно было научиться осмысливать **временные** изменения мира через **пространственное** расчленение и собирание этого мира, представляющего для него вполне конкретно, в виде тотемного жертвенного животного. (О значимости для первобытного сознания обряда расчленения и собирания тотемного животного см.:³⁰).

²⁷ Флоренский П.А. Обратная перспектива // Флоренский П.А. Т.2. У водоразделов мысли. М., 1990. – С. 47-48.

²⁸ Флоренский П.А. Обратная перспектива // Флоренский П.А. Т.2. У водоразделов мысли. М., 1990. – С. 101-102.

²⁹ Топоров В.Н. Пространство // Мифы народов мира. В 2-х томах, Т.2. М., 1982. – С. 341.

³⁰ Фрейдберг О.М. Миф и литература древности. М., 1978 – С. 34-42.

Возможно, в таком историческом порядке следования пространства и времени проявляется более общая закономерность развития. Бергсон, рассматривая «творческую эволюцию» вселенной, противопоставляет пространственное, «протяженное время» существующее миру механических объектов и мышлению о них, времени как «текучей длительности», характерному для мира живой природы. «Поэтому-то, – пишет он по поводу мышления об изолированных, стабильных механических системах, – возможно было бы предположить, чтоб поток времени промчался с бесконечной быстротой, при которой все прошлое, настоящее и будущее материальных предметов и отдельных систем сразу разместились бы в пространстве»³¹. Прошлое, настоящее и будущее здесь развернуты сразу, как веер, и какой-нибудь сверхчеловеческий разум, по Бергсону, мог бы вычислить и обозреть все моменты времени, как бы растворяя их в вечности и, тем самым, делая само время по существу «не нужным». Как мы сейчас увидим, не обязательно предполагать сверхчеловеческий разум для того, чтобы наблюдать описываемый Бергсоном эффект «пространственности времени» достаточно предположить сознание обыкновенного человека, включенного в систему отношений, строящихся по типу стабильных механических систем, описанных Бергсоном.

Но сначала еще одно мнение по этому поводу, относящееся уже к концу XX столетия. Оно принадлежит Илье Пригожину, одному из отцов синергетики, теоретику «неклассической науки» и «новой рациональности». Критикуя классическую науку за то, что она делала предметом изучения лишь «равновесные», механические системы, он делает очень интересное замечание по поводу восприятия познающим сознанием временных параметров таких систем. «Согласно известному выражению Эйнштейна, – пишет Пригожин, время является «иллюзией»: конечной целью классической науки было описание на некотором фундаментальном уровне, на котором время могло быть элиминировано»³². А вот как обосновывают «ненужность» времени при рассмотрении «равновесных» систем последователи И. Пригожина, ссылаясь на мэтра: «Уравнения механики не меняются при изменении знака времени на обратный, как говорят физики, они инвариантны относительно обращения времени. Изменение состояния классической механической системы, следовательно, может быть просчитано для любого момента времени в ее прошлом и ее будущем. Поэтому в классической науке время оказывается «забытым измерением», «вневременным временем», как выражается И. Пригожин ...»³³.

Нетрудно заметить, что размышления Пригожина, по существу, повторяют давние уже антимеханицистские интуиции Бергсона о «ненужности» времени в системах определенного типа и в отражающих подобные системы типах мировоззрения. Но мы не будем углубляться в проблему соотношения «классического» и «неклассического» типа рациональностей. Нам эти размышления нужны лишь для того, чтобы попытаться понять объективные предпосылки предшествования пространственных схем сознания временным схемам; обнаружить ту более общую форму развития, которая проявляется не только в природе, но и в человеческой истории.

Дело в том, что тот этап исторического развития мышления, который исследует Флоренский, соответствует докапиталистическим формам общества, экономической основой которых является **простое воспроизводство**. Такие общества, являясь в большей или в меньшей степени традиционными, как раз и представляют собой то, что на языке синергетики Пригожина называется «равновесной системой» (не случайно Пригожин стремится распространить закономерности синергетики на сферу человеческой истории, культуры и т.п.). Как мы уже сказали, не нужно предполагать «сверхчеловеческий разум», достаточно предположить сознание обыкновенного человека, включенного в подобного рода систему, чтобы наблюдать в таком сознании эффект уже «промчавшегося с бесконечной быстротой» времени, моменты которого «разместились бы в пространстве», «развернутые сразу, как веер», в вечности. Все это, так хорошо описанное Бергсоном, выражается в мифомышлении, характерном для традиционных обществ. «Мифологическое время. – Размышляет по этому поводу А.Ф. Лосев. – Нераздельная

³¹ Бергсон А. Творческая эволюция. С.-Петербург. 1914 – С. 14.

³² Пригожин И. Природа, наука, рациональность // Философия и жизнь. 1991, № 7. – С. 32.

³³ Там же. – С. 39.

слитность представлений времени и вечности. Время есть развернутая вечность, а вечность есть свернутое в одной точке, в одно мгновение время»³⁴. Как видим, перед нами временной «веер» вечности Бергсона.

Точно так же и обращаемость времени, «изменение знака времени на обратный», отмечаемые синергетикой для «равновесных систем» вообще, характерны для мифомышления. Здесь наблюдается «отсутствие вопроса о начале и конце времени, ... поэтому в мифологической картине мира все равно, откуда начинать действие и на какой точке его кончать»³⁵. Время здесь, совсем как у Бергсона, «разместилось в пространстве», поскольку не выступает в чистой и самостоятельной текучести, «которая дается здесь как бы составленной из отдельных рельефных сторон действительности, но изображаемых как бы на плоскости»³⁶. По мере разложения традиционных обществ и, соответственно, мифомышления происходит постепенное образование чистой абстракции времени. Причем, по Лосеву, процесс этот идет как бы по двум направлениям: с одной стороны, время выделяется из поглощающей его мифологической вечности (позже они снова сольются в единство противоположностей, но уже не на мифологической основе); с другой – время освобождается от «погруженности» в пространство, от наполняющих его пространственных вещей.

С таким, развитым уже пониманием и чувством времени имеет дело Кант, открывающий временной схематизм активности сознания. Этот схематизм, в свою очередь, свидетельствует о развившейся человеческой субъективности, в которой время как бы овнутряется, поскольку все его моменты связываются во всеобщности и полагаются единством апперцепции субъекта (не случайно Кант определяет время как «внутреннее чувство»). Время становится необходимым моментом **все новых продуктивных актов целеполагания**, присущих **расширенному воспроизводству**, которое сменяет простое, (репродуктивное) воспроизводство «равновесных» докапиталистических общественных систем. Цель, выраженная в идеальной форме, в каждом новом цикле расширенного воспроизводства как бы «вбрасывается» вперед, одновременно актуализируя и «снимая» моменты прошлого, настоящего и будущего времени (кантовские «временные схемы», спрятанные в категориях рассудка, как раз и выступают формами связи этих моментов). Кстати, **реальная возможность возникновения феномена утопии «как таковой»** появляется именно в эпоху расширенного воспроизводства. Сознание, работающее в постоянно возобновляющемся ритме «вбрасывания» идеально выраженной цели вперед, может не рассчитать усилий и «вбросить» цель так далеко, что момент будущего времени отрывается от моментов прошлого и настоящего, становясь, в силу этого, беспредпосылочным, неосновательным, функционирующим в превращенной форме. С другой стороны, трудно найти более основательную для своего времени, фундированную всем реальным социальным опытом античности вещь, чем «утопия» Платона. Вот почему, возникающий в Новое время феномен утопии «как таковой» и «утопия» Платона это совершенно разные вещи, несмотря на кажущееся внешнее сходство. Объединять их на основании такого сходства можно с таким же успехом, с каким можно было бы отнести **к одному виду** птиц, летучих мышей и птеродактилей, ссылаясь не на наличие у них крыльев и способности летать.

Флоренский же, как мы стремились показать, в отличие от Канта открывает предшествовавший временному схематизму **пространственный схематизм** объективистского мирозерцания.

Однако, когда мы противопоставляем пространственный схематизм сознания у Флоренского временному схематизму у Канта, то это нужно понимать с известной долей условности. Как уже выяснилось, и в том и в другом случае речь идет о **едином пространственно-временном континууме** организации человеческого опыта. Однако Флоренский исследует тот генетический пласт сознания, в котором еще **время выражается через пространство**. Мирозерцанием этого этапа развития сознания является объективизм. Кант же, исследующий более развитую субъективность, стремится **редуцировать пространство ко времени**. Что получилось из этой редукции, мы уже видели.

³⁴ Лосев А.Ф. Античная философия истории. М., 1977 – С. 195.

³⁵ Там же. – С. 33.

³⁶ Там же. – С. 41-42.

Наконец, может возникнуть еще одно сомнение в правомерности соотнесения кантовских схем сознания и пространственных схем, открываемых Флоренским. Смысл сомнения в том, что Кант ведь открывает свои схемы, анализируя **логическую способность суждения**, а Флоренский, как будто бы занимается **эстетической** проблематикой. По этому поводу можно сказать следующее.

Кант, действительно исследует тот исторический этап развития сознания, когда, как показывает Мишель Фуко, «западный разум вступает в эпоху суждения»³⁷. И совершенно не случайно он открывает свои временные категориальные схемы, анализируя «логические функции рассудка в суждениях». Флоренский открывает трансцендентальные пространственные схемы, исследуя **эстетические функции рассудка** в иконописи средневековой культуры. Средневековый мир – это не «эпоха суждений», это, по выражению А.Я. Гуревича, «культура безмолвствующего большинства»³⁸. Эта культура выражает себя наиболее адекватно в трансцендентальном безмолвии иконы. Разумеется, это вовсе не означает, что люди той эпохи не высказывали суждений. Однако, «в отличие от нашего времени, средневековое мышление отводило **с о - з е р ц а н и ю** выдающуюся роль в познании окружающего мира. По средневековым представлениям существуют два пути познания: путь логического мышления и путь созерцания. Логическому мышлению, преимущества которого достаточно очевидны, присущ однако, существенный недостаток. Оно идет от одной частности к другой путем логически строгих умозаключений, но при этом всегда остается в плену рассматриваемых частностей. Созерцание лишено этого недостатка. Оно дает картину целого, хотя и лишенную подробностей, но зато обладающую свойством полноты»³⁹, – пишет Б.В. Раушенбах. Картина целого, «обладающего свойством полноты», получается в иконописи благодаря нарушению «правил рисования» в линейной перспективе, которую Б.В. Раушенбах, в отличие от Флоренского, считает «естественным зрительным восприятием». Это нарушение «естественности» восприятия позволяет одновременно показывать «прямой и символический смысл» изображаемого на иконе и тем самым достигать такого целостного восприятия предмета, которое исключало бы дополнительные словесные **суждения** о нем.

Созерцание икон «должно дать возможность охватить в одном акте созерцания несколько событий, объединяемых **высшей сутью изображаемого**. Короче говоря, в идеале информация, получаемая на этом пути созерцающим икону человеком, должна быть настолько полной, чтобы сделать излишним устный комментарий к ней»⁴⁰ (подчеркнуто мною. – Г.П.), – пишет Б.В. Раушенбах. Таким образом, средневековое мышление апеллирует не столько к способности суждения индивида, сколько к разумному созерцанию, позволяющему непосредственно схватывать предмет в его целостности. «Поскольку на пути созерцания происходило познание мира, постольку икона а п е л л и р о в а л а к р а з у м у. В отличие от полотен нового времени, которое а п е л л и р у ю т к ч у с т в а м, призывают к сопереживанию, иконы звали к размышлениям, к постижению мира»⁴¹, – заключает Б.В. Раушенбах. Способность суждения здесь еще подчинена целостному созерцанию, она еще не обособилась в отдельное «ведомство», как это будет в «эпоху суждения», когда Кант именно на основании анализа этой способности откроет временной трансцендентальный схематизм сознания нового времени. Работа, которую проделал Кант, немислима по отношению к «дореволюционным» эпохам, поскольку здесь разум наиболее адекватно выражает себя в формах созерцания, и трансцендентальные схемы организации опыта этого сознания, носящие, как уже выяснилось, пространственный характер, могут быть выявлены **в анализе форм разумного созерцания**, что и сделал Флоренский.

³⁷ Фуко Мишель. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. С.-Петербург, 1994. – С. 96.

³⁸ Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М., 1990.

³⁹ Раушенбах Б.В. Иконография как средство передачи философских представлений. // Проблемы изучения культурного наследия. М., 1985 – С. 316.

⁴⁰ Раушенбах Б.В. Иконография как средство передачи философских представлений. // Проблемы изучения культурного наследия. М., 1985.

⁴¹ Там же.

Но если мы теперь посмотрим сквозь призму открытого Флоренским пространственного схематизма на кантовскую временную интерпретацию категорий⁴², то обнаружится, что каждую категорию можно развернуть не только в виде временной, как у Канта, но и в виде пространственной схемы. Этот-то пространственный трансцендентальный схематизм проявляется в эстетической, логической, религиозной и других функциях средневекового мышления. Мышления, разумеется, в широком, гегелевском смысле этого слова, как всеобщего во всех представлениях, воспоминаниях и вообще в каждой духовной деятельности, во всяком хотении, желании и т.д.⁴³

Итак, мы выяснили, что за частной как будто бы проблемой обратной перспективы Флоренский выявляет мировоззренческий и трансцендентальный водораздел двух генетически связанных фаз развития сознания. Но возникает вопрос, какой смысл для автора «Обратной перспективы» имеет обнаруженная противоположность, и по какую сторону этого водораздела он сам находится? Но ответом на этот вопрос должна быть уже другая статья.

Список литературы

1. Бергсон А. Творческая эволюция. С.-Петербург. 1914.
2. Гегель. Наука логики // Энциклопедия философских наук. Т. 1. М., 1974.
3. Гегель. Философия природы // Энциклопедия философских наук. Т. 2. М., 1975.
4. Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М., 1990.
5. Кант. Критика чистого разума // Кант. Соч. в 6-ти томах, Т. 3. М., 1964.
6. Лосев А.Ф. Античная философия истории. М., 1977.
7. Пригожин И. Природа, наука, рациональность // Философия и жизнь. 1991, № 7.
8. Раушенбах Б.В. Иконография как средство передачи философских представлений. // Проблемы изучения культурного наследия. М., 1985.
9. Топоров В.Н. Пространство // Мифы народов мира. В 2-х томах, Т.2. М., 1982.
10. Флоренский П.А. Обратная перспектива // Флоренский П.А. Т.2. У водоразделов мысли. М., 1990.
11. Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. М., 1978.
12. Фуко Мишель. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. С.-Петербург, 1994.

THE WORLD IN THE DIRECT AND REVERSE PERSPECTIVES (Reflexions on Florensky)

G. F. Peretyatkin

South federal University

e-mail: isrgu@mis.rsu.ru

The article discusses in the context of the modern philosophy the original theory of P. Florensky, a Russian classical author of the XXth century.

Key words: classical science, social functions of science, language, categorical structure.

⁴² Кант. Критика чистого разума // Кант. Соч. в 6-ти томах, Т. 3. М., 1964 – С. 224-226.

⁴³ Гегель. Наука логики // Энциклопедия философских наук. Т. 1. М., 1974. – С. 122.

ЛОГИКА, МЕТОДОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

УДК 130.2

РЕФЛЕКСИВНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СРЕДА ВУЗА: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Т. М. Давыденко¹⁾
И. А. Шумакова²⁾

*Белгородский
государственный
университет*

¹⁾ e-mail:
ViceRectorScience@bsu.edu.ru

²⁾ e-mail: Schumako-
va@bsu.edu.ru

Переход к информационному обществу в условиях интеграции наук и диалога культур меняет базовые образовательные ориентиры – от «образования на всю жизнь» – к «образованию через всю жизнь», к самообразованию. В связи с этим высшая школа ориентируется на подготовку специалиста, способного работать не на уровне действий и операций (когда цель задана и рефлексии не подлежит), а на уровне деятельности (когда цель освещается смыслом и у человека возникает возможность выбора). Речь идет не просто о повышении уровня образованности и самостоятельности выпускников вузов, а о формировании у них рефлексивных способностей, что требует создания особой образовательной среды.

Ключевые слова: образование, рефлексивная деятельность, высшее образование, субъект.

Составляющей процесса становления образовательной среды вуза, считают современные ученые, является рефлексивная деятельность. По мнению М.Полани, «не все то, что окружает..., является действительно средой развития. На этот процесс влияют только те условия, с которыми личность вступает в ту или иную действительную связь». В этом случае каждый творит собственное образовательное пространство как пространство вхождения в культуру сообразно своим индивидуальным особенностям. Среда воздействует на развитие индивида через деятельность.

Взаимоотношения субъекта со средой регулирует «событие как способ бытия» (М.М. Бахтин). Абстрактная категория «событие» обретает конкретное содержание в следующем ряде понятий: созерцание, сосредоточение, соотнесение, соизмерение, сопоставление, сомнение, сочувствие, сопереживание, сострадание, соучастие, содействие, создание, сотрудничество, совершенствование, согласие, сосуществование, соревнование, сохранение, согласование, соуправление, сообщение и др. Событийность есть способ постижения и завершения бытия-среды, утверждения и выявления его ценности, значимости для человека. Со-бытие является способом развития, формирования и социализации личности, поскольку оно дает возможность «обратиться к себе», «идти к себе», «быть собой».

Рожденная еще античной философией (Сократ, Аристотель, Платон) проблема рефлексии получила мощный импульс для своего развития в эпоху Возрождения, вместе с усилением внимания к человеку, его природе. Изначальное философское понимание

рефлексии сводилось к мыслительному процессу и к наблюдению за деятельностью души. Новое содержание понятие получает в эпоху Просвещения: принцип рефлексивности в философии становится мировоззренческим принципом. Дж. Локк определил рефлексию как источник чувственного, эмпирического познания, когда «наблюдения индивида направляются на внутренние действия сознания». Рефлексия по Дж. Локку – это «наблюдение ума, направленное на свою деятельность». Способность же ума разделяться на наблюдающего и наблюдаемого есть рефлексивная способность ума.

Источником высшего знания рефлексию называет Г. Лейбниц. Знания, которое является результатом абстрагирования и обобщения. «Мне кажется, – писал он, – что чувства не могут убедить нас без помощи разума в существовании чувственных вещей. Поэтому я готов подумать, что идея бытия происходит из рефлексии»¹ Далее, в работах Дж. Локка и Г. Лейбница понятие «рефлексия» приняло психологический оттенок и в большей степени, чем ранее, стало отражать самопознание. Предмет и процесс рефлексии оказались в пространстве одного психического явления – сознания.

Дальнейшие исследования были направлены на дифференциацию самого мыслительного акта и разведение предмета рефлексии и процесса рефлексии, на описание их с различных методологических позиций.

И. Кант заложил основы рефлексивного мышления, моделирующего или творящего понятия и образы, причем моделирование происходит при наличии исходного материала. В его работах рефлексия приобрела гносеологическую форму и стала рассматриваться как форма познания. В «Критике чистого разума» сознание рассматривается как источник рефлексии: «Все суждения и даже сравнения, – писал И. Кант, – требуют рефлексии, то есть различение той способности познания, которой принадлежат данные понятия»². Он отрицает точку зрения на сознание как на предмет рефлексии: «...существуют два основных ствола человеческого познания, вырастающие, быть может, из одного общего, но неизвестного нам корня, а именно чувственность и рассудок; посредством чувственности предметы нам даются, рассудком они мыслятся»³.

В рамках нашего исследования важны мысли Г. Гегеля о том, что при помощи рефлексии человек способен перейти из сферы необходимого в сферу свободы. В мышлении рефлексии отводится место поиска основания. Рефлексия, по мнению философа, необходима для перехода от действия к понятию и разотождествления понятия. Рефлексия умирает в ходе формулирования решения, так как определенность желания снята и положена в решение. В ней сопоставляется все то, что принадлежало моментам пожелания. Мыслитель определял рефлексию как движение «от ничто к ничто», как «такое движение, которое, будучи возвращением, впервые лишь в этом возвращении есть то, что начинается, или то, что возвращается. ... рефлексивное движение, стало быть, следует понимать как абсолютный обратный толчок внутрь самого себя»⁴. Полагаем, именно Г. Гегель первый осмыслил рефлексию не только как категорию мышления, но и как эмоционально-личностную категорию. Отметим тот факт, что в трудах И. Фихте и Г. Гегеля подчеркивается процессуальность рефлексии, ее динамичность и возможность выхода за пределы непосредственного восприятия ко всеобщему созерцанию.

Представитель прагматизма, Дж. Дьюи, обосновал новое понимание рефлексии – как морали, суть которой в способности человека к саморегуляции поведения с опорой на свою индивидуальную шкалу ценностей и интересов. Ученый видел в рефлексии «инструмент» приспособления человека к среде, средство достижения успеха и характеризовал рефлексию как «оценку оснований собственных убеждений»⁵. Рефлексивный человек, по мнению философа, имеет «активное, настойчивое, тщательно рассматриваемое верование или суммы знаний в свете тех основ, на которых они зиждутся, и разрабатывает дальнейшие собственные заключения»⁶.

¹ Лейбниц Г.В. Новые опыты о человеческом разуме. – М., 1996. – 484 с.

² Кант И. Критика чистого разума. – М.: Мысль, 1994. – С. 442-513.

³ Там же.

⁴ Гегель Г. Сочинения в 6 т. – Т.5. – М.: Наука, 1993. – 715 с.

⁵ Дьюи Дж. Психология и педагогика мышления. (Как мы мыслим) / Пер. с англ. Н.М. Никольской; Ред. Ю.С. Рассказова. М.: Лабиринт, 1999. – 192 с.

⁶ Там же.

Представители Московского методологического кружка (В.А. Лефевр, М.К. Мамардашвили, Г.П. и П.Г. Щедровицкие), продолжая традиции философов античности, эпохи Возрождения и Нового времени, осуществили анализ рефлексии и разработали методологию организации мышления в рамках теории деятельности. В их суждениях удерживались два аспекта:

- изображение рефлексии как процесса и особой структуры деятельности;
- определение рефлексии как принципа развертывания схем деятельности.

Принципиальной трактовкой рефлексии в трудах В.А. Лефевра, М.К. Мамардашвили, Г.П. и П.Г. Щедровицких стало понимание рефлексии через категории «смена позиции» или «рефлексивный выход» (см. далее). Кроме того, впервые рефлексия стала рассматриваться как средство управления изменением, развитием систем деятельности. Современная философия сущность рефлексии в основном сводит к трем процессам – компонентам содержания самой рефлексии: первое, рефлексия – это процесс обращения назад; второе – это процесс самопознания субъектом внутренних психических актов, состояний, качеств; третье – это осмысление индивидом социальных реалий в процессе социализации на основе жизненного опыта.

Теоретические предпосылки для исследования рефлексии в психологии были заложены С.Л. Рубинштейном в 30-40-е годы прошлого века. Характеризуя два основных способа существования человека, и соответственно, два отношения его к жизни, он указывает, что при первом способе существования «человек весь внутри жизни, всякое его отношение – это отношение к отдельным явлениям, но не к жизни в целом. Отсутствие такого отношения к жизни в целом связано с тем, что человек не выключается из жизни, не может занять мысленно позицию вне ее для рефлексии над ней. Второй способ существования связан с появлением рефлексии. Она как бы приостанавливает, прерывает этот непрерывный процесс жизни и выводит человека мысленно за ее пределы, человек как бы занимает позицию вне ее»⁷. Таким образом, для С.Л. Рубинштейна рефлексия и ее возможность обусловлены определенным уровнем развития человеческого сознания.

В.И. Слободчиков, характеризуя суть рефлексии, подчеркивает, что само понятие рефлексии означает всякое высвобождение сознания из любой поглощенности; ... процесс рефлексирования есть некоторый путь установления человеком собственного существования, который не есть наперед или окончательно данный. Психологические исследования интересуют нас с точки зрения раскрытия механизма возникновения рефлексии. В ситуации конкретной деятельности исходными импульсами для возникновения рефлексии являются: невозможность осуществлять деятельность в соответствии с существующими нормами, неуспех в деятельности, несоответствие результатов поставленным целям, отсутствие нужного материала и т.д. Это порождает разрыв между компонентами деятельности, ее приостановку и включение механизмов осознания. В.М. Розин подчеркивает, что рефлексивная деятельность направлена на преодоление «ситуации разрыва», на решение задач, для которых не срабатывают традиционные способы и средства.

Понимание механизма возникновения рефлексии очень важно не только для психологии, но и для педагогики. Здесь процесс рефлексии рассматривается, прежде всего, в связи с учебной и педагогической деятельностью. Так, О.С. Анисимов связывает процесс профессиональной педагогической рефлексии с нахождением новой нормы:

1 этап: анализ деятельности;

2 этап: критика предшествующей деятельности на основе анализа;

3 этап: поиск новой нормы деятельности. Новая норма позволяет выйти из рефлексии и продолжить прерванную деятельность.

Вариантов выхода при поиске новой нормы может быть несколько. Если индивид находит ее при обращении к уже известным образцам культуры, то он осуществляет акт воспроизводства, а это не ведет ни к развитию культуры, ни к развитию самого индивида. «Тот кто повторяет, – не учится», – утверждает Г. П. Щедровицкий⁸. Другой

⁷ Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – СПб.: Питер, 2001. – 720 с.

⁸ Щедровицкий Г.П. Очерки по философии образования – М.: Педагогический центр «Эксперимент», 1993. – С. 52.

тип выхода основан на творческом поиске, что способствует развитию самого субъекта и культуры в целом. Выходит, рефлексующий человек обращен к культуре, способен на преобразующую деятельность, на саморазвитие. Он меняется внутренне, меняется его отношение к окружающей среде, его деятельность, а, значит, и сама среда. Г.П. Щедровицкий утверждает, что функция рефлексии как раз заключается в том, чтобы построить новую деятельность, выделить в ней «какие-то новые образования, которые могли бы служить средствами построения новых процессов деятельности». Выделенные рефлексией образования оформляются в виде «новых объективных средств деятельности», после чего возможно их усвоение. Получается, что успешная учебная деятельность является рефлексивной. Что касается педагогической деятельности, то здесь будет уместно привести точку зрения А.А. Бизяевой, подчеркивающей значимость рефлексии для педагогической деятельности в силу ее исследовательского, нерегламентированного характера. Действительно, процесс гуманизации, пронизывающий деятельность современной высшей школы, требует повышенной рефлексии сознания в познании человеком самого себя и повышенного чувства ответственности за другого человека. Следует также отметить, что педагогическую рефлексия (под которой в общем случае понимают соотнесение себя, возможностей своего «Я», своей деятельности с тем, чего требует избранная профессия педагога, в том числе, с существующими о ней представлениями) можно рассматривать как всеобщее качество, поскольку каждый человек – педагог, хоть и не всегда профессиональный (Б.З. Вульф). Эта мысль придает педагогической рефлексии особую актуальность.

Особенностью педагогической рефлексии является ее направленность на духовный самоанализ. Педагогическая рефлексия не может быть заполнена или компенсирована кем-то извне. Отсутствие или недостаточная сформированность педагогической рефлексии делает учителя полностью зависимым от внешних факторов – стимулов, обстоятельств, воздействий, превращают его в функционера и исполнителя чужой воли, а его деятельность превращается в процедуру, «псевдодеятельность». Рефлексия сопротивляется насильственному воздействию. Она по природе самостоятельна. Рефлексия содействует тому, что свобода приобретает характер необходимости, потребность понять себя в происходящем и происходящее в себе. Поэтому обучение будущего педагога рефлексии – есть важнейшее средство формирования культуры деятельности и культуры мышления педагога, путь реализации гуманистической парадигмы образования.

Понятие «рефлексивная образовательная среда» в педагогике ново и недостаточно изучено. Одно из определений дано А.А. Бизяевой и Г.Г. Ермаковой. Исследователи под рефлексивной средой понимают систему условий развития личности, открывающую последнюю возможность самоисследования и самокоррекции социально-психологических и профессиональных ресурсов. Основной функцией подобного рода среды исследователи называют «способствование возникновению у личности потребности в рефлексии». Данное определение вполне применимо и для рефлексивной образовательной среды с поправкой на педагогические ресурсы.

Авторы подметили важную черту рефлексивной среды – ее вариативный характер, возможность выбора, в которой должны находиться ее субъекты.

В работе мы находим следующую ценную для нас мысль: рефлексия способствует достижению соразмерности среды и существования личности. Возможности, условия, способы деятельности, отношения, которые развивает преподаватель и студент, являются параметрами данной среды, которые складываются в результате усвоения культуры через личный опыт. При этом встает вопрос о функционировании среды, в которой личность, проходя «образовательный цикл», развивается и которая сама представляет собой динамическую структуру. Поскольку рефлексия понимается как «общий принцип существования, реализующий фундаментальную способность человека быть в практическом отношении к условиям своей жизни, а не сливаться с ними», в рефлексивной среде и преподаватель, и студент выступают в роли субъектов, которые могут вынести из нее лишь то, что им необходимо; каждый имеет возможность изменять образовательную среду, вносить в нее то новое, что сформировалось в результате рефлексии.

Проведенный психолого-педагогический анализ по исследуемой проблеме позволил выделить особенности рефлексивной образовательной среды:

- 1) рефлексивная образовательная среда соразмерна развивающейся в ней личности;
- 2) преподаватель и студент в ней выступают в роли субъектов;
- 3) организация в ней носит социально-личностный характер;
- 4) в ней обязательно должно быть внутреннее противоречие или субъективное затруднение (связанное с педагогической или учебной деятельностью самого субъекта);
- 5) рефлексивная образовательная среда представляет собой совокупность внешних и внутренних условий;
- 6) рефлексивная образовательная среда культуросообразна, поскольку именно в ней возможно переосмысление старых и создание новых культурных норм в процессе образования;
- 7) рефлексивная образовательная среда вариативна.

Студент и преподаватель имеют возможность строить образовательную среду на основе своих потребностей и в соответствии со своим направлением развития. Поэтому для рефлексивной образовательной среды не характерно наличие навязанных извне и жестко регламентированных методов работы и программ.

8) Рефлексивная образовательная среда предполагает выбор таких обучающих методик, в которых упор делается не на содержание, а на способы деятельности педагога и студента.

9) Любая деятельность ее субъектов, в том числе и педагогическая, является креативной и исследовательской.

10) Рефлексивная образовательная среда направлена на формирование у ее субъектов всех видов рефлексии и развитие всех четырех ее уровней.

Выделенные сущностные характеристики и особенности позволяют нам дать определение рефлексивной образовательной среде как совокупности внешних и внутренних педагогических условий, в которых осуществляется активное формирование культуры педагогической деятельности, то есть, возникает возможность выбора личностью целей, содержания и методов самообразования и саморазвития, происходит изменение представлений о себе как о личности и профессионале.

Главная цель рефлексивной образовательной среды вуза – «ввод» студента в культуру, осмысление культурных норм и образцов, создание на основе их переработки новых.

Таким образом, рефлексивная образовательная среда – это прежде всего пространство свободы, главный признак гуманистического образования. Рефлексивная образовательная среда позволяет приобретенные методы классического образования творчески переносить на конкретную ситуацию. Чужие методики приобретают личностные черты субъекта, становятся его сущностью и ориентируют будущего учителя в области культуры.

Список литературы

1. Бизяева А.А. Рефлексивные процессы в сознании и деятельности учителя: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. – С.-Петербург. – 1993. – 23 с.
2. Гегель Г. Сочинения в 6-и т. – Т.5. – М.: Наука, 1993. – 715 с.
3. Дьюи Дж. Психология и педагогика мышления. (Как мы мыслим) / Пер. с англ. Н.М. Никольской; Ред. Ю.С.Рассказова. М.: Лабиринт, 1999. – 192 с.
4. Кант И. Критика чистого разума. – М.: Мысль, 1994. – С. 442-513.
5. Лейбниц Г.В. Новые опыты о человеческом разуме. – М., 1996. – 484 с.
6. Локк Дж. Опыт о человеческом разумении // Соч. в 3-х т. Т. 1. – М., 1985. – 621 с.
7. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – СПб.: Питер, 2001. – 720 с.
8. Слободчиков В.И. Становление рефлексивного сознания в раннем онтогенезе // Проблемы рефлексии: современные комплексные исследования. – Новосибирск, 1987. – С. 60-68.
9. Щедровицкий Г.П. Очерки по философии образования – М.: Педагогический центр «Эксперимент», 1993. – С. 52.

REFLEXIVE SCIENTIFIC AND EDUCATIONAL FIELD OF THE HIGH SCHOOL: METHODOLOGICAL PROBLEMS

T. M. Davydenko¹⁾
I. A. Shumakova²⁾

*Belgorod State
University*

¹⁾*e-mail:*
ViceRectorScience@bsu.edu.ru

²⁾ *e-mail: Schumako-
va@bsu.edu.ru*

The transit towards the information society in the context of integration of sciences and cultural dialogue changes basic educational landmarks from “education-for-the-life” to “education-through-life” or self-education. In this regard, the high school aims at training the specialists who are able to work not on the level of actions and operations (when the goal is pre-formulated and free of reflexion), but on the level of activity (when the goal is under reflexion and person has the freedom of choice). It takes upon not only the development of accomplishments and self-consistency of high school graduates but also the formation of reflexive abilities which requires a specific educational field.

Key words: education, reflexive activity, high education, subject.

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

УДК 1/14:601

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ОГРАНИЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ТЕХНИКИ

О. Д. Гаранина¹⁾
И. В. Усик²⁾

*¹⁾ Московский
государственный
технический университет
гражданской авиации*

*e-mail:
sinekrasov@mail.ru*

*²⁾ Московский
государственный
технический университет
гражданской авиации*

В статье рассматривается структура человеческого фактора и его влияние на безопасность технической деятельности. Выделены и охарактеризованы индивидуально-личностная, социально-личностная, профессиональная и социально-средовая компоненты человеческого фактора. Сформулировано определение антропологических ограничений и антропологической меры безопасности техники. Определены методологические проблемы междисциплинарного исследования физиологических, психологических и социальных возможностей человека при конструировании и эксплуатации новой техники.

Ключевые слова: методология технического знания, безопасность техники, человеческий фактор, антропологические ограничения безопасности техники, инженерная психология, эргономика.

Познание и овладение силами природы в интересах человека предполагают не только гармонизацию научно-технического и социального развития – подчинение научно-технических изменений гуманным социальным целям, но и рост уровня знаний о самом человеке, его реальной ограниченности и потенциальных возможностях.

Актуальность исследования социально-антропологических основ безопасности техники (поиск ответа на вопрос о том, как возможна безопасная техника) обусловлена необходимостью обеспечения безопасности человека в технической реальности, поскольку технические конструкции должны функционировать без угрозы для жизни и здоровья субъекта технической деятельности. Внутреннее противоречие безопасности техники состоит в единстве двух аспектов: содержание первого составляет отсутствие угроз человеку со стороны техники, второй аспект предполагает отсутствие угроз для техники со стороны человека. В рамках первого аспекта основное внимание уделяется технико-технологическим параметрам технических конструкций, проектирование, конструирование и эксплуатация которых не должны наносить вред человеку и соответствовать его биопсихосоциальным характеристикам. Второй аспект связан с анализом причин ошибочных действий субъекта технической деятельности. Вместе с тем, и в том и в другом случае речь идет о выяснении пределов безаварийного функционирования техники, о возможности ее соответствия, адекватности структурным характеристикам субъекта, который выступает связующим звеном указанных аспектов. Поэтому проблема безопасности техники в философии предполагает исследование содержания человеческого фактора, деструктивное влияние которого в настоящее время рассматривается как угроза существованию не только технического, но и других компонентов социального бытия.

В техногенной реальности люди, создавая сложные технические конструкции, нередко забывают об ограниченности своих социальных и психофизиологических возможностей, воплощенных в созданные ими образцы техники и налагающих определенные границы обеспечению их безопасности. Безопасность не может быть безграничной, она всегда существует в определенном пространстве человеческих параметров. Методологически важно выяснить содержание этого пространства, выявить те его характеристики, которые выступают основой возникновения опасности или, наоборот, детерминируют ее отсутствие при взаимодействии человека и техники. В настоящее время, в эпоху экспансии технических инноваций, вопрос о биологической, психологической, социально-профессиональной и иной ограниченности человека, его трудностях в овладении техническим прогрессом, в создании социально-конструктивной базы технической деятельности в новых условиях волнует и ученых и общественность. Практическая потребность в определении места социально-антропологических компонентов в системе факторов, обуславливающих безопасное функционирование технических объектов, методологическом обосновании ограниченности человеческих возможностей в обеспечении безопасности взаимодействия человека и техники выводит исследуемую проблему на передний край научного поиска.

Главная задача, стоящая в настоящее время перед учеными различных отраслей знания в рамках обеспечения безопасности технической деятельности людей, заключается в том, чтобы не человека приспособлять к создаваемой технике, а предварительно разрабатывать проект деятельности человека во вновь создающихся технических системах и на основе этого проекта определять требования к техническим устройствам, которыми будет управлять человек. Только в этом случае можно сделать его труд безопасным и эффективным.

Однако решение проблемы рационального сопряжения человека и техники наталкивается на целый ряд трудностей. Основной трудностью является то, что мы еще не располагаем точными знаниями о физиологических, психических и социальных возможностях человека, который включается в контур функционирующей технической системы. Но, с другой стороны, именно при работе в этих системах выявляются как ранее неизвестные возможности, так и «ограничения» в функционировании человека как звена системы. Особенно это относится к так называемым «острым профессиям» (например, труд летчика, машиниста железнодорожного транспорта, авиационного диспетчера и других операторов). Еще М.Хайдеггер предостерегал, что к технике невозможно относиться безразлично, как к инструменту, что у техники есть свои претензии к человеку – к тому, каким он должен быть, чтобы наилучшим образом отвечать ее требованиям. «Чтобы вынести существо техники, – писал немецкий мыслитель, – требуется, конечно, человек. Однако человек требуется тут в своей отвечающей этому вынесению сути. Значит, существо человека должно сперва открыться существу техники, что по смыслу события есть нечто совсем другое, чем процесс принятия и развития людьми техники и ее средств»¹.

Два-три десятилетия назад вопросы соответствия технических устройств возможностям человека решались инженерами и другими специалистами в области техники, как правило, без сколько-нибудь глубокого проникновения в природу и сущность человека, на основе здравого смысла и простого наблюдения за поведением людей. До известного момента такое положение можно было считать терпимым в значительном большинстве случаев, поскольку производственные профессии, основанные на выполнении ручных операций, не предъявляли высоких требований к человеку, скорее можно было говорить о высоких требованиях к его физическим возможностям. Наступило, однако, время, когда выполнение многих трудовых операций требует от человека не физического напряжения, как это было раньше, но значительной, иногда даже максимальной мобилизации психических усилий, высокой профессиональной подготовки и определенных моральных качеств. Сразу следует отметить, что нередко расследование того или иного инцидента, связанного с нарушением функционирования техники, чаще всего заканчивается приписыванием вины человеку и соответственно, его дальнейшим наказанием. Под кучей ведомостей и бумаг просто забывается о самом человеке. А почему бы не попытаться ответить

¹ Хайдеггер М. Вопрос о технике / Хайдеггер М. Время и бытие. М.: Республика, 1993. с. 254.

на следующие вопросы – что побудило человека поступить так или иначе, какие качества человека могли повлиять на неблагоприятный исход дела, что надо сделать (для человека) чтобы данный инцидент стал единичным и т.д. Именно эти проблемы привели авторов данной работы к необходимости рассмотрения вопроса о том, насколько те или иные качества человека могут влиять на совершаемые им ошибки во взаимодействии с техникой, то есть выступать антропологическими ограничениями безопасности. Антропологическими ограничениями безопасности техники будем называть степень соответствия индивидуальных качеств (свойств) человека требованиям определенных видов технической деятельности в конструктивном и функциональном аспектах. Можно сказать, что антропологические ограничения выступают антропологической мерой безопасности техники, определяя пределы, в которых конструктивные и функциональные особенности техники соответствуют психофизиологическим и социально-личностным качествам человека.

Антропологические ограничения в своей совокупности формируют человеческий фактор безопасности техники, действие которого может быть деструктивным в случае деформации его отдельных составляющих, либо конструктивно-позитивным в случае соблюдения антропологической меры безопасности. Обобщая имеющийся теоретический материал, можно сделать вывод, что многообразие антропологических ограничений безопасности техники обусловлено многогранностью человека в его личностно-индивидуальном и социальном бытии.

В современной литературе нет четкого представления о структуре человеческого фактора. Обычно выделяют три группы качеств, игнорирование которых выступает основной причиной возникновения ошибок во взаимодействии человека и техники²:

1. Физиологические – общее физическое состояние человека;
2. Психологические – личностные характеристики человека, с особенностями его психики, психологическими процессами, протекающими в его нервной системе;
3. Эргономические – обусловленные несогласованностью характеристик человека и машинной части технической системы.

В.Е. Овчаров добавляет к указанным группам качеств профессиональные, социальные и психофизиологические³.

Исходя из того, что человеческим фактором безопасности техники выступает субъект технической деятельности, обладающий комплексом свойств, обеспечивающих минимизацию опасностей и защиту технической системы от деструкции, выделим в его структуре следующие основные подсистемы: 1) индивидуально-личностную, в состав которой включены физиологические, психофизиологические и некоторые психологические характеристики человека; 2) социально-личностную, полагающую определенные социально-психологические, нравственные качества и способность человека к взаимодействию с другими людьми в социальной группе; 3) социально-профессиональную, включающую профессиональные характеристики человека; 4) социально-средовую, в состав которой входят социальные условия технической деятельности. Системный характер человеческого фактора обусловлен координационным взаимодействием указанных подсистем, порождающим его активную объективацию как силы, способной обеспечить безопасность или деструкцию технической деятельности.

Прежде чем дать анализ ограничений в каждой подсистеме в структуре человеческого фактора, следует обратить внимание на то, что все качества человека, составляющие в совокупности его потенциал как деятельного существа, тесно связаны между собой, поэтому элементы, составляющие одну подсистему могут присутствовать в содержании другой. Например, профессиональный параметр человека мы относим к социально-профессиональной подсистеме, но в него могут включаться как физические качества субъекта, необходимые для выполнения профессиональной деятельности, так и его психологические качества. Следовательно, при анализе содержания той или иной подсистемы не следует проводить четкой черты, которая бы разделяла их и не давала возможности совместного анализа.

² Рыбалкин В.В., Зубков Б.В. Человеческий фактор и безопасность полетов. М.: МГТУГА, 1994. с. 28.

³ Овчаров В.Е. «Человеческий фактор» в авиационных происшествиях. – М.: Полиграф, 2005. с. 8.

Рассмотрим содержание индивидуально-личностной подсистемы, образуемой физиологическим и психофизиологическим параметрами.

К физиологическим качествам человека, оказывающим влияние на его функционирование в системе «человек-машина» относят особенности физиологического состояния человека (усталость, болезнь, особенности слуха, зрения и т.д.). Сразу надо заметить, что присущие новой технике сложные быстротечные процессы с большим числом меняющихся параметров, которые нужно контролировать и учитывать в ходе управления, требуют от человека такой скорости восприятия и переработки текущей информации, которая в некоторых случаях превышает его пропускную способность. Человек в процессе управления такими системами порой просто физически не может справиться со всеми возникающими перед ним задачами. Если к тому же учесть, что подобные задачи приходится решать в необычных условиях жизнедеятельности (например, на самолете в условиях перегрузки, недостатка кислорода и пр.), в условиях высокой ответственности за успех работы, высокой цены ошибки, то станет очевидным, сколь существенно изменились условия жизнедеятельности человека в новых системах управления. Нельзя однозначно сказать, что чем выше физическая нагрузка, тем хуже состояние человека; при этом необходимо учитывать, из чего составляются нагрузка и характер выполняемых операций. За счет регуляции этих факторов можно изменять физиологическое состояние рабочих, которое положительно скажется на безопасности взаимодействия с техническим устройством и продуктивности деятельности, самочувствии.

Современные исследования в области психофизиологии свидетельствуют о значительном влиянии психофизиологических особенностей человека на его деятельность. Говоря о профессиональной деятельности, например, летчика, следует особо отметить, что ее успешность во многом зависит от своевременности двигательных или, как их иначе называют, сенсомоторных реакций, совершаемых в ответ на внешние раздражители. Сами эти движения могут быть относительно просты по форме, но за их «фасадом» кроются сложные психические процессы. И. М. Сеченов называл «мышечное движение выражением психической деятельности»⁴. Любая сенсомоторная реакция включает в себя три фазы. Первая — восприятие информации; вторая (центральная) — переработка поступившей в центральную нервную систему информации и принятие решения; наконец, третья фаза объединяет процессы, определяющие начало движения. Каждая фаза имеет протяженность, длится во времени. Сумма всех трех периодов составляет время двигательной реакции. Но человеку, управляющему современным скоростным транспортом, часто приходится действовать в условиях лимита и даже дефицита времени. Еще более трудным может оказаться процесс выбора оптимального варианта поведения, когда поток информации поступает к человеку по многим каналам в закодированном виде.

Каждый вид трудовой деятельности обладает своими особенностями. Одной из особенностей современного производства является наличие монотонных (однообразных) работ. Интенсивная рабочая нагрузка вызывает повышение психофизиологического напряжения и усиливает субъективную оценку монотонности. Монотонная деятельность воздействует на психофизиологическое состояние человека и вызывает ряд нежелательных явлений (перевозбуждение, усталость, потеря интереса и т.д.). Это приводит к возникновению отрицательного фактора безопасности, т.к. появляется негативное отношение к работе и всему что связано с данной трудовой деятельностью.

Затрагивая данный аспект, следует обратить внимание на публикации в современной литературе⁵. В них обосновано положение о том, что на результаты деятельности человека, особенно в экстремальных условиях, негативное влияние оказывают критические дни в биологических ритмах. Именно в эти дни можно наблюдать снижение работоспособности и ухудшение общего состояния. Человек — оператор в состоянии биологического спада чаще может допускать ошибки или не парировать усложнившуюся ситуацию.

Одной из наиболее важных проблем исследования психофизиологического аспекта антропологических ограничений безопасности техники является психологический анализ структуры и содержания деятельности, различающейся по функциональным обя-

⁴ Сеченов И.М. Психология поведения: избранные психологические труды. М.: МПСИ, 2006. с. 127.

⁵ Гриневич В. Биологические ритмы здоровья // Наука и жизнь. 2005. № 1.

занностям в отношении используемых различных видов техники. Целевая установка такого исследования заключается в анализе психологических и психофизиологических характеристик человека: свойств сенсорного входа и моторного выхода, закономерностей приема и переработки информации, качественных показателей памяти и других сторон мыслительной деятельности в процессе принятия решения при управлении техникой. Помимо этих задач крайне важна разработка комплексных критериев работоспособности человека, его надежности и эффективности, точности и быстроты его реакции. Это обуславливает широкое использование в комплексном исследовании системы «человек – техника» специфических методов инженерной психологии, которая изучает роль и функции человека в управлении и применении сложной техники в определенных условиях физической и социальной среды с целью наиболее эффективного функционирования человека в контуре современных технических систем.

Объектом исследования инженерной психологии являются системы типа «человек – техника», а предмет составляет анализ закономерностей влияния психофизиологических и психических свойств и качеств работника на конструктивные особенности, функциональные параметры и способы применения техники. В сфере инженерно-психологического знания формируются данные по инженерно-психологическому обоснованию построения систем «человек – техника». Так, здесь осмысливаются принципы и методы инженерно-психологической организации «рабочей среды», обеспечивающие эффективную деятельность человека при помощи максимального учета «человеческого фактора» при конструировании средств управления, индикаторных приборов, при компоновке технического оборудования на рабочих местах. Особое место в использовании достижений инженерной психологии при комплексном исследовании занимает оптимизация информационного взаимодействия человека и техники. Она предусматривает изучение систем типа «человек – техника» с целью улучшения структуры и организации потоков информации, применения системы методов оценки количественных и качественных характеристик потоков информации с целью рационализации их селекции и обобщения, а также использование психологических принципов и методов при проектировании средств индикации и кодирования информации.

Решение этих теоретических проблем имеет важное практическое значение, так как на их основе разрабатываются частные методики построения различной аппаратуры с учетом возможностей и способностей человека, методы рациональной компоновки контрольно-измерительных приборов, осуществляется создание эффективных, надежных и удобных для человека средств отображения информации.

Психологический аспект человеческого фактора технической деятельности включается в его личностно-социальную подсистему, где представляет антропологические ограничения, обусловленные психологическими свойствами личности. К ним относятся:

- сниженная способность к прогнозированию развития ситуации (сниженная когнитивная функция);
- недостаточно объективная самооценка, приводящая к принятию решений, реализация которых объективно не под силу определенному индивиду;
- недостаточная профессиональная (технологическая) дисциплинированность;
- склонность к принятию необоснованных решений (авантюристичность, неоправданная «лихость» и т.п.);
- пониженная стрессоустойчивость;
- неполная психологическая совместимость в коллективе.

Человек в современном производстве всегда включен в производственный коллектив со сложной структурой, обусловленной характером обслуживаемой им техники. Это определяет необходимость в процессе комплексного исследования системы «человек – техника» детального анализа функциональной структуры трудового коллектива с целью определения степени соответствия характеру используемой им техники, а также анализа функциональных обязанностей каждого из членов коллектива, разработки практических методов и средств психологической подготовки работников для эффективного выполнения возложенных на них функций, связанных с высокой психофизиологической и моральной нагрузкой. Особое внимание при этом уделяется проблемам психологической подготовки трудовых коллективов к обслуживанию сложной техники, созданию критери-

ев оценки психологической готовности работников к эффективному использованию техники, исследованию вопросов психологической совместимости отдельных работников и закономерности формирования сплоченных трудовых коллективов, а также условиям эффективного руководства коллективом⁶.

Социально-психологические исследования позволяют произвести анализ функциональной структуры антропологической подсистемы в рамках системы «человек – техника» с выделением внутренних подструктур (групповых, функциональных); дать развернутую качественную характеристику трудового коллектива как компонента целостной производственной единицы; раскрыть формы и уровни функциональной (психофизиологической и психологической) и социально-психологической совместимости членов коллектива; произвести анализ групповой деятельности внутри коллектива и особенностей внутригруппового управления (и, прежде всего, проблемы «лидерства»); исследовать содержание, структуру и закономерности формирования навыков коллективных действий, закономерности управления психическим состоянием коллектива в различных условиях и т. д. Важное значение для безопасного функционирования систем типа «человек – техника» имеет использование достижений социальной психологии в решении вопросов моральной ответственности за действия системы членов ее трудового коллектива в зависимости от выполняемых ими функциональных обязанностей; определение оптимального соотношения между индивидуальной ответственностью руководителя, принимающего решение, и коллективной ответственностью всего управляющего органа, в той или иной степени задействованного в процессе информационной подготовки решения. Социальная психология помогает произвести анализ динамической структуры личности рабочего, выполняющего определенные функции по управлению и обслуживанию техники, определить необходимые для данной профессии психологические качества и пути их развития, а также исследовать динамику процессов общения как между членами коллектива, так и между коллективом и руководителем.

Таким образом, использование методов социальной психологии имеет важное значение при конструировании и функционировании систем типа «человек – техника», способствует формированию сплоченных трудовых коллективов, а также эффективному управлению коллективом. Надо заметить, что психологическая совместимость людей, занятых выполнением совместной трудовой деятельности, играет существенную роль в обеспечении безопасности техники. Очередной пример из авиации. Раньше в стране было так: уж если экипаж, то чуть ли не на всю жизнь. Потом с Запада пришли модные тенденции «раскрепленных» экипажей. С кем поставят, с тем и летишь. Люди из одного экипажа могут кого-то уважать, кого-то презирать, несмотря на то, что стараются не ставить вместе психологически несовместимых людей. Вспомним легендарный фильм «Экипаж». С технической точки зрения все показанное – вымысел. Но важно в фильме другое. А именно – экипаж. Так что это кино как раз о психологической совместимости экипажа и прекрасно иллюстрирует один из законов психологии – об оптимуме мотивации. Суть его в том, что когда задача легкая, нужно очень сильно настраивать людей, чтобы ее выполнить. Потому что большинство ошибок совершается в легкой ситуации. А сложная задача сама по себе мотивирует на успешность ее выполнения, мобилизует. Из выше сказанного следует, что психологическая совместимость является одним из важных качеств, обуславливающих безопасность существования человека в технической системе.

Социально-профессиональная подсистема в структуре человеческого фактора включает в себя качества человека, обуславливающие:

- принятие неправильного решения, не адекватного возникшей ситуации;
- ошибочные действия при реализации решения.

И то и другое может явиться следствием недоученности при первоначальном или периодическом обучении, т.е. отсутствием тех знаний, которые нужны именно в данной области деятельности. Конечно, профессиональные ошибки могут быть следствием и других факторов (эргономических, психофизиологических), но главной проблемой несоответствия профессиональных качеств требуемым, является уровень получаемого профессионального образования.

⁶ Подробнее см.: Кнорринг В.И. Теория, практика и искусство управления. М.: Норма, 2001. с. 261-316.

Эффективность функционирования систем типа «человек – техника» во многом зависит от профессиональной подготовленности работников, это делает необходимым разработку эффективных методов отбора и обучения персонала. С этой целью в комплексном исследовании системы «человек – техника» необходимо использовать достижения еще одной отрасли психологии – педагогической психологии, которая исследует закономерности разработки и практического использования методов профориентации для определенной специальности, психологического отбора людей для выполнения определенных функций, а также рациональных путей обучения. Использование педагогической психологии позволяет разработать основные методы и критерии определения необходимых для работников психофизиологических, личностных и социально-психологических свойств, значительно повысить эффективность отбора, обучения и использования работников по наиболее адекватным их психологическим качествам профессиям и специальностям, сократив отсев обучаемых и снизив затраты на их подготовку. Методами этой науки разрабатываются психологические основы программированного обучения, математические модели и алгоритмические основы различных процессов воспитания, а также психологические принципы и методы создания и использования различных тренажеров и других технических средств обучения, психологические основы использования автоматических устройств в процессе обслуживания техники⁷.

Содержание социально-средового аспекта человеческого фактора составляют антропологические ограничения, обусловленные социальными условиями труда. Так, нарушение устойчивого функционирования техники может быть вызвано ошибками, совершенными человеком, не имеющим нормальных условий для отдыха, не удовлетворенным заработной платой и т.п. Все это может неблагоприятно отражаться на физическом состоянии (усталость) и психологическом (стресс), что приведет к новым ошибкам и сбоям в работе системы «человек-машина».

Эргономический аспект антропологических ограничений безопасности техники раскрывает ошибки, связанные с недостаточным учетом характеристик (ограничений, возможностей) человека при конструировании того или иного технического устройства. Иными словами, в рамках этого аспекта фактором ошибок выступает несоответствие конструкции технической системы особенностям взаимодействующего с ней человека. Обобщения требований к предметной среде и ее оптимизации со временем привели ученых к выработке неких обобщенных критериев и требований, ставших основой науки о труде – эргономики («эргос» – труд, «номос» – закон), известной также в англо-язычных странах как «человеческий фактор» (human factors). За 50 лет существования эргономики как дисциплины менялись ее приоритеты, появлялись новые специфические направления, основные усилия специалистов всегда концентрировались на наиболее актуальных задачах развития науки и проблемах проектирования новых изделий и технологий.

Основной задачей эргономики являлось и является обеспечение эффективного и безопасного взаимодействия человека со средствами труда и производственной средой за счет учета специфических возможностей как человека, так и технических средств. В реальной действительности эргономистам приходится решать, как правило, задачи профессионального отбора и/или адаптации человека к условиям функционирования технических средств. Однако оптимальным способом обеспечения взаимодействия «человек-техника-среда» является полный учет человеческого фактора на всех этапах создания, эксплуатации и утилизации продукции. Конечно, было бы, например, идеальным создать воздушное судно под отдельно взятого конкретного работника. Изучив все плюсы и минусы человека, пилотирующего самолет, его психофизиологические и социально-личностные характеристики, можно выпустить такое воздушное судно, которое будет соответствовать его конкретным антропологическим качествам. В этом случае фактически обеспечивается безопасность полетов на 99%. Идея блестящая, но с приходом нового человека она потеряет свою актуальность. Машина не может подстроиться под каждого.

⁷ Психологи сегодня предлагают новые методики профессиональной подготовки, учитывающие индивидуальные особенности личностного восприятия информации. См.: Ворона А.А., Гандер Д.В., Жданько И.М., Пономаренко А.В. Формирование личностных характеристик человеческого потенциала в опасных профессиях / Человеческий потенциал как критический ресурс России. М.: ИФРАН, 2007. С. 154-160.

Следовательно, учитывая эргономический аспект, техника должна соответствовать хотя бы минимуму человеческих особенностей: хорошая освещенность приборов, удобное расположение конструкции, соответствие органов человека и рычагов управления и т.д.

Можно согласиться с Г.И. Ивановым, утверждающим, что «если действия человека (с техникой или без техники) соответствуют самоорганизующимся процессам природы, то он включается в ее состав и не отторгается (эффект совместимости систем). И, наоборот – при несогласовании с процессами в природе человек отторгается ею, чтобы природа смогла сохранить себя. Это тоже элемент самоорганизации, – надсистема диктует условия жизни подсистеме. Человек стоит перед выбором (альтернативой) – или уничтожить природу, т.е. себя, или уничтожить технику, т.е. свои возможности, способности, цели»⁸.

Особое значение при анализе безопасности системы «человек – техника» имеют достижения системотехники, которая занимается технической стороной решения вопросов создания «больших систем». Для этого она использует достижения специальных технических наук: электроники, радиотехники, автоматики, телемеханики и т.д. Принципы и методы системотехники помогают решению проблем рационального распределения функций между человеком и техническим устройством как компонентами системы «человек – техника», устанавливают оптимальное количество и качество персонала исходя из характера применяемой техники, технологических требований, а также дают объективную основу рационального определения профессий и специальностей, необходимых для эффективного использования различных образцов техники.

Таким образом, содержание антропологических ограничений безопасности технической деятельности формируется в соответствии со структурой человека, включающей биологические, психические и социальные подсистемы. Разные виды технической деятельности требуют определенных социально-антропологических характеристик. Согласование этих характеристик с требованиями определенного вида деятельности обуславливает отсутствие деструктивности в системе «человек-техника» и рассматривается как антропологическое ограничение безопасности техники. Недостаточное развитие психофизиологических и социально-личностных качеств человека усиливает угрозу устойчивому существованию как человека, так и техники. Преодоление противоречия между возможностями человека и свойствами создаваемой и используемой им техники рассматривается как основное в обеспечении безопасности системы «человек – техника». Ключевым элементом развешивания и разрешения этого противоречия выступает инженер. В процессе профессиональной подготовки инженера преодолеваются социально-антропологические ограничения безопасности техники, содержание которых составляют уровень профессиональных знаний и социально-нравственные качества (ответственность, ценностные ориентации, идеалы, нормы). Инженерная деятельность предполагает предвидение социальных, экономических, экологических и других последствий принятия решений по конструированию, эксплуатации и обслуживанию техники. Возрастающая роль инженерной деятельности как фактора преодоления антропологических ограничений безопасности техники возможно при усилении гуманизации инженерного образования, придания ему гуманистической ориентации.

Перспективы развития проблемы социально-антропологической детерминации безопасности техники дифференцируются по следующим направлениям. Первое предполагает рефлексию человеческого потенциала как предпосылки человеческого фактора, анализ условий безопасного превращения возможностей человека как субъекта технической деятельности в действительность, обеспечивающую развешивание его качеств. В рамках второго направления должна быть решена методологическая задача поиска путей соединения социогуманитарного и технического знания о месте человека в современных технических системах. Наконец, не утрачивает своей актуальности задача гуманизации технологических процессов как предпосылки обеспечения их безопасности. Представляется, что философия еще не нашла все аргументы для обоснования доминирования человека как создающего и функционирующего субъекта в технизированном мире, свидетельством чего являются дискурсы о порабощении человека техникой.

⁸ Иванов Г.И. Вопросы самоорганизация в технических системах. Ангарск: Ангарский центр методологии научно-технического творчества, 1994. с. 46.

Список литературы

1. Хайдеггер М. Вопрос о технике /Хайдеггер М. Время и бытие. М.: Республика, 1993.
2. Рыбалкин В.В., Зубков Б.В. Человеческий фактор и безопасность полетов. М.: МГТУГА, 1994.
3. Овчаров В.Е. «Человеческий фактор» в авиационных происшествиях. М.: Полиграф, 2005.
4. Сеченов И.М. Психология поведения: избранные психологические труды. М.: МПСИ, 2006.
5. Гриневич В. Биологические ритмы здоровья // Наука и жизнь, 2005, № 1.
6. Кнорринг В.И. Теория, практика и искусство управления. М.: Норма, 2001.
7. А.А. Ворона, Д.В. Гандер, И.М. Жданько, А.В. Пономаренко. Формирование личностных характеристик человеческого потенциала в опасных профессиях / Человеческий потенциал как критический ресурс России. М.: ИФРАН, 2007.
8. Иванов Г.И. Вопросы самоорганизация в технических системах. Ангарск: Ангарский центр методологии научно-технического творчества, 1994.

ANTHROPOLOGIC LIMITATIONS OF THE SECURITY OF THE TECHNIQUE

O. D. Garanina¹⁾

I. V. Usic²⁾

¹⁾ Moscow state technical university of civil aviation

*e-mail:
sinekrasov@mail.ru*

²⁾ Moscow state technical university of civil aviation

In the article the human factor structure and his influence on the security of technical work are considered. The individual, social, professional and environment components of the human factor are shared out and characterized. There are the definitions of anthropologic limitations and anthropologic measure of the security of technique in the article. Some methodology problems of research the physiology, psychology and social human particulars for construction and exploitation of contemporary technique are represented.

Key words: Methodology of technique knowledge, security of the technique, human factor, anthropologic limitations of the security of technique, engineering psychology, ergonomic.

КУЛЬТУРНАЯ МОРФОЛОГИЯ РУССКОЙ НАРОДНОЙ ПЕСНИ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

М. С. Жиров¹⁾
О. И. Алексеева²⁾

*¹⁾ Белгородский
государственный
университет*

*e-mail:
zhirov@bsu.edu.ru*

*²⁾ Белгородский
государственный
институт культуры
и искусств*

В статье осуществлена морфологическая разработка русской народной песни – одного из самобытных явлений музыкального фольклора на основе взаимодополняющих друг друга подходов: от частного – к общему (и от него – вновь к отдельным аспектам этого явления), в контексте жанрово-видового состава, выразительных средств воплощения, образно-семантической природы, функционального назначения, форм бытования, трансляции, сохранения и производства, а также ее носителей и создателей.

Ключевые слова: русская народная песня, культурная морфология, структурные элементы, жанровая классификация, методы анализа.

В народной художественной культуре песня по праву занимает одно из главных мест, что обусловлено её самодостаточностью для производства, сохранения и трансляции духовных ценностей, открытостью к изменениям, а также способностью продолжать жизнь другим слоям фольклора в их становлении и развитии (инструментальный, хореографический, обрядовый, драматический). Богатство, множественность содержательных и жанровых пограничных образований в народной песне – живительный исток их взаимообогащения, появления принципиально новых явлений предполагает дифференциацию предмета анализа: от разрозненных по объему и полноте исследований смежных областей знаний – к системному осмыслению русской народной песни «как целостного, синкретичного, комплексного явления, включенного в ткань духовной жизни народа и выступающего важной составной частью этой жизни»¹. Это и составляет предмет анализа данной статьи.

Однако для того, чтобы иметь достаточно конкретное и полное представление о предмете анализа, нужно знать его основные структурные элементы. В противном случае, речь может идти о нем лишь с определенной долей условности, ибо каждый будет представлять его весьма своеобразно в меру своих теоретических и практических познаний. Как очень определенно заметил основоположник морфологического подхода в фольклористике В.Я. Пропп, «о происхождении какого бы то ни было явления можно говорить лишь после того, как явление это описано»², ведь «пока нет правильной морфологической разработки, не может быть и правильной исторической разработки»³.

При этом, на наш взгляд, необходимо иметь в виду, что русская народная песня, как одно из самобытных явлений музыкального фольклора, существует не только в виде материальных и духовных образований (тексты, образцы), она неразрывно связана с процессом их создания, функционирования, трансляции в социум посредством огромного числа социальных институтов, обеспечивающих ее включение в современные духовные процессы и жизнедеятельность человека.

В контексте данных подходов, естественно, возникает потребность культурной морфологии русской народной песни, трактуемой применительно к понятию «морфология культуры» как «(гр. *morphe* – форма + *logos* – учение) одна из основных наук о культуре; предмет исследования – изучение типичных форм культуры, существующих в об-

¹ Каргин, А.С. Народная художественная культура: курс лекций: учеб. пособие / А.С. Каргин. – М.: Гос. республ. центр рус. фольклора, 1997.

² Пропп, В.Я. Поэтика фольклора: Собр. трудов / В.Я. Пропп ; Сост., предисл. и коммент. А.Н. Мартыновой. – М.: Лабиринт, 1988.

³ Пропп, В.Я. Поэтика фольклора: Собр. трудов / В.Я. Пропп ; Сост., предисл. и коммент. А.Н. Мартыновой. – М.: Лабиринт, 1988.

ществе самостоятельно и независимо от человека, будь то культурные традиции, общественные институты и другие формы бытия общества. Считая развитие культуры обусловленным внутренними закономерностями общества, морфология культуры преимущественно на основе методов сравнения, аналогии и др. стремится выявить источники и факторы развития культур в стадии их существования – от зарождения той или иной культуры до ее смерти. Морфология культуры исходит из предположения, что переход культур с одной ступени на другую обуславливается внутренней силой, действующей в самой культуре. В рамках культурологии морфологический подход имеет важное значение, поскольку позволяет выявить соотношение универсальных и этноспецифических характеристик в строении определенной культуры»⁴.

Термин «морфология культуры» (Kultur morphologie) введён немецким этнологом Л. Фробениусом для характеристики научного направления, занимающегося изучением внешней картины культурных явлений и устанавливающего исторические взаимосвязи между культурами. Опираясь на принципы классификации, разработанные естественными науками, представители этого направления предприняли попытку выявить применительно к этнологии такие критерии, которые позволяли бы, в конечном счете, свести многообразные культурные явления к определенным единицам, в данном случае – к «культурным кругам», в соответствующих, определенных географических зонах. С этой целью Фробениус заимствовал некоторые философские идеи, в частности – образно-описательную философию В. Дильтея. В результате этого симбиоза возникла гипотеза, согласно которой каждая культура как целое обладает собственным характером, собственной «культурной душой» (пайдейма), накладывающей свой неизгладимый отпечаток на каждый отдельный элемент.

В современном словаре по культурологии морфология культуры трактуется как «отрасль наук – дисциплин о культуре», в рамках «культурологической, онтологической, социальной, исторической, эволюционной, антропологической, концептуальной проекции»⁵, что представляется нам наиболее значимым в контексте исследования, так как имеет своим предметом «изучение типичных форм культуры, ...ее внутреннее «строение» как целостность»⁶.

Сколь сложна и неоднозначна морфология как наука, доказывает высказывание Гете, использованное В.Я. Проппом в предисловии к работе «Морфология волшебной сказки»: «Морфология еще должна легитимироваться, как особая наука, делая своим главным предметом, что в других практически при случае и мимоходом, собирая то, что там рассеяно, и устанавливая новую точку зрения, позволяющую легко и удобно рассматривать вещи природы. Явления, которыми она занимается, в высшей степени значительны: те умственные операции, при помощи которых она сопоставляет явления, сообразны с человеческой природой и приятны ей, так, что даже не удавшийся опыт все-таки соединит в себе пользу и красоту», – утверждает исследователь⁷.

Стремление определить структуру и морфологию отдельных частей и слоев народной художественной культуры имеет длительную историю. Так, первые попытки представить жанрово-видовую структуру фольклора, к примеру, датируются концом XIX – началом XX века. Эти усилия были продолжены в 70-80-е годы прошлого века на качественно другом уровне, свидетельство тому – первые работы по структурированию фольклора и прикладного искусства⁸. Тем не менее в данных изысканиях не шла речь о возможной корреляции или тем более о сведении отдельных структур в некую целостность; «разнообразны и несовместимы предпринимавшиеся опыты классификации народного искусства, и каждая из них неизбежно может быть опровергнута или оспорена», – не без основания считал В.Е. Гусев⁹.

⁴ Кононенко, Б.И. Большой толковый словарь по культурологии / Б.И. Кононенко. – М.: Вече; АСТ, 2003.

⁵ Кононенко, Б.И. Большой толковый словарь по культурологии / Б.И. Кононенко. – М.: Вече; АСТ, 2003.

⁶ Культурология в вопросах и ответах / Под ред. Г.В. Драча. – М.: Гардарики, 2002.

⁷ Пропп, В.Я. Морфология волшебной сказки / В.Я. Пропп. – Л., 1969. – С. 10-12, 21.

⁸ Флоренский П.А. Собрание частушек Костромской губернии Нерехтского уезда / П.А. Флоренский – М., Сов. Россия, 1989. – 111 с.

⁹ Чекановска, А. Музыкальная этнография: методология и методика / А. Чекановска. – М.: Сов. композитор, 1983.

Такое утверждение ученого вполне обосновано, так как исследователи решали проблему исходя из структуры одного из пластов народной художественной культуры, опираясь то на концепцию морфологии искусства М.С. Кагана, то на морфологию фольклора В.Я. Проппа, то на классификацию народного искусства В.М. Василенко и П.Г. Богатырева. К сожалению, попытки подойти к проблеме с более общих позиций не получили развития и остались известны лишь небольшому кругу специалистов¹⁰.

Вопрос о структуре, морфологии фольклора (в том числе, песенного) как системного образования со своими подсистемами, функционирующими нередко в качестве самостоятельных художественных систем, не ставился в отечественной науке с необходимой остротой до конца 80-х годов XX в. Другими словами, «не только наука не подошла к решению этого вопроса, но и запросы практики вполне «удовлетворялись имеющимися работами»¹¹.

Однако актуальность названной проблематики объективно очевидна. Во-первых, «морфология в самых разнообразных формах ее преломления, как и другие теоретические абстракции, крайне необходима науке, в особенности на переходных или рубежных стадиях ее эволюции: все острее ощущается потребность очищающего поиска модели, в какой-то мере освобождающий ученого от субъективно-адаптирующего воздействия исследуемой реальности»¹², особенно в сфере, где мы имеем дело с явлением творчества, которое совершается по собственным, веками выработанным и закрепленным в традиции законам. Это, в определенной мере, обусловило необходимость нового «прочтения» фольклора (и, в первую очередь, песенного как самого значительного его пласта) как самодостаточного, оригинального, полифункционального явления, включающего в себя традиционное и современное, творческие, социальные, психологические, культурологические аспекты, а также всю инфраструктуру, обеспечивающую его создание, освоение, сохранение, развитие и распространение.

На наш взгляд, речь идет о взаимодополняющих друг друга подходах: от частного – к общему (и от него – вновь к отдельным аспектам этого явления), – что позволит выявить собственную структурную организацию русской народной песни в контексте ее составляющих:

- жанрово-видового состава;
- выразительных средств воплощения;
- образно-семантической природы;
- функционального универсализма;
- форм бытования, трансляции, сохранения и производства, а также ее носителей и творцов.

Каждый из этих аспектов имеет вполне конкретный предметный мир явлений народной песенной культуры, прошедшей длительный исторический путь развития: от архаических и традиционных форм – до включения в себя множества новых, обладающих ярко выраженными свойствами и характеристиками, но в своей «целостности» – культуровоспроизводящих, культуротранслирующих, культурогенерирующих структур. Тем самым мы подчеркиваем, что народная (фольклорная) песня не может быть сведена к совокупности художественных текстов, жанров, категорий исполнительства. Она – гораздо более широкое, сложное явление, охватывающее едва ли не все стороны бытия традиционного общества и продолжающее играть важную роль в обществах с новыми традициями; «это контекст, явление, не менее важное, чем текст: контекст, и в самом широком социоэтнокультурном смысле, и в более конкретном, ситуативном»¹³.

¹⁰ Чекановска, А. Музыкальная этнография: методология и методика / А. Чекановска. – М.: Сов. композитор, 1983.

¹¹ Каргин, А.С. Народная художественная культура: курс лекций: учеб. пособие / А.С. Каргин. – М.: Гос. республ. центр рус. фольклора, 1997.

¹² Мацневский, И.В. О дифференцированности морфологических доминант в традиционной музыке / И.В. Мацневский // Искусство устной традиции. Историческая морфология: сборник статей – СПб., 2002.

¹³ Путилов, Б.Н. К морфологии фольклорной культуры. Искусство устной традиции. Историческая морфология / Б.Н. Путилов. – СПб., 2002.

Вот почему внедрение в наше сознание, в научную практику понятия «фольклорная культура» (или даже «фольк-культура»), по мысли Б.Н. Путилова, поможет легче преодолеть сложившийся в советской науке стереотип жёстких социальных ограничений в понимании фольклора (в первую очередь – песенного) и признать его полную универсальность «как в плане вертикальном, так и в плане горизонтальном». Последнее, на наш взгляд, означает, что фольклор как культурный феномен не имеет никаких границ социального порядка и возникает и функционирует всюду, где существуют необходимые условия. К такому, по нашему мнению, следует отнести постоянные или временные традиции в быту, отношениях, поведении, нравах, менталитете. Вместе с тем, несмотря на свою универсальность, характеризующуюся некими общими особенностями (в частности, безграничной свободой), народная песня в своем функционировании и содержании дифференцируется по социально-культурно-бытовым, половозрастным, региональным и другим факторам. А это, в свою очередь, предполагает расширение границ анализа культурной морфологии народной песни в контексте соотношения ее художественных и внехудожественных элементов. Не секрет, что до сих пор, «если мы и допускаем эти вторые, то есть внехудожественные, элементы в круг наших теоретических и конкретно-исторических занятий, то, как нечто маргинальное либо как проявление эстетической незрелости, неразборчивости. Мы убежденно оперировали понятием «эстетика фольклора», как определяющей категорией, и в лучшем случае пытались обнаружить ее специфические особенности, не сомневаясь в том, что именно она делает фольклор фольклором»¹⁴.

Сегодня принципиально важно, как отмечает ученый, признать, что фольклор, или, лучше сказать, фольклорная культура, не сводим к эстетической природе и требует более широких и свободных подходов. Да и само понятие «фольклорная эстетика», по мысли Б.Н. Путилова, «требует инновационных подходов, свободных от навязываемых философских, теоретико-эстетических, литературоведческих и музыковедческих догм». Более того, ученый обосновывает тезис о необходимости тщательного осмысления зависимости фольклорного творчества не только от внешних факторов, но, в первую очередь, от его внутренних закономерностей.

И действительно. Если взглянуть на морфологию произведений традиционной музыки с системных позиций, становится очевидным: то или иное изменяющееся во времени явление – произведение, жанр, стиль – остается таковым до тех пор, пока стабильно функционирует на основе определенного структурного закона, опирающегося на жесткие соотношения основных доминантных элементов и строгой структурной иерархии¹⁵. Обеспечиваемая этим законом мобильность функционирования при вполне ограниченном множестве мобильных величин позволяет самому художественному феномену традиционной культуры, представляющему как «совокупность единичных актов», оставаться и узнаваться слушателем как определенная данность и в пространстве традиции (индивидуального стиля, исполнительской школы, региона, диалекта, этнографических зон, народа) при всех возможных версиях и вариантах.

На основании вышеизложенного очевидно, что для постижения образного содержания произведения народной музыки, песни, для понимания их роли в культурной жизни народа, в первую очередь, необходимо знать их жанровую природу, в противном случае, это приведет к искажению их смысла. К примеру, ласковый напев смертной байки необъясним, если не иметь в виду народные верования, связанные с магией отращения зла. Подблюдные песни могут быть неверно поняты, если не представить себе смысла содержащих в них предсказаний. Как угадать, например, что двухстишие песни, бытующей в Белгородском регионе: «За рекой мужики все богатые, гребут золото лопатами», – предсказывает смерть, а девушке, услышавшей слова песни: «Две голубочки над прорубочкой склонились-поклонились», – надлежит ждать желанных сватов.

Смысл хора «Сватушка» из оперы «Русалка» А.С. Даргомыжского непонятен без знания русского свадебного обряда «выкупа» невесты, в ходе которого «игрицы» (девуш-

¹⁴ Путилов, Б.Н. К морфологии фольклорной культуры. Искусство устной традиции. Историческая морфология / Б.Н. Путилов. – СПб., 2002.

¹⁵ Мациевский, И.В. Факторы становления художественного текста в импровизационно-мобильных структурах инструментальной музыки / И.В. Мациевский // Междисциплинарный семинар. 2. – Петрозаводск, 1999.

ки-подруги невесты) зазывают сватов «поезжанскими» величальными песнями: «Дружко-богатина, да купи у нас косу, и сундук, и перину, и молодую княгиню», – чередуя их с присловьями и «корилками» скупому свату («Ой, девки, да сват небогатый, карман у него разорватый, не купил у нас застолье, не одарил девок достойно», «Казали, наш сват богат, у него денег целый мех, а он положил копейку как на смех», «А сватка наш богатый положил грош щербатый, а рубашка на нем новая, а спинушка голая») и др.

Во многих случаях, как показывает исследование, верное определение жанровой принадлежности русской народной песни позволяет обнаружить весьма тонкие оттенки в типе исполнения и интерпретации. Например, характер погребальных и свадебных причитаний, исполняемых на близкие по форме напевы, принципиально различен. Так, плач в связи с горькой утратой всегда наполнен конкретным «мотивом» горя, поражает глубиной чувств и эмоциональной насыщенностью, а в стеланиях невесты много условного, связанного лишь с требованиями обычая «выказать свою любовь отцу-матери, роду-племени» сообразно народной притче: «Не поплачешь за столом – будешь плакать за столбом». Свадебную песню лирического характера отличает более сдержанное чувство, обусловленное стилем обряда, чем лирическую протяжную, выбранную исполнителем в соответствии с его настроением. А сюжет хороводной народной песни, широко бытующей во многих регионах России, повествующей о том, что «девушка парня поборол, с головы шапочку сбила, на колени поставила», нельзя понимать буквально, ибо процесс «игры» являет нам образец признания юноши в любви своей избраннице.

На основании вышеизложенного есть основание утверждать, что только полное и глубокое знание жанровой природы того или иного произведения народного музыкального творчества может служить гарантией его точного художественного восприятия и интерпретации, определения его образного строя. Более того, необходимость точной ориентации в специфике жанровых явлений обусловлена реализацией и другой, не менее важной проблемы, связанной с насущной потребностью в классификации произведений фольклора. Ведь именно жанровая классификация помогает научно осмыслить и художественно претворить огромный фонд записей народной песни.

Однако определение жанровой принадлежности той или иной народной песни – задача во многих случаях весьма нелегкая. И, прежде всего, потому, что народная песня есть особый род словесно-музыкального искусства, органично соединивший в себе поэзию и музыку, а в ряде жанров – и хореографические движения, театр, игровое действие и их празднично-обрядовые формы. Именно поэтому, устанавливая жанровую природу песни, необходимо «из совокупности признаков выбрать главный, определяющий ее образный строй и жанровую стилистику»¹⁶.

Эта задача осложнена тем, что в теоретической литературе стало общепринятым не совсем точное, но по-своему верное сравнение жанра с видом в естествознании. «Жанр» – определенный вид литературных произведений, принадлежащих одному и тому же роду»¹⁷. В Советском энциклопедическом словаре понятием «жанр» обозначается единство группы художественных произведений по присутствующим во всех произведениях этой группы признакам. Признаки жанра указывают на внешнее и внутреннее сходство одной группы произведений, ее отличие от других групп. Это установлено давно, и не в этом состоит трудность понимания жанра. Трудно определить признаки, характеризующие само единство произведений одного и того же жанра, то есть необходимо понять признаки жанра.

Предложенное исходное положение обязывает во главу при изучении жанров поставить исследование признаков их содержания, выявление признаков целевой жизненной установки. Такое изучение облегчается тем, что наиболее древние жанры фольклора, к примеру, трудовые песни, заговоры, календарные, свадебные песни, похоронные причитания, тесно связаны с народным бытом, и термин «бытование» указывает на эту их особенность. Более того, это соединение столь прочно и органично, что с исчезновением праздников, обрядов, обычаев исчезают и сопровождающие их фольклорные произведения. В контексте вышеизложенного совершенно очевидно, что через изучение связи

¹⁶ Щуров, В.М. Стилиевые основы русской народной музыки / В.М. Щуров. – М.: Моск. гос. консерватория, 1998.

¹⁷ Квятковский, А. Поэтический словарь / А. Квятковский. – М.: Сов. энцикл., 1966.

фольклорного искусства с соответствующими бытовыми явлениями можно понять типологически повторяющиеся жанровые структуры фольклора.

Естественно, возникает вопрос о жанровой принадлежности фольклорных произведений сравнительно позднего исторического происхождения, свободных от прикладных бытовых целей (внеобрядовая, лирическая, историческая песня, песня-баллада, былина, сказка) и созданных лишь после утраты искусством непосредственной связи с трудовой деятельностью и бытом. Однако предшественниками каждого из этих жанров были архаичные праформы, которые не были художественными образованиями. Следовательно, позднее искусство восприняло по наследству древние традиции и, изменяя их, придало возникшим жанрам целевые установки идейно-эстетического характера, специфические функции и определенные признаки.

Устанавливая жанр фольклорного феномена, следует иметь в виду историю развития теории жанра со времен античности, когда древнегреческий философ Аристотель (384-322 гг. до н.э.) впервые изложил в самостоятельной системе эстетические понятия, господствующие уже более двух тысяч лет. Н.Г. Чернышевский справедливо отметил, что сочинение Аристотеля «О поэтическом искусстве» имеет еще много живого значения и для современной теории и было достойным служить основанием для всех последующих эстетических понятий¹⁸.

Огромное значение мыслей и выводов, сделанных Аристотелем в «Поэтике», основано на том, что он создал свою теорию в результате тщательного изучения произведений греческой литературы; образцов эпоса, лирики, драмы, многих видов творчества в контексте человеческой жизни, живой действительности, которую философ считал истинным содержанием искусства, материалом и образцом для художника-творца¹⁹.

Не случайно, видимо, под словом «поэтика» (греческое – пойкитика) Аристотель понимает суть значений «делаю, творю», а само понятие «искусства» (тэхнэ) у философа достаточно широко, чтобы вместить в себя то, что мы наряду со скульптурой, поэзией, музыкой, архитектурой («домостроение») и так далее не привыкли связывать с этим словом, например, врачебное искусство, математические искусства (195, 13).

Более того, Аристотель вводит в «Поэтике» чрезвычайно важный принцип – мимесис (подражание, воспроизведение), благодаря которому выделяет называемые изящные искусства, «эпическую и трагическую поэзию, а также комедию и поэзию дифирамбическую, большую часть авлетики и кифаристики <...> искусства подражательные». По мысли Аристотеля, последние представляют собою «творчество, следующее истинному разуму», а творец волен создавать свое произведение, отличное от всех других. Согласно этого тезиса, сущность искусства – это живая, подвижная, а не схоластическая абстракция, под которую подгоняются все живые явления. Аристотель исследует изменения, которые претерпевает предмет искусства в различных жанрах и у разных авторов. Жанровые особенности, например, он усматривает прежде всего в тех или иных качествах изображаемых людей: «Подражать приходится или лучшим, чем мы, или худшим, или даже таким, как мы», – а отсюда следуют и жанровые различия: комедия и пародия подражают худшим, героический эпос – лучшим, а о трагическом герое Аристотель предпринимает в «Поэтике» целое исследование.

Художественная правда, добро и красота не разобщены в эстетической природе древнего мыслителя. Изображаемые характеры он рассматривает преимущественно с их этической стороны, а безнравственные произведения решительно осуждает. «Так и поэт, изображая сердитых, легкомысленных или имеющих другие подобные черты характера, должен представлять таких людей благородными». А основу поэтичности Аристотель видит не во внешних формальных признаках (стихотворная речь), а в особой, творческой организации жизненного материала по требованиям вероятности и необходимости.

Это выражается, прежде всего, в определенной композиции произведения, которая должна выявить развитие сюжета или фабулы, «а эта фабула должна иметь внутреннее единство во всем своем развитии и быть изображением одного и притом цельного действия», более того, быть таким целым, от которого нельзя было бы отнять ни одной части без изменения этого целого.

¹⁸ Чернышевский, Н.Г. Эстетическое отношение искусства к действительности. – М.: ОГИЗ, 1948.

¹⁹ Пропп, В.Я. Морфология волшебной сказки / В.Я. Пропп. – Л., 1969.

Большую роль в осознании эстетической природы жанра сыграл немецкий философ Г.В. Гегель (1770-1831), рассмотревший проблему соотношения содержания и музыкальных средств его выражения в контексте разных сфер музыки (вокальной и инструментальной). В соответствии с этим мыслитель рассматривает музыку как сопровождение, как самостоятельную сферу, как средство реализации «чуда замысла и чуда виртуозной гениальности в исполнении»²⁰.

Первая сфера творчества предполагает, по мысли Гегеля, органичное единство слова, мелодии, гармонии, ритма, художественных средств воплощения: «... На той ступени, которая нас сейчас занимает, музыка не только в общем сопровождает содержание, она должна охарактеризовать его более конкретно. Было бы поэтому вредным предрассудком думать, что особенности текста безразличны для музыкального произведения. Напротив, в основе великих произведений лежит превосходный текст, обладающий настоящей неподдельностью, «но богатый чувством, лаконично и проникновенно выражающий какое-либо настроение и состояние души...»²¹. И далее мыслитель отмечает, что «музыкальное выражение – как в характерной, так и в мелодической музыке – должно стать адекватным этому содержанию. Но чтобы это было возможно, не только текст должен содержать в себе серьезность душевных переживаний, комичность и трагическое величие страстей, глубины религиозного представления и чувства силы и судьбы, заключенные в человеческом сердце, но и композитор должен всей своей душой участвовать в этом и всем сердцем пережить и прочувствовать это содержание»²². В вопросе соотношения характерного и мелодического Гегель отдает предпочтение мелодическому началу, как связующему единству, а «характерные особенности оказываются лишь выделением определенных сторон, изнутри неизменно сводимых к этому единству и одушевлению»²³.

В русском искусствознании оригинальные взгляды на проблему жанра изложил Н.Г. Чернышевский, выделивший музыку и поэзию «как высшие, совершеннейшие виды искусств, пред которыми исчезает и живопись, и скульптура»²⁴, тем не менее обращая внимание на вопрос: в каком отношении находится инструментальная музыка к вокальной, в каких случаях вокальная музыка может называться искусством, какова первая потребность, под влиянием которой человек начинает петь, движет ли им стремление к прекрасному или «чувство просится наружу»? Эта мысль ученого найдется в каждом рассуждении об исполнителях народных песен, коих совсем не заботит сам процесс пения и форма исполнительства. Следовательно, чувство и форма противоположны между собою. Уже из этого одного видим, «что пение, произведение чувства и искусство, заботящееся о форме, – два совершенно различные предмета. Пение первоначально и существенно – подобно разговору – произведение практической жизни, а не произведение искусства»²⁵. И здесь же автор уточняет, что, как всякое «уменье», пение требует практических занятий, отработки определенных исполнительских приемов, а орган пения (голос) также требует ученья, чтобы сделаться покорным орудием воли. И в этом смысле естественное пение, как и всякая практическая деятельность, безусловно, становится «искусством», но «вовсе не в том смысле, какой придается слову «искусство» эстетикою»²⁶.

В XX веке понимание жанра стало основополагающим критерием классификации, несмотря на то, что до сих пор «исследователи расходятся во мнениях, спорят о терминологиях и формулировках»²⁷, делая акцент, одни – на этнографической стороне явления, другие – на бытовой принадлежности песен, третьи – на их социальную сущность. Образцом убедительной научной жанровой систематизации всего накопившегося к середине XX столетия фактологического песенного материала пока принадлежит В.Я. Проппу. Под жанром В.Я. Пропп понимал «совокупность произведений, объединенных общно-

²⁰ Гегель, Г.В.Ф. Лекции по эстетике: В 2 т. / Г.В.Ф. Гегель. – СПб.: Наука, 1999. – Т. 2.

²¹ Гегель, Г.В.Ф. Лекции по эстетике: В 2 т. / Г.В.Ф. Гегель. – СПб.: Наука, 1999. – Т. 2.

²² Гегель, Г.В.Ф. Лекции по эстетике: В 2 т. / Г.В.Ф. Гегель. – СПб.: Наука, 1999. – Т. 2.

²³ Гегель, Г.В.Ф. Лекции по эстетике: В 2 т. / Г.В.Ф. Гегель. – СПб.: Наука, 1999. – Т. 2.

²⁴ Чернышевский, Н.Г. Эстетическое отношение искусства к действительности. – М.: ОГИЗ, 1948.

²⁵ Чернышевский, Н.Г. Эстетическое отношение искусства к действительности. – М.: ОГИЗ, 1948.

²⁶ Чернышевский, Н.Г. Эстетическое отношение искусства к действительности. – М.: ОГИЗ, 1948.

²⁷ Щуров, В.М. Стилевые основы русской народной музыки / В.М. Щуров. – М.: Моск. гос. консерватория, 1998.

стью поэтической системы, бытового назначения, форм исполнения и музыкального строя»²⁸. «Ни один признак в отдельности ... еще не характеризует жанра, – писал исследователь, – он определяется их совокупностью» [там же], согласно чему классификация фольклора должна напоминать зоологическую систему семейств, родов, видов и т.д. Ученый полагал, что в словесном искусстве основной категорией в этой системе должна быть категория жанра. Исходя из этого, В.Я. Пропп выделил в песенной поэзии три группы: эпическая песенная поэзия, былины, лирическая песенная поэзия.

Несомненный интерес в этой связи представляют исследования В.М. Щурова, в которых настоятельно проводится мысль о необходимости изучения музыкального фольклора с учетом разных аспектов проблемы: исторических, социальных, хозяйственных, административных, природно-климатических, бытовых и прочих факторов²⁹, – что позволило ученому представить стилевые свойства народной песни во взаимодействии трех основополагающих стилеобразующих факторов: в зависимости от жанра произведения музыкального фольклора, музыкальных норм исторической эпохи, в которую оно было создано, и требований местной традиции народного музыкального творчества. Это в свою очередь расширяет границы познания предмета исследования в аспекте трех составляющих: структуры, образного содержания и функций.

Важнейшее значение при классификации песенного фольклора имеют и признаки, связанные со средствами исполнения (сольное, ансамблевое пение). Так, колыбельные и причитания исполняются одним певцом, а хороводная («карагодная») – только коллективом поющих. Более того, одни жанры бытуют лишь в среде женщин, другие – мужчин. Именно с этой особенностью песен связано и появление названий: «женская лирика», «женские страдания», «мужская лирика», «мужские частушки». Определенные песенные жанры бытуют только в детской среде (игровые, дразнилки, считалки, небылицы, потешки, календарные), составляя особую специфическую подгруппу – «детский фольклор».

Особенно важно при жанровой классификации учитывать состав исполнителей, влияющий на общий характер фольклорного произведения, вносящий дополнительные оттенки в его жанровую стилистику. К примеру, мужской песенный репертуар отличается активным волевым началом; женский – мягкостью и пластичностью, ласковой теплотой, особой сердечностью и грустью; напевы детских песен просты, незамысловаты и наивны. Как видим, средства исполнения являются важным дополнительным фактором, влияющим на жанровую характеристику песенного фольклора.

Некоторые существенные детали в картину жанровой классификации русской народной песни, вносят особые оттенки поэтического содержания песен, принадлежащих по стилевым признакам к одному роду или виду. К примеру, на один напев повествовательного характера исполняются различные по настроению и образному смыслу эпические произведения, такие как былина и небылица. Некоторые эпические, крестьянские, городские лирические, казачьи воинские, солдатские песни, посвященные важным общественным событиям, могут быть отнесены к жанру исторических песен. Среди песен свадебного жанра мы выделяем величальные поздравительные, благодарственные, корителные, а среди плачей – похоронные, свадебные, рекрутские, о расставании с родными, о сборах недоимок, о семейных невзгодах, подтверждая мысль талантливой народной исполнительницы из села Подсереднее Алексеевского района Белгородской области О.И. Маничкиной (1926 г.р.) о том, что у баб много было причин голосить и плакать. Голосили по усопшему, на свадьбе при выданье девки замуж, при проводах парней в солдаты, при встрече прибывших издалека близких людей, при воспоминаниях о прошлом.

Следует особо подчеркнуть, что в одних случаях особые нюансы поэтического содержания мало отражаются на общем характере произведения, в других – достаточно заметно. В последнем случае это влияет на характер и структуру напевов песен, а следовательно, отражается и на жанровых характеристиках. В этой связи правомерно говорить о таких жанровых разновидностях песенной лирики, как социальная и любовная. В ряде жанров свадебных, плясовых, детских – можно выделить шуточные разновидности.

²⁸ Пропп, В.Я. Принципы классификации фольклорных жанров / В.Я. Пропп // Сов. этнография. – 1964. – № 4.

²⁹ Щуров, В.М. Южнорусская песенная традиция / В.М. Щуров. – М.: Сов. композитор, 1987.

Небезынтересен и тот факт, что в русской классической лирике, к примеру, чувства человека передаются через повествование о волнующих его событиях, и объективный тон подобного высказывания отражается на строгом, серьезном характере напева. В таком случае речь может идти о смешанных, или промежуточных, лиро-эпических жанровых явлениях и признаках. Балладные сюжеты бывают связаны с протяжными напевами лирического характера, а также встречаются в некоторых хороводных и даже плясовых песнях. В страданиях довольно часто сочетаются жанровые свойства юмористических (шуточных) и лирических песен. Ввиду этого обстоятельства, определяя жанр той или иной народной песни, следует, прежде всего, определить ее первоначальную бытовую функцию и лишь затем – отметить более позднюю или современную форму бытования, ибо «со временем песня может утратить или изменить первоначальную бытовую приуроченность, сохранив коренные жанровые черты»³⁰.

Таким образом, как видим, в каждом жанре народного песенного творчества реализуется один из возможных типов художественного отображения действительности. Во всем же богатстве разнообразных проявлений жизнь народа раскрывается в совокупности и теснейшей взаимосвязи песенных жанров, образующих стройную исторически сложившуюся художественную систему, где все типы, виды и разновидности песенных образцов находятся в сложных и в то же время органичных взаимоотношениях и взаимодействиях, обогащая и развивая друг друга, рождая новые образцы русской народной песни.

Список литературы

1. Гегель, Г.В.Ф. Лекции по эстетике: В 2 т. / Г.В.Ф. Гегель. – СПб.: Наука, 1999. – Т. 2. – 602 с. – (Слово о сущем).
2. Гусев, В.Е. Русская народная художественная культура: Теоретические очерки / В.Е. Гусев. – СПб., 1993. – 248 с.
3. Жирова О.Я. Традиционная празднично-обрядовая культура Белгородчины в современной социокультурной среде региона: монография / О.Я. Жирова. – Белгород: БелГИК, 2004. – 180 с.
4. Земцовский, И.И. Проблемы вариантов в свете музыкальной типологии: Опыт этномузыкологической постановки вопроса / И.И. Земцовский // Актуальные проблемы музыкальной фольклористики. – Л., 1980. – С. 36-50.
5. Каргин, А.С. Народная художественная культура: курс лекций: учеб. пособие / А.С. Каргин. – М.: Гос. республ. центр рус. фольклора, 1997. – 286 с.
6. Квятковский, А. Поэтический словарь / А. Квятковский. – М.: Сов. энцикл., 1966. – 375 с.
7. Кононенко, Б.И. Большой толковый словарь по культурологии / Б.И. Кононенко. – М.: Вече; АСТ, 2003. – 512 с.
8. Культурология в вопросах и ответах / Под ред. Г.В. Драча. – М.: Гардарики, 2002. – 336 с.
9. Мацневский, И.В. Факторы становления художественного текста в импровизационно-мобильных структурах инструментальной музыки / И.В. Мацневский // Междисциплинарный семинар. 2. – Петрозаводск, 1999.
10. Мацневский, И.В. О дифференцированности морфологических доминант в традиционной музыке / И.В. Мацневский // Искусство устной традиции. Историческая морфология: сборник статей – СПб., 2002. – 350 с. – С. 12.
11. Петровский, Р.А. Сочинение Аристотеля о поэтическом искусстве: Вступ. ст. // Р.А. Петровский. Аристотель. – М., 1957. – С. 7-35.
12. Пропп, В.Я. Морфология волшебной сказки / В.Я. Пропп. – Л., 1969. – С. 10-12, 21.
13. Пропп, В.Я. Поэтика фольклора: Собр. трудов / В.Я. Пропп ; Сост., предисл. и коммент. А.Н. Мартыновой. – М.: Лабиринт, 1988. – 352 с.
14. Пропп, В.Я. Принципы классификации фольклорных жанров / В.Я. Пропп // Сов. этнография. – 1964. – № 4. – С. 58-76.
15. Пропп, В.Я. Фольклор и действительность: избр. труды / В.Я. Пропп – М., 1976. – 325 с.

³⁰ Щуров, В.М. Стилевые основы русской народной музыки / В.М. Щуров. – М.: Моск. гос. консерватория, 1998.

16. Путилов, Б.Н. К морфологии фольклорной культуры. Искусство устной традиции. Историческая морфология / Б.Н. Путилов. – СПб., 2002. – С. 8-12.
17. Флоренский П.А. Собрание частушек Костромской губернии Нерехтского уезда. / П.А. Флоренский – М., Сов. Россия, 1989. – 111 с.
18. Чекановска, А. Музыкальная этнография: методология и методика / А. Чекановска. – М. : Сов. композитор, 1983. – 190 с. : нот. ил.
19. Чернышевский, Н.Г. Эстетическое отношение искусства к действительности. – М.: ОГИЗ, 1948. – 179 с.
20. Щуров, В.М. Стилевые основы русской народной музыки / В.М. Щуров. – М.: Моск. гос. консерватория, 1998. – 464 с.: нот.
21. Щуров, В.М. Южнорусская песенная традиция / В.М. Щуров. – М.: Сов. композитор, 1987. – 312 с.: ил.: нот. – С. 25-75.

CULTURAL MORPHOLOGY OF THE RUSSIAN FOLK SONG: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ASPECT

M. S. Zhirov¹⁾
O. I. Alekseeva²⁾

*¹⁾ Belgorod State
University*

*e-mail:
zhirov@bsu.edu.ru*

*²⁾ Belgorod State Institute
of Culture and Arts*

In this article morphological analysis of Russian folk song is represented as the most vivid key link of Russian folk culture: on the basis of mutually supplying and adding each other aspects: from the particular to the general and to the particular aspects of this phenomenon once again, in the context of its components: structure of genres and forms, expressing means of realization, graphic-semantic character, functional universality, forms of existence, , transmission, conservation and production, bearers and creators. In the article we give detailed analysis of genre structure of folk songs.

Key words: Russian national song, cultural morphology, structural elements, classification of genres, methods of analysis.

А.С. ПУШКИН – РОМАНТИК И ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ

В. В. Липич

*Белгородский
государственный
университет*

*e-mail:
lipich@bsu.edu.ru*

В статье рассматривается значение исторической роли пушкинского гения в духовном единении нации, в утверждении общенациональных нравственных ценностей и ориентиров русского народа на новом этапе его исторического развития.

Ключевые слова: романтизм, культура, личность, взаимодействие, этнокультурная идентичность, национальный характер, традиция, язык, народность, самосознание.

Русские романтики выдвинули свою концепцию народности, понимая под нею преимущественно национальную самобытность – внимание ко всему национальному (национальной истории, национальному быту, национальному характеру, национальному фольклору, национальным обычаям, национальному языку и т.п.). Суть этой концепции заключается в следующем: каждая нация выражает в истории человечества определенную идею. Народ – это национально целостное и социально недифференцированное единство, замкнутое в самом себе. В глазах романтиков «национальное» и «народное» выступают не столько как исторически сложившиеся категории, сколько как нечто неизменное, метафизическое, данное изначально и навсегда (традиции, образ жизни, быт, характер, фольклор, нравы, язык). Склад национального характера, с их точки зрения, обусловлен прежде всего национальным духом. Как справедливо заметил в самом конце XIX века американский литератор Джеймс Рассел Лоуэлл, «без национального самосознания мы бы никогда не имели литературы»¹.

Идею национального как индивидуального, оригинального, выдвинутую Гердером, усиленно пропагандировали романтики. Разделяя идущую от Гердера идею об изменчивости эстетических взглядов и вкусов, об их зависимости от внешних обстоятельств, теоретики романтизма решительно выступили против теории подражания античным и всяким другим образцам, имевшей хождение при классицизме, отстаивали положение о национальной самобытности литературы и искусства. Эта теория пользовалась особой популярностью в русских романтических кругах. С большой энергией ее защищали поэты-декабристы. «Все образцовые дарования, – писал Бестужев-Марлинский, – носят на себе отпечаток не только народа, но века и места, где жили они, следовательно, подражать им рабски в других обстоятельствах – невозможно и неуместно»². Страстно боролся за самобытное творчество Кюхельбекер: «Будем благодарны Жуковскому, что он освободил нас из-под ига французской словесности... но не позволим ни ему, ни кому другому... наложить на нас оковы немецкого и английского владычества»³.

На аналогичных позициях стоял и Н. Полевой. Он также видел в ориентированности на изображение национальной жизни наиболее характерную черту романтического искусства. «Сущность романтизма, – писал «Московский телеграф», – состоит именно в том, что... уничтожая всякую подражательность исключительному образцу, он требует развития самобытного, народного, чтобы тот или другой народ самобытно ввести в историю человечества, развивая его народные стихии»⁴.

Длительный процесс познания народами самих себя, трансформировался во времена Новой истории в познание себя через призму других, способствовал формированию целостных представлений о мире. Их первым, концептуально завершенным отражением, была выдвинутая И.В. Гете в 20-е годы XIX века идея мировой литературы.

¹ Lowell J.R. Our literature (1889). Prose works. – Boston, 1896. – Vol. VI. – P. 223.

² Бестужев-Марлинский А.А. Соч.: В 2 т. – М.: Гослитиздат, 1958. – Т. 2. – С. 551.

³ Мнемозина. – М., 1824. – Ч. II. – С. 40.

⁴ Московский телеграф. – М., 1831. – Ч. 37. – С. 566.

В национальном мышлении, литературной жизни каждого народа постоянно участвует и фонд зарубежных ценностей как современных, так и созданных в прошлом. Без участия этого компонента, при всей самобытности и определяющей роли собственно национальных процессов, система культурной и литературной жизни остается неполной.

Диалектика национального характера обнаруживается и в самой логике развития русского романтического мышления. Первые этапы его развития (Жуковский, Батюшков) – своего рода «период накапливания» энергии художественной мысли, а романтизм 1820-х – 1830-х годов («гражданская экзальтация» декабристского романтизма и особенно «неистовая» работа рефлектирующей, философской мысли Лермонтова) обнаруживает способность русского народа в критические моменты истории «идти до крайних следствий» (Герцен) и в области художественного мышления. «Русский романтизм, – подчеркивал Ап. Григорьев, – так отличается от иностранных романтизмов, что он всякую мысль, как бы она ни была дика или смешна, доводит до самых крайних граней, и притом на деле»⁵.

Каждая национальная литература, видимо, отбирает из мирового литературного процесса то, что вызывается острыми потребностями общественной мысли, соответствует состоянию социальных отношений и объективно способствует их развитию, то, что оказывается существенным для собственно литературной ситуации в стране. Но «ни одна великая национальная литература, – убедительно констатирует В. Жирмунский, – не развивалась вне живого и творческого взаимодействия с литературами других народов, и те, кто думает возвысить свою литературу, утверждая, будто она выросла исключительно на местной национальной почве, тем самым обрекает ее даже не на «блестящую изоляцию», а на провинциальную узость и «самообслуживание»⁶.

Справедливость этих слов бесспорна, так как только сравнение позволяет выявить общие и специфические закономерности развития литературных явлений, дает возможность представить весь историко-литературный процесс как в отдельных индивидуальных и национальных проявлениях, так и цельной системой, в совокупности его слагаемых.

На этой основе и рождалось то увлечение национальным этнографизмом вообще и устным национальным творчеством в частности, которое было столь характерным для романтиков, видевших в фольклоре творческое проявление безыскусственного гения народа. Без этой обращенности к народному творчеству, подготовленной еще предромантическими тенденциями в русской литературе конца XVIII и начала XIX вв. («Душенька» Богдановича, «Илья Муромец» Карамзина, «Бахариана» Хераскова, «Бова» Радищева и т. п.), мы не поймем своеобразия русского романтизма. Если английские романтики, например, потянулись к народным песням, старинным шотландским балладам, к истории, быту и нравам Ирландии и Шотландии – вплоть до средневековья и времен викингов, то в России романтики обратились к историческим преданиям о древнем Киеве, Новгороде и Пскове, к национальному фольклору народов Украины, Кавказа, Крыма, Молдавии, к русским народным сказкам, былинам, песням, даже обрядам и суевериям.

Романтики, таким образом, уже пытались исторически осмыслить и объяснить человеческую личность характером национальной культуры. И в этом смысле романтизм уже прорывается навстречу реалистическому обоснованию человеческой личности и национальной культуры объективно-историческими факторами. Правда, это были всего лишь попытки – не более.

Процесс пробуждения национальной самобытности и путь русской общественной мысли к вершинам философского, политического и эстетического самосознания в эпоху романтизма отнюдь не был путем националистической самоизоляции. Становление национально-самобытной русской литературы, столь активизировавшееся после Отечественной войны 1812 г., шло иным – более сложным и диалектическим – путем. Русский романтизм был глубоко национальным и столь же глубоко интернациональным явлением. Возникший на конкретно-исторической почве российской действительности первых десятилетий XIX в., он формировался и развивался не на узеньких проселках провинциально-националистического «захолустья», а на большой и широкой дороге общеевропей-

⁵ Григорьев А. Воспоминания. – Л.: Наука, 1980. – С. 58.

⁶ Жирмунский В.М. Сравнительное литературоведение. Восток и Запад. – Л.: Наука, 1979. – С. 71.

ского и мирового искусства. «Мы по праву наследники всей Европы»,⁷ – подчеркивал Белинский. Национальная самобытность отнюдь не исключала опоры на творческий опыт других наций. В противном случае это выглядело бы националистическим сектантством. Традиции – это «определенное смысловое пространство», сложный комплекс национальной, религиозной и общечеловеческой культурной памяти. Справедливо замечание Г.И. Мальцева о том, что эта память «не всегда выступает на уровне сознания, являясь достоянием подсознательного и бессознательного»⁸. Поэтическое слово «хранит и несет» память о мировых художественных канонах, эстетических образцах, органично связано с комплексом национальных представлений о мире и человеке. Оно обновляется, соединяя эти традиции в новое эстетическое единство, и прежде всего является самовыражением поэта, обнажает его мирозерцание, его этику, его понимание законов прекрасного.

Духовная культура России к началу XIX века уже активно взаимодействовала с духовной культурой других народов. Русский романтизм тоже не замкнулся в рамках только своего национального мира. Напротив, он развивался в теснейшем взаимодействии с западноевропейским романтизмом. Свободно и непринужденно входит в опыт русского романтизма все то, что волновало и тревожило Европу конца XVIII – начала XIX вв. и что было накоплено к тому времени мировой литературой. Не теряя своей национально-исторической самобытности, русский романтизм был самыми прочнейшими узами связан с развитием общеевропейского романтизма – немецкого, английского, французского, польского и т.д.

В известном смысле, некоторые писатели Запада представляли собою явление не только общеевропейское, но и, так сказать, общерусское, ибо они были активными и непосредственными «участниками» русского литературно-романтического движения. Без них, без учета их влияния вряд ли возможно полно и правильно понять все своеобразие исторической судьбы и национальной специфики русского романтизма.

С начала романтического периода творчества Пушкин оказывается в русле важнейших идейных и эстетических исканий своей эпохи. Взгляды Пушкина на русскую литературу XVIII в. формировались под воздействием двух прямо противоположных тенденций: с одной стороны, он воспитывался в обстановке преклонения перед Ломоносовым, Херасковым, Державиным, Дмитриевым, царившей в Лицее, с другой – поэт живо реагировал на проникновение в лицейскую среду новых литературных веяний, испытывая непосредственное влияние творчества таких ведущих поэтов начала XIX в., как Жуковский, Батюшков, Вяземский, Давыдов. При этом и «старое», и «новое» гармонично уживались в сознании лицейцев.

Поэтому вполне закономерно, что поэтическое самосознание юноши Пушкина впервые проявляется в рамках дидактического послания «К другу стихотворцу» (1814), ибо юный поэт еще только постигает законы нормативной поэтики.

Синкретический характер пушкинской поэтической системы обусловлен эпохой пересекающихся литературных направлений. Благодаря ситуации «культурного перелома» сумма новых художественных тенденций естественным образом координировалась с исторически противостоящими поэтическими направлениями. Говоря более точно, поэзия Пушкина возникает в условиях особой литературной ситуации, в рамках которой мы находим сосуществование разнообразных элементов, и устоявшихся в сознании писателей, и тех, которые только подлежат кристаллизации и установлению.

Творческая эволюция Пушкина стала выражением основных эстетических традиций времени. Опираясь на принцип гегелевской триады, И.В. Киреевский в статье «Не что о характере поэзии Пушкина» так определил три момента в творческом самоопределении поэта: период «школы итальянско-французской», следование образцам и овладение поэтической формой, словом («творец-поэт»); с «Кавказского пленника» начинается второй период пушкинской поэзии, который можно назвать отголоском лиры Байрона («поэт-философ»); «Цыганы», «Евгений Онегин», «Борис Годунов» открывают этап самобытного творчества, «периода поэзии русско-пушкинской» (некий синтез тех начал, что определяли сущность предшествующих периодов)⁹.

⁷ Белинский В.Г. Избранные философские сочинения. – М.: ГИХЛ, 1943. – С. 96.

⁸ Мальцев Г.И. Традиционные формулы русской народной необрядовой лирики. – Л.: Наука, 1986. – С. 68-69.

⁹ Киреевский И.В. Избранные статьи. – М.: Современник, 1984. – С. 31-32; 38.

Пушкин, оставаясь в рамках романтического мироощущения, переосмысливал – в категориях романтизма – многие чисто романтические темы, образы, жанровые принципы, создавал русский вариант романтизма, отличного от западноевропейского, но не выходящего за пределы романтического направления как такового.

Если XVIII век был периодом тематического подключения российской словесности к мировой поэзии, когда точность перевода или подражания значения не имели, а потому зачастую вовсе не воспринималась стилистика иноязычного текста (соотношение сатир Кантемира, Буало и Горация – наиболее явное тому свидетельство), то поэзия XIX в. начинается там, где «свое» и «чужое» поняти как проблема.

Это осознание включает в себе двуединый процесс: с одной стороны, чужая, иноязычная литература воспринимается как наилучшим способом оформленное, устоявшееся явление, усвоив которое, можно проявить и расширить национальные языковые возможности; с другой – эта же литература (или литературы) осознается как несоответствующая собственной национальной традиции и направлению ее движения, а следовательно – требует преодоления. Кроме того, каждая национальная литература, обладая презумпцией значительности и самостоятельности, по-своему говорит то, *чего и так* никогда не скажет другая литература.

Только после этого периода усвоения литература начинает резко противопоставлять себя тому, что ею же было воспринято со стороны. Она начинает мыслить себя как некий субстрат, остающийся от столкновения с иноязычными культурами. Характерно замечание Ап. Григорьева, содержащееся в статье 1859 г. «Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина»: «Пушкин – представитель всего нашего душевного, особенного, такого, что остается нашим душевным, особенным после всех столкновений с чужим, с другими мирами»¹⁰.

Отечественным и зарубежным литературоведением неоднократно обсуждалась проблема различных «западных влияний» в творчестве А.С. Пушкина. Как справедливо отмечал В.М. Жирмунский, – «Пушкин как русский национальный поэт является в то же время активным участником литературной жизни Запада; его творческий путь связан одновременно и с общеевропейским и русским литературным развитием»¹¹.

Оставаясь истинно русским, Пушкин (которого Н. Гнедич недаром сравнил с Протеем) действительно обладал удивительной способностью проникновения в глубины инонационального сознания, в глубины инонациональных культур, выявляя в них общечеловеческие ценности – художественные и этические. Образы Библии и Корана, шедевры античности и Возрождения, древних народных сказаний и книг, современных ему авторов, волновали ум и воображение поэта, творчески переосмыслились им. Решая собственные задачи по преодолению «ничтожества литературы русской» и поднимая ее сразу на европейский уровень, давая мощный импульс и надежные ориентиры для движения вперед, Пушкин, помимо опыта отечественной словесности (проанализировав исторические причины ее тогдашнего отставания), должен был освоить иные национальные стилистики – французскую, немецкую, английскую, итальянскую, испанскую...¹²

Вместе с тем, мы можем констатировать, что и кантианство, и шеллингизм, и байронизм Пушкина – это не решающие, не определяющие влияния, это лишь определенные вехи в истории его личной и поэтической жизни.

Творческая эволюция и жизненное мироотношение и мироощущение Пушкина являются яркой иллюстрацией того обстоятельства, что русский романтизм во многих аспектах и отношениях был, если так можно выразиться, «открытой системой», то есть активно присутствовал и утверждался в европейском историко-литературном контек-

¹⁰ Григорьев Ап. Собр. соч. – М., 1915. – Вып. 6. – С. 10.

¹¹ Жирмунский В.М. Байрон и Пушкин. – Л.: Наука, 1978. – С. 359.

¹² См.: Палиевский П.В. Русские классики. – М.: Художественная литература, 1987. (Раздел, посвященный Пушкину, С. 68-103); Бэла И.Ф. Универсализм Пушкина // Творчество А.С. Пушкина. Материалы советско-американского симпозиума в Москве. – М., 1985. – С. 4-17. Кибальник С.А. Художественная философия Пушкина. – СПб., 1999. – С. 43-64; Сквозников В.Д. Пушкин. Историческая мысль поэта. – М., 1999. – С. 66-82; Эйдельман Н.Я. Статьи о Пушкине. – М., 2000. – С. 328-335; Смирнов А.А. Романтическая лирика А.С. Пушкина как художественная целостность. – М., 2007. С. 76-138.

сте, осмысливал себя в нем, очень чутко реагировал и определенным образом откликался на происходившие в нем изменения, глубоко усваивая его художественный и теоретический опыт.

И продвигаясь к реализму, Пушкин отнюдь не отказывался от романтизма как широкого и мощного историко-культурологического явления эпохи, открытий и завоеваний романтической эстетики; поэт, скорее, стремился преодолеть односторонность романтизма, облаченную в форму байронизма.

Национально-исторические истоки пушкинского романтизма определили и своеобразие его философской основы: Пушкину оказались гораздо ближе просветительские философские традиции (правда, переосмысленные и переработанные), нежели идеализм Фихте, Канта, Шеллинга. Пушкин, с одной стороны, говорит, что «ненавидит и презирает» немецкую метафизику – потому что она толкает на путь отвлеченного философствования и отвращает от исследования непрерывно движущегося конкретного бытия, а с другой – поэт сознает глубину мысли, свойственную немецкой идеалистической философии, и скрытые в ней возможности теоретического познания.

Романтизм сыграл чрезвычайно большую роль в формировании пушкинской эстетической мысли. Эстетика Пушкина не изложена ни в каком специальном сочинении поэта. Она не рядится в одежду «технических» философских и эстетических терминов. Она не выступает от лица какой-либо известной философской системы. Развиваясь в литературной и критической среде, захваченной влиянием шеллингианства, Пушкин был далек от распространенной в 20-е и 30-е годы моды на метафизический лексикон, на щеголяние философскими терминами, за которыми не стояло действительно продуманное философское содержание. Однако, избегая философского оформления своих эстетических понятий, Пушкин поступал так вовсе не потому, что пренебрегал теоретическими основами эстетики. Пушкин сторонился легкомысленных и необоснованных притязаний на философичность. Именно в этом смысле он оправдывал перед А.А. Дельвигом свое отношение к московским шеллингианцам из редакции «Московского Вестника». «Ты пеняешь мне, – писал Пушкин, – за «Московский Вестник» и за немецкую метафизику. Бог видит, как я ненавижу и презираю ее; да что делать? Собрались ребята теплые, упрямые; поп свое, а чорт свое. Я говорю: господа, охота вам из пустого в порожнее переливать – все это хорошо для немцев, пресыщенных уже положительными познаниями, но мы...»¹³

С начала романтического периода творчества Пушкин оказывается в русле важнейших идейных и эстетических исканий своей эпохи и, по справедливому утверждению Д.М. Урнова, стремится уяснить себе итоги европейской мысли. Хотя Пушкин «не принял ни духа немецкой философии, ни точек зрения ее, однако его ум стал работать в направлении тех же вопросов, которые философия от Шеллинга до Шлегеля ставила».¹⁴ При этом реалистическая сущность эстетики зрелого Пушкина часто непосредственно выростала из его романтических исканий.

На рубеже 1830-х годов А.С. Пушкин приходит к чрезвычайно важным для него формулировкам одного из самых глубоких своих убеждений, на которое он опирался в своем противостоянии неприемлемой действительности: пушкинская мысль о «самостоянии человека» была напрямую связана с представлением поэта о духовно завоеванной суверенности личности, способной опереться на самое себя, на силу своего духа и воли... Больше того, именно разомкнутость сознания личности в область национально-исторического опыта и расценивается Пушкиным как оплот и гарантия ее «самостояния».

Синкретический характер пушкинской поэтической системы, обусловленный эпохой пересекающихся философско-литературных направлений, и особая роль А.С. Пушкина в процессе формирования национального самосознания XIX столетия посредством художественного слова требуют обстоятельного и конкретного анализа составных элементов данного синкретизма.

¹³ Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 19 т (тома 17 и 18 – дополнительные, том 19 – информационно-справочный) – М.: Воскресение, 1994 – 1997 (репринт 1949). – Т. XIII. – С. 320.

¹⁴ Урнов Д.М. Пушкин и Шекспир: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1966. – С. 9.

Список литературы

1. Lowell J.R. Our literature (1889). Prose works. – Boston, 1896. – Vol. VI.
2. Бестужев-Марлинский А.А. Соч.: В 2 т. – М.: Гослитиздат, 1958. – Т. 2.
3. Мнемозина. – М., 1824. – Ч. II.
4. Московский телеграф. – М., 1831. – Ч. 37.
5. Григорьев А. Воспоминания. – Л.: Наука, 1980.
6. Жирмунский В.М. Сравнительное литературоведение. Восток и Запад. – Л.: Наука, 1979.
7. Белинский В.Г. Избранные философские сочинения. – М.: ГИХЛ, 1943.
8. Мальцев Г.И. Традиционные формулы русской народной необрядовой лирики. – Л.: Наука, 1986. Киреевский И.В. Избранные статьи. – М.: Современник, 1984.
9. Палиевский П.В. Русские классики. – М.: Художественная литература, 1987.
10. Бэлза И.Ф. Универсализм Пушкина // Творчество А.С. Пушкина. Материалы советско-американского симпозиума в Москве. – М., 1985.
11. Кибальник С.А. Художественная философия Пушкина. – СПб., 1999.
12. Сквозников В.Д. Пушкин. Историческая мысль поэта. – М., 1999.
13. Эйдельман Н.Я. Статьи о Пушкине. – М., 2000.
14. Смирнов А.А. Романтическая лирика А.С. Пушкина как художественная целостность. – М., 2007.
15. Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 19 т (тома 17 и 18 – дополнительные, том 19 – информационно-справочный) – М.: Воскресение, 1994 – 1997 (репринт 1949). – Т. XIII.
16. Урнов Д.М. Пушкин и Шекспир: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1966.

A.S. PUSHKIN – ROMANTICIST AND THE PROBLEM OF THE FORMATION OF THE NATIONAL CONSCIOUSNESS

V. V. Lipich

*Belgorod State
University*

*e-mail:
lipich@bsu.edu.ru*

The article dwells on the importance of the historical role of the genius of Pushkin in the spiritual unity of the nation, in the assertion of the national moral values and the orientations of the Russian people at the new stage of its historical development.

Key words: romanticism, culture, personality, interaction, ethnic and cultural identity, national character, tradition, language, national roots, self-consciousness.

ДИАЛОГ КАК ФОРМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КУЛЬТУР

Т. И. Липич

*Белгородский
государственный
университет*

e-mail: lipich@bsu.edu.ru

В статье рассматривается проблема диалога культур и культурного диалога, Анализ данной проблемы необходим для рассмотрения диалогических отношений, возникших между Россией и Германией в I половине XIX века. Проблематика диалогизма в русской литературной и философской культурологической традиции зарождалась в рамках осмысления собственной этнокультурной идентичности.

Ключевые слова: диалог, культура, общение, коммуникация, взаимодействие, взаимовлияние, этнокультурная идентичность.

Проблема диалога в современных условиях приобретает особое значение. Современный мир характеризуется все большими процессами глобализации, в соответствии с этим, усиливаются и процессы, противоположные им. К сожалению, это не свидетельствует о том, что человечество научилось жить если и не в согласии, то хотя бы в режиме диалога.

В связи с этим, возникает необходимость обратиться к истокам диалога, его понимание в философии и культурологии. Эти науки накопили достаточно большой опыт в понимании данного феномена.

Анализом диалога, диалогового мышления в истории философии занимались представители различных школ и направлений, например, Э. Гуссерль, М. Хайдеггер (представители феноменологии), К. Леви-Строс, Н.С. Трубецкой, Л.Н. Гумилев рассматривали диалог в системе диалога культур. Сегодня это становится как никогда актуальным, так как диалог в области гуманитарного знания, культуры в целом, раздвигает границы общения между народами, государствами. Это способствует тому, что возрастает необходимость лучшего познания собственной национальной культуры, способствует пониманию собственной самоидентификации.

Основателем теории диалога в западной философской мысли был М. Бубер. В своей книге «Я и Ты» он поднимает очень важные вопросы диалога человека и Бога, человека и человека, выделяет роль языка, посредством которого осуществляется диалог. Эти идеи развивает русский философ М.М. Бахтин: «Диалогические отношения... – это почти универсальное явление, пронизывающее всю человеческую речь и все отношения и проявления человеческой жизни, вообще все, что имеет смысл и значение...Где начинается сознание, там ... начинается и диалог»¹.

Ряд исследователей рассматривают проблему диалога через анализ понятия «другого» и его встречи с «я»². Наличие «я» и «другого» – необходимое условие диалога, который предполагает активное взаимодействие равноправных субъектов. Если это условие не выполняется, то говорить о полноценном диалоге нельзя, а можно констатировать взаимовлияние, которое характеризуется воздействием на другого, предполагая изменение поведения, мыслей и т.д. В основе этого лежит принцип подражания, внушения.

Сегодня многие прежние подходы к проблеме диалога претерпевают изменения и требуют более глубокого исследования. Все более актуальными, на наш взгляд, в этом направлении являются идеи «универсального диалога» М.С. Кагана, «диалога культурных миров» Г.С. Померанца, «полилога культур», как формы диалога множества культур О.Н. Астафьевой. Представленная в последние десятилетия диалогическая тематика должна быть осмыслена в рамках широкого культурного контекста эпохи, которая характеризуется развитием толерантных поведенческих установок, межконфессиональным, межкультурным диалогом.

Диалог – это универсальный, всеохватывающий способ существования культуры и человека в культуре³. В XIX веке славянофилы предложили идею о том, чтобы понять

¹ Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. – М., 1972, С. 71.

² Г.- Г. Гадамер, Р. Барт, Э. Левинас, А.И. Введенский, И.И. Лапшин и др.

³ См. Каган М.С. Философия культуры. – СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1996.

язык другой культуры, человек должен понимать и ценить историю и культуру своего собственного народа.

Поэтому многие современные философы конкретные проблемы общения, диалога и коммуникации связывают с межкультурным диалогом народов, стран, цивилизаций. В свое время И.Г. Гердер выделял взаимодействие культур как способ сохранения культурного многообразия и отмечал, что познание своей культуры, самих себя возможно через познание других культур, поскольку «ни один народ не достиг культуры сам по себе»⁴.

Понятие диалога культур трактуется весьма широко. В XX веке идеи диалога вошли в ткань философского мышления и получили все большее распространение от этических и эстетических проблем у М. Бубера и М. Бахтина до анализа человеческого бытия, как «диалогической жизни», «диалогичности» В. Библера и анализа внутреннего диалога, изучения диалогической природы человеческой речи.

Для того чтобы рассмотреть диалог культур, необходимо уточнить самое понятие «культура», «общение», «диалог», «коммуникация», «взаимовлияние». При огромном количестве разнообразных смысловых наполнений, дающихся понятию культуры, подходов к её изучению нам близка позиция В.С. Библера, который определяет культуру как форму одновременного бытия и общения людей прошлых, настоящих и будущих культур⁵. Следовательно, культура – это общение. Анализ этой категории посвятили свои работы К. Ясперс, М.С. Каган, М.М. Бахтин и др. Например, М.М. Бахтин в своих работах утверждал, что культура – это форма общения людей разных культур. Она есть там, где есть как минимум две культуры, а самосознание культуры есть форма её бытия на грани с иной культурой. На этом основании культура рассматривается как механизм самодетерминации индивида. Общение, по Ясперсу, это отношения, возникающие «между двумя индивидами, которые связываются друг с другом, но должны сохранять свои различия, которые идут друг другу навстречу из уединенности, но знают об этой уединенности лишь постольку, поскольку они вступают в общение».⁶ «Общение» и «коммуникация» – различны по своей сути. Если общение имеет практический, материальный и духовный, информационный характер, то коммуникация – это чисто информационный процесс, односторонний, от отправителя к получателю, отношение субъекта к другому человеку как к объекту. В общении стороны ищут точки соприкосновения, некие общие позиции, в результате борьба мнений переходит в диалог. В этом случае субъект относится к другому, как к субъекту.

Диалог культур предстает как наиболее яркая форма общения культур и как результат взаимного общения культур. Общение в рамках субъектно-объектных отношений можно назвать взаимодействием, которое характеризуется как всеобщая форма связи явлений, осуществляющаяся в их взаимном изменении. Некоторые исследователи выделяют партнерское взаимодействие-диалог, когда не происходит навязывание, а осуществляется взаимодействие двух и более культур.⁷ Культура по своей сути диалогична. Человечество с момента своего зарождения существует в рамках диалога. В.М. Межуев отмечает, что диалог возможен между людьми, которые находятся на одном уровне цивилизационного развития и связаны, кроме всего, некоей системой ценностей.⁸ Культура, общение культур есть общение индивидов как личностей, поэтому здесь важно признание самоценности всех сторон, участвующих в диалоге. В диалоге культур каждая культура реализует себя как отдельная, самобытная, неисчерпаемая в своей неповторимости культура.⁹ Возможность диалога можно отметить только тогда, когда субъект начинает осознавать и выделять свою индивидуальность, свою самоидентификацию через связь с дру-

⁴ И.Г. Гердер Идеи к философии истории человечества. – М., 1977. – С. 477.

⁵ В.С. Библер Культура. Диалог культур. Опыт определения // Вопросы философии, 1989. – № 6. – С. 31 – 42.

⁶ Ясперс К. Современная буржуазная философия. М., 1978. С. 324 – 327.

⁷ Уразметов Т.З. Культура, история, диалог: соотношение понятий // Проблемы теории и истории культуры: исследования и материалы. – Оренбург, 2005.

⁸ См. Межуев В.М. Диалог между цивилизациями как философская проблема // М.: МГУ-КИ, 2004.

⁹ Библер В.С. От наукоучения к логике культуры. Два философских введения в XXI век. – М., 1990. – С. 299.

гими, через свою обусловленность другими. Рассматривая диалог как единственно возможную форму события людей, Бахтин справедливо утверждал: «Чужие сознания нельзя созерцать, анализировать, определять как объекты – с ними можно только диалогически общаться. Думать о них – значит говорить с ними»¹⁰. Диалог по Бахтину не есть просто общение, разговор, речевая деятельность – диалог есть взаимное самопознание и самоутверждение. Диалог понимается как единственно возможная форма со-бытия, существования «Мы» в «Они» и «Я» в «Другом».

Общение личностей в диалоге происходит благодаря некоторой составляющей общения – тексту. М.М. Бахтин в «Эстетике словесного творчества» писал, что человека можно изучать только через тексты, созданные или создаваемые им. Текст, по Бахтину, может быть представлен в разных формах: как живая речь человека; как речь, запечатленная на бумаге или любом другом носителе (плоскости); как любая знаковая система (иконографическая, непосредственно вещная, деятельностная и т.д.). Причем в любой из этих форм текст может быть понят как форма общения культур. Каждый текст опирается на предшествующие и последующие ему тексты, созданные авторами, имеющими свое миропонимание, свою картину или образ мира, и в этой своей ипостаси текст несет смысл прошлых и последующих культур, он всегда на грани, он всегда диалогичен, так как всегда направлен к Другому.

Культурный диалог конкретизируется М.М. Бахтиным в понятии полифонизма, причем, говоря о полифонизме, М.М. Бахтин отмечал также его диалогичность: «Он строится не как целое одного сознания, объектно принявшего в себя другие сознания, но как целое взаимодействие нескольких сознаний, из которых ни одно не стало до конца объектом другого»¹¹.

Полифония как организующий принцип бахтинской интерпретации – это слово, ключевым коннотативным значением которого выступает понимание многоплановости, многомирности, многоголосия, а здесь, в таком случае, мы уже имеем дело с определенным образом организованным диалогом – полифоническим диалогом.

Идеи диалогизма в культуре в культурно-семиотическом аспекте в 60-80-е гг. XX века развивались представителями тартуско-московской культурологической школы (Ю.М. Лотман, Б.А. Успенский, Вяч. Вс. Иванов, В.Н. Топоров, Е.М. Мелетинский и другие). Ю.М. Лотман указывал на следующее семиотическое свойство диалога: диалог возможен лишь тогда, когда его участники одновременно различны и имеют в своей структуре семиотический образ контрагента. «Поскольку транслируемый текст и полученный на него ответ должны образовывать, с некоторой третьей точкой зрения, единый текст, а при этом каждый из них, со своей точки зрения, не только представляет отдельный текст, но имеет тенденцию быть текстом на другом языке, транслируемый текст должен, упреждая ответ, содержать в себе элементы перехода на чужой язык. Иначе диалог невозможен»¹². Таким образом, для того чтобы общаться с другой культурой, культура должна интериоризировать ее образ внутри своего мира.

Говоря о проблеме диалога культур и межкультурного диалога, Ю.М. Лотман указывает на то, что в широкой исторической перспективе взаимодействие культур всегда диалогично. Чертами всякого культурного диалога являются: во-первых, попеременная активность передающего и принимающего, во-вторых, выработка общего языка общения. Этот процесс делится на этапы: сначала наблюдается односторонний поток текстов, которые откладываются в памяти принимающего, причем память на этом этапе фиксирует также тексты на чужом, непонятном языке, а следующим этапом является овладение чужим языком и свободное им пользование, усвоение правил порождения чужих текстов и воссоздание по этим правилам аналогичных им новых.

Нам близка мысль В.С. Библера о том, что культура способна жить и развиваться (как культура) только на грани культур, в одновременности, в диалоге с другими целостными, замкнутыми «на себя», на выход за свои пределы, культурами. Он отмечал, что

¹⁰ Цит. по: Библер В.С. От наукоучения – к логике культуры: Два философских введения в XXI век. – М., 1990. – С. 146-147.

¹¹ Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. – М., 1972. – С. 20-21.

¹² Лотман Ю.М. Статьи по семиотике и типологии культуры // Избранные статьи в трех томах. – Т. 1. – Таллинн, 1992. – С. 19.

каждая культура есть некий «двуликий Янус», в том смысле, что ее лицо столь же напряженно обращено к иной культуре, к своему бытию в иных мирах, сколь и внутрь, вглубь себя, в стремлении изменить и дополнить свое бытие. Общение в культуре, то есть бытие в культуре – это всегда (в потенции, в замысле) общение между различными культурами, даже если мы живем в одной и той же культуре. А диалог лишь тогда диалог (в смысле культуры диалога и диалога культур), когда он может осуществляться как бесконечное развертывание и формирование все новых смыслов каждого – вступающего в диалог – феномена культуры, образа культуры, произведений культур.

Европейские культуры существуют в едином пространстве европейской цивилизации и культуры. В каждой национальной культуре находится то, что объединяет и отличает их. В такой ситуации возможен диалог. По нашему мнению, диалог – это универсальный процесс взаимодействия субъектов межкультурной коммуникации, направленный на развитие этого процесса, а так же на саморазвитие. Анализируя русскую культуру, её становление необходимо отметить, что основой для развития диалоговых отношений является как пространство внутри России, так и взаимоотношения русской культуры с национальными культурами других стран. С этой целью мы воспользуемся типологией диалога культур, предложенной О.В. Ковальчук¹³: вертикально-исторический (культурно-временной) диалог; вертикально-диахронный (культурно-диахронный) диалог – межкультурная коммуникация; горизонтально-исторический диалог – разворачивался во времени собственной культурно-исторической традиции как «разговор» со своим прошлым; горизонтально-пространственный (внутрикультурный или системный) диалог – диалог культур и субкультур, существующих в едином этнокультурном и цивилизационном пространстве и времени.

Проблематика диалогизма в русской литературной и философско-культурологической традиции рождалась в пространстве осмысления собственной этнокультурной идентичности. Обращение именно к русской традиции диалогического мышления обусловлено следующими моментами: диалогичность была свойственна и писателям, и литературным критикам, и философски ориентированным мыслителям. В начале XIX века в России происходит формирование русского национального языка, русской литературы, зачатков русской философской мысли. Эти процессы развивались в диалоге с французской, английской, но в большей степени, с немецкой культурой. У России и Германии всегда были непростые отношения, которые характеризовались и противоречиями, и конфликтами, но вместе с тем, у России были тесные и своеобразные отношения с Германией: в духовном, культурном отношении между русскими и немцами можно проследить родство, которого нет между другими народами. Ряд исследователей, анализирующих эту проблему, приходят к выводу, что русские и немцы относятся к тем народам, которые можно назвать метафизическими народами. Они в большей степени, чем другие народы были потрясены тем новым, что было привнесено веком Просвещения и Французской революцией, но в начале XIX века идеология Просвещения оказалась достаточно скомпрометированной в самой Европе в результате террора Французской революции и наполеоновских войн. Россия обращает свои взоры на Германию, чьи философские идеи становятся созвучными русскому умунастроению: Фихте, Шеллинг, Гегель становятся весьма популярными в русском образованном обществе. Точкой пересечения диалогических отношений между философско-литературной общественной жизнью России и Германии становится романтизм, как особый тип творческого мировосприятия. Кант и Фихте, Шеллинг и романтики впервые осознают активность человеческой чувственной и мыслительной деятельности, *культурной практики*, которая и выступает как глубинная *идеальная форма* культурного диалогизма. Русские мыслители своеобразно переработав идеи немецкого романтизма, сформулировали свое видение и понимание основных целей и задач, стоящих перед русской общественной мыслью, важнейшей из которых является осознание собственной идентичности.

Таким образом, литература и философия как формы национального самосознания возникают тогда, когда народ начинает ощущать потребность в осознании самого себя, своего места в мире, когда совершаются радикальные изменения в мышлении, спо-

¹³ см.: Ковальчук О.В. «Цивилизационные модели диалога светской и религиозной культуры». – Автореферат на соискание ученой степени кандидата философских наук. – Белгород, 2004.

способствующие развитию разнообразных сфер общества. Поэтому прямые и косвенные литературно-философские диалогические отношения как внутри страны, так и между странами, способствуют духовному единению и консолидации нации.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. – М., 1972.
2. Гадамер Г.- Г., Р. Барт, Э. Левинас, А.И. Введенский, И.И. Лапшин и др.
3. Каган М.С. Философия культуры. – СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1996.
4. Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. – М., 1977.
5. Библер В.С. Культура. Диалог культур. Опыт определения // Вопросы философии, 1989. – № 6. – С. 31 – 42.
6. Ясперс К. Современная буржуазная философия. М., 1978.
7. Уразметов Т.З. Культура, история, диалог: соотношение понятий // Проблемы теории и истории культуры: исследования и материалы. – Оренбург, 2005.
8. Межуев В.М. Диалог между цивилизациями как философская проблема // М.: МГУКИ, 2004.
9. Библер В.С. От наукоучения к логике культуры. Два философских введения в XXI век. – М., 1990.
10. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. – М, 1972.
11. Лотман Ю.М. Статьи по семиотике и типологии культуры // Избранные статьи в трех томах. – Т.1. – Таллинн, 1992.
12. Ковальчук О.В. «Цивилизационные модели диалога светской и религиозной культуры». – Автореферат на соискание ученой степени кандидата философских наук. – Белгород, 2004.

DIALOGUE AS A FORM OF INTERACTION OF CULTURES

T. I. Lipich

*Belgorod State
University*

e-mail: lipich@bsu.edu.ru

The article deals with a problem of dialogue of cultures and cultural dialogue. The analysis of this problem is necessary for consideration of the dialogical relations which have appeared between Russia and Germany in the 1st half of XIX century. Only in dialogue each culture realizes itself as separate, original, unique. The problem of dialogism in Russian literary and philosophical cultural tradition arose within the limits of judgment of own ethnocultural identity.

Key words: dialogue, culture, communication, act of communicating, interaction, interference, ethnocultural identity.

ПОСТМОДЕРНИСТСКИЕ ОБРАЗЫ ПОЛА И ЛЮБВИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

А. М. Страхов

*Белгородский
государственный
университет*

В статье рассматриваются особенности образов пола и любви в отечественном культурном постмодерне. Автор отмечает в России XXI в. наличие девальвации любви, эротической тенденции в художественной литературе, разрушение семьи.

Ключевые слова: любовь, пол, культура, эротика, семья.

Любовь и пол издавна привлекают к себе внимание исследователей, однако во второй половине XX в. к ним проявляется повышенный интерес, что связано с сексуальной революцией, не миновавшей и Россию, которая успела свою первую сексуальную революцию еще в 20-е гг. прошлого столетия пережить – сопроводившая социальные потрясения либерализация половой морали приобрела такие масштабы, что уместно ее как сексуальную революцию охарактеризовать¹. Начавшись, как и на Западе, в 60-е гг., вторая сексуальная революция в России проходит два этапа, определяемых спецификой политического и социально-экономического развития страны. Первый этап реализуется в России советской, причем не под прямым влиянием Запада, от которого отгораживал пресловутый «железный занавес», а в связи с общечеловеческой тенденцией к либерализации взаимоотношения полов и особенностями нового образа жизни со все ускоряющимися темпами, рационализацией и индивидуализацией. Он протекает латентно и вялотекущее, затрагивая в основном городские интеллигенцию и молодежь, и набирает силу вопреки установкам официоза и навязываемому им моральному кодексу строителя коммунизма. Первый этап второй русской сексуальной революции освещается на страницах произведений Владимира Высоцкого, Венедикта Ерофеева, Виктора Ерофеева, Людмилы Улицкой. Ряд проявлений первого этапа второй сексуальной революции уловил и отразил ее современник советский писатель Юрий Трифонов. В 60-е – 80-е гг. XX в. подготавливалась основа тех радикальных перемен, что произошли в 90-е гг., когда начинается второй этап сексуальной революции, соответствующий демократическим рыночным преобразованиям и отечественному культурному постмодерну.

В отечественной литературе представлен ряд классификаций семейно-брачных отношений и любви. Это имеет место не только в истории русской философской мысли (у В.С. Соловьева, В.В. Розанова, например), но и в современных исследованиях: С.В. Климова выделяет идеалы, образцы, нормы любви, Л.Н. Надолинская рассматривает стереотипы любовных отношений, О.С. Осипова пишет о семейно-брачных идеалах. Представляется уместным вести речь об *образах* пола и любви, поскольку образ шире идеала, нормы или стереотипа, включая в себя и многочисленные отступления от господствующих императивов, к тому же образ более соответствует философскому осмыслению, обладающему образной спецификой. Еще П.С. Юшкевич подчеркивал, что «коренные философские понятия суть всегда понятия-образы»². Занимая важное место в понятийном аппарате гносеологии, образ характеризуется той или иной степенью адекватности отражения.

¹ См.: Страхов А.М. Уроки прошлого в вопросах пола // Грані. – 2004. – № 1(33). С. 95-97; Страхов А.М. Эволюция образов пола и любви в отечественной культуре XIX – XX столетий // Научные ведомости БелГУ. Серия: Философия. Социология. Право. – 2007. – № 9 (40). С. 88-86.

² Юшкевич П.С. О сущности философии (К психологии философского мирозерцания) // На переломе. Философские дискуссии 20-х годов: Философия и мировоззрение. – М.: Политиздат, 1990. С. 153.

Эйфория от свободы после падения тоталитарного режима спровоцировала отождествление свободы и вседозволенности. В свое время, вскоре после революции 1917 г., В.В. Розанов метко подметил: «Как аристократия имела свои специфические и неустрашимые пороки, так их имеет и демократия, и, по-видимому, с тем же неуничтожимым характером»³. «Пороки» становящейся российской демократии 90-х гг. усугублялись отсутствием отечественного опыта и неприемлемостью некритичного переноса западных ценностей на российскую почву. Еще не привыкшие к такой свободе россияне выстраивались в очереди, чтобы посмотреть фильмы с постельными стенами и обнаженной натурой, многие зрители смотрели один и тот же фильм по несколько раз, покидая зал, когда «клубничка» далее не предвиделась. Издержки вкушения прежде запретного плода порой носили трагикомический оттенок в духе С. Клеменса (М. Твена), с той лишь разницей, что в отличие от обманутой американской провинциальной публики российский зритель воспринял эротический спектакль польских гастролеров по мотивам «Декамерона» Д. Боккаччо без последствий для труппы (все бы ничего, даже говорили действующие лица на пусть и не очень хорошем русском языке, но возраст и комплекция раздевающихся на сцене актеров и, главное, актрис, не совсем соответствовали общепринятой эстетике обнаженного тела).

В советское время эротику отождествляли с порнографией, к которой сводили едва ли не все попытки осветить сексуальную сферу в искусстве. Советский писатель Иван Ефремов, выступающий вопреки позиции властей за естественное любование красотой обнаженного тела и критикующий ханжество советской цензуры, объясняет смешение эротики и порнографии советскими «охранителями морали» тем, что они напугались Запада. «Не поняли они, где эротика, естественное влечение к красоте и совершенству, а где мразь, как в коммерческих фильмах или фоторевю, где любая тощая девчонка, лохматая и некрасивая, может сниматься, лишь бы обнаженной в дурацких сценах. Да ладно, видно, немало лет нам еще выбираться из муры к подлинно чистому отношению к женщине, красоте тела и танца», – говорит балерина из «Лезвия бритвы»⁴. Выступает Ефремов и в защиту индийской скульптуры, которую порочили некоторые западные «исследователи»: «Они считали скульптуру Древней Индии отгалкивающим, порнографическим искусством, не понимая философских идей, скрытых в длинной цепи преемственности образов и форм»⁵. Смешение эротики и порнографии происходит в постмодернистской российской культуре, только уже порнографию протаскивают под видом эротики, порой самую жесткую. Эротика в широком смысле – интимная область взаимоотношения полов, в сопоставлении с порнографией она представляет собой художественное изображение данной области, в то время как порнография эстетической ценности не содержит. Если эротика – эстетика пола и любви, то порнография – вульгарное и служащее исключительно пробуждению полового инстинкта отображение физиологии пола. В разграничении эротического и порнографического присутствует значительная доля субъективизма, ведь художественный смысл можно обнаружить в, казалось бы, явно порнографическом материале, а для отдельного пылкого воображения и прикрытое купальным костюмом тело может послужить средством полового возбуждения (моралист Л.Н. Толстой усматривал «разврат» в балете). Важным отличительным признаком порнографии выступает самоцельное подробное описание или изображение полового акта с концентрацией на возбужденных гениталиях. Но если автор сумеет доказать, что стремился донести до читателя или зрителя нечто большее и что физиологические подробности в его произведении не самоцель, а прием, то обвинение в порнографии может быть снято (остается открытым вопрос о моральной ответственности за выбор средств донесения авторской идеи). И.В. Кондаков по этому поводу пишет: «...Изучение феномена порнографии – в прямом и переносном смысле, включая исследование ее отличий от эротики или сходства с нею, должно начинаться с осмысления этого специфического воображения, его границ, творческих возможностей, вероятных интерпретаций и оценок. Ведь в современных текстах художественной культуры одни и те же смысловые элементы, могущие быть истол-

³ Розанов В.В. Демократизация живописи // Религия и культура. – М.: Правда, 1990. С. 147.

⁴ Ефремов Иван. Лезвие бритвы. Роман приключений / Собр. соч. в 5 т. Т.4. – М.: Молодая гвардия, 1988. С. 173.

⁵ Там же. С. 343.

кованы как эротическое или порнографическое, оказываются то броскими атрибутами культурфилософской, сугубо интеллектуальной игры, то грубо-натуралистическим описанием, то шокирующей подробностями острой публицистичностью, то средством подогревания сладострастия и похоти читателя/зрителя накануне предстоящей его сексуальной активности, то – коммерческой приманкой покупателя низкопробного квазикультурного товара»⁶. Рассматривает отличие эротики и порнографии И.С. Кон. Эротикой, по его определению, «называются сексуальные чувства, фантазии и переживания, а также стимулирующие их литературные, видео-, аудио- и прочие материалы»⁷. Порнография же, согласно Кону, та же эротика, имеющая целью вызвать половое возбуждение, акцентируясь на гениталиях, и относящаяся не к искусству, а к индустрии развлечений. Относительность эротики и порнографии очевидна и для Кона. Действительно, в свое время упреки в порнографии щедро раздавались по адресу Исаака Бабеля, Бориса Пильняка, ряда других авторов, на фоне сегодняшнего натурализма такие упреки выглядят наивно. Защищая Пильняка от критики, Сергей Есенин писал: «То, что Пильняк сочно описывает на пути своих повестей, как самцы мнут баб по всем расейским дорогам и пространствам [следует справедливости ради заметить, без каких-либо анатомо-физиологических подробностей – А.С.], совсем не показывает его сущность. Это только его отличительная родинка и совсем не плохая, а наоборот, – красивая. Эта сочность правдива, как сама жизнь»⁸.

В русской беллетристике культурного постмодерна наблюдается аэротическая тенденция, представленная, в частности, творчеством Виктора Ерофеева и Владимира Сорокина. М.М. Бахтин по поводу «Гаргантюа и Пантагрюэля» Ф. Рабле отмечал, что там нет возбуждающей сексуальности порнографии и непристойность французского гуманиста можно назвать не эротической, а философской. «Рабле никогда и ничего не рисует способного возбудить чувственность: менее всего найдете вы у него образы возбуждающей чувственность красоты (специфической), привлекательности, пикантности; любое совершенно корректно сделанное описание женской красоты, сложения, наряда способны более возбудить чувственность, чем самые непристойные образы у Рабле; у Рабле вообще нет изображения молодого тела; наиболее непристойные образы связаны у него со старостью, со старухами (например, новелла про льва и старуху); это определяется, конечно, гротескной концепцией тела (рождающая старость, рождающая смерть); гротескное тело – космическое, символически расширенное, смешанное с вещами – вообще не способно возбуждать чувственности: оно уродливо и безобразно с точки зрения новых сексуально окрашенных представлений о красоте (как и с точки зрения нового художественного канона красоты); образы Рабле так же не способны задевать нашей чувственности, как иллюстративный материал к оубой истории религий – все эти чудовищные идолы с разинутыми ртами, преувеличенными фаллами, грудями и т.п.», – пишет Бахтин⁹. Аналогично обстоит дело с творчеством указанных выше авторов, испытывающих на прочность брезгливость одних, нравственные чувства других. Они описывают натуралистические детали, касающиеся всех физиологических отправления организма, включая «развороченные» в гомосексуальном акте мужские зады, у неперверсно ориентированного читателя вызывающие лишь отвращение, что позволяет охарактеризовать их творчество как аэротическое/апорнографическое. *Антиэротика* выступает с морализаторских и ханжеских позиций, подвергая критике эстетику обнаженного тела, *эротика* стимулирует либидо, *аэротика* никакого отношения к половому возбуждению не имеет, провоцируя устойчивое неприятие. Творчество представителей аэротической художественной литературы является не столько выражением издержек сексуальной революции, сколько реакцией на нее – писатели в утрированной форме демонстрируют то, что, к сожалению, уже вошло в повседневную российскую действительность, ханжеством было бы этого не

⁶ Кондаков И.В. Метаморфозы русской эротической культуры в XX в. // Современные трансформации российской культуры (Россия на перекрестке культур). – М.: Наука, 2005. С. 733-734.

⁷ Кон И.С. Надо ли бояться порнографии? // Социологическая психология. – М.: МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 1999. С. 504.

⁸ Есенин Сергей. [О советских писателях] / Собр. соч. в 5 т. Т. 4. – М.: Худож. литература, 1967. С. 223-224.

⁹ Бахтин М.М. Дополнения и изменения к «Рабле» // Вопросы философии. – 1992. – № 1. С. 155-156.

замечать. Виктор Ерофеев и Владимир Сорокин не только увидели сами, но и открывают глаза другим, хотя облачают свои призывы даже не в жесткую, а жестокую форму. Акцентируя свое внимание на том, что ниже пояса, они наносят удар ниже пояса, что не каждый читатель способен перенести. Однако в конечном счете болезненная прививка их творчеством способна помочь выработать тот нравственный иммунитет, которого так не хватает постмодернистской России, переживающей второй этап второй русской сексуальной революции.

Постмодернистские образы пола и любви характеризуются деструктивностью. Размываются ценности семьи: не только молодежь, но и люди среднего возраста обоих полов предпочитают зарегистрированному брачному союзу, налагающему на супругов взаимные обязательства, сожительства, получившие название «гражданского брака». В связи с этим реальная ситуация с разводами не отражается официальной статистикой, хотя последние и без учета распавшихся сожительства тревожна.

Утрачивается чувство стыда, не стало запретных тем в публичных обсуждениях, создаются специальные, посвященные интимным сторонам взаимоотношения полов телепрограммы, будь то «Секс с Анфисой Чеховой» на канале ТНТ или «Сексуальная революция» на канале ТDK. Без обсуждения пикантных ситуаций не обходились и другие, специально сексу не посвященные программы, например, «Лолита. Без комплексов» или «Большая стирка» (канал ОРТ). Красноречивы темы «самого горячего ток-шоу», как ведущий А. Малахов характеризует «Большую стирку»: «Все про постель», «Вся правда о силиконе», «Жены и любовницы», «Как победить импотенцию», «Мужское достоинство» (где переносный смысл был стараниями «руководителя центра простатологии» превращен в прямой), «Нарушители интимного пространства», «Нижнее белье – не для меня», «У меня самая красивая грудь в России», «Хочу провести ночь с Максимом Галкиным», «Я работаю без одежды». Даже посвященные «братьям нашим меньшим» ток-шоу не обходятся без проблемы секса – «Домашние любимцы – кастрировать или нет». Более того, звучат такие подробности, озвученные приглашенным сексологом, которые свидетельствуют (насколько достоверно – особый вопрос) о том, что «каждая четвертая женщина, имеющая домашнее животное, сожительствует с ним»¹⁰. (Следует заметить, что перверсий и их смакования на телевидении и в прессе хватает. Какал ТНТ активно эксплуатирует приобретенные на Западе популярность программы «За стеклом», «Большой брат», «Голод», «Дом» и «Дом-2», которым присущ вуайеризм).

Сексуализируется реклама¹¹. Вместе с тем совершенно открыто рекламируется коммерческий секс. В настоящее время недвусмысленные предложения услуг «цветов животного царства», как называл проститутку А.И. Герцен, исчезли с газетных полос, но еще в августе прошлого года белгородская «Визит к Вам» только в одном выпуске разместила более двух десятков объявлений¹², обещающих «отдых», «досуг», «эскорт» и «массаж», многие круглосуточно. И это тогда, когда уже правоохранительные органы приступили к закрытию притонов, организаторы которых в отличие от исполнительниц и исполнителей (мужская проституция – один из результатов сексуальной революции, уравнявшей женский пол с мужским) не отделяются административными штрафами, а привлекаются к уголовной ответственности! А вот секс по телефону (рассчитанный на приверженцев перверсии) по-прежнему открыто рекламируется рядом телеканалов, приобретая в конкурентной борьбе за клиентов, каковыми вопреки предупреждениям о возрастном ограничении могут являться и подростки (паспорта по телефону не предъявить, да и кто и как может это проконтролировать), новые черты: это уже «горячий разговор» втроем или в роли гипотетической собеседницы (реально разговаривать может пожилая добрая семьянинка, верная и заботливая жена и мать) выступают пока еще для России экзотические женщины Африки или Востока. То, что подобная реклама рассчитана на несовершеннолетних, подтверждает размещенное «Московским комсомольцем» предложение, поддержанное известными операторами сотовой связи в России (МТС, Билайн,

¹⁰ Малахов А.Н. Мои любимые блондинки: Роман. – М.: Эксмо, 2007. С. 286.

¹¹ См.: Страхов А.М. Половой аспект современной рекламы // Социокультурная динамика региона. Сб. науч. трудов участников V межрегион. науч.-практ. конф. (Белгород, 27-28 апр. 2005 г.). – Белгород: ПОЛИТЕРРА, 2005. С. 131-135.

¹² См.: Визит к Вам. – 14 августа 2008. – № 32(573).

Мегафон): любой желающий может получить «сотни полезных секс-прогнозов» или пройти 5 этапов «секс-миссии» и получить «новое представление о своих возможностях». 50-ти участникам, признанных «профессионалами в сексе» (есть подозрение, что таким «профессионалом» признавался каждый, не пожалевший денег), обещаны специальные сертификаты, а десятка лучших должна была стать «настоящими идолами секса»¹³! Ну кто из нормальных пусть и молодых мужчин будет потрясать перед потенциальными и реальными партнершами сертификатами, представляясь «идолом секса» – только комплексующий подросток с его неопытностью и стремлением повзрослеть. В отечественном культурном постмодерне меняется отношение к проституции: в самодержавной России проститутки презирали и жалели, в советской – ненавидели, сочетая ненависть с завистью к их «нетрудовым доходам», в современной – нередко проституткам завидуют и хотят их ряды пополнять, тем более, что о проститутках пишут книги, снимают фильмы, а сами они дают интервью.

Виктор Ерофеев пишет, что каждая женщина по-своему торгует своим телом – «Поцелуи дарит, как пробные флакончики духов, а остальным торгует. Удачно и неудачно, по-крупному или по-мелкому, осознанно и неосознанно. Или же *нео-неосознанно*, как феминистки¹⁴». Применительно к патриархату, следы которого сохранились в сознании не только мужчин, но и многих женщин как в модерне, так постмодерне, с автором можно согласиться, разве что заменив «торговлю» на «обмен». Торгует проститутка, продающая свое тело почти любому платежеспособному клиенту, а если жестко зависит от сутенера или организаторов «коммерческого секса», то любому. Проститутка обычно соглашается на удовлетворение самых причудливых прихотей клиента (отказ редок, чаще повышается плата). Оказание сексуальных услуг является для проститутки источником ее доходов, основным или побочным. Проститутка сама назначает цену или получает фиксированное вознаграждение за свой труд от хозяев (сутенеров). *Проституция* – оказание сексуальных услуг по предварительному сговору за фиксированную плату. Можно было бы включить в определение проституции такой признак, как независимость сговора от сексуального интереса у проститутки, однако сексуальный интерес может у проститутки присутствовать по отношению к отдельным клиентам, порой даже выступающим в статусе любовника, что показывает А.И. Куприн, и отсутствовать у «порядочной» замужней женщины, как у героини К.М. Станюковича Настасьи Дмитриевны Стрекаловой, отдававшей только мужу, но без страсти и стеснения. «Любила ли она? По своему, конечно, любила, хотя в ее проявлениях любви было не менее, если не более, того холодного, обстоятельного разврата, за который так бичуют продажных женщин. Последние развратны по нужде или из любви к роскоши; Настасья Дмитриевна – по святой обязанности. Кто лучше?», – задается вопросом Станюкович¹⁵. В унаследовавших от традиционнo-нормативных образов пола и любви убеждение, что кормилец – мужчина, современных семьях, а таких, как показывают опросы, в России вопреки упованиям феминизма большинство, мужчина, как правило, ждет от женщины только ласки (иногда и еды, иногда только еды, но последнее не характерно для мужского полового поведения), женщина помимо ласки ждет еще и знаков внимания, материализующихся в цветах, услугах, подарках. Даже и за пределами брачного союза обычная женщина отдает в обмен не только тело, но и «душу», не любому, а избранному, при этом инициатива в выборе количества и качество знаков внимания принадлежит мужчине. Когда женщина на содержании получает от женатого мужчины (если мужчина холост – это в современном понимании «гражданский брак») необходимые для своего существования материальные блага или соблазнитель-ухажер оплачивает столик в ресторане, после чего получает возможность реализации сексуального интереса – это обмен, а не торговля. Но грань может быть достаточно условна. «Торгует» или «обменивается» женщина, неоднократно меняющая половых партнеров, каждый раз позволяя угощать ее ресторанным ужином, т.е. получая предоплату?! Как проститутка предлагает свои услуги, так и такая женщина, только не прямо, а намеками, в процессе любовной игры. Даже желание посетить ресторан она выдвигает не как обязательное требование, а либо соглашается на предложение мужчины,

¹³ См.: Московский комсомолец. – 23-30 ноября 2005. – № 47(325).

¹⁴ Ерофеев Виктор. Цена проститутки / Мужчины. – М.: Зебра Е, 2005. С. 139.

¹⁵ Станюкович К.М. Без исхода / Собр. соч. в 6 т. Т. 4. – М.:ГИХЛ, 1958. С. 84.

либо проявляет активность, прибегая опять-таки к помощи намека. Если мужчина отказывается, обмен/торговля не состоится.

Проблема проституции приобретает в современной постмодернистской России особую остроту. С одной стороны, страна пополняет ряды проституток в ряде зарубежных стран (Старая Европа, Турция, Израиль и др.). С другой стороны, среди работниц «коммерческого секса» в российских городах немало представительниц из бывших республик СССР, в первую очередь по понятным причинам из Украины (процессы те же, что в целом по трудовым ресурсам: часть россиян отправляется на работу в преуспевающие страны, а в России трудится целая армия бывших соотечественников по Советскому Союзу). Еще в 90-е гг. в обществе возникла дискуссия по легализации проституции, спровоцированная распространением последней и практическим бездействием власти, старающейся данную проблему в худших советских традициях не замечать. Уничтожить проституцию нельзя, но можно либо загнать в глубокое подполье, либо признать как специфический вид трудовой деятельности, поставив под контроль государства. Пока же продолжается ситуация «ни мира, ни войны», разве что слегка наметилась тенденция к войне в последние два года. У обоих исходов имеются свои плюсы и минусы, но самое худшее – сохранять бездействие, предоставляя почти безнаказанно криминалу извлекать огромные доходы и подрывать и без того расшатанные моральные устои.

Демократическое общество, к которому по праву относит себя и Россия, предполагает плюрализм и его неизбежное следствие толерантность. В полной мере это относится и к взаимоотношению полов, и к взаимоотношению внутри полов, к пресловутой «однополой любви». Однако отечественная демократия в принципе не может быть простым слепком демократии западной, в частности, не прижилась и вряд ли приживется в России западная «политкорректность». А радикально настроенные представители сексуальных меньшинств, похоже, специфики отечественного менталитета не замечают – слишком настойчиво они настаивают на публичности, как бы беря реванш за многие годы преследований. Погромы гей-клубов не заставили себя ждать, и когда московское правительство запрещало обычный для терпимого Запада парад, то руководствовалось и соображениями общественной безопасности и порядка. К тому же крайне отрицательно относится к однополым пристрастиям Русская Православная Церковь, роль которой в общественной жизни России и влияние на немалые массы населения возрастают.

Частичная десекуляризация России выступает свидетельством тому, что в современном российском обществе постмодернистские образы пола и любви сочетаются с предшествующими им модернистскими и традиционно-нормативными. Последние представлены в религиозной половой морали. Священник Алексей Уминский пишет: «Удивительно, но за многие десятилетия советской власти безбожное общество сумело сохранить основные критерии христианской нравственности, и даже некоторый нравственный иммунитет, который был накоплен тысячелетием христианских поколений в России»¹⁶. Православные авторы в последние годы все чаще обращаются к актуальным и острым вопросам половой морали, заметно активизировалась издательская деятельность церкви, в книгах православных авторов по семье и браку содержится немало интересного и полезного и для человека светской мировоззренческой ориентации. Однако, не во всех книгах в полной мере учитываются реалии сегодняшнего дня, на что справедливо указывает М. Кравцова в своей книге «Женское одиночество»: ряд православных авторов отстал от современности на пару-другую веков, играя с читателем в наших благочестивых предков. Александр Филоненко, тоже православный автор, о некоторых современных духовных наставниках отмечает: «Так часто мы отвечаем на вопросы, которые не являются вопросами для наших собеседников, и совсем не готовы не только ответить, но и расслышать вопросы, несущие в себе неотменимость раны»¹⁷. Активизирующиеся здоровые силы общества представлены и частью интеллигенции. И во властных структурах приходит понимание пагубности отождествления свободы и демократии со вседозволенностью. Про-

¹⁶ Уминский Алексей. Православное воспитание и современный мир // отцы, матери, дети. Православное воспитание и современный мир. – М.: Московское Подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2001. С. 64.

¹⁷ Филоненко Александр. Гостеприимство бездомных: семья и богословие уязвимости // Семья в постатеистических обществах. – Киев: Дух і літера, 2003. С. 137.

должающие реализоваться государством несмотря на мировой финансовый кризис национальные программы тоже так или иначе затрагивают сферу взаимоотношения полов, что оставляет надежду на нравственное оздоровление.

Список литературы

1. Юшкевич П.С. О сущности философии (К психологии философского мирозерцания) // На переломе. Философские дискуссии 20-х годов: Философия и мировоззрение. – М.: Политиздат, 1990.
2. Розанов В.В. Демократизация живописи // Религия и культура. – М.: Правда, 1990.
3. Ефремов Иван. Лезвие бритвы. Роман приключений / Собр. соч. в 5 т. Т.4. – М.: Молодая гвардия, 1988.
4. Кондаков И.В. Метаморфозы русской эротической культуры в XX в. // Современные трансформации российской культуры (Россия на перекрестке культур). – М.: Наука, 2005.
5. Кон И.С. Надо ли бояться порнографии? / Социологическая психология. – М.: ИПСИ; Воронеж: МОДЭК, 1999.
6. Есенин Сергей. [о советских писателях] / Собр. соч. в 5 т. Т.4. – М.: Художественная литература, 1967.
7. Бахтин М.М. Дополнения и изменения к «Рабле» // Вопросы философии. – 1992. – № 1.
8. Малахов А.Н. Мои любимые блондинки: Роман. – М.: Эксмо, 2007.
9. Страхов А.М. Половой аспект содержания современной рекламы // Социокультурная динамика региона: Сб. науч. трудов участников V Межрег. науч.-практ. конф. – Белгород: БелГИК, 2005.
10. Ерофеев Виктор. Цена проститутки / Мужчины. – М.: Зебра Е, 2005.
11. Станюкович К.М. Без исхода / Собр. соч. в 6 т. Т.4. – М.: ГИХЛ, 1958.
12. Уминский Алексей. Православное воспитание и современный мир. // Отцы, матери, дети. Православное воспитание и современный мир. – М.: Московское Подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2001.
13. Филоненко Александр. Гостеприимство бездомных: семья и богословие уязвимости // Семья в постатеистических обществах. – Киев: Дух і літера, 2003.

POST-MODERN IMAGES OF SEX AND LOVE IN RUSSIAN CULTURE

The article examines the specifics of images of sex and love in the period of post-modern in Russian culture. The author admits the following: the devaluation of love, a erotic tendency in imaginative literature, destruction of family in Russia of the XXI century.

A. M. Strakhov

*Belgorod State
University*

Key words: love, sex, culture, a erotic, family.

ГУМАНИЗМ: ИЗМЕНЕНИЕ СОДЕРЖАНИЯ И ПОИСКИ НОВЫХ ГРАНИЦ

В. Н. Шилов

*Белгородский
государственный
университет*

e-mail: shilov@bsu.edu.ru

В статье утверждается, что кризисное состояние человечества требует существенного переосмысления ориентиров в его развитии. Это касается, прежде всего, принципа гуманизма. Автор показывает направления изменения содержания этого глобального ориентира человеческой практики.

Ключевые слова: гуманизм, человек, человеческая природа, культура, ценности, мировоззрение, глобальный кризис.

Можно согласиться с мнением М. Мюллера, политического деятеля ФРГ, что впервые в истории современного общества мы сталкиваемся одновременно с несколькими кризисами. Наряду с обрушением мировой финансово-экономической системы нужно сказать о теперь уже неудержимом приближении катастрофического изменения климата, о конфликте в распределении энергии и сырья, о растущем дефиците применительно к миру в целом продовольствия. Все это обостряется посредством постоянного роста населения планеты примерно на 75 миллионов человек в год, догоняющей индустриализации, прежде всего, таких больших «пороговых» стран как Бразилия, Китай и Индия¹.

Разумеется, в наши дни почти все правительства, политические партии заявляют о том, что главным ориентиром в развитии и функционировании общества должны быть человек и его благо. Почти все идеологические доктрины содержат в себе в той или иной форме постулат, высказанный Кантом: «... в ряду целей человек... есть *цель сама по себе*, т.е. никогда никем (даже богом) не может быть использован только как средство, не будучи при этом вместе с тем целью...»². Исключения составляют лишь националистические, религиозные и леворадикальные экстремисты, готовые положить человека как жертву на алтарь некоего высшего трансцендентного начала, будь то нация, божество или историческая закономерность.

Но то, что бытие человека находится под угрозой, заставляет по-новому посмотреть не только на средства достижения блага человека, но и на сами представления о том, что является для человека благом, что соответствует его природе, что является истинно человеческим. Здесь нужно согласиться с А.П. Назаретяном, утверждающим, что «многотомный конфликт искусственного и естественного может стать стрелком глобальных проблем к середине XXI в., и ближайшие десятилетия ознаменуются необходимостью кардинального переосмысления таких мировоззренческих категорий как, *жизнь, смерть, природа, человек и машина, сознание и разум*»³.

Время от времени пересмотр подобных категорий происходит и вне зависимости от кризиса, ибо нет какой-либо вечной и неизменной сущности человека, а отсюда исторически изменчивы представления о должном бытии человека, об идеале человека. В любом обществе в зависимости оттого, что считается благом для человека, проводится соответствующая политика. Если та или иная потребность признается «истинно человеческой», то и общество прилагает свои усилия по обеспечению средств для удовлетворения этой потребности: удовлетворение этой потребности становится политической задачей. Если же какие-то стремления, действия выходят за рамки нормативной модели человека, то они обществом не поддерживаются и, более того, порицаются, а порою и преследуются.

Современное общество — это плюралистическое общество, по определению К. Поппера, «открытое общество» и ему должна соответствовать *открытая*, т.е. не предза-

¹ См.: Müller M. Nachhaltige Weltklimaordnung // Neue Gesellschaft / Frankfurter Hefte. – 2009. – № 6. – С. 21.

² Кант И. Критика практического разума. – Собр. соч. в 6-ти т. Т.4, ч.1. – М., 1965. – С. 465.

³ Назаретян А.П. Смыслообразование как глобальная проблема современности: синергетический взгляд // Вопросы философии. – 2009. – № 5. – С. 18.

данная *модель человека*, которая может со временем уточняться, дополняться, исправляться, выступать в разных вариантах⁴.

Однако открытость нормативной картины человека, терпимость к разнообразию человеческих способностей и желаний не означает попустительства ко всем действиям людей. Признание самоценности человеческого индивида предполагает защиту ценности всего человеческого рода. Человеческий индивид — это представитель человеческого рода и он ценен как индивидуальная форма проявления родовой человеческой жизни. Поэтому то, что в деятельности индивида идет во вред человеческому роду в целом, губит в самом индивиде человеческие качества, необходимо пресекать. Гуманизм должен нести в себе требовательность к членам общества, искореняющую их пороки, побуждающую их совершенствоваться.

Одной из главных тем в проблеме гуманизма является вопрос о *правах человека*. Идея самоценности человека зародилась еще в античности. (При этом надо не забывать, что под «людьми» понимались только «мужчины», исключались из «людей» и рабы). Тогда же зарождается юридическое оформление известной суверенности индивида. Эпоха Просвещения выдвинула идею прирожденных прав человека, понимая их как неизменные, не связанные с определенным временем и пространством, старше, чем любые государства. «Вирджинский билль о правах» (1776 г.) и «Декларация прав человека и гражданина» (1789 г.) были первыми политико-правовыми документами, заявившими о неотчуждаемых правах человека, к которым относились равное право на свободу, на наслаждение жизнью, на собственность, на стремление к счастью и безопасности, на борьбу против угнетения.

Идея прав человека прочно утвердилась в менталитете современного плюралистического общества, хотя и не всегда имеют место ссылки на прирожденность этих прав, но общепризнанно отношение к ним как к некому правовому Абсолюту.

Зафиксированные документально права человека регулируют взаимоотношения индивида, государства и общества, в правах человека отражаются требования индивида к такому роду устройства общества, где бы он смог реализовать свои притязания. Поэтому в идее прав человека заложен определенный социальный идеал (проект). Не случайно проблема прав человека была еще в недавнем прошлом предметом постоянной дискуссии между странами Запада и странами «реального социализма».

В этой дискуссии Запад настаивал на приоритете индивидуальных прав, на снятии ограничений в деятельности индивида (свобода перемещения, места жительства, политическая свобода, свобода предпринимательской деятельности и т. д.). Восток (страны социализма) же подчеркивал первостепенную важность социальных прав (право на труд, образование, отдых, обеспечение в старости и т. п.). Таким образом, предлагались две модели человека: человека свободного и несущего ответственность за свою судьбу и человека опекаемого, являющегося объектом «заботы партии и правительства». Соответственно пропагандировались и противопоставлялись две модели общества и два понимания гуманизма (в отечественной философии еще недавно говорилось о «формальном» гуманизме стран Запада и «реальном» гуманизме в странах социализма).

В силу своей экономической эффективности и гуманистической результативности победили модель «свободного человека» и «формальный» гуманизм Запада. Изменяются и нормативная картина человека, шкала моральных оценок: в ряд первых человеческих добродетелей выдвигаются самостоятельность, инициативность, предприимчивость. Поэтому многое из того, что в советский период рассматривалось как преступление, сейчас воспринимается как нечто достойное поощрения. Если еще два десятилетия назад частнопредпринимательская деятельность была уголовно наказуемым деянием, то в настоящее время с предпринимательством, малым и средним бизнесом связаны основные надежды по развитию экономики страны. Но слишком поспешный перенос западной трактовки прав человека в иные социокультурные условия породил серьезные проблемы: многие индивиды утратили значимые для них права советского периода, приобретя права, прежде всего, политические права, не играющие существенной роли в их жизни.

⁴ См.: Гуревич П.С. Феномен деантропологизации человека // Вопросы философии. — 2009. — № 3.

Серьезные проблемы возникают и в других странах, где пытаются внедрить западную модель гуманизма, западную версию прав человека без учета особенностей этих стран. Поэтому гуманизм как ориентир в общественном развитии должен нести в себе и конкретное социокультурное измерение, отражающее специфику того или иного региона, той или иной страны. Гуманизм должен быть конкретен не только исторически, но и географически.

В нашу эпоху, когда бытие человеческого рода находится под угрозой – проблема соотношения рода и индивида особенно обостряется. Обеспечение устойчивого существования и развития человечества делает необходимым по-новому сформулировать перспективы и возможности для отдельных индивидов, по-новому определить содержание и границы гуманизма как регулятивного принципа. И здесь понятна тревога А.П. Назаретяна, который задает вопрос «...успеет ли земная цивилизация достигнуть интеллектуального совершенства прежде, чем сползание к пропасти станет необратимым?»⁵

Прежде всего, нужно отметить драматически быстрый рост населения Земли опережающий прирост средств существования. Уже не всегда оправданно, в соответствии с предписаниями традиционного гуманизма, радоваться появлению на свет еще одного человека. Некоторые исследователи полагают, что рост численности населения скорее не норма, а отклонение. Анализ графика этого роста в масштабе тысячелетий вызывает у них ассоциации с ростом популяции болезнетворных микробов в теле, подвергнутом инфекции⁶.

Проблема опережения ростом населения средств существования — это проблема, прежде всего, слаборазвитых стран. Там имеет место сокращение расходов в области образования, здравоохранения, приходящихся на одного человека: эти страны воспроизводят дешевый и качественно ухудшающийся человеческий потенциал, что в конечном итоге антигуманно. Соизмерение роста населения с возможностями страны и планеты в целом должно быть одним из требований «нового гуманизма».

Драматический эффект порождают две, набирающие силу тенденции. Одна, негативная, — это сбой в механизме наследственности, рост числа аномалий при рождении в силу действия мутагенных факторов (радиация, химические вещества, электромагнитное воздействие и др.). Другая, позитивная, — это успехи экономики, технологии, культуры, науки, практической медицины, блокирующие механизм естественного отбора, что позволяет индивидам с серьезной патологией не только выживать, но и воспроизводить потомство. Взаимодействие этих двух тенденций оборачивается накоплением генетического груза, грозящего массовой дегенерацией. Подобные обстоятельства обуславливают необходимость вмешательства в «интимное естество» жизни, расширение сферы применения генной инженерии с целью корректировки генного кода человека. Это серьезное испытание для гуманистической идеологии, поэтизирующей человека «таким, каков он есть». «Новый гуманизм» несет в себе идею вторжения в природу человека, как на уровне индивида, так и рода. Уже сейчас многочисленны призывы к расширению границ вмешательства генной техники. Думается, что определение этих границ станет постоянной темой дискуссии для специалистов и широкой общественности в обозримом будущем. Примером такой дискуссии является «круглый стол», организованный недавно журналом «Человек».⁷

Предметом дебатов в парламентах многих стран являлся о вопрос возможности клонирования человеческих эмбрионов. В ряде стран были приняты законы, разрешающие подобное клонирование с медицинской целью. В то же время в США законодательно запрещено клонирование человека, включая клонирование клеток в целях медицинских экспериментов. Видимо, вмешательство генной инженерии в природу человека будет более глубоким и обширным. То, что кажется сейчас антигуманным, со временем может стать рядовой процедурой, вроде переливания крови, которое первоначально

⁵ Назаретян А.П. Указ. Соч. — С. 18.

⁶ См.: Кристиан Д. К обоснованию «Большой (Универсальной) истории» // Общественные науки и современность. — 2001. — № 2.

⁷ См.: Модификация человека. Научные, технологические и моральные границы // Человек. — 2008. — №№ 1,2.

чально также виделось как нечто «бесчеловечное». При этом нужно согласиться с мнением Ф. Фукуямы о необходимости налаживания действенного контроля за использованием новых биотехнологий⁸.

Разумеется, изменения в гуманизме как политической ценности, должны иметь в качестве своей основы изменение нравственной составляющей гуманизма. Новой политике должна предшествовать новая мораль. И человечество только «подбирается» к нравственному освоению назревающих проблем. Так ведется обсуждение возможных социальных последствий связанных со значительным продлением жизни человека в будущем⁹. Уже сейчас содержание долгожителей представляет серьезную нагрузку на бюджет любого государства, особенно, если они многочисленны и больны. Так содержание пациента с болезнью Альцгеймера, которой обычно страдают лица преклонного возраста, обходится в США около 50 тысяч долларов ежегодно. Но эта проблема еще не достигла остроты, требующей неотложного решения. Можно сделать прогноз, что лет через 40-60 начнет формироваться нравственная норма, согласно которой долгая жизнь, превышающая 100 лет, будет рассматриваться не как некое достижение, а как проявление эгоизма. Можно согласиться с Ф. Фукуямой в том, что уже в ближайшее время изменение возрастной структуры общества в направлении увеличения доли старших возрастов породит серьезные социальные последствия (кризис пенсионной системы, сбой в системе здравоохранения и др.)¹⁰.

Еще одна проблема, которая постепенно находит законодательное политическое решение – это право больного, страдающего человека на добровольный уход из жизни. Признание эвтаназии, нравственно приемлемой и законной является существенным уточнением содержания гуманизма. Здесь предметом дискуссии являются вопросы, принимает решение об уходе из жизни сам человек или это могут сделать другие люди, за каким пределом страданий человека можно принимать решение о прекращении его жизни, какие расходы допустимы для поддержания жизни безнадежно больного и страдающего человека¹¹.

По существу, самоубийственную форму приобрели взаимоотношения человека с природой. Растущее загрязнение окружающей среды и истощение природных ресурсов ставят под сомнение вопрос о продолжении существования человечества. Достаточно громко звучит предложение отказаться от концепции антропоцентризма, когда природа рассматривается как окружающая среда. Говорится о том, что для природы и для самого человека станет лучше, если человеческая популяция будет пониматься как один из многих элементов природы, включенный в общие цепи взаимозависимостей. Утверждается необходимость переосмысления традиционного гуманизма, где человек видится как «царь природы»¹². Однако, преобладает мнение, что у человечества нет задачи сохранения природы в первозданном виде, что неизбежная эволюция природы должна быть подчинена интересам человека¹³. Антропоцентризм, а не биоцентризм остается неотъемлемой составной частью не только принципа гуманизма, но и реальной социальной практики.

За бедами, постигшими человечество, пока еще плохо видится еще одна «перспективная» проблема. Исток ее вполне позитивен — рост могущества и сферы влияния искусственного интеллекта. Уже сейчас прогнозируется, что искусственный интеллект может стать через несколько десятилетий саморазвивающимся и выйти из-под контроля человека. Вполне возможно, что человечество станет лишь подсистемой новой суперсистемы — «Всеобщего интеллекта». «Собственно человеческая история близится к концу... — пишет А. Назаретян, — человек не венец творения, величие и перспектива бес-

⁸См.: Фукуяма Ф. Социальные последствия биотехнологических новаций // Человек. — 2008. — № 2. — С.86-88.

⁹ См.: Кеннеди Л.А. Что сулит нам продление жизни? // Человек. — 2002. — № 3.

¹⁰ См.: Фукуяма Ф. Указ. соч. — 2008. — № 2. — С. 83-84.

¹¹ См.: Steht eine Euthanasie-debatte bevor? // INFO/Friedrich-Ebert-Stiftung. — 2006. № 1.

¹² См.: Данилов-Данильян В.И. Наука и гуманизм versus фантастика и технизм. //Общественные науки и современность. — 1998. № 4.

¹³ См.: Буровский А.М. Человек из биосферы. Постнеклассическое знание versus классическая экология // Общественные науки и современность. 1999. — № 3; Назаретян А.П., Лисица И.А. Критический гуманизм versus биоцентризм. — Общественные науки и современность. — 1999. — № 5.

смертия человека в том, что его разум способен создать нечто более совершенное, чем он сам»¹⁴. Существует целое направление в науке – трансгуманизм, где исследуется возможная ситуация обретения цивилизацией иного субстрата, нежели человек¹⁵. Однако осуществление подобных прогнозов рядом исследователей воспринимается как самоотрицание человека, как зло требующее активных превентивных мер по его недопущению¹⁶.

Человечеству нужно определиться относительно цели своего существования, чтобы выбрать тот или иной вариант преодоления экологического, демографического и других кризисов, чтобы создать «сценарий» своих будущих взаимоотношений с искусственным интеллектом.

Говоря о человеке как о высшей ценности, нужно избавиться от иллюзий, связанных с человеком. Для многих социальных теорий было характерно рассмотрение человека как существа в своей изначальной природе доброго и совершенного, но испорченного социальными обстоятельствами. Собственно, всей левой философской и политической мысли была присуща вера в то, что с освобождением человека от чуждых ему внешних обстоятельств он станет полностью добродетельным. Этого не произошло: человек, освобожденный от частной собственности, ставил все-таки потребности свои значительно выше потребностей других индивидов. Многочисленные коммунистические эксперименты не привели к превращению человека, ориентированного, прежде всего, на себя в человека-альтруиста. В человеке достаточно сильны иррациональные, деструктивные моменты, что не учитывалось в проектах по коммунистическому (социалистическому) переустройству общества.

С иллюзиями в изначальную доброту человека связаны и неудачи реформаторских процессов в нашей стране в последние десятилетия. Многим казалось, что нужно только освободить народ от «гнета КПСС», так люди выявят свои лучшие возможности. Снятие ограничений ведет не только к проявлению позитивных моментов, но и возможному всплеску «злого», деструктивного в человеческой активности. И это призывает к осторожности при снятии, казалось бы, устаревших запретов и ограничений.

Важно также иметь в виду и то, что в глобальной конкуренции повышаются требования как к странам и регионам, так и отдельным индивидам. Главным условием конкурентоспособности является развитый человеческий потенциал. Именно развитие индивида в интеллектуальном, нравственном, физическом отношении делает его как результативным профессионалом, так и ответственным гражданином, способным к консолидированным действиям с другими гражданами, что лежит в основе сплоченности и высокой выживаемости нации. Тенденция к формированию в ходе научно-технического прогресса работника универсального типа в настоящее время становится все более явственной. В соревновании между странами конкурентоспособны лишь те, кто обеспечил достаточное интеллектуальное, нравственное и физическое развитие своих граждан. Гуманизм не только нравственен, но экономически и политически выгоден.

Для России важно не только создать человеческий потенциал, но и его сохранить, предотвратить отток в другие страны. Пока что отток из России наиболее одаренных людей продолжается. Так по косвенным данным около половины победителей различного рода всероссийских олимпиад после получения образования не остаются в России. Ушли в прошлое запреты на выезд за рубеж, бытовавшие в советский период, удерживающие лучших специалистов в рамках страны, несмотря на крайне скромные, а порою и неудовлетворительные условия их жизни. В мире идет борьба за привлечение лучших умов, наиболее эффективной рабочей силы. Поэтому бытовавший, но не реализованный в прошлом лозунг «все для блага человека» является для России императивом в развитии. Без воплощения принципа гуманизма Россия лишится лучшей части ее человеческого потенциала.

Актуальность формирования культуры развития человеческого потенциала, саморазвития человека обусловлена и необходимостью изменения вектора развития челове-

¹⁴ Назаретян А. П. В многомерном мире раскрывается ограниченность гуманизма // *Общественные науки и современность*. – 1991. – №6. – С. 89–80.

¹⁵ См.: Летов О.В. Человек и «сверхчеловек»: этические аспекты трансгуманизма // *Человек*. – 2009. – № 1.

¹⁶ См.: Кутырев В.А. Человек XXI века: уходящая натура... // *Человек*. – 2001. – № 1. – С. 15–16.

чества. Общим местом многих анализов перспектив человечества является утверждение, что нынешняя культура потребления грозит гибелью человеческой цивилизации в результате экологической катастрофы, вызванной загрязнением природной среды и истощением природных запасов. Не растущее потребление, превращающее планету в свалку отходов, а собственное самосовершенствование должно стать смысложизненным ориентиром индивида, источником его радости, гордости и престижа.

Гуманизм – это единственно верный ориентир общественного развития. В глобальной конкуренции победителями могут стать лишь страны и регионы, руководствующие им. Поэтому так важна задача своевременной корректировки этого принципа, постоянное уточнение его границ и содержания.

Список литературы

1. Müller M. Nachhaltige Weltklimaordnung // Neue Gesellschaft / Frankfurter Hefte. – 2009. – № 6.
2. Кант И. Критика практического разума. – Собр. соч. в 6-ти т. Т.4, ч.1.- М.; 1965.
3. Назаретян А.П. Смыслообразование как глобальная проблема современности: синергетический взгляд // Вопросы философии. – 2009. – № 5.
4. Гуревич П.С. Феномен деантропологизации человека // Вопросы философии. – 2009. – № 3.
5. Кристиан Д. К обоснованию «Большой (Универсальной) истории» // Общественные науки и современность. – 2001. – № 2.
6. Модификация человека. Научные, технологические и моральные границы // Человек. – 2008. – №№ 1,2.
7. Фукуяма Ф. Социальные последствия биотехнологических новаций // Человек. – 2008. – № 2.
8. Кеннеди Л.А. Что сулит нам продление жизни? // Человек. – 2002. – № 3.
9. Steht eine Euthanasießdebatte bevor? //INFO/Friedrich-Ebert- Stiftung. – 2006. № 1.
10. Данилов-Данильян В.И. Наука и гуманизм versus фантастика и техницизм. //Общественные науки и современность. – 1998. – № 4.
11. Буровский А.М. Человек из биосферы. Постнеклассическое знание versus классическая экология // Общественные науки и современность. – 1999. – № 3.
12. Назаретян А.П., Лисица И.А. Критический гуманизм versus биоцентризм // Общественные науки и современность. – 1999. – № 5.
13. Назаретян А. П. В многомерном мире раскрывается ограниченность гуманизма // Общественные науки и современность. – 1991. – №6.
14. Летов О.В. Человек и «сверхчеловек»: этические аспекты трансгуманизма // Человек. – 2009. – № 1.
15. Кутырев В.А. Человек XXI века: уходящая натура... – Человек // 2001. – № 1.

HUMANISM: CHANGE OF THE MAINTENANCE AND SEARCHES OF NEW BORDERS

V. N. Shilov

Belgorod State University

e-mail: Shilov@bsu.edu.ru

In article affirms, that the crisis condition of mankind demands essential reconsideration of reference points in its development. It concerns first of all a humanism principle. The author shows directions of change of the maintenance of this global reference point of human practice.

Key words: humanism, human being, a human nature, culture, values, world outlook, global crisis

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

УДК 316.344.6, 378.17

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ТЕХНОЛОГИЙ ЗДОРОВЬЕСБЕРЕЖЕНИЯ СТУДЕНТАМИ И ПРЕПОДАВАТЕЛЯМИ БЕЛГОРОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Н. И. Жернакова¹
Б. В. Заливанский²

*Белгородский
государственный
университет*

¹*e-mail:*
Zhernakova@bsu.edu.ru

²*e-mail:*
Zalivansky@bsu.edu.ru

Одной из важнейших целей работы высшей школы в современный период является здоровьесбережение участников образовательного процесса. В статье представлены результаты социологического исследования, в рамках которого осуществлена оценка эффективности реализуемых технологий здоровьесбережения в Белгородском государственном университете. Выявлены ключевые проблемы, препятствующие организации здоровьесберегательного процесса в высшем учебном заведении, сформулированы рекомендации по их преодолению.

Ключевые слова: здоровье, здоровьесбережение, высшие учебные заведения, студенты, преподаватели, Белгородский государственный университет.

Повышение эффективности обучения является одной из ключевых проблем деятельности любого образовательного учреждения. В современных социально-экономических условиях назрела острая необходимость рассмотрения понятия «эффективность обучения» с позиции здоровьесбережения обучаемых и контингента преподавателей¹.

Проблема охраны и укрепления здоровья студентов, преподавателей и сотрудников БелГУ является одним из приоритетов развития университета. Действительно, в настоящее время сложилась крайне неблагоприятная ситуация с показателями здоровья населения. Продолжает уменьшаться доля здоровых детей и подростков, одновременно наблюдается рост количества заболеваний различной направленности. Существующие проблемы по охране здоровья молодежи требуют принятия комплексных мер по профилактике заболеваний и укреплению здоровья. Пожалуй, одной из приоритетных задач становится создание благоприятной социокультурной среды, стимулирующей молодого человека к ведению здорового образа жизни.

За последние годы к проблеме здоровьесбережения студентов обращались некоторые отечественные деятели науки и ученые ближнего зарубежья², в основном педагоги.

¹ См.: Глебова Е. И. Здоровьесбережение как средство повышения эффективности обучения студентов вуза: Дис. ... канд. пед. наук. Екатеринбург, 2005.

² См.: Дзодзикова Л. А. Педагогическое сопровождение здоровьесбережения студентов // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2008. № 7; Пипко Е.А. Актуальные проблемы формирования здорового образа жизни // Гуманизация образования. 2007. № 1; Сомов Д. С. Теория и методология реализации здоровьесбережения в условиях современного вуза. М., 2007; Воронін Д. Е. Формування здоров'язберігаючої компетентності студентів вищих навчальних закладів засобами фізичного виховання: Дис. ... канд. пед. наук. Херсон, 2006.

Социологические исследования данной проблемы практически отсутствуют, и почти нет обращений к вопросу здоровьесбережения преподавателей и сотрудников высших учебных заведений.

С целью определения отношения студентов, преподавателей и сотрудников БелГУ к реализуемым в технологиям здоровьесбережения в феврале-марте 2009 года было проведено социологическое исследование, в рамках которого предполагалось решить несколько задач:

- проанализировать самооценку состояния своего здоровья студентов, преподавателей и сотрудников;
- исследовать практику проведения здоровьесберегающих мероприятий;
- определить качественные характеристики работы структурных подразделений БелГУ, участвующих в реализации технологий здоровьесбережения;
- предложить рекомендации по оптимизации здоровьесберегающих мероприятий.

Исследование проводилось в рамках реализуемой в Белгородском государственном университете целевой программы «Охрана и укрепление здоровья на 2007 – 2010 годы (Здоровьесбережение)» (далее программа Здоровьесбережения).

Исследование было проведено по методике многоступенчатой квотной выборки на четырех факультетах БелГУ: экономическом, медицинском, юридическом, компьютерных наук и телекоммуникаций. Общее количество респондентов составило: 395 студентов, 92 преподавателя и сотрудника, в том числе 32 преподавателя и сотрудника медицинского факультета. Последние в рамках исследования дали экспертную оценку реализации технологий здоровьесбережения в БелГУ.

Критическое состояние здоровья современной молодежи подтверждается результатами самооценки студентов, участвовавших в опросе, абсолютно здоровыми считают себя только пятая часть опрошенных (19.24%), большинство (65.57%) называют себя в основном здоровыми людьми. Следует также учесть специфику молодежного менталитета. Мало кто из подростков сам признается, что он действительно болен, поэтому можно предположить, что девять из десяти учащихся реально имеют какие-либо проблемы со здоровьем. Тревожным фактом является то, что наибольшая доля считающих себя больными среди студентов первого курса (9.28%), для сравнения среди третьекурсников, таких 5.56%.

Результаты опроса показали, что только менее трети студентов (29.87%) в прошлом году ни разу не обращались к врачу, а более двух третей (68.87%) делали это с разной частотой. Частые обращения к врачу показывают: состояние здоровья большинства студентов далеко не благополучно. И в этом отношении принятие программы Здоровьесбережения в БелГУ крайне своевременно.

По мнению студентов, регулярное занятие спортом (40%) и отсутствие вредных привычек (35.44%), в первую очередь характеризуют человека, ведущего здоровый образ жизни. Примерно каждый четвертый полагает, что к этим характеристикам относятся систематическое выполнение физических упражнений (23.54%) и организация правильного питания (24.30%). Таким образом, у студентов в целом сложилось вполне адекватное представление о содержании здорового образа жизни. Однако, это представление довольно часто не трансформируется в норму жизни. Это подтверждается тем, что лишь один из десяти опрошенных студентов (10.63%) указал, что он без всяких оговорок ведет здоровый образ жизни, около половины (53.16%) считают, что такой образ жизни соответствует им в основном, а каждый четвертый студент (28.36%) практически или совсем не соблюдает правила здорового образа жизни.

Исследуя распространенность в студенческой среде вредных привычек необходимо отметить, что наибольшее распространение среди студенческой молодежи получило употребление пива, более половины опрошенных (54.94%) употребляет его с различной частотой. В меньшей степени распространено употребление крепких спиртных напитков (38.74% употребляют их с разной степенью регулярности), и табачных изделий (31.39%). Однако следует учесть, что многие студенты указывают на нерегулярность употребления ими пива и крепких спиртных напитков, но, как известно, даже нерегулярное употребление алкоголя может наносить серьезный вред здоровью.

Только каждый десятый опрошенный студент (11.90%) лично знаком с содержанием программы Здоровьесбережения, реализуемой в университете, многие (42.53%)

знакомы с ней лишь поверхностно, а почти половина студентов (45.06%) вообще ничего не знают о программе. Следовательно, мы можем утверждать, что информационное обеспечение программы пока является недостаточным и, скорее всего, носит формальный характер.

Для большей части студентов всех факультетов, в той или иной степени информированных о программе Здоровьесбережения, основным источником информации являются кураторы групп (54.88%), причем для хорошо информированных студентов этот показатель еще выше (72.34%). Таким образом, можно говорить о наличии определенной зависимости качества работы куратора группы и информированностью студентов о реализуемой целевой программе. Очевидно, улучшение уровня информированности связано, во-первых, с улучшением работы кураторов, прежде всего, на тех факультетах, где они в настоящее время работают недостаточно активно. Во-вторых, с использованием возможностей университетской газеты «Будни» и сайта университета.

Степень вовлеченности студентов в мероприятия программы варьируется в зависимости от их вида, так, например, более половины опрошенных (59.75%) принимали участие в «Днях здоровья», которые проводились в природном парке «Нежеголь» (с. Титовка), 40% респондентов в этих мероприятиях не участвовали. Основная часть студентов (59.75%), принимавших участие в «Днях здоровья» считают, что эти мероприятия способствовали укреплению их здоровья. Те студенты, которые были не удовлетворены мероприятием «День здоровья», основными отрицательными факторами называют, во-первых, редкость проведения таких мероприятий (33.33%). Во-вторых, их излишнюю массовость (32%).

Клиника лечебно-профилактической медицины и научно-исследовательская лаборатория (НИЛ) профилактической и восстановительной медицины – основные структурные подразделения университета, созданные с целью организации проведения диагностики и профилактики заболеваний среди студентов, преподавателей и сотрудников. Большая часть студентов, очевидно, благодаря организации массовой диспансеризации, проходила медицинское обследование в клинике лечебно-профилактической медицины (78.99%), лишь 3.04% опрошенных ответили, что ничего не знают о такой структуре. В то же время каждый четвертый респондент (25.32%) не знает о существовании НИЛ профилактической и восстановительной медицины.

Неудовлетворительными результаты обследования считают 16.35% от числа обследовавшихся в клинике лечебно-профилактической медицины и 15.79% проходивших обследование в НИЛ профилактической и восстановительной медицины. Основной причиной своей неудовлетворительной оценки подавляющая часть студентов (56.14%) называют формальность результатов обследования, которые никак не связаны с реальным состоянием их здоровья.

Большая часть опрошенных студентов (80.25%) занимается физической культурой и спортом в учебно-спортивном комплексе С. Хоркиной, правда в основном (67.09%) в рамках занятий по физической культуре, предусмотренных учебной программой. Доля занимающихся в спортивных секциях немного больше среди юношей. Студенты, которые вообще не занимаются в учебно-спортивном комплексе С. Хоркиной, в основном ссылаются на отсутствие свободного времени (43.48%), примерно каждый пятый (18.84%) отмечает сложную процедуру доступа в комплекс в удобное лично для него время.

Анализируя системность оздоровительных мероприятий, проводимых на факультетах, следует отметить, что лишь физкультурминутки проводятся с достаточной степенью регулярности (74.43%), довольно широкое распространение получили сеансы музыкальной терапии, а гимнастика для глаз пока проводится в основном нерегулярно. Почти две трети студентов (61.27%) позитивно воспринимают проводимые оздоровительные мероприятия и они согласны с тем, что они оказывают положительное влияние на состояние их здоровья.

Такие внешние факторы, как интенсификация трудовой деятельности, напряженная социально-экономическая ситуация, неблагоприятный психологический микроклимат и экологическая обстановка провоцируют ухудшение здоровья у преподавателей и сотрудников университета. В связи с этим в ходе исследования были также опрошены преподаватели и сотрудники университета.

Опросом выявлено, что среди преподавателей и сотрудников университета примерно каждый пятый (21.13%) считает себя нездоровым или, откровенно говоря, больным человеком, и лишь один из двадцати опрошенных (5.63%) назвал себя абсолютно здоровым (таблица 33). Больше всего считающих себя нездоровыми на экономическом факультете (28.57%), меньше всего – на КНИТе (11.11%).

Большинство преподавателей и сотрудников (73.24%) полагают, что руководство университета должно уделять внимание сохранению и укреплению здоровья персонала, причем многие из них (40.85%) поддерживают активные формы такого воздействия. Тем не менее, следует учитывать и мнение каждого четвертого опрошенного (23.94%), который считает, что сохранение здоровья – это личное дело каждого человека.

Информированность преподавателей и сотрудников о реализуемой программе Здоровьесбережения в целом выше, чем среди студентов. Однако почти каждый десятый (11.27%) все же абсолютно ничего о ней не знает. В данной связи, очевидно, имеет смысл утверждать – недостаточная информированность студентов частично определяется некомпетентностью преподавателей, большинство из которых являются кураторами.

Для хорошо информированных о содержании программы преподавателей и сотрудников главным источником информации выступает руководство факультета (65.63%), а для владеющих информацией в меньшей степени, главным источником является официальный сайт университета (37.93%). Следовательно, на тех факультетах, где деканаты уделяют программе значительное внимание, уровень информированности о ней преподавателей и студентов существенно повышается.

Примерно третья часть респондентов затруднилась высказаться о положительном влиянии реализации программных мероприятий на состояние здоровья студентов, преподавателей и сотрудников. Это, довольно тревожный факт, связанный, либо опять-таки с недостаточной информированностью, либо с неэффективностью программы. Скорее всего, наиболее значимой является первая причина, так как, респондентов, высказавшихся в различной степени о положительных достижениях целевой программы все же несколько больше, чем тех, кто указал, что таковых достижений не имеется.

Почти половина опрошенных преподавателей и сотрудников университета (47.89%) проходили обследование в клинике лечебно-профилактической медицины, очевидно, в рамках плановой диспансеризации. Отметим, что этот показатель ниже, чем среди студентов. Каждый десятый участник опроса обследовался в НИЛ профилактической и восстановительной медицины (11.27%), а не информированных о данной структуре среди преподавателей и сотрудников (9.86%) гораздо меньше, чем среди студентов.

Из числа преподавателей и сотрудников университета, прошедших медицинское обследование, никто не дал неудовлетворительную оценку качеству обследования, проведенного в НИЛ профилактической и восстановительной медицины. В то же время каждый пятый (20.59%) негативно отозвался о качестве обследования, проведенного в клинике лечебно-профилактической медицины. Большинство преподавателей и сотрудников, давших неудовлетворительную оценку, качеству обследования, как и студенты, в первую очередь, отметили формальный подход к проведению медицинского обследования (75%), результаты которого не соотносятся с реальным состоянием здоровья.

Многим опрошенным преподавателям и сотрудникам (43.66%) приходилось обращаться за различными видами медицинской помощи в некоторые лечебные подразделения клиники лечебно-профилактической медицины университета. Из тех, кто обращался за медицинской помощью, большинство в той или иной степени (87.1%) остались удовлетворены ее качественным уровнем.

Таким образом, и среди студентов, и среди преподавателей около 16-20% респондентов дают неудовлетворительную оценку обследованию в клинике лечебно-профилактической медицины БелГУ. Безусловно, это меньшинство, но, очевидно, полученные данные должны стать основанием для анализа организации процесса обследования. Прежде всего, его большей адресности, повышения уровня информированности обследуемых о результатах.

Менее половины (45.07%) принявших участие в опросе преподавателей и сотрудников университета занимаются физической культурой и спортом в учебно-спортивном комплексе С. Хоркиной. Более половины преподавателей и сотрудников (53.85%), не посещающих учебно-спортивный комплекс С. Хоркиной, как и студенты, ссылаются на отсутствие свободного времени. Каждый третий респондент (33.33%) отмечает сложность получения доступа в комплекс в удобное для него время. Учитывая данное обстоятельство

во имеет смысл пересмотреть распределение времени, выделяемого в спорткомплексе для преподавателей и сотрудников, а для этого необходимо опросить их о наиболее удобных часах занятий.

Более трети опрошенных преподавателей и сотрудников университета (36.62%) полагают, что в рамках реализуемой программы Здоровьесбережения, в первую очередь, необходимо проводить профилактические и диагностические мероприятия с целью устранения возникающих проблем со здоровьем на ранней стадии.

Итак, большинство преподавателей и сотрудников БелГУ знакомы с программой Здоровьесбережения и считают ее мероприятия в той или иной степени действенными с позиции укрепления здоровья. В то же время респонденты указали на ряд проблем, осложняющих ход реализации программы и требующих скорейшего разрешения. В первую очередь это плохое информационное сопровождение и опасность формального выполнения мероприятий программы.

Медицинский факультет БелГУ является одним из ключевых участников реализации программы Здоровьесбережения. Преподаватели и сотрудники факультета в рамках настоящего исследования выступили в роли экспертов и дали свою оценку различным аспектам реализуемой целевой программы.

Немногим более половины экспертов (56.25%) полагают, что информационная кампания, сопровождающая программу Здоровьесбережения, организована вполне эффективно. На неэффективную организацию информационной кампании в той или иной степени указывают треть экспертов (31.26%). Средневзвешенный коэффициент эффективности оценки информационной кампании составил 0.58 при максимально возможном 1.00. По нашему мнению, полученный результат отражает реальную ситуацию, свидетельствующую о наличии проблем в организации информационного сопровождения программы.

Главной причиной неэффективности информационной кампании по сопровождению программы Здоровьесбережения эксперты считают плохую организацию информирования студентов, преподавателей и сотрудников руководством факультетов (60%).

Прогнозируя результат внедрения «паспортов здоровья» мнения большинства экспертов разделились на две категории. В одном случае 31.25% экспертов считают, что каждый студент, преподаватель и сотрудник получит возможность регулярно следить за состоянием своего здоровья, а во втором, по мнению такого же количества экспертов, мероприятия программы Здоровьесбережения будут реализованы лишь формально.

Полученное распределение мнений дает основание утверждать о «двойственности» реализуемой программы. С одной стороны, она отражает реальные потребности и потенциально нацелена на результат. Однако, с другой стороны, неизбежны издержки механизма ее реализации, имеющего бюрократический характер, способный превратить программу в систему формальных мероприятий.

Наиболее высокую оценку эффективности деятельности эксперты выставили учебно-спортивному комплексу С. Хоркиной (84.38% отозвались о его деятельности как в той или иной степени эффективной). Довольно высокие оценки выставлены деятельности санатория-профилактория в г. Туапсе (81.25%), лечебно-профилактического комплекса в с. Титовка (75%).

Для наглядности оценок эффективности работы подразделений БелГУ приведем таблицу средневзвешенных коэффициентов оценки их деятельности, при максимально возможном 1.00 (табл. 1).

Таблица 1

**Оценка эффективности работы структурных подразделений БелГУ
в рамках реализации программы «Здоровьесбережение»**

Подразделения БелГУ	Средневзвешенный коэффициент оценки эффективности
Клиника лечебно-профилактической медицины	0.12
Научно-исследовательская лаборатория профилактической и восстановительной медицины	0.12
Санаторий-профилакторий (г. Туапсе)	0.59
Учебно-спортивный комплекс С. Хоркиной	0.64
Лечебно-профилактический комплекс университета (с. Титовка)	0.47

Оценивая качество работы подразделений клиники лечебно-профилактической медицины, эксперты высказывали примерно соотносимые суждения. Однако следует отметить ряд моментов. В частности, качество работы физиотерапевтического отделения и санатория-профилактория с дневным стационаром никак не оценивалось как низкое. Отделение социально-психологической помощи получило наименьшее количество в той или иной степени высоких оценок (34.38%), в то же время довольно большая доля экспертов затруднилась оценить (71.43%) качество работы этого подразделения.

Аналогичным образом, как это делалось выше, рассчитаем средневзвешенные коэффициенты оценок качества работы подразделений клиники лечебно-профилактической медицины (табл. 2).

Таким образом, расчеты коэффициентов подтверждают результаты, полученные при опросе студентов и преподавателей.

Таблица 2

**Оценка качества работы подразделений
клиники лечебно-профилактической медицины**

Подразделения клиники	Средневзвешенный коэффициент оценки качества работы
Отделение врачей общей (семейной) практики	0.22
Отделение социально-психологической помощи	0.22
Физиотерапевтическое отделение	0.37
Клинико-диагностическая лаборатория	0.27
Кабинет функциональной диагностики	0.34
Стоматологическое отделение	0.28
Санаторий-профилакторий с дневным стационаром	0.44

Наиболее качественно, как полагают эксперты, на факультетах организовано проведение «Дня здоровья» (62.50%), а наименее качественно сеансов музыкальной терапии (37.50%), оценка последнего мероприятия, впрочем, вызвала максимальное затруднение (40.63%) у экспертов.

Рассчитанные средневзвешенные коэффициенты вновь позволяют наглядно оценить качество организации проведения оздоровительных мероприятий (таблица 3). Наиболее проблемными являются такие мероприятия, как сеансы музыкальной терапии и гимнастика для глаз.

Таблица 3

**Оценка качества организации проведения
на факультетах оздоровительных мероприятий**

Оздоровительные мероприятия	Средневзвешенный коэффициент оценки качества организации проведения мероприятий
Физкультминутки на занятиях	0.52
Гимнастика для глаз	0.42
Сеансы музыкальной терапии	0.34
День здоровья	0.72

Главными проблемами, препятствующими эффективной реализации программы Здоровьесбережения, по мнению экспертов, являются проблемы финансового характера. Это недостаток финансирования (40.63%) и низкая заработная плата персонала (31.25%). Примерно каждый четвертый отметил кадровую проблему в связи с нехваткой квалифицированных специалистов лечебно-диагностических подразделений (21.88%).

Мнение экспертов в отношении наиболее рациональной концепции здоровьесбережения отличается от позиции преподавателей и сотрудников других факультетов. Эксперты в первую очередь высказались за формирование здоровой среды, основанной на принципах гигиены, позитивной психологической атмосферы, безопасного и рационального питания студентов и преподавателей (43.75%), а также за акцентирование внимания студентов и преподавателей на принципах здоровья и изменении их поведения с ориентацией на здоровье (28.13%).

Профилактика заболеваний должна являться приоритетным направлением деятельности лечебно-оздоровительных подразделений университета, так считает подавляющая часть (78.13%) экспертов.

Эксперты в большей степени позитивно оценивают практику реализации программы Здоровьесбережения. Большинство положительных оценок получила работа учебно-спортивного комплекса С. Хоркиной и проведение «Дней здоровья» в лечебно-профилактическом комплексе университета (с. Титовка). Среди проблем, требующих внимания со стороны администрации ими были названы недостаточное финансирование мероприятий программы, нехватка квалифицированных кадров и формальное отношение к реализации программы на факультетах.

Полученные в ходе проведенного социологического исследования результаты, позволяющие сформулировать ряд выводов и рекомендаций, направленных на оптимизацию здоровьесберегающих технологий в высших учебных заведениях.

Необходимость организации комплексной системы здоровьесбережения, интегрированной в учебный процесс подтверждается результатами исследования. Самооценка молодежью состояния своего здоровья далека от объективной картины, но даже полученные социологические данные свидетельствуют о наличии в студенческой среде значительной доли молодых людей, испытывающих проблемы со здоровьем и регулярно обращающихся к врачам.

По мнению студентов, главными показателями ведения здорового образа жизни являются регулярные занятия спортом и отсутствие вредных привычек. Однако, большинство респондентов неоднозначно отзываются о соблюдении правил здорового образа жизни, и одновременно признаются в злоупотреблении пивом, в несколько меньшей степени спиртными напитками, курении. Вполне возможно, что многие молодые люди не вполне объективны в оценке регулярности злоупотребления спиртными напитками и табачными изделиями, так как не могут самостоятельно без помощи специалистов адекватно оценить степень наносимого ущерба здоровью алкоголем и никотином. Физкультура и спорт, к сожалению, не относятся к числу приоритетных увлечений студентов. Относительно небольшая доля студентов регулярно посещают занятия в секциях, большинство довольствуются лишь занятиями по физической культуре.

Среди преподавателей и сотрудников примерно каждый пятый заявляет от том, что он не здоров, а подавляющее большинство также не считают себя абсолютно здоровыми, и согласны с необходимостью организации здоровьесберегающих мероприятий в университете.

Уровень информированности студентов о реализуемой в университете программе Здоровьесбережения невысок, лишь каждый десятый студент знаком с содержанием целевой программы. Сложно ожидать от людей, не владеющих необходимой информацией, активного участия в оздоровительных мероприятиях и понимания целесообразности их проведения. Поскольку кураторы студенческих групп являются основным источником информации для учащихся, очевидно, этот информационный ресурс задействован еще не в полной мере. Следует отметить низкую эффективность использования таких информационных ресурсов, как университетская газета и официальный сайт университета.

Уровень информированности преподавателей и сотрудников университета о реализации программы Здоровьесбережения несомненно выше, чем среди студентов, однако и среди них знакомы с содержанием программы меньше половины, и как следствие менее половины респондентов отмечают наличие практического результата реализации целевой программы.

Около трети экспертов в ходе опроса подтвердили неэффективность или неполную эффективность организации кампании по информационному сопровождению программы Здоровьесбережения. Основную причину этого они видят в плохой организации информационной работы на факультетах.

Тем не менее, несмотря на не полностью использованные возможности по информационному сопровождению программы Здоровьесбережения, некоторые ее мероприятия популярны в студенческой среде. К ним следует отнести проведение «Дня здоровья». Большинство студентов позитивно отзываются о мероприятии, однако существуют и замечания, к числу наиболее существенных среди которых относятся излишняя массовость данного мероприятия и редкость его проведения.

Преподаватели и сотрудники университета к числу проблем программы, препятствующих эффективному проведению оздоровительных мероприятий, в первую очередь, относят формальный характер их проведения. Вкупе с некоторыми другими результатами исследования можно с определенной долей уверенности констатировать наличие, хотя и не получившего всеобщего распространения, формального подхода в реализации программы Здоровьесбережения со стороны некоторых ее участников.

Аудиторные мероприятия здоровьесбережения, а именно: физкультминутки, гимнастика для глаз, сеансы музыкальной терапии пока проводятся недостаточно системно и, очевидно, требуют введения дополнительных мер контроля, тем более, что многие студенты верят: проведение этих мероприятий способствует укреплению их здоровья. В среднем около половины экспертов полагают, что оздоровительные мероприятия на факультетах организованы весьма качественно. Однако почти каждый третий указывает на наличие резервов по совершенствованию организации их проведения.

В рамках реализации программы Здоровьесбережения деятельности лечебно-профилактических подразделений БелГУ отводится существенная роль. Значительная часть студентов, преподавателей и сотрудников университета уже прошли обследование в клинике лечебно-профилактической медицины. В меньшей степени в массовых лечебно-профилактических мероприятиях задействована научно-исследовательская лаборатория профилактической и восстановительной медицины. Многие учащиеся и работники, прошедшие обследование в данных структурах, в основном высказывают удовлетворительные оценки их деятельности. Среди недостатков респонденты в первую очередь отмечают определенный формализм в работе персонала.

Следует отметить, что уровень экспертной оценки эффективности работы подразделений БелГУ наиболее низок в отношении клиники лечебно-профилактической медицины и научно-исследовательской лаборатории профилактической и восстановительной медицины. Более детальный анализ экспертных оценок качества работы структурных подразделений клиники, обнаруживает относительно низкий уровень оценок таких структур, как отделение врачей общей (семейной) практики и отделение социально-психологической помощи.

Во мнениях экспертов также отразилась потенциальная опасность формальной реализации программы Здоровьесбережения, в частности треть из них указала, что внедрение «паспортов здоровья» студентов, преподавателей и сотрудников БелГУ не будет иметь никакого практического результата.

Основные проблемы, стоящие на пути реализации программы Здоровьесбережения, по мнению экспертов, это проблемы финансового и кадрового характера. Вполне возможно, что именно они способствуют возникновению потенциально возможной опасности формальной реализации большинства мероприятий, предусмотренных программой Здоровьесбережения.

Преподаватели и сотрудники университета в большинстве своем предпочли бы видеть реализацию системы здоровьесбережения в форме постоянно действующих профилактических и диагностических мероприятий, проводимых с целью раннего устранения возникающих проблем со здоровьем у студентов и работников. Эксперты же в первую очередь высказываются за формирование здоровой среды, основанной на принципах гигиены, благоприятной психологической атмосферы, безопасного и рационального питания, но, при этом, в абсолютном большинстве поддерживают необходимость приоритетного развития технологий профилактики заболеваний.

Таким образом, основываясь на полученных результатах исследования, администрации высших учебных заведений, субъектам реализации технологий здоровьесбережения целесообразно предусмотреть:

- проведение дополнительных кураторских часов с целью информирования студентов о ходе и достижениях реализуемых оздоровительных мероприятий;
- представление в доступной форме информации на официальном сайте высшего учебного заведения о мероприятиях программы;
- возможность ознакомления студентов, преподавателей и сотрудников высшего учебного заведения с результатами пройденного ими медицинского обследования в лечебно-оздоровительных подразделениях;

- проведение мероприятия «День здоровья» в менее массовой форме, но более регулярно;
- сбор информации кураторами групп о студентах, желающих заниматься в учебно-спортивных секциях, и организацию предоставления им такой возможности;
- проведение имиджевых мероприятий среди студентов с целью пропаганды принципов здорового образа жизни;
- включение вопроса о ходе и достижениях реализуемых здоровьесберегательных мероприятий в повестки заседаний кафедр, советов факультетов;
- организацию на факультетах стендов, содержащих информацию о возможностях профилактики и лечения заболеваний в лечебно-профилактических подразделениях высшего учебного заведения, задействованных в реализации технологий здоровьесбережения;
- организацию обратной связи в деятельности сотрудников лечебно-профилактических подразделений, например в форме книги отзывов и предложений;
- внедрение новых форм информирования преподавателей и сотрудников высшего учебного заведения о возможностях укрепления здоровья, предоставляемых в рамках реализации технологий здоровьесбережения, например ежегодной рассылки информационных сообщений на их электронные адреса;
- введение постоянной колонки в официальной газете, содержащей информацию о ходе и достижениях реализуемых оздоровительных мероприятий.

Список литературы

1. Глебова Е. И. Здоровьесбережение как средство повышения эффективности обучения студентов вуза : Дис. ... канд. пед. наук / Е.И. Глебова. – Екатеринбург, 2005. – 182 с.
2. Дзодзикова Л. А. Педагогическое сопровождение здоровьесбережения студентов / Л.А. Дзодзикова // Научные проблемы гуманитарных исследований. – 2008. – № 7. – С. 10-18.
3. Пипко Е.А. Актуальные проблемы формирования здорового образа жизни / Е.А. Пипко // Гуманизация образования. – 2007. – № 1. – 0,3 п.л.
4. Сомов Д. С. Теория и методология реализации здоровьесбережения в условиях современного вуза / Д.С. Сомов. – М.: Изд-во УРАО, 2007. – 260 с.
5. Воронін Д. Е. Формування здоров'язберігаючої компетентності студентів вищих навчальних закладів засобами фізичного виховання: Дис. ... канд. пед. наук / Д.Е. Воронин. – Херсон, 2006. – 225 с.

EVALUATION OF HEALTH SAVING TECHNOLOGIES STUDENTS AND TEACHERS AT BELGOROD STATE UNIVERSITY

N. I. Zhernakova¹⁾
B. V. Zalivansky²⁾

Belgorod State University

¹⁾ e-mail:
Zhernakova@bsu.edu.ru

²⁾ e-mail:
Zalivansky@bsu.edu.ru

Health saving participants of the educational process is one of the major goals of higher education during the modern period. Results of sociological research, which included evaluation of the health saving technologies implemented at the Belgorod State University, are presented in the article. The key problems, interfering with health saving process organization in higher education, are identified. Recommendations about overcoming of problems are formulated.

Key words: health, health saving, universities, students, teachers, Belgorod State University.

СОЦИАЛЬНОЕ ЗДОРОВЬЕ НАСЕЛЕНИЯ БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Л. В. Колпина

*Белгородский
государственный
университет*

*e-mail:
kolpina-lola@yandex.ru*

В статье на основании проведенного автором эмпирического исследования осуществляется анализ социального здоровья населения Белгородской области. В качестве интегрального показателя социального здоровья выступает основанная на достаточном объеме социального капитала возможность социального субъекта управлять, контролировать собственную жизненную ситуацию в различных социальных сферах.

Ключевые слова: социальное здоровье личности, социальный статус, статусный капитал, управляемость.

Введение

Социальное здоровье представляет собой совокупность характеристик личности, обуславливающих ее социальную эффективность. Значимость исследования социального здоровья населения продиктована тем, что в современном мире ответственность за общественные процессы все в большей степени является атрибутом личности; ее самореализация и социальное творчество становятся условиями развития общества, а характеристики социальности – важной составляющей здоровья человека. При этом характеристики социального здоровья могут варьировать в различных культурных, социально-экономических и политических условиях, что актуализирует проблему исследования их региональной специфики.

Особое значение данная тема приобретает в Белгородской области, во-первых, в связи с реализуемой здесь с 2003 года Программой улучшения качества жизни населения¹, в которой большое внимание уделяется проблемам социальной адаптации населения, созданию условий для его самореализации и социально-творческой деятельности, основанной на самоорганизации; развитию социального капитала местного сообщества. Во-вторых, в связи с содержанием ежегодного послания губернатора Белгородской области Областной Думе (2009 г.), в котором он предлагает объявить этот год годом улучшения качества человеческих взаимоотношений². И первое, и второе являются существенными условиями и показателями социального здоровья населения.

Основные теоретические и методологические положения исследования

Опираясь на положения гуманистической парадигмы, статусной концепции личности, теорий социальных изменений, социальной стратификации и социального поля, в контексте которых мы ведем данное исследование, социальное здоровье представляет собой феномен, обусловленный социальным статусом личности. А именно: удовлетворенностью личности ее социальным положением, способностью его сохранить или изменить, используя возможности социальных связей и институтов, а также реализовать заложенный в нем статусный капитал. При этом, социальный статус мы рассматриваем как интегративное образование, включающее в себя следующие аспекты: социоэкономический (материальное благосостояние), политический (участие в политическом управлении), профессиональный, гражданский (связанный с социальной самоорганизацией и общественной значимостью) и интрагрупповой (отношения в семье, с друзьями, соседями).

¹ Программа улучшения качества жизни населения Белгородской области // Белгород, 2003. – С. 16.

² Отчет губернатора белгородской области е.с. савченко по итогам социально-экономического развития Белгородской области за 2008 год (27 января 2009 года) [электронный ресурс] // режим доступа к изд.: <http://www.savchenko.ru/appearance/97.html> – систем. Требования: ibm pc, internet explorer.

Социальный статус, в соответствии со взглядами П. Бурдьё, реализуется посредством экономического, культурного, социального и символического статусного капитала. Экономический капитал связан с материальными благами, которые предоставляет социальный статус. Культурный капитал представлен знаниями норм, правил, традиций общества / общности, к которым принадлежит индивид, а также специальными знаниями, квалификацией. Социальный капитал представляет собой социальные связи, которые могут выступать ресурсом получения выгод. Символический капитал реализуется через авторитет, репутацию, престиж, и т.п.³

Способность реализовать статусный капитал в рамках социальных отношений и его достаточность определяют уровень социального здоровья. В связи с этим интегральным показателем социального здоровья является управляемость – достаточность социального статуса для контроля и целесообразного, легитимного воздействия социального субъекта на ситуацию на всех уровнях жизнедеятельности. Минимально необходимый, базовый уровень социального здоровья представляет собой социальную адаптацию личности. Это воспроизводящий уровень удовлетворения потребностей, целей и ценностей социальным образом без качественных изменений себя или социального окружения и ситуации. Компонентами более высокого уровня социального здоровья являются самореализация и социальное творчество, степень развития которых обуславливается конгруэнтностью направленности индивида на достижение собственных целей и ценностей, с одной стороны, и на благо общества, с другой, предусматривая в первом случае, качественное изменение личностных характеристик, а во втором – социального окружения. И четвертый компонент – социальная миссия – представляет собой осознание и реализация собственного предназначения. Наиболее важным критерием здесь является представление о том, что «мир таков, что в любой данный момент в нем может что-то случиться только с моим участием»⁴.

Социальное здоровье имеет субъективную (социальное самочувствие) и объективную составляющую. Социальное самочувствие отражает удовлетворенность личности различными аспектами социального статуса; представляет собой актуализированную способность индивида воспроизводить свое бытие посредством социальных связей и отношений (пассивная социальная адаптация), раскрывать в них себя (самореализация), оптимизировать социальное пространство в соответствии с личными и общественными императивами (социальное творчество), ставить и реализовывать задачи, основанные на осознании своего социального предназначения в различных социальных сферах посредством соответствующих аспектов социального статуса.

Приступая к анализу состояния социального здоровья населения, акцентируем внимание на том, что, в попытке избежать общей тенденции, выражающейся к сведению исследования этой проблемы к анализу социальных отклонений, в качестве основной задачи мы ставили выявление позитивных социальных характеристик личности, а не социальных дезадаптаций. С этой целью в 2009 г. в Белгородской области нами было проведено исследование (N=600) методом анкетного опроса. Отбор респондентов осуществлялся по методике квотной выборки, в качестве параметров которой выделялись возраст, пол и место жительства.

При интерпретации полученных эмпирических данных мы исходили из следующих положений:

– высокий процент респондентов, затруднившихся ответить, в контексте самооценки какого-либо аспекта социального статуса свидетельствует о низкой сформированности соответствующей данному аспекту типа идентичности, либо в силу низкой значимости этих отношений, либо в силу внутриличностного межролевого конфликта;

– высокий процент ответов по показателям самореализации, социального творчества и социальной миссии свидетельствует об удовлетворенности социальными ролями, их социально-психологической насыщенности, полноте и всегда коррелирует с низким процентом респондентов, затруднившихся ответить на вопрос. Верно и обратное утверждение;

³ См. Бурдьё, П. Структура, габитус, практики / П. Бурдьё // Журнал социологии и социальной антропологии. – 1998. – Т.1. – №2. – С. 117 – 122.

⁴ Мамардашвили, М. Картезианские размышления / М. Мамардашвили // Под ред. Ю.П. Сенюкова. – М., Прогресс, 2003. – С. 8.

– низкие показатели по реализации социальной миссии, предназначения, свидетельствуют о минимизации социальных императивов в исследуемых социальных отношениях;

– высокий процент ответов по критерию социальной адаптации в сочетании с низким процентом затруднившихся ответить – маркер сформированной идентичности, но формальной оценке удовлетворенности данным социальным статусом, либо низким уровне притязаний.

Для сравнения разнородных данных рассчитывались коэффициенты (k), где максимальное значение коэффициента – единица, а минимальное – ноль. При интерпретации данных разница в ответах, превышающая 5% или 0.05 единиц, нами рассматривалась как значимая.

С учетом этих положений приступим к эмпирическому анализу социального здоровья населения.

Эмпирический анализ полученных данных

С целью определения характеристик социального здоровья в рамках статусной парадигмы, для общей оценки социального статуса нами была поставлена задача определения актуального состояния каждого его аспекта. Для этого респондентам задавался вопрос о важности для них каждого из аспектов социального статуса.

Исследование показало, что наиболее важным в системе социальных позиций является семейный статус, коэффициент которого равен 0.87. Затем следуют финансовый и профессиональный статусы, имеющие также высокие показатели значимости (0.76 и 0.72). Далее, по степени значимости, идет положение, занимаемое респондентами, среди друзей (0.59). В число малозначимых статусов входит гражданский статус, связанный с признанием в общественной деятельности (0.44), и политический (0.29).

С целью выяснения, каким образом населением реализуется потенциал, заложенный в каждом аспекте социального статуса, был задан вопрос о степени востребованности, нужности респондентов в каждой из социальных сфер. Наиболее сильно востребованность ощущается респондентами в семье (0.91) и среди друзей (0.71); затем – в профессиональной сфере (0.55). Ниже среднего – в общественной жизни (0.41), а минимально – в управлении государством (0.17). Таким образом, с увеличением радиуса социальных отношений, уменьшается степень их значимости (от интрагруппового уровня отношений – семья, друзья, – к мезоуровню – профессиональная и общественная деятельность, – к макроуровню социальных отношений, реализующихся через политический статус), что вполне предсказуемо и логично. Обратная ситуация свидетельствовала бы о социальной патологии.

Далее, чтобы прийти к выводу об уровне социального самочувствия, соотнесем значимость каждого из аспекта статуса для респондента со степенью его реализации. Ведь, высокая удовлетворенность человека конкретным аспектом своего социального статуса может быть и при низком уровне востребованности, например, в случае низкого уровня притязаний. В связи с этим рассчитаем разницу между востребованностью и значимостью каждого из аспектов социального статуса. Разница этих показателей будет отражать уровень удовлетворенности: чем она меньше, тем уровень удовлетворенности выше.

Наиболее высокая удовлетворенность респондентов приходится на интрагрупповой статус – в семье и, особенно, среди друзей. Некоторый уровень неудовлетворенности существует при реализации гражданского статуса, связанного с общественной деятельностью. Отмечается достаточно высокая неудовлетворенность политическим статусом. И максимальная неудовлетворенность имеет место в реализации профессионального и экономического статусов, что в большой степени взаимосвязано. Проанализируем причины, определившие такое распределение ответов.

Интрагрупповой статус, включающий в себя самый близкий уровень общения респондентов, имеет наиболее высокий уровень удовлетворенности. Причем, в первую очередь, в отношениях с друзьями. И это понятно, поскольку данные отношения предполагают, с одной стороны, максимум сходства, общности характеристик, добровольности, и с другой – минимум ответственности и взаимных обязательств. Невысокий уровень

требований, предъявляемый к такого рода отношениям, дает возможность иметь высокий уровень социального самочувствия даже при условии, если эти отношения позволяют чувствовать себя только «не хуже других» – о чем говорят 40,4% респондентов. Низкий процент респондентов, затруднившихся оценить отношения с друзьями (10,0%), в сочетании с относительно высоким процентом тех, кто оценивает их на уровне социальной адаптации, указывает на сформированность этого типа идентичности, низкий уровень притязаний в данных отношениях, что предполагает низкую тревогу и высокую удовлетворенность ими.

Данные отношения, по сравнению со всеми другими (семья, соседи, коллектив, руководство), имеют и самый высокий показатель самореализации (36,2%). Это объясняется низким уровнем тревоги и высоким уровнем принятия в такого рода отношениях, что является важнейшими условиями самовыражения. Доказательством тому служит и то, что в этих отношениях самый низкий показатель взаимного непонимания (16,8%). В то же время, здесь же один из самых низких показателей реализации миссии (13,4%), что подтверждает гипотезу о минимизации «должного» и максимизации «свободного» в этих отношениях.

Высокий уровень взаимности обуславливает и достаточно высокий коэффициент управляемости этими отношениями (0,72), а единственной значимой проблемой в них является нехватка времени (31,9%).

Таким образом, дружеские отношения имеют самый высокий уровень удовлетворенности, расцениваются респондентами как показатель собственной социализированности и как среда для самореализации.

Другой параметр интрагруппового статуса – **отношения в семье**. При анализе удовлетворенности этими отношениями обращает на себя внимание противоречие, заключающееся в высоких субъективных оценках респондентами своих семейных отношений и, одновременно с этим, высоким количеством разводов, в Белгородской области, по данным за 2005 год, соотношение браков и разводов равнялось 8 к 4; за 2006 – 8,2 к 3,9; за 2007 – 9,8 к 4,3 (в расчете на 1000 человек населения)⁵. То, есть, в целом, половина браков заканчивается разводами.

Результаты исследования, также показали, что 43,2% респондентов сообщают, что семейные отношения позволяют им чувствовать себя «не хуже других», что говорит о минимальном уровне реализации ими своего социального статуса. Непринципиально большее число респондентов (49,2%) говорит, что в семье они самореализуются, раскрывая в себе новые качества (20,9%) и реализуют свое предназначение, миссию (28,3%). Еще 7,6% респондентов затруднились ответить на этот вопрос, что говорит о достаточно низком уровне неопределенности относительно своего положения в семье.

Можно с большой долей уверенности говорить о каузальной связи между показателями числа семей, сохранивших брак (чуть более 50%), числа респондентов, реализующих относительно полно свой статусный капитал в семье (49,2%), и количеством тех, кто сообщает о нежелании работать над этими отношениями (46%). В этой связи считаем показательным невысокий уровень ответов по реализации в семье своего предназначения, что говорит и о низком уровне «должного». При этом 76,7% опрошенных соглашались, что отношения в семье во многом зависят от них самих.

С другой стороны 66,9% респондентов в принципе хотят полнее раскрыть себя в семье, чему препятствуют финансовые проблемы (61,0%), незнание того, как это сделать (52,0%), и недостаток времени (49,8%). Кроме того, еще 47,0% респондентов говорят о непонимании членами своей семьи друг друга, а 28,0% указывают на конфликтность отношений.

Четкое понимание респондентами места, которое они занимают в этих отношениях, минимальный уровень оценки их социально-психологической насыщенности и полноты при достаточно высоком уровне нежелания что-либо предпринимать в этой связи (чем и объясняется высокая удовлетворенность этими отношениями), свидетельствуют о низком уровне притязаний в отношении семьи.

⁵ Демографический ежегодник Белгородской области за 2007 г.: Ст. сб. / Белгородстат. – 2008. – С. 69.

Высокий уровень удовлетворенности населения отношениями в семье отражает субъективную сторону социального здоровья населения, тогда как объективные показатели, о которых говорилось выше, свидетельствуют об обратном. Такое положение является, скорее, негативным маркером, свидетельствующим о неготовности респондентов работать на укрепление и развитие этих отношений. Следовательно, нет причин надеяться на снижение числа разводов, и проблем, связанных с этим (в частности, социальное сиротство, детская преступность и пр.)

Теперь более подробно остановимся на оценке респондентами своего **профессионального статуса**. Как было ранее выявлено, удовлетворенность им имеет крайне низкие оценки. В связи с этим логично, что 72,8% респондентов хотели бы изменить или полнее раскрыть ресурсы своего профессионального статуса: это может свидетельствовать как о высоком личностном потенциале профессиональной самореализации, так и о его недостаточной востребованности экономикой региона.

Социальное здоровье в профессиональной сфере определяется размером заработной платы; отношениями с коллегами и руководством; чувством собственной востребованности и востребованности своей специальности или профессии, выражающейся в степени реализации социальной миссии и самореализации (показатель – интерес к работе); управляемостью профессиональной ситуацией со стороны индивида, в том числе, возможностью планирования карьеры, материального благосостояния; потенциалом участия в деятельности по оптимизации организационных процессов, в распределении социальных благ и материальных ресурсов.

На основании выделенных параметров рассмотрим причины низкой самооценки респондентами своего профессионального статуса. Наибольшее их количество (36,4%) считает, что отношения с коллегами позволяют им чувствовать себя не хуже других, 33,1% – реализовывать себя, и 15,3% – реализовывать свою миссию. Таким образом, примерно половина респондентов активно используют социальный капитал коллектива, в котором они работают. Причем, речь идет, в первую очередь, об автономном саморазвитии себя через коллектив, а не соразвитии с коллективом, о чем свидетельствует низкий процент респондентов, отметивших, что в этих отношениях реализуют свое предназначение, которое выражается все-таки в направленности на других. Таким образом, можно предполагать и низкий уровень социально-творческой деятельности респондентов, выражающийся в устранении от влияния на ситуацию в коллективе.

Отношения же с руководством в большей степени эмоционально окрашены, чем отношения с коллегами. Здесь уже в два раза меньше респондентов (25,6%) указывают на формальный уровень (социальной адаптации). С другой стороны, рассматривая их как более ресурсные, более чем в 2 раза чаще респонденты отмечают, что отношения с начальством позволяют им реализовывать себя в профессиональной сфере.

Складывается впечатление, что ощущение реализации миссии в основном детерминировано отношениями с руководством, и, по-видимому, рассматривается не в глобальном плане, как ответ на вопрос: «зачем я живу?», «что я оставлю после себя?», «чем запомнюсь?», а тем, насколько они реализуют цели организации или предприятия; задачи, которые ставит руководитель. И такое положение объяснимо, логично и позитивно. Отрицательным моментом является минимизация значения социального капитала коллектива, потенциала его самореализации и завязывание результата исключительно на руководстве. Это снижает и эффективность коллектива, и личную эффективность работников.

Тревожным моментом является то, что только 27,6% респондентов чувствуют, что от них в значительной мере зависят отношения с руководством, еще 37,4% – считают, что зависят незначительно, а не зависят вовсе – 22,2%. Таким образом, коэффициент управляемости этими отношениями равен 0.46, что является тем более недостаточным, исходя из объективно и субъективно высокой значимости этих отношений. Это может свидетельствовать о примате эмоциональных над рациональными характеристиками вертикальных связей, их непрозрачности, низкой формализации, и, следовательно, непредсказуемости этих отношений. Соотносится с этим и коэффициент управляемости организацией (0.45), выявляющий потенциал влияния респондента на ее деятельность.

В качестве наиболее веских причин, препятствующих реализации социального капитала, заложенного в отношения с коллегами, респонденты видят недостаток знаний о том, как это можно сделать (43,3%), непонимание окружающих (32,0%), а также необ-

щительность и конфликтность (25,6%). В тоже время, при ответе на вопрос о причинах, препятствующих самореализации в профессиональной или учебной сфере, четверть респондентов (25,7%) говорят о неэффективной организации труда в коллективе. А, собственно, на плохие отношения в коллективе, указывает только 5,3% респондентов. В связи с этим, в качестве наиболее проблемного момента мы выделяем вопрос самоорганизации и самоуправления в трудовых (учебных) коллективах.

По нашему мнению, эти данные позволяют нам выйти на ряд проблем, связанных с потенциалом партисипации в трудовом (учебном) коллективе, корпоративной культурой и стилем руководства, а также социально-технологической культурой: эффективной организацией и самоорганизацией труда коллектива, индивидуальной организации труда в коллективе, недостаточностью социальных компетенций.

Исходя из полученных данных, можно предположить, что примерно 50% респондентов обладают определенной степенью готовности реализовывать статусный капитал, заложенный в профессиональной сфере. И мероприятия, направленные на актуализацию этого потенциала, будут содействовать как социальному оздоровлению работников, так и повышению эффективности деятельности организации.

И последний важный аспект социального самочувствия в профессиональной сфере – удовлетворенность зарплатой. 27,5% респондентов считают, что в большой мере ее размер зависит от них; 21,6% – незначительно зависит, и 42,6% – не зависит вовсе. Это тревожный факт, поскольку, почти половина работников не связывает результаты своего труда с зарплатой. При этом на вопрос о проблемах, препятствующих профессиональной 26,7% респондентов указывают на несправедливость в оплате труда и распределении вознаграждений.

Обращает на себя внимание то, что лишь немногим более половины респондентов (57,5%) связывают профессиональный статус с уровнем профессионализма, и примерно треть (33,8%) – со способностью проявить себя, хотя эти показатели и отметило большинство респондентов. Обращает на себя внимание также и то, что удаче отводит определенную роль в среднем каждый десятый респондент, в то время как уникальность знаний, опыта практически не востребована, что является показателем нынешнего состояния экстенсивности экономики, невостребованности творчества и инновационности, с одной стороны, и неэффективности использования человеческого потенциала, с другой.

В целом, оценивая состояние социального здоровья населения в аспекте профессиональной деятельности, можно говорить о том, что не один из показателей социального самочувствия населения в профессиональной сфере не реализуется в достаточной степени. О полноценной самореализации в профессии говорит 26,1% респондентов, о частичной – 43,7%, а об отсутствии таковой – 21,9%. Чувствуют себя вполне востребованными и нужными 25,6%, отчасти – 36,2%, и невостребованными – 22,7%. Ситуация в профессиональной сфере позволяет в полной мере планировать свое благосостояние и карьеру лишь 20,1% респондентов; отчасти – 40,4%, и не позволяет вовсе – 29,0%. А свой потенциал влияния на деятельность организации или предприятия высоко оценивает 13,6% респондентов, средне – 34,2%, низко – 15,0%. Коэффициент влияния на деятельность организации – 0,31.

Таким образом, наиболее высокий коэффициент социального самочувствия в профессиональной сфере касается самореализации (0,48), далее – финансового благополучия (0,44), реализации чувства собственной значимости, предназначения (0,41) и управляемости карьерой и материальным благосостоянием (0,41). Наименьшее значение имеет коэффициент влияния на деятельность организации и предприятия (0,31). Актуальный уровень удовлетворенности социальным статусом в целом находится в пределах нижней границы среднего уровня, и равен 0,41.

Социоэкономический статус. Наиболее серьезное противоречие между степенью значимости социального статуса и его реализацией лежит в экономической сфере. Коэффициент благосостояния населения – на уровне ниже среднего (0,40), что усугубляется выявленной ранее значимостью экономической независимости.

Наибольшее количество респондентов (42,8%) отмечает, что их доход (в расчете на 1 члена семьи) – от 5 до 8 тыс. руб. в месяц, тогда как 30,2% – менее 4 тыс. руб.

Показательным является то, что по данным Белгородстата, величина прожиточного минимума в Белгородской области в I квартале 2009 года составил 4086 рублей⁶. Это означает, что треть респондентов имеет экономический статус, соответствующий уровню ниже минимально допустимого, а примерно 40% – в диапазоне прожиточного минимума или несколько выше него. Одновременно с этим, 54,7% респондентов оценивают свой социоэкономический статус как средний, только четверть (26,5%) – ниже среднего, и 10,9% – как низкий.

Такую ситуацию можно диагностировать как низкий уровень экономических притязаний белгородцев, что является одним из факторов неэффективного экономического поведения. 20,6% респондентов указывает, что в расчете на 1 человека у них приходится 9-15 тыс. руб. в месяц, а 6,4% – от 15 тыс. руб. и выше. В то время как 6,3% оценивают свой экономический статус выше среднего, и 2,4% – как высокий. В целом уровень своего благосостояния оценивают как высокий и очень высокий 7,9% населения, что примерно соответствует количеству респондентов, у которых в месяц на человека приходится от 15 тыс. руб. и выше.

При этом профессиональная деятельность, являющаяся для большинства респондентов основным источником финансовых средств, вполне позволяет обеспечить материальное благополучие себе и близким лишь пятой части респондентов, тогда как отчасти – 47,3%, и не позволяет вовсе – 29,7%. В то же время на то, что заработная плата зависит в большей мере от них самих, указывают 27,5% опрошенных, отчасти – 21,6%, и не зависит вовсе – 42,6%.

В связи с этим вполне закономерно, что, по мнению респондентов, 70,7% жизненных проблем обусловлено недостатком материальных средств. Коэффициент управляемости экономическим статусом равен 0.24, и является самым низким среди всех коэффициентов.

Таким образом, можно говорить о том, что критичность экономической ситуации компенсируется заниженным уровнем экономических притязаний. В целом, складывается впечатление, что снижение уровня притязаний вообще является характерным способом решения жизненных проблем для большинства населения Белгородской области.

Менее проблематичным, с точки зрения социального самочувствия, выглядит **гражданский статус** – уровень его значимости непринципиально превышает уровень его реализации. Но, и тот, и другой имеют низкие значения. Таким образом, в контексте социального здоровья гражданский статус реализуется лишь в небольшой мере. Невысокая ценность общественного признания и общественной значимости, с одной стороны, свидетельствует об индивидуализации и атомизации населения, а с другой – о слабо выраженном потенциале самоорганизации. «Индивидуализм – это взвешенное, спокойное чувство, побуждающее каждого гражданина изолировать себя от массы себе подобных и замыкаться в узком семейном и дружеском круге. Создав для себя, таким образом, маленькое общество, человек охотно перестает тревожиться обо всем обществе в целом»⁷.

Общественное признание начинается с минимальных уровней общественного взаимодействия – с формирования добрососедских отношений. Характеризуя отношения с соседями, большинство респондентов говорят о том, что они позволяют им чувствовать себя «не хуже других» (50,4%). О том, что они позволяют самореализовываться или реализовывать свое предназначение, отмечают всего 10,8 и 9,1% респондентов. Но, именно здесь отмечается самый высокий процент тех, кто затруднился охарактеризовать эти отношения (29,7%).

Компаративный анализ позволяет выявить следующее: данный уровень межличностных отношений является самым формальным, а его социальный потенциал – самым невостребованным. Здесь наблюдается самый высокий процент респондентов, уровень отношений которых находится исключительно в рамках социальной адаптации, а также самый низкий процент ответов (на порядок отличающийся от других видов межличностных отношений), свидетельствующих о самореализации и реализации своего предназначения – 19,9%.

⁶ Величина прожиточного минимума (в среднем на душу населения, рублей в месяц) [Электронный ресурс] // Режим доступа к изд.: <http://belg.gks.ru/digital/region12/doclib/tab6.doc> – Систем. требования: IBM PC, Internet Explorer.

⁷ Токвиль А. Демократия в Америке: Пер. с франц. / Предисл. Гарольда Дж. Ласки. – М.: Издательство «Весь Мир», 2000. – С. 373.

Высокий уровень затруднившихся ответить при минимальном уровне включенности в отношения и ожиданий от них, свидетельствует о несформированной идентичности в данном аспекте статуса, что означает несформированность представлений о своем месте в этих отношениях, их значении в собственной жизни и перспективах развития. Примерно треть респондентов указывает на то, что от них в большой мере зависит характер отношений с соседями; 36,2% – зависит частично, и 24,2% – не зависит. Коэффициент управляемости равен 0.48. Соотношение между средним уровнем управляемости этими отношениями и низким уровнем таких отношений свидетельствует об их не востребоваемости.

В качестве наиболее важных причин, препятствующих развитию добрососедских отношений, респонденты называют нежелание строить эти отношения (55,3%), необщительность и конфликтность (44,6%) и отсутствие взаимопонимания (32,8%). Эти данные еще раз подтверждают безразличный (об отсутствии отношений с соседями говорит каждый третий респондент), и даже негативный характер этих отношений.

Данному аспекту отношений мы уделили особое внимание как базовому уровню для формирования территориального общественного самоуправления, который может явиться альтернативой общинности, которая в прежнем (традиционном) виде имеет не столь высокое влияние на современного человека, как ранее. В условиях же урбанизированного общества, достаточно разобщенного, да и еще и с многолетней культурой отрицания такого рода форм самоорганизации (речь идет о советском периоде), территориальное общественное самоуправление может стать социальным институтом, в рамках которого будет происходить эффективная социализация личности, формироваться ее социальная идентичность, повышаться социальное здоровье населения.

Отношение с соседями – это первоначальный аспект самоорганизации, предопределяющий способность к инициативной коллективной самодеятельности, когда социальный капитал используется для реализации какой-либо групповой цели, способствующей оптимизации жизнедеятельности. Взаимозависимость этих двух аспектов хорошо прослеживается при сравнении ответов, характеризующих управляемость отношениями с соседями, и управляемость ситуацией в жизнедеятельности двора, дома, улицы.

На вопрос о том, в какой мере зависит от респондентов благоустройство и жизнедеятельность дома, двора, улицы, 29,3% опрошенных ответили, что в большой мере; 37,3% – в определенной мере, и 24,7% – не зависит. При этом только 13,7% респондентов считают ТОСы эффективным средством решения проблем; отчасти эффективным – 30,1%, и неэффективным – 36,4%. Несопоставимость первой группы данных со второй свидетельствует о том, что респонденты не связывают деятельность ТОСов с решением проблем на их микротерриториях: коэффициент эффективности ТОС равен 0.29, тогда как коэффициент управляемости ситуацией во дворе, в доме, на своей улице равен 0.40. Негативной предпосылкой реализации гражданского статуса в рамках ТОС является то, что 37,7% респондентов, относительно участия в их деятельности, заявляют категорическое «нет».

Опираясь на полученные данные, можно предположительно говорить, что сегодня в той или иной степени готово реализовывать гражданский статус посредством потенциала ТОС не более 40% населения.

Такое положение связано, в первую очередь, с низкой осведомленностью населения о данном социальном институте в силу его «молодости»: число респондентов, затруднившихся ответить на вопрос об эффективности ТОС (19,7%) больше, чем по всем другим общественным, политическим и государственным организациям. Этим же можно объяснить и низкую оценку его доступности для граждан ($k = 0.22$): реально действующее территориальное общественное самоуправление в Белгородской области, Советы территорий – пока, в большей степени, является концепцией.

Относительно реализации респондентами гражданского статуса посредством взаимодействия с органами местного самоуправления, можно отметить следующее: уровень управляемости ситуацией здесь снижается в разы, хотя сущность деятельности во многом аналогична ТОС. Коэффициент доступности органов местного самоуправления равен 0.28, что соответствует уровню ниже среднего. Для института гражданского общества, наиболее близкой к населению власти, этот показатель является крайне негативным.

Рассмотрим реализацию гражданского статуса населением через другие формы самоорганизации и самодеятельности. В принципе, хотели бы полнее раскрыть себя в

общественной жизни, 44,5% респондентов. При этом наиболее популярными формами самодеятельности и самоорганизации у белгородцев являются: благотворительность (60,7%), общественные организации (54,8%) и клубы по интересам (53,3%). К среднепопулярным формам самоорганизации можно отнести участие в деятельности ТОС (48,3%) и волонтерскую деятельность (45,6%). Наименьшей популярностью пользуются формы самоорганизации, носящие политический или политизированный характер, такие как участие в массовых акциях (40,1%) и деятельности политических партий (38,8%).

Относительно причин, препятствующих участию респондентов в общественной деятельности, большинство из них в первую очередь называют нехватку времени, сил (47,6%); неверие в возможности решения проблем таким образом (35,5%), отсутствие интереса к этому занятию (23,2%) и недостаток единомышленников (20,3%).

Корнем первых трех причин является низкая мотивация к общественной деятельности, свидетельствующая о неготовности большей части населения к участию в общественной жизни и реализации потенциала самоорганизации для решения личных и общественных проблем.

Неверие в возможности решения проблем посредством общественной деятельности мы связываем, в первую очередь, с отсутствием такого рода опыта, а не с традиционным представлением о бюрократических барьерах. Поскольку о последних можно судить лишь в процессе осуществления общественной деятельности. В то же время, о том, что занимают общественную деятельность, сообщило только 8,8% опрошенных.

Отсутствие интереса к общественной деятельности объясняется и неверием в потенциал этого способа решения жизненных проблем, и низким ее престижем, и несформированностью традиций участия в ней.

Отсутствие опыта, мотивации и традиции участия в инициативной общественной деятельности – тот заколдованный круг, который необходимо разорвать совместными усилиями как гражданских инициатив, так и органов власти и управления.

Невысокая популярность массовых политизированных и политических акций подкрепляется низкими оценками граждан эффективности решения своих проблем через **политику**, в процессе осуществления политического управления, через воздействие и взаимодействие с органами власти и управления.

Среди различных сфер социальной деятельности, представленных в нашем исследовании (семья, работа, друзья, соседи, общественная деятельность) политическая деятельность имеет наименьшее число приверженцев. О том, что хотели бы раскрыть себя в ней, сообщают 29,2% респондентов, тогда как 46,0% отмечают, что этого не хотят.

Такие ответы объясняются следующими данными: только 4,6% респондентов считают, что от них в большой мере зависят политические процессы, происходящие в государстве; 16,7% – что зависят отчасти, и 70,6% – что от них вообще ничего не зависит. Коэффициент управляемости в сфере политики равен 0.13. Это самый низкий коэффициент управляемости из всех рассматриваемых нами сфер.

Можно было бы согласиться с тем, что судьба государства, или даже региона принципиально в меньшей степени зависит от отдельно взятого человека, чем, например, семья, трудового коллектива, микрорайона. Но в таком случае речь могла бы идти об относительной управляемости политической сферой, что проявилось бы в превалировании высказываний респондентов о том, что политические процессы зависят от них незначительно. Но подавляющее большинство респондентов выбрало ответ «не зависят», что является показателем неподконтрольности политической сферы местному сообществу или обществу в целом. А, следовательно, невозможности реализации капиталов, заложенных в политическом статусе граждан.

В то же время, «когда государством правит общественное мнение, все люди создают ценность общественного признания и каждый пытается добиться его, стараясь обрести уважение и привязанность тех людей, среди которых он должен жить, а самой демократической страной в мире является та из стран, где в наши дни люди достигли наивысшего совершенства в искусстве сообща добиваться цели, отвечающей их общим желаниям, и чаще других применять этот новый метод коллективного действия»⁸.

⁸ Токвиль А. Демократия в Америке: Пер. с франц. / Предисл. Гарольда Дж. Ласки. – М.: Издательство «Весь Мир», 2000. – С. 379.

Существует дополнительная значимость потенциала, заложенного в вертикальных социальных связях и реализуемого через политический статус граждан для россиян вообще, и для белгородцев, в частности, что обусловлено традиционной патерналистской культурой.

В связи с этим, показательно, что 61,7% респондентов убеждены: сложности в решении их жизненных проблем связаны с «нежеланием властей решать проблемы «проблемных людей», бюрократизм, а самым эффективным способом коллективного воздействия на ситуацию респонденты считают коллективное обращение в органы власти (к эффективности – 0.47). В то же время, коэффициент эффективности участия в митингах, демонстрациях, забастовках – 0.21.

Таким образом, вырисовывается противоречие. Деятельность властных структур респондентами рассматривается как основной способ влияния на общественную ситуацию и решение проблем. Но их эффективность оставляет желать лучшего. Доступность, в частности, региональных органов власти для населения низкая (к – 0.38), а механизмы воздействия на них минимизированы. Остальные же формы влияния на общественную ситуацию имеют еще более низкий потенциал. Коэффициенты эффективности участия в выборах, референдумах – 0.41, общественного обсуждения законов – 0.32.

Данные цифры позволяют судить о том, что в представлении граждан органы власти и управления не ориентированы на население, а вертикальные обратные связи не позволяют артикулировать общественный интерес на уровень политических решений. Единственная государственная структура, коэффициент эффективности которой равен более 50%, – это суд, институт, минимально связанный с политической сферой общества.

С другой стороны, обращает на себя внимание то, что респонденты невысоко оценивают доступность и других организаций и учреждений – как государственных, так и негосударственных: коэффициент доступности государственных учреждений типа «Одно окно», органы социальной защиты – 0.59 (самый высокий); РЭУ, ТСЖ – 0.57; профсоюзов – 0.50, общественных организаций – 0.48, ТОС – 0.44, общественных приемных политических партий – 0.39, общественных приемных депутатов – 0.32.

В этих данных отражается тенденция минимизации роли населения в политической сфере – доступность политических институтов (общественные приемные депутатов и политических партий) стоит на последнем месте.

Кроме того, данные цифры наводят на предположение о том, что низкий уровень взаимодействия населения с органами власти, участия в процессах политического управления связан не только и не столько с закрытостью органов власти и их неэффективностью, сколько с нежеланием (или неумением) населения реализовывать социальный потенциал, заложенный в горизонтальных и вертикальных социальных связях и отношений посредством индивидуального и коллективного взаимодействия с различными государственными и негосударственными организациями и социальными институтами. Самый эффективный способ решения проблем респонденты связывают с обращением к друзьям и родственникам. Данный коэффициент (0.45) превышает подавляющее большинство коэффициентов эффективности всех остальных рассматриваемых в исследовании способов решения проблем.

Таким образом, реализация населением статусного капитала, заложенного в политическом аспекте социального статуса, имеет самые минимальные значения. И, как указывалось выше, данная проблема компенсируется низким уровнем политических притязаний респондентов, выражающаяся в низкой значимости для них политического статуса.

Вывод

Проведенное исследование показало, что наиболее важным для жителей Белгородской области в системе социальных позиций является семейный статус. Затем, в порядке убывания следуют: социоэкономический, профессиональный и положение в кругу друзей. В число малозначимых входят: гражданский (связанный с общественной деятельностью), и политический (обуславливающий участие в политическом управлении) статусы.

Совпадение показателей субъективных оценок значимости социального статуса и востребованности детерминирует уровень удовлетворенности граждан местом, занимаемым в обществе, и является маркером социального самочувствия населения.

Наиболее высокая удовлетворенность респондентов приходится на интрагрупповой и, несколько в меньшей степени, гражданский статусы. Отмечается достаточно высокая неудовлетворенность политическим статусом, а максимальная неудовлетворенность – профессиональным и социоэкономическим статусами.

Дружеские отношения расцениваются респондентами, в первую очередь, как показатель собственной социализированности и как среда для самореализации и отличаются высоким взаимным принятием и низким уровнем ответственности субъектов отношений.

Высокий уровень удовлетворенности семейными отношениями при объективно кризисном состоянии института семьи является негативным маркером, с одной стороны, свидетельствующим о снижении уровня притязаний населения к этим отношениям, а, значит, неготовности работать на укрепление и их развитие, и с другой, обуславливающим дальнейшее усугубление негативной тенденции.

Относительно профессионального статуса отмечается низкая зависимость от индивида организации деятельности в коллективе, отношений с руководством. В этой сфере отмечаются наиболее высокие показатели самореализации населения, которые, в абсолютном исчислении, все же имеют невысокие значения. Ощущение реализации социальной миссии в большей степени завязано на отношениях с руководством, и, по-видимому, соотносится со степенью реализации ставящихся руководством задач, и, таким образом, не выходят на уровень смысложизненных ценностей.

Отмечается минимизация значения социального капитала коллектива для реализации профессиональных задач, и использование в основном ресурсов, заложенных в отношениях с руководством. Это снижает и эффективность коллектива, и личную эффективность работников. Усугубляет проблему отмечаемый респондентами низкий уровень зависимости отношений с руководством при их высокой значимости. Исходя из показателей влияния респондентов на отношения и организацию деятельности в коллективе, для Белгородской области актуальна и проблема самоорганизации и самоуправления в профессиональной сфере.

В целом, оценивая состояние социального здоровья населения в аспекте профессиональной деятельности, можно говорить о том, что ни один из показателей социального самочувствия населения в профессиональной сфере не реализуется в достаточной степени. Повышение социального здоровья белгородцев в профессиональной сфере может быть осуществлено, с одной стороны, за счет решения проблем, связанных с потенциалом партисипации в трудовом (учебном) коллективе, корпоративной культурой и стилем руководства. Особое внимание целесообразно уделить готовности граждан реализовывать статусный капитал, заложенный в профессиональной сфере на основе формирования социально-технологической культуры, способствующей эффективной организации и самоорганизации труда коллектива и индивидуальной организации труда в коллективе.

Наиболее серьезное противоречие между степенью значимости социального статуса и его реализацией лежит в экономической сфере. Коэффициент благосостояния населения ниже среднего, что усугубляется выявленной ранее значимостью экономической независимости, с одной стороны, и самым низким коэффициентом управляемости ситуацией со стороны населения, с другой. Сравнение самооценок респондентов с официальной статистикой позволяет говорить также о заниженном уровне экономических притязаний белгородцев, что отчасти детерминирует их неэффективное экономическое поведение.

Менее проблематичным, с точки зрения социального самочувствия, выглядит гражданский статус – уровень его значимости принципиально превышает уровень его реализации. Но и тот, и другой имеют низкие значения. Невысокая ценность общественного признания и общественной значимости, с одной стороны свидетельствует об индивидуализации и атомизации населения, а с другой – о слабо выраженном потенциале самоорганизации.

Рассматривая в качестве исходного уровня реализации гражданского статуса добрососедские отношения, на сегодняшний день нельзя прогнозировать высокую динамику решения актуальной региональной задачи – развития территориального общественного самоуправления, в основе которого они лежат. Данный уровень межличностных отношений является самым формальным, а его социальный потенциал – самым невостребован-

ным. В качестве наиболее важных причин, препятствующих развитию добрососедских отношений, респонденты называют нежелание строить эти отношения необщительность и конфликтность и отсутствие взаимопонимания, что подтверждают безразличный, и даже, негативный характер этих отношений.

Рассматривая ТОС, как потенциал реализации населением гражданского статуса, отметим, что наиболее проблемным моментом является то, что данный социальный институт находится лишь в стадии формирования, а реально существуют только лишь институциональные предпосылки к этому, с одной стороны. И с другой – можно говорить и о недостаточности социокультурных оснований для его развития, что диктует необходимость усиления просветительской деятельности в данной сфере.

Низким является и потенциал реализации гражданского статуса через взаимодействие с органами местного самоуправления, что выражается, в низком уровне как влияния граждан на его деятельность, так и его доступности. Для института гражданского общества, наиболее близкой к населению власти, этот показатель является крайне негативным.

Относительно других форм самоорганизации граждан, наиболее популярными у белгородцев являются: благотворительность, общественные организации и клубы по интересам; наименее – формы самоорганизации, носящие политический или политизированный характер, такие как участие в массовых акциях и деятельности политических партий. Относительно, причин, препятствующих участию респондентов в общественной деятельности, большинство из них в первую очередь называют нехватку времени, сил; неверие в возможности решения проблем таким образом, отсутствие интереса к этому занятию и недостаток единомышленников.

Отсутствие опыта, мотивации и традиции участия в инициативной общественной деятельности – тот заколдованный круг, который необходимо разорвать совместными усилиями, как гражданских инициатив, так и органов власти и управления.

Невысокая популярность массовых политизированных и политических акций подкрепляется низкими оценками граждан эффективности решения проблем в процессе осуществления политического управления через воздействие и взаимодействие с органами власти и управления.

Среди различных сфер активности политическая деятельность имеет наименьшее число приверженцев. Одной из важных предпосылок к этому является низкий (самый низкий из всех представленных в исследовании сфер) уровень влияния населения на политическую ситуацию, следовательно, невозможность реализации капиталов, заложенных в политическом статусе.

Усугубляет ситуацию высокий уровень патернализма белгородцев. Белгородцы соглашаются с невысокой эффективностью деятельности властных структур, низкой степенью доступности и прозрачности их деятельности, и, одновременно с этим, связывают решение своих проблем именно с ними. С другой стороны, демократические процедуры (выборы, референдумы), а также протестные формы влияния на деятельность властных структур жители Белгородской области считают также малоэффективными или неэффективными вовсе. Доступность политических институтов (общественных приемных депутатов и политических партий) стоит на последнем месте. Указанная ситуация не позволяют артикулировать общественный интерес на уровень политических решений. Потенциал политического статуса практически не реализуется.

Подводя итог и обобщая проблемы социального здоровья населения, отметим, что наибольшее количество актуализированных в сознании населения проблем социального здоровья связано с профессиональной и экономической сферами. Малоактуализированными и объективно существующими, являются проблемы реализации гражданского, политического и семейного статусов. При этом негативной тенденцией в аспекте социального здоровья населения является то, что в случае невозможности реализации того или иного аспекта социального статуса, основной стратегией поведения является снижение уровня притязаний, и, деструктивный, с точки зрения социологии социальных изменений, пассивный способ адаптации к социальной реальности.

Если решение первой группы проблем связано в большой степени с оптимизацией социальных механизмов реализации статусных капиталов, то второй – с просветительской деятельностью, направленной на осознание существующих проблем.

Список литературы

1. Бурдые, П. Структура, габитус, практики [Текст] / П. Бурдые. – Журнал социологии и социальной антропологии. – 1998. – Т.1. – №2. – С. 117 – 122.
2. Демографический ежегодник Белгородской области за 2007 г: Ст. сб. [Текст] / Белгородстат. – 2008. – 241 с.
3. Величина прожиточного минимума (в среднем на душу населения, рублей в месяц) [Электронный ресурс] // Режим доступа к изд.: <http://belg.gks.ru/digital/region12/doclib/tab6.doc> – Систем. требования: IBM PC, Internet Explorer.
4. Мамардашвили, М. Картезианские размышления [Текст] /М. Мамардашвили // Под ред. Ю.П. Сенокосова. – М., Прогресс, 2003. – 352 с.
5. Отчет губернатора Белгородской области Е.С. Савченко по итогам социально-экономического развития Белгородской области за 2008 год (27 января 2009 года) [Электронный ресурс] // Режим доступа к изд.: <http://www.savchenko.ru/appearance/97.html> – Систем. требования: IBM PC, Internet Explorer.
6. Программа улучшения качества жизни населения Белгородской области [Текст] // Белгород, 2003. – 110 с.
7. Токвиль, А. Демократия в Америке: Пер. с франц. [Текст] / А. Токвиль. – Предисл. Г.Дж. Ласки. – М.: Издательство «Весь Мир», 2000. – 554 с.

SOCIAL HEALTH OF BELGOROD REGION POPULATION

L. V. Kolpina

*Belgorod State
University*

*e-mail:
kolpina-lola@yandex.ru*

In the article the analysis of social health of the population of Belgorod region is carried out on the basis of the empirical research conducted by the author. As an integrated indicator of social health the social subject's possibility to operate, supervise it's own reality situation in various social spheres acts based on sufficient volume of the social capital.

Key words: person's social health, the social status, the status capital, controllability.

РОССИЙСКИЙ ЧАСТНЫЙ ИНВЕСТОР ФОНДОВОГО РЫНКА – КТО ОН?

П. Ф. Кравчук
Б. Б. Подгорный

*Курский
государственный
технологический
университет*

Проанализированы исследования, характеризующие российского частного инвестора. Приведены результаты исследования авторов, характеризующие действующих частных инвесторов Курска и Курской области. Составлен портрет массового курского частного инвестора фондового рынка. Определены ценные бумаги, приобретению которых отдают предпочтение курские частные инвесторы. Приведены основные причины низкой инвестиционной активности населения.

Ключевые слова: фондовый рынок, частные инвесторы, характеристика частных инвесторов, ценные бумаги, причины низкой инвестиционной активности населения.

«...гораздо больше изучалось, почему люди покупают жидкие моющие средства, чем вопрос, почему они покупают акции»¹.

Перемены, произошедшие в российской экономике в начале 90-х годов, привели к существенным изменениям финансового поведения основной массы населения страны. Если в 1992-1993 годах большая часть сбережений граждан была сосредоточена в Сберегательном банке, то с появлением новых способов вложения денег – покупка валюты, процесс приватизации, вклады в коммерческих банках – возможности населения значительно расширились.

В 2000 году в России начал активно развиваться фондовый рынок, что дало возможность населению вкладывать свои средства в акции ведущих российских предприятий и другие инструменты фондового рынка. Если в России в 2000 году было около 20 тысяч частных инвесторов фондового рынка, то по итогам 2008 года количество индивидуальных счетов на ММВБ превышает 650 тысяч². Несомненно, этому росту способствует развитие интернет-трейдинга, который позволяет при наличии компьютера и доступа в интернет участвовать в реальных биржевых торгах.

В программных документах Правительства Российской Федерации отмечается, что одна из задач правительства состоит в том, чтобы создать массовый слой индивидуальных отечественных инвесторов, сформировать собственные мощные финансовые институты. Последние годы всё большее количество предприятий реального сектора рассматривают биржу в качестве удобного и надежного инструмента привлечения средств для реализации инвестиционных проектов. В 2007 году за счёт размещения ценных бумаг на развитие производства было привлечено свыше 850 млрд. рублей, что составляет 13% от общего объёма инвестиций³.

Исследования российских частных инвесторов фондового рынка

В ряде работ российских ученых и исследователей приводятся данные, дающие определенную характеристику российского частного инвестора. Среди них выделяются публикации В.В. Радаева и О. Кузиной на тему массового инвестиционного поведения. Их объектом являются вкладчики финансовых пирамид середины 1990-х годов. В частности, В. Радаевым разработана полезная классификация участников финансовой игры по нескольким основа-

¹Кохен Д. Психология фондового рынка: страх, алчность и паника / Пер. с англ. М. Майорова. М.: «Интернет-трейдинг», 2004. С. 18.

²Сайт ММВБ http://www.micex.ru/markets/stock/members/member_clients

³Материалы заседания Правительства РФ 1 декабря 2008 года <http://www.premier.gov.ru>.

ниям: по месту в игре (вкладчики, спекулянты и перекупщики-профессионалы) и по подходу к игре (азартные игроки, расчетливые игроки и имитаторы)⁴.

П.П. Кравченко в работе «Стратегия работы на фондовом рынке РФ» предложил весьма удачную классификацию участников фондового рынка⁵: «Инвесторы» – люди, занимающие долгосрочные позиции, иногда открытые несколько лет. «Спекулянты» – участники рынка, занимающие, как правило, краткосрочные позиции. «Игроки» – участники рынка, идущие на любой риск, который может превосходить их финансовые возможности.

В коллективной монографии под редакцией Т. Малеевой показано, что склонность к инвестиционным накоплениям имеет средний класс, характеризующийся «наличием определенного уровня доходов, накопленных сбережений, имеющих образование и вполне адаптировавшихся к новым экономическим условиям».⁶

Определенная работа по изучению российского частного инвестора выполнена Ю. Бестужевой⁷ при исследовании поведения массового российского инвестора в условиях развивающегося фондового рынка. Проводился опрос – 200 человек – в Москве и Сочи. О.Ю. Бестужева сдан вывод, что потенциальный инвестор – это представитель среднего класса. Также в работе О.Ю. Бестужева определена зависимость наличия сбережений от возраста, от места жительства, полового признака и приведены диаграммы этих показателей. Кроме того, в работе определено предпочтение инвестиций среднего класса, из которого следует, что существуют различия в инвестиционных предпочтениях населения в зависимости от места жительства и возраста.

Результаты исследования, проведенного инвестиционной компанией «Атон» в сентябре 2006 года⁸, позволяют выделить пять групп населения в зависимости от трёх основных параметров: их отношения к покупке акций, заинтересованности в информации о фондовом рынке и материального положения. Эти группы – «тёпленькие», «равнодушные», «любопытные», «малоперспективные», «бесперспективные» – существенно различаются между собой с точки зрения перспективности вовлечения в биржевую торговлю. Что касается социально-демографической структуры вышеперечисленных групп, то их подавляющее большинство составляют мужчины; чаще встречаются люди с техническим или экономическим образованием, занятые в торговой или финансовой сфере, руководители высшего и среднего звена, предприниматели. Они проводят свободное время в местах массового проведения досуга, поддерживают форму в фитнес-клубах; 95% пользуются Интернетом и электронной почтой.

Финансовая компания «Эста» (г. Москва) в результате проведенных исследований в 2006 году сформировала собирательный образ потенциального частного инвестора, который выглядит следующим образом: Мужчина, 25-55 лет, с высшим образованием и доходом от 1500\$, по темпераменту близкий к сангвинически-холерическому, склонный к разумному риску, основная потребительская мотивация – сохранение и преумножение сбережений, при этом ему важно не столько его финансовое состояние, сколько статус инвестора, собственника, «капиталиста». В основном, это человек, уже достигший определенных успехов в жизни, имеющий хорошее социальное и имущественное положение, с новаторским мышлением, авангард общества. Он понимает, что сам будет нести бремя последствий за принятые решения, и не ждет помощи от государства. После неудачных опытов 90-х годов такой инвестор делает первые шаги очень осторожно и аккуратно: не голосует сердцем, а долго взвешивает все за и против, прежде чем принять решение⁹.

⁴ Радаев В.В. Уроки «финансовых пирамид», или что может сказать экономическая социология о массовом финансовом поведении // Мир России. 2002. Т. 11. №2. С. 39-70.

⁵ Кравченко П.П. Стратегия работы на Фондовом рынке РФ // Финансовый менеджмент. 2000.

⁶ Аврамова Е. и др., под ред. Т. Малеевой, «Средние классы в России: экономические и Социальные стратегии», Московский центр Карнеги, М., Гендальф, 2003, С. 31

⁷ О.Ю. Бестужева. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук «Инвестиционное поведение населения в условиях развивающегося фондового рынка» <http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/203763.html>.

⁸ Стребков Д.О., начальник отдела рыночной конъюнктуры компании «Атон». «Что мешает приходу частного инвестора на российский фондовый рынок?» Журнал «Неприкосновенный запас» №3(53) за 2007 г. <http://magazines.russ.ru/nz/2007/3/st12.htm>.

⁹ Сайт компании Эста – <http://esta.ru/>

В 2006 году Фонд «Общественное мнение», ММВБ и Агентство креативных коммуникаций «Сальвадор Д» начали выполнять исследование «Гражданин инвестор» с целью изучить ресурсы массового инвестирования РФ с разбивкой по регионам¹⁰.

В июне 2007 года ФОМ подвел итоги проекта «Гражданин инвестор», определив при этом процентный состав реальных и потенциальных инвесторов по различным категориям. Данное исследование впервые в России показывает зависимость реальных и потенциальных инвесторов от различных показателей – возраста, пола, образования, среднего ежемесячного дохода на 1 члена семьи¹¹.

Так, в зависимости от возраста потенциальные и реальные инвесторы распределились следующим образом:

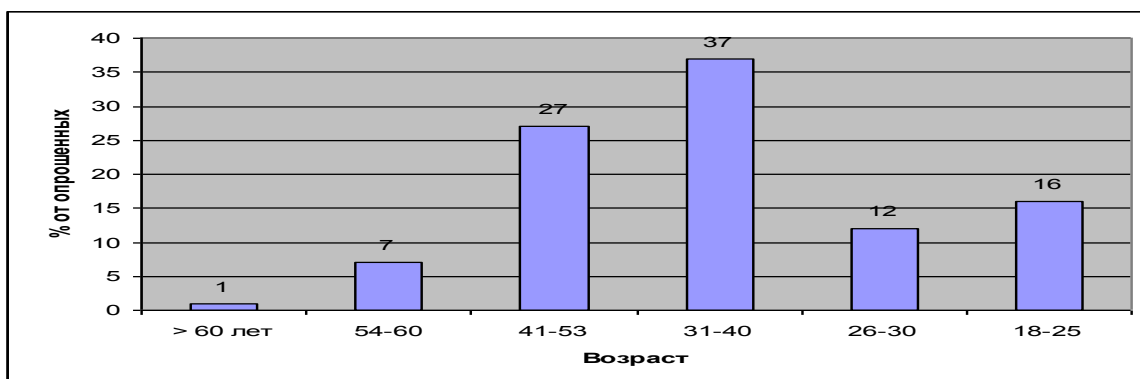

Диаграмма 1. В целом по России – распределение по возрасту реальных и потенциальных инвесторов

Как видно из диаграммы 1, в целом по России наибольшее количество реальных и потенциальных инвесторов (37%) – это лица в возрасте от 31 до 40 лет, на втором месте (27%) – лица в возрасте от 41 до 53 лет. Наименьшее количество (1%) – в возрасте более 60 лет.

Как видно из диаграммы 2, более склонны к инвестированию мужчины; среди опрошенных инвестирование в различные инструменты денежного и фондового рынка осуществляет 60% мужчин и 40% женщин, хотя в целом по стране соотношение мужского и женского населения составляет 46,3% мужчин на 53,7% женщин¹².

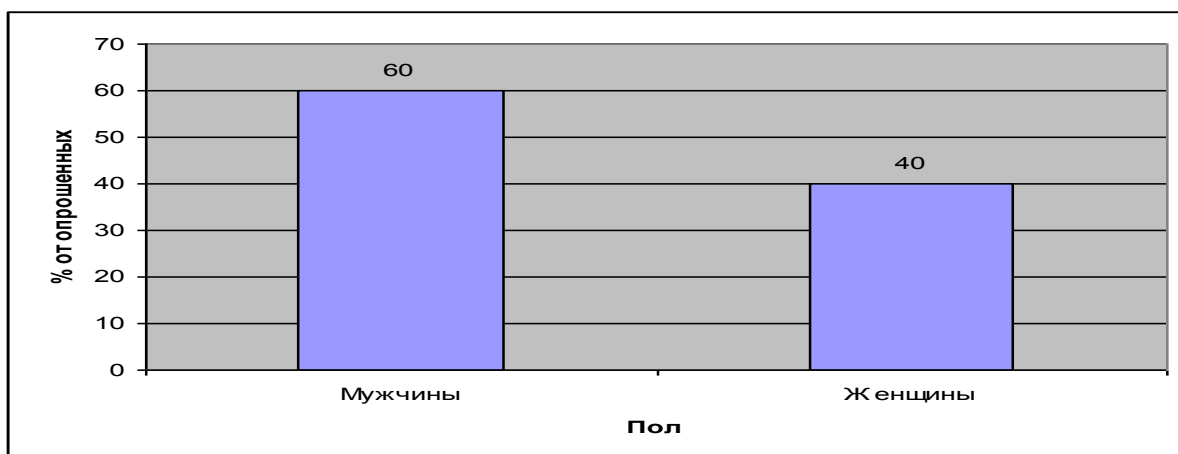

Диаграмма 2. В целом по России – распределение по полу реальных и потенциальных инвесторов

¹⁰ Фонд «Общественное мнение». Проект «Гражданин инвестор». Доклад «Ресурсы массового инвестирования в России». URL: <<http://invest.fom.ru/2>>

¹¹ Фонд «Общественное мнение». Е.Б. Галицкий. Доклад на круглом столе «Как привлечь россиян на фондовый рынок». 15 июня 2007 г. URL: <<http://invest.fom.ru/massinvestor0607>>

¹² Рассчитано авторами по данным Федеральной службы государственной статистики России. http://www.gks.ru/bgd/regl/b08_11/IssWWW.exe/Stg/do1/05-02.htm.

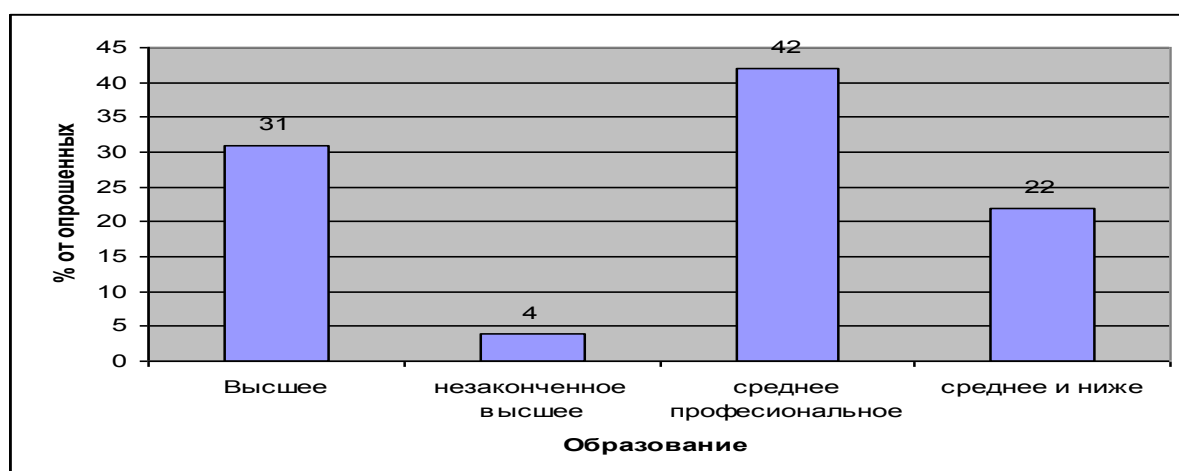

Диаграмма 3. В целом по России – распределение по образованию реальных и потенциальных инвесторов

Как видно из диаграммы 3, наибольшее количество реальных и потенциальных инвесторов (42%) – лица со средним профессиональным образованием, почти 35% имеют высшее и незаконченное высшее образование, со средним и ниже образованием – 22%.

В зависимости от дохода на 1 члена семьи наибольшее количество реальных и потенциальных инвесторов – 35% – лица с доходом от 7 тысяч рублей. На втором месте – 23% – лица с доходом на 1 члена семьи менее 3,5 тысяч рублей. Достаточно большое количество – 11% – предпочитают не давать данных по доходу на члена семьи.

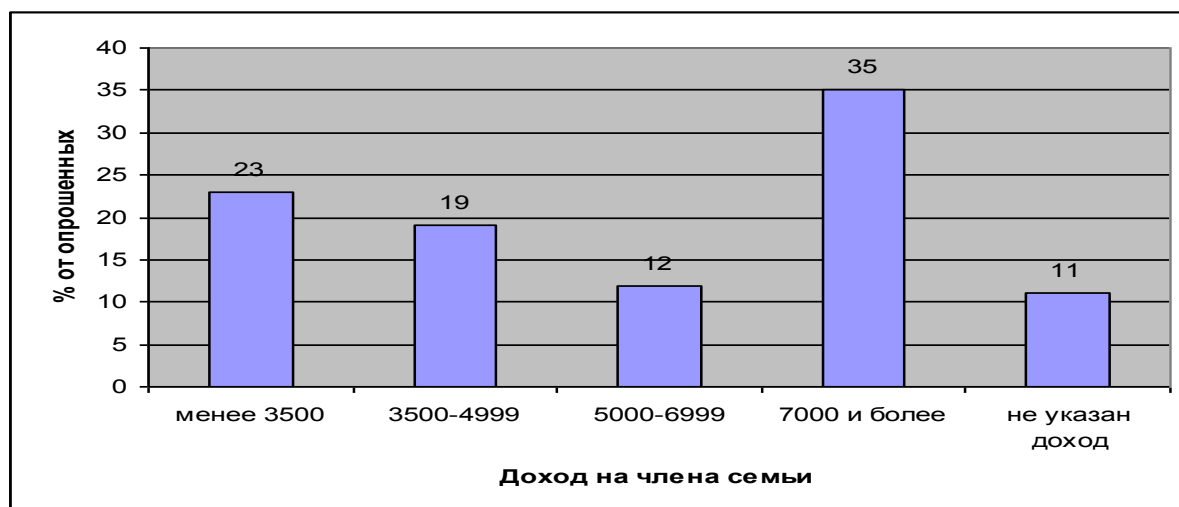

Диаграмма 4. В целом по России – распределение по доходу на члена семьи реальных и потенциальных инвесторов

Таким образом, в июне 2007 года, благодаря проекту «Гражданин инвестор» получены результаты, которые характеризуют российского индивидуального инвестора фондового рынка.

На основании обобщения вышеизложенных исследований можно сделать вывод о том, что массовые российские действующие частные инвесторы это:

- лица, в большинстве относящиеся к среднему классу; (мнение О.Ю. Бестужевой, Т. Малеевой, исследований фирмы «Эста»);
- ежемесячный личный доход действующих и потенциальных российских инвесторов (не от операций на фондовом рынке) – по различным мнениям – от 5 тысяч рублей до 37 тысяч рублей;
- возраст действующих российских инвесторов – в основном от 25 до 55 лет; проект ФОМ «Гражданин инвестор» сужает возраст наиболее массовых индивидуальных инвесторов до 31- 53 лет.

- большинство российских действующих инвесторов – мужчины;
- Образование большинства инвесторов – средне-профессиональное и высшее;

Авторы данной работы считают, что проведенные вышеуказанные исследования дают лишь примерные результаты в целом по стране, а инвестиционные потенциалы населения отдельных регионов, характеристики индивидуальных инвесторов регионов могут быть получены только в результате региональных исследований.

Так, большинство исследователей, за исключением ФОМ, проводили опросы в г. Москве, и полученные результаты не могут полностью характеризовать региональных частных инвесторов. В процессе реализации проекта «Гражданин инвестор» опрос проводился практически во всех регионах. Например, в Курске и Курской области было опрошено 500 человек, из них 165 – жители Курска и 335 – жители области¹³. Однако вероятность того, что были опрошены действующие частные инвесторы, достаточно мала¹⁴. По всей видимости – опрос в большей степени производился среди лиц, которые не являются индивидуальными участниками фондового рынка.

Авторами выполнены собственные исследования, результаты которых более точно характеризуют, кто в Курской области и Курске является действующим и потенциальным инвестором. В рамках настоящей статьи приведены данные, характеризующие действующих частных инвесторов Курска и Курской области.

Действующие частные инвесторы фондового рынка Курска и Курской области

Для определения характеристики действующих инвесторов авторами изучены статистические данные по реальным частным инвесторам Курска и Курской области. Дополнительно проведено анкетирование инвесторов, что позволило получить расширенную характеристику реальных частных инвесторов.

При изучении действующих инвесторов Курской области не учитывались те граждане, которые являются владельцами акций, полученных в результате приватизации, но которые не выводят их на организованный фондовый рынок. Также при анализе действующих инвесторов не изучались те граждане, которые инвестировали свои средства при IPO Роснефти в 2006 году, Сбербанка в 2007 году, Внешторгбанка в 2007 году. Часть из них вложила средства на длительные сроки, поэтому рассматривать их в качестве активных участников фондового рынка нецелесообразно. Никаких действий с акциями они не предпринимают. Эти акции не обращаются на организованном фондовом рынке. Лица, владеющие акциями, полученными в результате приватизации, а также полученными в результате первичных размещений, могут выставить акции на организованный рынок (фондовые биржи ММВБ, РТС или другие) только через брокеров¹⁵.

Действующие инвесторы соответственно заключают договора на брокерское обслуживание с действующими в регионе брокерскими организациями.

В Курске эти услуги представлены следующими организациями:

Курской инвестиционной палатой – ведущим биржевым онлайн-брокером Черноземья и Юга России, брокерские или субброкерские услуги также оказывают филиал Сберегательного банка, филиал банка «Зенит», филиал банка ВТБ 24, филиал банка Москвы, представители фирмы «Эйкла-инвест», представители ФК «Атон». Также есть часть инвесторов, размещающих свои средства в ценные бумаги через московские фирмы – БД «Открытие», фирму «Броккредитсервис», фирму «Финам» и другие.

По оценке автора в целом по Курску и Курской области на 1-е декабря 2008 года инвестируют средства в акции через биржи 2000-2500 человек, при этом большинство – через Курскую инвестиционную палату.

¹³ Структура Георейтинга ФОМ предоставлена на <http://www.fom.ru/about/18.html#Abs4>.

¹⁴ При опросе авторами 550 действующих инвесторов ни один не подтвердил, что участвовал в проекте «Гражданин инвестор».

¹⁵ Участниками торгов на фондовой бирже могут быть только брокеры, дилеры и управляющие. Иные лица могут совершать операции на фондовой бирже исключительно при посредничестве брокеров, являющихся участниками торгов. Федеральный закон о рынке ценных бумаг от 20 марта 1996 года. Статья 12. Участники торгов на фондовой бирже (в ред. Федерального закона от 28.12.2002 N 185-ФЗ).

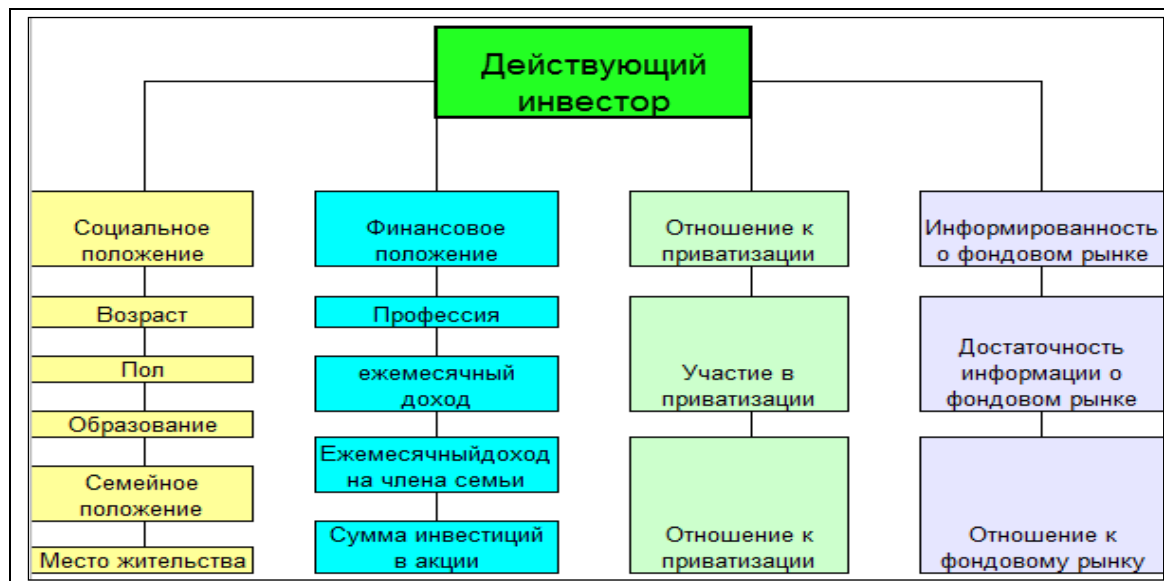

Рис. 1. Порядок изучения действующих инвесторов

Авторы изучили данные по 550 активным частным инвесторам фондового рынка. Изучение и анализ инвесторов проводился по 4-м основным направлениям:

А) Социальный блок – проанализированы следующие показатели: возраст, пол, семейное положение, образование инвесторов, их место жительства.

Б) Блок по финансовому положению инвесторов – профессия, личный ежемесячный доход инвестора, ежемесячный доход на 1 члена семьи инвестора, сумма средств инвестора, инвестированных в инструменты фондового рынка.

В) Блок по участию в приватизации и отношению к приватизации.

Г) Блок по информированности инвесторов о фондовом рынке, их мнение о российском фондовом рынке.

Ниже приведены некоторые данные, характеризующие действующих частных инвесторов Курска и Курской области.

Результаты по анализу социального блока

Как видно из диаграммы 5, среди действующих инвесторов большую часть составляют несколько возрастных групп – на 1-м месте лица в возрасте 48-52 лет, на 2-м месте – возраст 41-47 лет, на третьем – 58-63 лет.

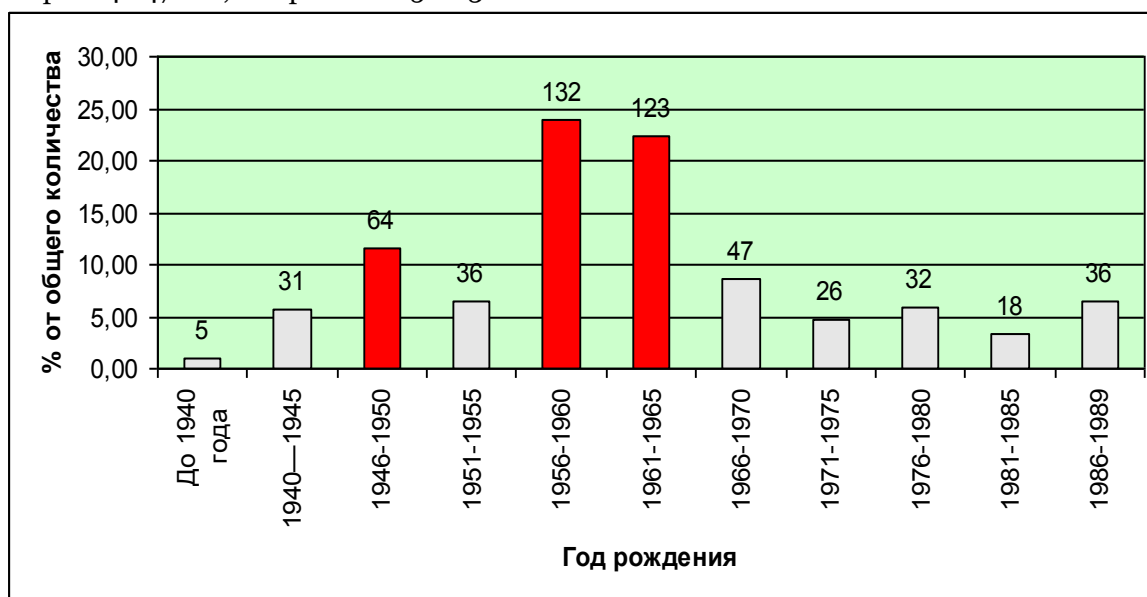

Диаграмма 5. Распределение действующих инвесторов по возрасту

Лица в возрасте до 25 лет в основном не так давно закончили вузы, где им уже преподавались некоторые дисциплины, связанные с фондовым рынком, что вызвало у них определенный интерес к биржевым торгам. Авторы считают именно это причиной массовости – более 9% – этой возрастной категории инвесторов. Инвесторы в возрасте 41-52 года – 48% от общего количества, – по мнению авторов, лица с определенными материальными накоплениями, которые решили часть своих заработанных сбережений инвестировать в ценные бумаги с целью защиты от инфляции и получения дохода за счет роста курсовой стоимости и дивидендов.

Инвесторы в возрасте 18-20 лет – 4 % от общего количества, – в основном студенты, которые изучают основы фондового рынка, для них участие в биржевых торгах – практика по их теоретическим ВУЗовским занятиям. Небольшую группу – 14% – составляют инвесторы в возрасте 28-38 лет, их цель – заработать на рискованных биржевых операциях, для 1/5 из них биржевая торговля – основной вид их деятельности.

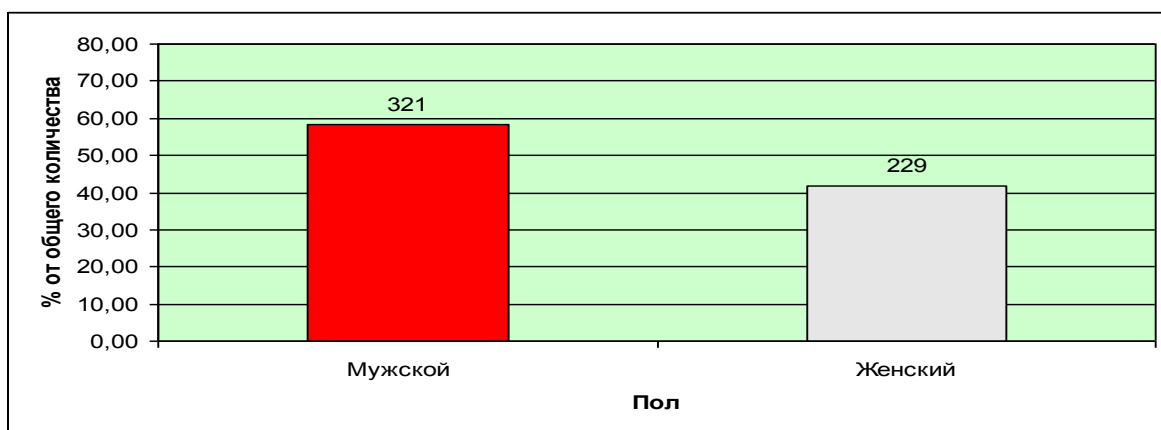

Диаграмма 6. Распределение действующих инвесторов по полу

Среди действующих инвесторов – 58% – мужчины, женщин – 42%. Однако по мере поступления в курские СМИ рекламной и разъяснительной информации ведущего регионального брокера относительно фондового рынка, количество женщин – инвесторов значительно увеличилось. Так, в мае – августе 2008 года из 100% договоров на инвестирование женщинами заключено 65% договоров мужчинами – % 35 договоров. Учебные семинары, проводимые Курской инвестиционной палатой, посещают 60-70% женщин.

Кроме того, большинство женщин – 80% от общего количества, – занимают позицию долгосрочного инвестора, размещая денежные средства в ценные бумаги на длительный период времени, мужчины более склонны к риску, чаще занимают позицию активных биржевых спекулянтов, используют возможности маржинальной торговли¹⁶. Необходимо также отметить, что женщины чаще используют знания и навыки, полученные на обучающих семинарах, в частности – используют стоп-заявки, волновую теорию, диверсификацию инвестиционных портфелей.

¹⁶Возможность использования заемных активов (как денежных средств, так и ценных бумаг) для совершения собственных торговых операций на Российском фондовом рынке. Маржинальное кредитование – наиболее эффективное использование активов, при котором ценные бумаги и денежные средства Клиента являются не только инструментом непосредственной биржевой игры, но и обеспечением под заемные активы.

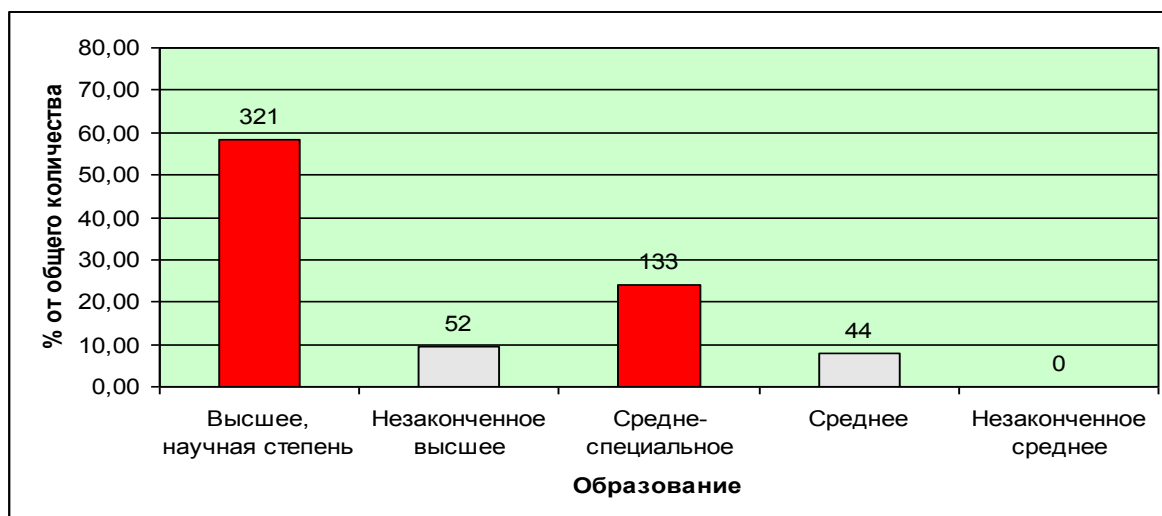

Диаграмма 7. Распределение действующих инвесторов по образованию

Наибольшее количество действующих курских инвесторов — лица с высшим образованием — 58%, на втором месте — 24% — со средне-специальным или средне-техническим образованием. Инвесторов со средним образованием — менее 10%. Полученные данные отличаются от результатов проекта «Гражданин инвестор»¹⁷, согласно которого 42% инвесторов со средне-техническим образованием и с высшим только 31%. При анкетировании инвесторов определена следующая закономерность — инвесторы со средним образованием перед приходом на фондовый рынок считали, что их образования недостаточно для инвестирования в акции. Лица с незаконченным высшим образованием — в основном студенты различных форм обучения.

Наибольшее количество курских инвесторов — 33% — живет в Северо-Западном районе г. Курска. Северо-Западный район — район наиболее интенсивной застройки многоквартирных домов, при этом строительство происходит на основании договоров долевого участия, то есть — за счет средств будущих владельцев квартир, которые заработали средства на жилье и теперь решили попробовать себя на фондовом рынке в качестве инвесторов. В основном все инвесторы Северо-западного района имеют еще основные места работы или занимаются индивидуальным предпринимательством. Такая же характеристика относится и к инвесторам — жителям района КЗТЗ и Триумфальной арки.

Более половины инвесторов, проживающих в центре — работники государственных компаний и учреждений, 1/3 их часть пожилого возраста, их участие в фондовом рынке начиналось с перевода на биржевые торги акций, полученных в процессе приватизации.

Также необходимо отметить, что более 13% действующих инвесторов — жители Курского и других районов области. Более половины из них — главы фермерских хозяйств, вложение ими средств в акции носит периодический характер, 1% из этой категории осуществляет активные (спекулятивные) покупки и продажи. Кроме того, инвесторы категории «Жители Курского и других районов» крайне редко прибегают к маргинальной торговле.

¹⁷см. стр. 5 настоящей статьи.

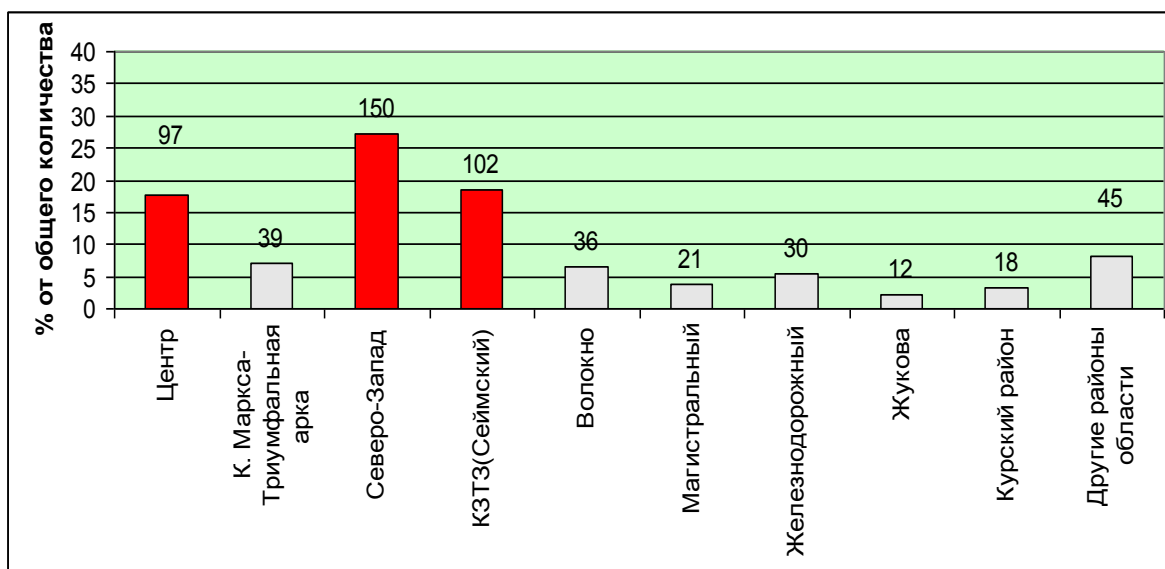

Диаграмма 8. Распределение действующих инвесторов по месту жительства

Среди действующих инвесторов – большинство – 56% – имеют семью, 36% – холостые (незамужние), почти 7% – в разводе.

Необходимо отметить следующее – инвесторы, имеющие семью, в первую очередь рассматривают инвестиции в ценные бумаги как средство для увеличения дохода семьи, часто посещают дилинговый зал (место для он-лайн операций с ценными бумагами) вместе с супругой или супругом, при этом владелец счета всячески демонстрирует свою причастность к развитию экономики страны и значимость его биржевых операций для будущего семьи.

Холостые (незамужние) инвесторы рассматривают свою деятельность, кроме получения дохода, как место общения и получения новых знаний.

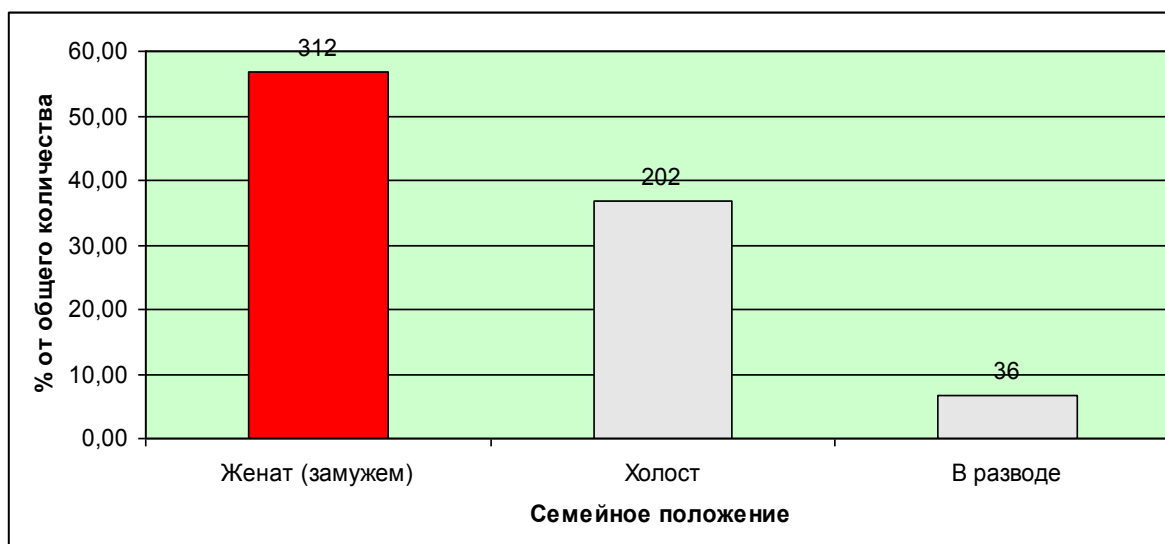

Диаграмма 9. Распределение действующих инвесторов по семейному положению

Невозможно не отметить частный случай, который произошел в Курской инвестиционной палате: у клиента – возраст 50 лет – была проблема с сыном – сын 22 лет связался с плохой компанией, выпивал, вел «разгульный» образ жизни. Клиент пригласил сына помочь ему разобраться с тонкостями биржевой торговли, позже открыл ему

отдельный счет. На сегодняшний день — отношения у них наладились, часто приходят вместе в дилинговый зал, обсуждают стратегии биржевой торговли, сын разработал их торговую тактику биржевых спекуляций, на старых «друзей» у него нет времени, с ними сыну стало неинтересно.

Результат анализа финансового положения инвесторов

При анализе финансового положения инвесторов изучались следующие показатели: профессия инвестора, ежемесячный доход инвестора, ежемесячный доход на члена семьи инвестора, сумма инвестированных средств в инструменты фондового рынка. При изучении распределения по профессиональному признаку в качестве профессий также приняты категории «студенты» и «пенсионеры», которые не входят в категорию «неработающие».

Диаграмма 10. Распределение действующих инвесторов по профессиональному признаку

По профессии и роду занятий инвесторы распределились следующим образом: наибольшее количество — более 25 % — это служащие частных компаний, 24% служащие государственных компаний. Авторы связывают такое положение с тем, что служащие компаний получают стабильную зарплату без задержек, при этом ежемесячно направляют часть своего заработка на покупку инструментов фондового рынка, так как ожидают перспективный рост ценных бумаг.

Индивидуальных предпринимателей среди инвесторов всего 13% — индивидуальные предприниматели вкладывают средства в развитие своего бизнеса, поэтому средств для инвестирования в ценные бумаги у них просто не хватает. Возможно, число частных предпринимателей увеличится при более широкой их информированности о фондовом рынке. Пенсионеров среди инвесторов — более 12% — что превышает такие категории, как руководители и рабочие. Стартовый капитал пенсионеров — акции, полученные в процессе приватизации, лишь немногие из них вкладывают в акции деньги. Руководителей среди инвесторов — 5%.

Диаграмма 11. Распределение действующих инвесторов по личному ежемесячному доходу

Наибольшее количество действующих инвесторов – 36,55 % – получает личный ежемесячный доход в размере от 5 до 10 тысяч рублей.

Инвесторов с доходом от 10 до 15 тысяч рублей – 15% от общего количества, практически одинаковое количество инвесторов с доходом до 3 тысяч, с доходом 4-5 тысяч, с доходом более 15 тысяч. Инвесторы с доходом до 1 тысячи – это студенты, которые используют биржевые торги для практического изучения фондового рынка. Инвесторы с доходом 4-5 тысяч рублей вкладывают относительно небольшие суммы (в пределах 50 тысяч рублей), инвесторы с доходом более 15 тысяч рублей – вкладывают суммы от 100 и более тысяч рублей.

По показателю – доход на 1 члена семьи – действующие инвесторы распределились следующим образом: доход от 5 до 10 тысяч – 29%, доход от 4 до 5 тысяч – 20%, доход от 3 до 4 тысяч – 14%. Наименьшее количество – по 5% – инвесторы с минимальным доходом и с доходом более 15 тысяч рублей. Инвесторы с минимальным доходом – в основном студенты. Небольшое количество инвесторов с доходом более 15 тысяч связано с относительно невысокой в сравнении со столичным регионом заработной платой, а также с тем, что лица с большим доходом также предпочитают вкладывать средства в недвижимость на стадии строительства с целью дальнейшей перепродажи недвижимости по более высокой цене.

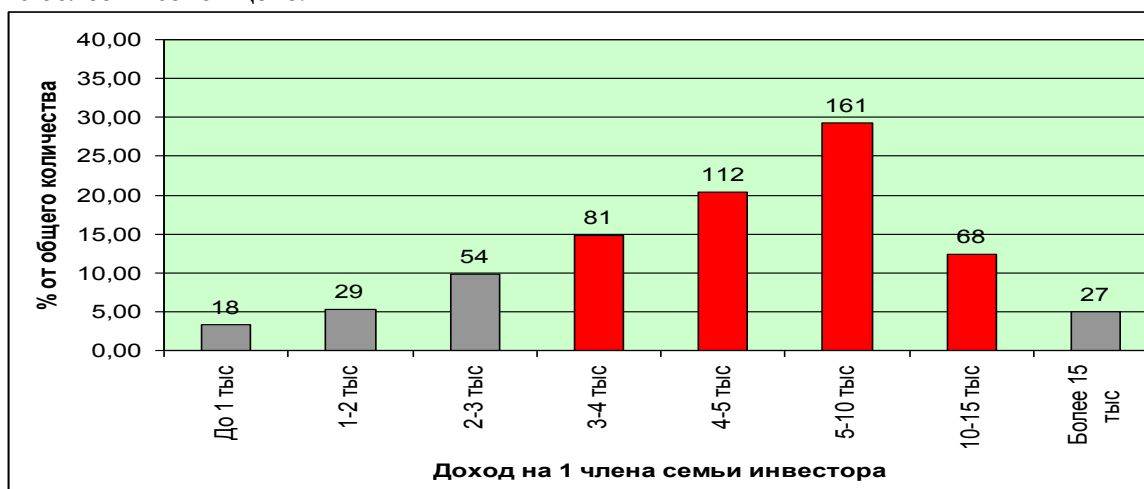

Диаграмма 12. Распределение действующих инвесторов по ежемесячному доходу на члена семьи

Наиболее массовая категория инвесторов относительно суммы инвестиций – лица с суммой от 25 до 50 тысяч рублей. Их решение вложить в акции такую сумму вызвано тем, что люди хотят попробовать себя в качестве инвестора. Именно эта категория чаще проводит рискованные спекулятивные операции на фондовом рынке и использует инструменты маржинальной торговли. Инвесторов с суммой от 50 до 200 тысяч – 28% от общего количества. В основном это консервативные инвесторы, рассчитывающие на длительный период инвестиций, получение дохода в виде дивидендов. В эту категорию входят в основном все сельские жители – клиенты Курской инвестиционной палаты. Инвесторы с суммой инвестиций от 200 тысяч до 1 миллиона совершают несколько торговых операций в месяц, диверсифицируют свои инвестиционные портфели. Инвесторы с суммой более миллиона – это в основном лица, у которых сумма их инвестиционного портфеля появилась благодаря удачному размещению приватизационных чеков в акции «Газпрома», «Лукойла», «Сбербанка», «РАО ЕС», «РИТЭК», «Норильского никеля» и других успешно развивающихся компаний. Эта категория использует имеющиеся у них акции для маржинальной торговли, выставляя акции в качестве обеспечения своих биржевых операций.

Инвесторы с суммами менее 25 тысяч – это студенты и молодые люди, которые ежемесячно, используя часть заработной платы (1-5 тысяч рублей) покупают акции на длительный период.

Диаграмма 13. Распределение действующих инвесторов по размеру инвестированных средств

Результаты по информированности инвесторов о фондовом рынке.

Более 2/3 инвесторов высказали мнение о том, что в средствах массовой информации отсутствует понятная информация о фондовом рынке. Канал РБК, по мнению инвесторов, дает, в первую очередь, информацию для опытных инвесторов, тех, кто уже участвует в биржевых торгах, а сведения об основах рынка – акции, биржи, брокеры, основы инвестирования – в доступном для первоначального понимания виде отсутствуют. Практически нет никакой информации в местных информационных средствах, большая часть инвесторов высказала предложение о том, чтобы местные СМИ давали доступную информацию о фондовом рынке, при этом обязательно должно освещаться состояние дел местных предприятий, желательно с оценкой акций. То же относится и к фондам «ИФКУР» и другим чековым фондам, в которые население вкладывало свои приватизационные чеки.

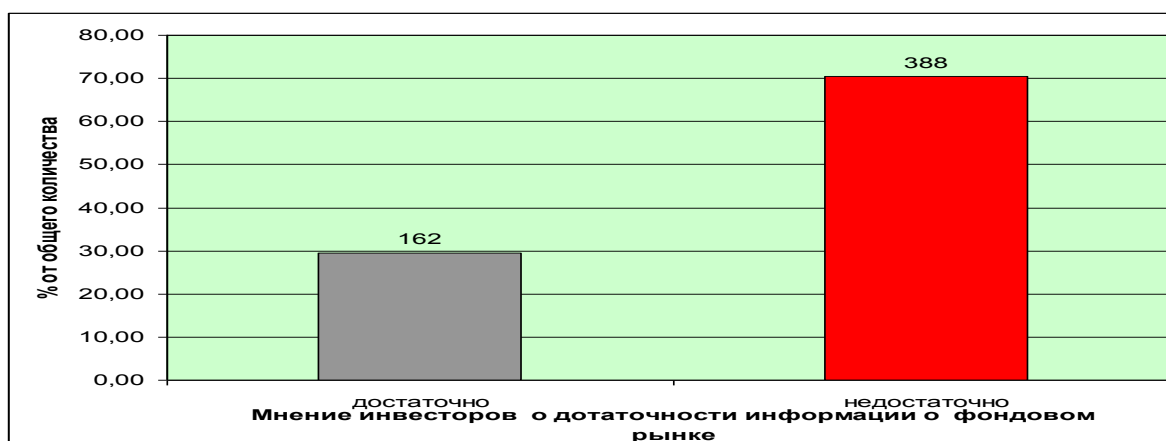

Диаграмма 14. Распределение действующих инвесторов по информированности о фондовом рынке

Поскольку большинство – 92% – опрошенных инвесторов стали активными участниками фондового рынка в последние 3 года и до этого не участвовали в биржевых торгах, инвесторам был задан вопрос об изменении их мнения о фондовом рынке после начала их инвестиционной деятельности.

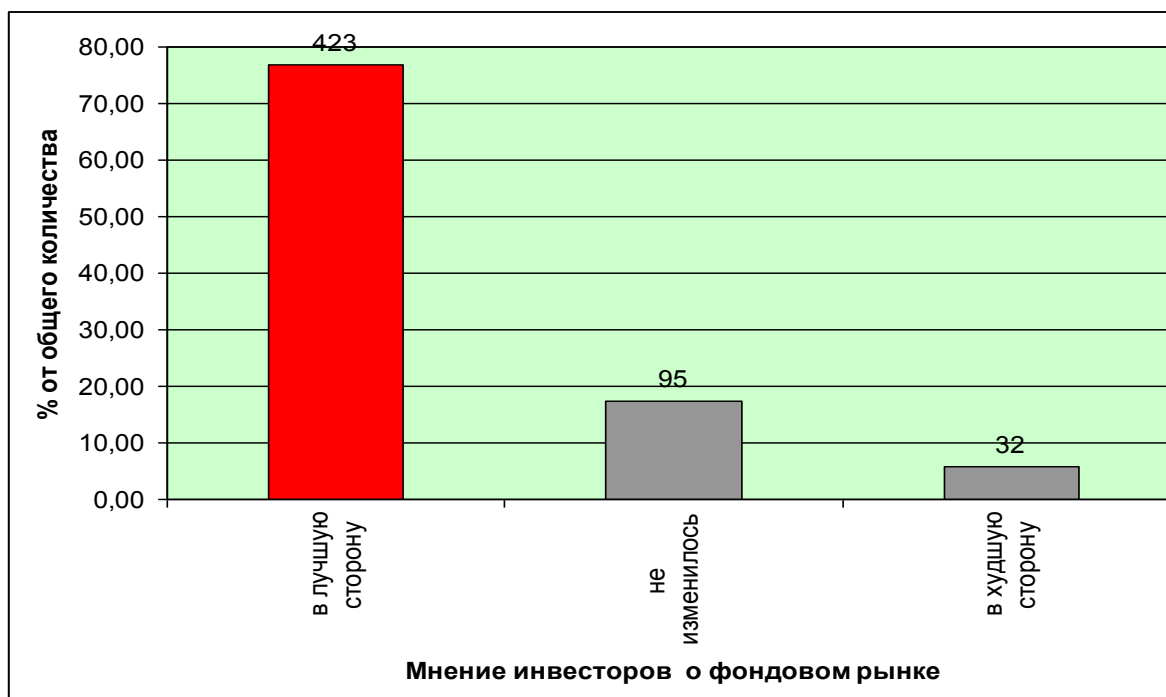

Диаграмма 15. Распределение действующих инвесторов по мнению о фондовом рынке

Большинство – 76% – ответили, что их мнение о фондовом рынке изменилось в лучшую сторону, до заключения договоров более 50% считали, что биржевые торги – очень сложный процесс, он – только для избранных, кроме того, у инвесторов было ошибочное мнение о том, что для инвестиций необходимо не менее 300-500 тысяч рублей. 17% ответили, что их мнение о фондовом рынке не изменилось, в основном это лица, которые пришли на фондовый рынок после работы с другими брокерами. Более 5% действующих инвесторов ожидали другого от фондового рынка, в основном стабильного роста биржевых котировок акций, они воспринимали вложение в акции, как вложение на банковский депозитный вклад, лишь с той разницей, что в любой день можно продать акции и получить стабильный доход.

Также при анкетировании было выяснено, **в какие акции инвесторы вкладывают средства**. По ответам инвесторов составлена рейтинговая таблица предпочтений инвесторов.

Таблица 1

Какие акции больше всех покупают действующие инвесторы

№	Наименование
1	АО Сберегательный банк РФ
2	АО Газпром
3	Банк ВТБ
4	АО Лукойл
5	АО Норильский никель
6	АО Ростелеком
7	АО Роснефть
8	АО Полюс золото
9	АО Татнефть
10	АО Сургутнефтегаз

В результате изучения данных действующих инвесторов Курской области авторами составлена характеристика массового действующего курского инвестора.

Таблица 2

Показатели, характеризующие наиболее массового инвестора Курского региона

Возраст	42-50 лет
Пол	Незначительно больше мужчин
Семейное положение	Имеющих семью
Образование	Высшее, средне-техническое (специальное)
Место жительства	Новые микрорайоны
Профессия	Служащие государственных и частных компаний
Личный доход	От 4 до 15 тысяч
Доход на 1 члена семьи	От 4 до 10 тысяч
Сумма инвестированных средств	От 25 до 200 тысяч
Участие в приватизации	неуспешное
Отношение к приватизации	отрицательное
Предпочтение ценных бумаг	Акции предприятий с участием государства
Мнение о достаточности в СМИ доступной информации о фондовом рынке	Доступной и понятной информации о фондовом рынке крайне мало, особенно на региональном уровне
Отношение к религии	Большинство относят себя к православию

Существуют причины, по которым количество частных инвесторов в России значительно отличается от многих развитых стран. Главная из них – низкая информированность населения об их возможностях при инвестировании средств в акции, облигации и другие инструменты фондового рынка. Уровень знаний о рынке ценных бумаг и инвестициях с начала приватизации в России повысился незначительно.

Вывод, который был сделан еще в 2002 году, актуален и сегодня: «Населению необходимо получать потребительское образование, осваивать практику управления собственными рисками, знать о своих обязанностях и личной ответственности за принимаемые решения, уметь уважать свои и чужие права»¹⁸.

Обучение населения технологиям поведения на рынке ценных бумаг может стать важным стимулом привлечения средств граждан в экономику страны и создания условий для накопления в обществе потенциала для инвестиций. Необходимо учесть слова, тер-

¹⁸ Трегуб А.Я. «Фондовые инструменты: качество для инвестора». Вестник НАУФОР, М., № 11-12 (55-56), с. 15.

минологию. Если люди начнут привыкать к терминологии фондового рынка со школьной скамьи, решая задачи на уроках математики о росте курсовой стоимости акций или расчете купонного дохода по облигациям, им во взрослой жизни будет легче «найти» фондовый рынок. Люди должны знать, что рынок ценных бумаг существует, что он работает по определенным правилам и что вход на него расположен в брокерской компании или в домашнем компьютере.

Список литературы

1. Кохен Д. Психология фондового рынка: страх, алчность и паника / Пер. с англ. М. Майорова. М.: «Интернет-трейдинг», 2004. С. 18.
2. Сайт ММВБ http://www.micex.ru/markets/stock/members/member_clients
3. Материалы заседания Правительства РФ 1 декабря 2008 года <http://www.premier.gov.ru>
4. Радаев В.В. Уроки «финансовых пирамид», или что может сказать экономическая социология о массовом финансовом поведении // Мир России. 2002. Т.11. №2. С.39-70.
5. Кравченко П.П. Стратегия работы на Фондовом рынке РФ // Финансовый менеджмент. 2000.
6. Аврамова Е. и др., под ред. Т. Малеевой, «Средние классы в России: экономические и социальные стратегии», Московский центр Карнеги, М., Гендальф, 2003 г., С.31
7. О.Ю. Бестужева. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук «Инвестиционное поведение населения в условиях развивающегося фондового рынка» <http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/203763.html>
8. Стребков Д.О., начальник отдела рыночной конъюнктуры компании «Атон». «Что мешает приходу частного инвестора на российский фондовый рынок?» Журнал «Неприкосновенный запас» №3(53) за 2007 г. <http://magazines.russ.ru/nz/2007/3/st12.htm>
9. Сайт брокерской компании Эста – <http://esta.ru/>
10. Фонд «Общественное мнение». Проект «Гражданин инвестор». Доклад «Ресурсы массового инвестирования в России». URL: <<http://invest.fom.ru/2>>
11. Фонд «Общественное мнение». Е.Б. Галицкий. Доклад на круглом столе «Как привлечь россиян на фондовый рынок». 15 июня 2007 г. URL: <<http://invest.fom.ru/massinvestor0607>>
12. Данные Федеральной службы государственной статистики России. http://www.gks.ru/bgd/regl/b08_11/IssWWW.exe/Stg/d01/05-02.htm
13. Федеральный закон о рынке ценных бумаг от 20 марта 1996 года. Статья 12. (в ред. Федерального закона от 28.12.2002 N 185-ФЗ)
14. Трегуб А.Я. «Фондовые инструменты: качество для инвестора». Вестник НАУФОР, М., № 11-12 (55-56), стр.15

RUSSIAN STOCK MARKET PRIVATE INVESTOR – WHO IS HE ?

P. F. Kravchuk
B. B. Podgorny

*Kursk State Technical
University*

Analyzed studies that characterize the Russian private investor. The results of the study authors, characterize the existing private investors of Kursk and Kursk region. A portrait of the Kursk massive stock market private investor. Identified Securities purchased by the preference of Kursk private investors. The main causes of low investment activity of the population.

Key words: the stock market, private investors, characteristic of private investors, securities, causes of low investment activity of the population.

УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ МОНИТОРИНГ: ОЦЕНКА ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ РУКОВОДИТЕЛЯМИ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

Э. Н. Рычихина

*Ухтинский филиал
Московского
государственного
университета путей
сообщения*

*e-mail:
elina.2002@mail.ru*

В связи с тем, что мониторинг активно используется в управленческой деятельности руководителей муниципальных образований, возникает необходимость выявить отношение и проблемы его организации. В статье анализируются результаты проведенного в этом году письменного опроса руководителей муниципалитетов Республики Коми, а также обосновывается необходимость системного подхода к формированию и проведению управленческого мониторинга.

Ключевые слова: управленческий мониторинг, муниципальное образование, руководитель муниципального образования, анкетирование, результаты опроса.

Мониторинг продолжает широко использоваться в различных сферах жизни общества: в экономике, медицине, экологии, авиации, метеорологии и т.д. Его применение позволяет увидеть новые тенденции в развитии многообразных процессов, явлений, объектов, поэтому применение его становится все более активным. Мониторинг становится актуальным методом познания. С точки зрения методологии, данный вид исследования рассматривается как универсальный, безразличный к предметному содержанию и научного направления деятельности. Именно поэтому расширяются сферы применения мониторинга, особенно в последние годы, что позволяет говорить о его использовании в новых сферах и областях деятельности, в частности в управлении сложными социально-экономическими системами. Все большее применение находит мониторинг и в управлении муниципальными образованиями, в которых применяются отдельные виды мониторинговых отслеживаний¹.

Развитие местного самоуправления в Российской Федерации связано с демократизацией общественной жизни, совершенствованием органов его управления. Происходящие стремительные изменения в жизни современного общества приводят к повышению роли муниципальных образований (МО) Российской Федерации в социально-экономическом развитии регионов и требуют от их руководства владения полной, достоверной и релевантной информацией обо всех сторонах функционирования МО. Это создает условия для того, что возникает необходимость систематического отслеживания состояния параметров внутренней и внешней среды МО. Для этих целей руководство муниципалитетов начинают внедрять управленческий мониторинг. Местами он носит комплексный характер, местами – организуется мониторинг отдельных показателей развития. Обладая большими возможностями для совершенствования системы управления, мониторинг при этом является далеко не простым делом, как это кажется на первый взгляд. Сложность его создания определяется не только новизной и спецификой, связанной с необходимостью охвата различных составляющих внутренней и внешней среды организации, но и большой трудоемкостью этого процесса, высокими требованиями к содержанию и качеству отслеживаемых показателей (индикаторов). И, тем не менее, все большее число руководителей начинает практиковать внедрение мониторинга в управленческую деятельность.

В системе управленческого мониторинга привлекают разные аспекты:

– Это возможность быстро получить необходимые данные обо всех аспектах развития социально-экономической организации, в том числе и МО, вовремя выявить появившиеся проблемы;

¹ См.: Ускова Т.В., Зуев А.Н., Смирнов А.А. Мониторинг развития муниципальных образований. – Вологда: Научно-координационный центр ЦЭМИ РАН, 2002.

- Это возможность иметь данные о динамике состояния составляющих внешней среды;
- Это получение необходимой информации для анализа ситуации и принятия на ее основе обоснованного детерминированного управленческого решения;
- Это использование данных мониторинга для реализации управленческих функций;
- Это возможность строить прогнозные модели развития муниципальных образований на основе данных мониторинга.

Рост применения мониторинга приводит к тому, что в научной литературе делаются попытки дать определение этого понятия применительно к использованию в муниципальных образованиях. Например, А.А.Васильев трактует мониторинг наблюдение, оценка, анализ и прогноз состояния отдельных процессов в муниципальном образовании, а также природной и общественной среды в целом. Далее он обобщает понятие мониторинга как «систематическое отслеживание процессов или тенденций, постоянное наблюдение с целью своевременной оценки возникающих ситуаций»².

Универсальность мониторинга отмечается разными авторами. Так Л.С. Леонтьева и В.А. Кротов считают, что мониторинг является одной из таких технологий, которую можно применить для организации процесса управления стратегией любой социально-экономической системы: региона, муниципального образования, предприятия³.

По мнению автора, есть необходимость выделить особую разновидность мониторинга – управленческий, который включал бы в себя всю совокупность отдельных видов мониторинга, который проводится в МО: финансового, социального, социально-трудовой сферы, экологического, кадрового и др. Объединение этих разновидностей возможно на одной основе – необходимость применения результатов для управленческой деятельности в процессе принятия управленческих решений. Поэтому предлагается следующее определение управленческого мониторинга: это процесс систематического отслеживания и сбора данных об объекте управленческой деятельности как системе и внешних факторах, влияющих на него, а также обработка, сохранение, использование и распространение полученных результатов с целью эффективного воздействия субъекта управления на управляемый объект⁴. Мониторинг необходим для реализации функций управления и, в свою очередь, становится одной из общих функций. При этом он выступает в качестве объекта управления и требует тщательного анализа, в ходе которого система управления осуществляет структуризацию и упорядочивает ее с целью максимальной оптимизации использования для принятия управленческих решений и осуществлении управленческого воздействия.

Основной целью мониторинга в социально-экономической организации является определение наметившихся изменений и управленческое воздействие для направления их в необходимое для системы управления русло. Мониторинг создается для формирования информационной базы для руководства организациями и становится одним из инструментов, способствующих работе ее в условиях развития. В управлении мониторинг выступает методологической базой, на основе которой формируются управленческие решения, реализуются функции управления.

При этом трудности применения мониторинга в таких системах и методологические ошибки его проведения приводят к тому, что:

- Он бывает экономически не эффективным, т.е. затраты на его организацию и реализацию значительно превышают получаемые результаты;
- Он приводит к ошибочным выводам и оценкам;
- Он сложен для использования руководством МО при принятии управленческих решений;

² Васильев А.А. Словарь понятий и терминов муниципального управления. – Н.Новгород: Издатель: Гладкова О.О., 2005. – С. 176.

³ Леонтьева Л.С., Кротов В.А. Стратегически ориентированное управление муниципальным образованием. – Ярославль: ООО «Аверс ПЛЮС», 2007.

⁴ Рычихина Э.Н. Мониторинг как общая функция управления: Монография. – Ухта: УГТУ, 2007. – С. 26.

– Руководство МО не подготовлено к работе с результатами мониторинговых отслеживаний.

Одним из главных препятствий, стоящих на пути широкого распространения управленческого мониторинга, является неподготовленность, прежде всего, самих руководителей МО к его внедрению и использованию в ежедневной практике своей деятельности. Перечисленные положения получили подтверждение в результате проведенного автором письменного опроса руководителей 92 муниципальных образований Республики Коми (РК), что составило более 43 % всех МО данного субъекта РФ.

На сегодняшний день можно говорить о неравномерности развития органов местного самоуправления субъектов Российской Федерации. При этом имеются общие тенденции их развития. Именно поэтому отбор из генеральной совокупности производился на основе пропорциональной стратифицированной (или районированной) выборки. Наличие четырех разных по характеру и по размерам типов муниципальных образований приводит к необходимости формировать выборку на основании одного стратифицирующего признака – это его типология. Важность выделения различных МО вызвана тем, что они различаются спецификой преобладающей деятельности, задачами, стоящими перед их руководством, размерами муниципалитетов и соответственно количеством муниципальных служащих, работающих в администрациях МО. Соотношение различных типов МО между собой в масштабе Российской Федерации и Республике Коми примерно одинаковое, что отражено в табл. 1.

Таблица 1

Характеристика генеральной совокупности и выборки опроса руководителей МО

№ п/п	Тип МО	Количество МО по РФ	% от общего числа МО	Количество МО по РК	% от общего числа МО	Количество единиц выборки
1	Муниципальные районы	1780	7,4	15	7	8
2	Городские округа	757	3,1	5	2	3
3	Городские поселения	1773	7,4	16	8	9
4	Сельские поселения	19769	82,1	175	83	72
	Всего:	24079	100	211	100	92

В каждой из выделенных страт отбор для выборки производится на основе простого случайного выбора единицы опроса. Если переносить результаты опроса на все МО РФ, то имеется малая выборка, однако стратификационный подход к ее формированию позволяет считать данную выборку оправданной и переносить результаты исследования на все МО с учетом того, что ошибка выборки составляет допустимые 5 %.

В основе подхода выбора пропорциональной стратифицированной выборки также лежало основание того, что на результативность ответов на вопросы влияли два фактора: общий уровень образования руководителя МО и его знание ситуации в конкретном муниципалитете.

Возрастание роли муниципалитетов в управлении развитием на местах настоятельно требует повышения эффективности управления ими. Для этого важно уметь адекватно оценивать сложившуюся ситуацию, видеть перспективы развития МО, его места в региональном и всероссийском окружении. Решение этих задач невозможно без информационного обеспечения, которое должно быть системным, комплексным, достоверным, своевременным. Эти задачи выполняет мониторинг. Именно поэтому выявление отношения руководителей МО к мониторингу и уровень их подготовленности к его проведению является необходимым условием, которое будет способствовать тому, чтобы определить проблемы, существующие при организации мониторинга для последующей разработки практикоориентированных методик его применения в управлении.

Проводимые автором на протяжении последних 5 лет опросов руководителей различных социально-экономических систем (образовательных учреждений, предприятий

разных форм собственности, муниципальных образований) показали примерно одинаковую общую картину: руководители благоприятно в целом относятся к мониторингу. По результатам последнего опроса руководителей МО это число составило 72 % от всех респондентов. Они отмечают, что мониторинг может оказать существенную помощь в управлении муниципалитетами в разных аспектах, в том числе:

- При решении недавно проявившихся проблем (16%);
- При решении проблем, которые существуют уже давно (30 %);
- Выявить возможные будущие проблемы (43 %).

Усложнение процессов управления в современном обществе требует особой информационной обеспеченности руководства МО и подготовленности к работе с этими информационными потоками. Этим объясняется готовность сотрудничества со стороны депутатов Государственного Совета Республики Коми и руководителей администраций муниципалитетов в процессе проведения опроса.

Одна из самых важных проблем заключается в том, что сейчас о мониторинге много говорят и пишут, однако нет единства в трактовке самого понятия «мониторинг». Управленцы в большинстве понимают под ним систематически проводимые исследования, которые отождествляются с опросами общественного мнения. При анкетировании руководителей МО таких ответов было получено от почти 35 % от опрошенных. Почти такое же количество респондентов (26 %) определили мониторинг как регулярное наблюдение за процессами развития организации на основе постоянных индикаторов. Также около трети понимают под мониторингом регулярно отслеживаемые показатели работы организации. Только один дал свое понимание исследуемого понятия, сформулировав его как «комплексную систему наблюдений, оценки и прогноза изменения состояния объекта». Такой неоднозначный подход объясняется отсутствием единства в научной литературе к этому понятию. Имеющийся разброс мнений в определении сущностного понимания мониторинга приводит к тому, что управленцы не могут правильно осознать его значение, а значит и возможностей применения в их практической деятельности.

Мониторинг применяется во многих областях деятельности как систематическое отслеживание объекта. Именно такой подход оказывает влияние на понимание его управленцами, переносящими понимание мониторинга, например, в экологии, на управленческую деятельность. Поэтому при расширении применения этих отслеживаний в управлении и усилении его использования в практике работы руководителей различных социально-экономических организаций носит поверхностный характер, но главной целью при этом является повышение эффективности управленческой деятельности.

Можно констатировать, что на сегодняшний день недостаточно решены основные проблемы организации и применения мониторинга в управлении, формировании и использовании, четко не определены его цели и задачи, не создана система мониторинговых исследований, нет отлаженного процесса реализации и распространения полученной информации, не сформирована система сбора данных, нет единого подхода к понятию индикаторов. Из-за отсутствия методик анализа данных мониторинга возникают трудности для практиков. Из всего числа респондентов ни один не подтвердил того, что у них сложилась система мониторинга. При этом 43 % опрошенных заявили, что они работают над созданием системы мониторинга, и тут же отмечают, что занятие мониторинговыми исследованиями требуют больших затрат времени и сил, которых порой не хватает на необходимую текущую работу. Таких ответов было получено около половины – почти 49 %.

Эффективность применения управленческого мониторинга во многом зависит от системного его представления. Системность – одна из важнейших характеристик управленческого мониторинга. Именно это и вызывает наибольшие трудности у руководителей муниципалитетов.

Для того чтобы результаты управленческого мониторинга сохраняли высокую эффективность, необходимо иметь определенный период времени его проведения, то есть длительность наблюдения. Часто руководители хотят получить быстрый результат от нововведений в управленческую деятельность, забывая о том, что результативность мониторинга возрастает со временем его проведения. Продолжительность мониторинга должна соотноситься с регулярностью сбора мониторинговых данных. При этом чем больше объем отслеживаемых параметров, тем выше его эффективность. Результатив-

ность управленческого мониторинга поэтому зависит от двух составляющих: времени его проведения (длительность) и масштаб объемов показателей. Соотношение этих факторов и возможностей при применении мониторинга в сложившихся условиях отражено на рисунке 1. Руководствуясь предложенной на этом рисунке матрицей, руководитель может определять необходимые действия по совершенствованию управленческого мониторинга и разрабатывать стратегию действий по использованию его показателей.

		Время		
		Низкая	Средняя	Высокая
Высокая	Средняя	Формирование системы контроля сбора данных	Анализ действующей системы показателей	Максимальная эффективность мониторинга
		Налаживание регулярности сбора данных	Возможность использования мониторинга для оперативного управления	Ограничение возможностей мониторинга для прогнозирования
		Минимальная эффективность мониторинга	Разработка дополнительных показателей	Включение показателей всех подсистем организации
Низкая				

Объем

Рис. 1. Определение возможностей использования мониторинга в управлении

При незначительном объеме мониторинговых показателей, но сборе их достаточно длительное время, необходимо наладить регулярность сбора данных и сформировать систему их контроля с целью получения максимально достоверной и оперативной информации. При низкой и средней продолжительности сбора данных управленческого мониторинга применение их для прогнозирования не даст высоких положительных результатов. Поэтому максимальную эффективность от применения результатов системы управленческого мониторинга можно получить только через определенный промежуток времени. По основным показателям это может быть год, а для формирования стратегии развития и прогнозирования желательно, чтобы этот временной отрезок был продолжительнее. Успех использования управленческого мониторинга достигает своего максимального эффекта при относительно длительном периоде сбора мониторинговых данных и при максимальном количестве показателей, охватывающих все подсистемы МО и его основные элементы.

Руководители МО понимают сложность проведения мониторинга и сетуют на нехватку информации и методических разработок, а также кадров для его проведения.

Таким образом, более трети респондентов (37 %) указали в анкете, что создание мониторинга требует совокупности различных средств:

- Кадровых (нет специалистов);
- Финансовых (требуется много средств);
- Методических (нет доступной для условий конкретного МО методики организации и проведения);

- Организационных (необходимо создание новой структуры в системе управления);
- Технических (нет необходимого оборудования, в том числе компьютерных программ).

Наибольшие проблемы из перечисленных, которые волнуют руководителей МО – это отсутствие кадрового обеспечения для создания и внедрения в практику управления мониторинга (27 %) и отсутствие методики проведения мониторинга (18 %).

Ответы на этот вопрос переключаются с ответами на другой вопрос анкеты, в котором проявилось положительное отношение к мониторингу. На вопрос: «Если бы Вам предложили разработанную методику создания системы мониторинга для Вашего муниципального образования, то Вы ...». Около половины респондентов (46 %) ответили, что согласились бы внедрить. Ни один из опрошенных не выбрал вариант ответа – «не будем внедрять, т.к. не вижу в этом смысла». Оставшиеся участники анкетирования ответили, что это будет очень дорого (так считает 26 %) и что некому будет осуществлять это внедрение, так как нет специалистов (почти 28 %).

Мониторинг может способствовать созданию и поддержанию эффективной системы сбора и обработки информации в организации. Однако далеко не во всех администрациях местных органов власти этот процесс уже осуществляется. В большинстве администраций МО нет специалистов, в функции которого входил бы сбор, анализ и распространение информации (55 %). При этом для разработки и принятия управленческих решений руководители, даже при отсутствии мониторинга, пользуются данными муниципальной статистики. Так ответили 83 % опрошенных руководителей. Однако результаты муниципальной статистики не всегда позволяют получить необходимую информацию. Однако статистическая информация предоставляется органами государственной статистики на платной основе и зачастую не соответствует предъявляемым к ней требованиям, что не позволяет своевременно выявлять основные проблемы и определять приоритетные направления развития⁵.

Более категоричны в своем отношении к развитию статистики Н.В. Черемисихина и В.М. Золотухина, которые полагают, что становление региональной и муниципальной статистики в России находится в стадии своего первоначального развития. Самостоятельных статистических структур в органах власти и управления на региональном и муниципальном уровне нет. Далее они отмечают, что создание региональной и муниципальной статистики как самостоятельной организационной структуры в стране, выполняющей комплекс статистических работ на территории и взаимодействующей с государственной статистикой, в ближайшее время является проблематичным⁶. Кроме того, не всегда данные статистики отвечают реалиям МО, особенно в области доходов населения.

При этом анкетирование выявило определенное противоречие в ответах руководителей МО, которое связано с отсутствием четкого понимания возможностей мониторинга и его применения в управленческой работе. При ответе на вопрос о том, применяются ли при принятии управленческих решений результаты мониторинга, более половины из опрошиваемых (63 %) ответили «да», а 27 % заявили о том, что у них вообще нет мониторинга и они пользуются в своей работе только данными статистики. Соотношение ответов на эти вопросы показывает также то, что в отдельных МО проводятся мониторинговые отслеживания одного или нескольких параметров жизнедеятельности муниципалитета. В обобщенном виде ответы на эти вопросы представлены в сравнении на рисунке 3. Анализ гистограммы рисунка 3 также подтверждает вывод о недостаточном понимании мониторинга и его применении. При том что система мониторинга не сложилась ни в одном из МО, руководители которых были опрошены, в 30 из них имеется специалист, в функции которого входит сбор, анализ и распространение информации, а в 11 из них планируется ввести такую должность. Отсутствие возможности введения должности для такого рода специалиста характерно для небольших МО, относящихся к сельским

⁵ Акимов Н.А., Кружкова Л.П. Проблемы территориального планирования в современных условиях / В сб.: Перспективы социально-экономического развития муниципальных образований. – Новокузнецк: НФИ КемГУ, 2008. – С. 112.

⁶ Черемисихина Н.В., Золотухина В.М. Современные аспекты становления и развития региональной и муниципальной статистики: Монография. – Тамбов: Изд-во Пермина Р.В., 2006. – С. 131.

поселениям. Также противоречивым выглядит ответ использования мониторинга для принятия управленческих решений. Здесь под управленческими решениями подразумевается в большей степени важные для местного самоуправления вопросы, в частности по принятию стратегии. Если понимать под управленческим решением результат анализа, прогнозирования, оптимизации, экономического обоснования и выбора альтернативы из множества вариантов достижения конкретной цели системы менеджмента ⁷, то можно констатировать, что руководству МО приходится принимать такие решения постоянно. Но респонденты, вероятно, понимают их очень узко, что получило подтверждение при опросе. Поэтому принятие управленческих решений на основе мониторинга осуществляют большее количество опрошенных, чем тех, которые отвечают о наличии у них мониторинга.

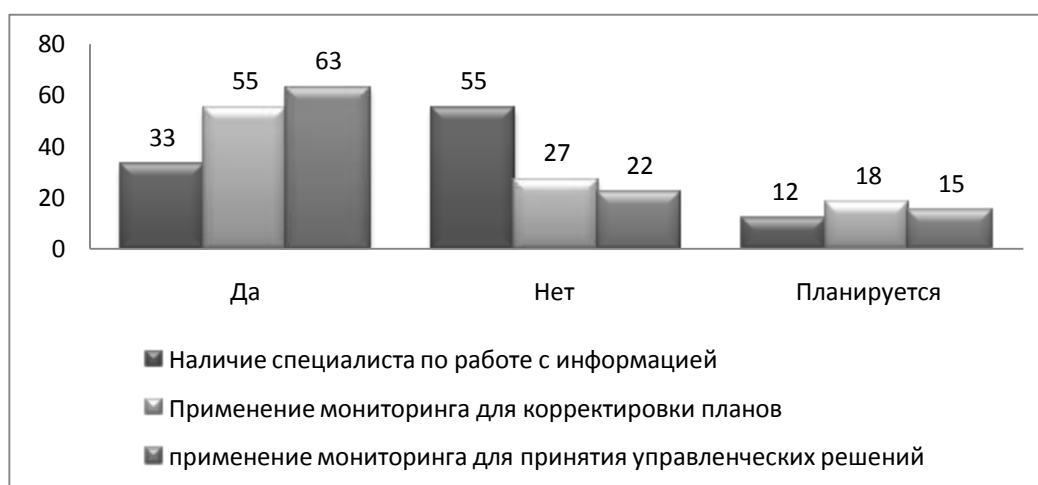

Рис. 3. Сравнение результатов ответов руководителей МО (в %)

Для управленческого мониторинга характерно также деление на три составляющих, в зависимости от уровней управления, на которых используется эта информация, т.е. на стратегическом, тактическом, оперативном. Применения мониторинга на различных управленческих уровнях отражено в табл. 2.

Таблица 2

Уровни применения управленческого мониторинга

Уровень управления	Кто использует	Состав мониторинга	Для чего использует
Стратегический	Высшее звено управления	Показатели основных результатов деятельности организации в целом, охватывающие все ее подсистемы	Для определения общих целей организации и разработке стратегий
Тактический	Среднее звено управления	Показатели мониторинга по отдельным подсистемам управления	Для оперативного планирования и контроля выполнения планов, организации и мотивации персонала
Оперативный	Нижнее звено управления и специалисты-исполнители	Показатели технических характеристик организации	Для оперативного управления исполнителями и реализации функциональных обязанностей

⁷ Фатхутдинов Р.А. Управленческие решения. – М.: ИНФРА-М, 2002. – С. 14.

Стратегический уровень управленческого мониторинга способствует обеспечению высшего звена управления данными, которые способствуют выработке перспективных целей развития организации в целом. С другой стороны, именно цели развития организации задают основания для системы управленческого мониторинга. Поэтому можно говорить о взаимосвязи и взаимодействии стратегических целей развития организации, они должны представлять собой определенную целостную систему, быть увязанными друг с другом. На этом уровне дается обобщенная оценка эффективности функционирования организации, фиксируется конечный результат ее деятельности, в котором находят отражение все использованные управленческие действия, зависящие как от потенциала самой организации, так и влияющие на нее факторы внешнего окружения.

Тактический уровень мониторинга применяется руководителями среднего звена для постоянного отслеживания и контроля с целью определения текущего состояния развития организации в сравнении с предыдущими периодами, служит для составления отчетов о деятельности с проведением анализа мониторинговых данных и на их основе формировать оперативное планирование. Достоинство мониторинговых данных заключаются в сохранении полученных в результате длительного наблюдения данных.

Мониторинг на оперативном уровне представляет собой данные, которые используются нижним управленческим звеном, а также специалистами-исполнителями. В отличие от выше обозначенных уровней мониторинга, на оперативном мониторинг охватывает данные, связанные с деятельностью одного подразделения и его параметры задаются высшими уровнями. Умение применять мониторинг на всех трех уровнях управления требует от руководителей МО особой подготовки.

Но во многом процесс формирования и внедрения мониторинга в практику управления тормозится тем, что современные руководители в своем большинстве не получили специального управленческого образования. Им не хватает знаний для того, чтобы подходить к процессу управления с позиций современных теоретических и практических достижений теории управления и менеджмента. Анализ данных анкеты показал, что основной состав руководителей МО имеют высшее образование – это 90 % опрошенных. При этом большая часть из них не имеют специального управленческого образования, в том числе и по специальности «государственное и муниципальное управление». Навыки управленческой работы большинство получали в процессе руководящей деятельности (67 %). Высшее образование в области управления имеют 26% из опрошенных. В основном это Академия государственной службы при Главе Республики Коми. Оставшиеся респонденты указали, что повышали квалификацию на курсах по управлению.

Ощущение нехватки управленческого образования способствует тому, что руководители продолжают свое образование. По данным Территориального органа Федеральной государственной статистики по Республике Коми, за 2007 год дополнительное профессиональное образование управленческой направленности получили всего 72 сотрудника, занимавших муниципальные должности и должности муниципальных служб, из них к группе высших должностей относится всего 19 человек, что составляет всего 26 %⁸.

Важность качественной подготовки специалистов муниципального управления отмечается многими авторами⁹. Эти вопросы являются актуальными для решения на общегосударственном уровне. В ходе управленческой подготовки специалистов муниципальному управлению важной составной частью должны стоять вопросы освоения на теоретическом и практическом уровне формирования, организации и применения мониторинга.

Таким образом, результаты проведенного исследования позволяют говорить о том, что интерес к мониторингу среди руководителей значительно возрос за последние несколько лет. Возросло также понимание сущности и назначения мониторинга. Однако руководители МО отмечают, что им необходимы разработанные методики для проведения управленческого мониторинга и подготовленные специалисты для организации его

⁸ Статистический ежегодник Республики Коми: статистический сборник. – Сыктывкар: Комистат, 2008. – С. 20.

⁹ См.: Государственная и муниципальная служба: от качества подготовки – к качеству управления. – Саратов: Поволжская академия государственной службы им. П.А. Столыпина, 2007; Система государственного и муниципального управления / Под общей ред. Г.В. Атаманчука. – М.: Изд-во РАГС, 2005.

системы и проведения. Поэтому в качестве первоочередной задачи, стоящей перед научными работниками, выступает разработка практико-ориентированных и доступных методик для руководителей социально-экономических организаций, каковыми являются МО, по формированию системы управленческого мониторинга с учетом их специфики.

Список литературы

1. Ускова Т.В., Зуев А.Н., Смирнов А.А. Мониторинг развития муниципальных образований. – Вологда: Научно-координационный центр ЦЭМИ РАН, 2002. – 126 с.
2. Васильев А.А. Словарь понятий и терминов муниципального управления. – Н.Новгород: Издатель: Гладкова О.О., 2005. – 388 с.
3. Леонтьева Л.С., Кротов В.А. Стратегически ориентированное управление муниципальным образованием. – Ярославль: ООО «Аверс ПЛЮС», 2007. – 116 с.
4. Рычихина Э.Н. Мониторинг как общая функция управления: Монография. – Ухта: УГТУ, 2007. – 140 с.
5. Акимов Н.А., Кружкова Л.П. Проблемы территориального планирования в современных условиях / В сб.: Перспективы социально-экономического развития муниципальных образований. – Новокузнецк: НФИ КемГУ, 2008. – 294 с.
6. Черемисихина Н.В., Золотухина В.М. Современные аспекты становления и развития региональной и муниципальной статистики: Монография. – Тамбов: Изд-во Пермина Р.В., 2006. – 191 с.
7. Фатхутдинов Р.А. Управленческие решения. – М.: ИНФРА-М, 2002. – 283 с.
8. Статистический ежегодник Республики Коми: статистический сборник. – Сыктывкар: Комистат, 2008. – 450 с.
9. Государственная и муниципальная служба: от качества подготовки – к качеству управления. – Саратов: Поволжская академия государственной службы им. П.А.Столыпина, 2007. – 260 с.
10. Система государственного и муниципального управления / Под общей ред. Г.В. Атаманчука. – М.: Изд-во РАГС, 2005. – 488 с.

MANAGERIAL MONITORING: ASSESSMENT OF THE STATUS AND UTILIZATION BY THE MUNICIPALITIES' LEADERS

E. N. Rychikhina

Ukhta branch of Moscow State University of Railway Engineering

e-mail: elina.2002@mail.ru

Monitoring is being actively used in managerial activities of the municipalities' leaders; therefore the necessity is to recognize its validity and problems of its organization. The article analyses results of this year's survey among the leaders of the municipalities in Komi Republic. Also the author justifies the necessity of the systematic approach towards forming and conducting of managerial monitoring.

Key words: Managerial monitoring, municipality, leader of municipality, survey, survey results.

ВЫСШАЯ ШКОЛА КАК СТРАТЕГИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РФ (СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ)

Е. В. Песегова

*Управление
лицензирования
и аккредитации
в образовании
Федеральной службы
по надзору в сфере
образования и науки*

*e-mail:
c_pesegova@mail.ru*

Статья посвящена рассмотрению методологического потенциала социологического измерения и диверсификации безопасности в сфере высшей школы, обусловленных кардинальной трансформацией целевых программ развития национальной безопасности РФ. Автор ориентирован на выявление субъект-объектных связей в процессе институционализации высшей школы.

Ключевые слова: национальная безопасность; высшая школа; субъект-объектные связи; модернизационный плеоназм.

Вопрос о безопасном будущем России сегодня - это не просто предмет научного интереса, это проблема гражданского общества, более того, в России, как и мире в целом, формируется особый тип общества, в котором риски и угрозы становятся социогенными факторами существования людей. Глобальные принципиально значимые изменения условий существования и функционирования современного человека, реально связанные с усложнением его просоциальной деятельности, типов и форм общения, увеличением физических возможностей и интеллектуальной напряженности, значительно расширяют пространство социальной активности человека. Именно поэтому необходимо особое осмысление феномена безопасности в собственном личностном проявлении, при этом важно отметить особость методологического обеспечения разработки проблем безопасности социальных объектов, таких как личность, социальные группы, общество и его социально-организационные формы, которые выступают в качестве общего универсального объекта безопасности.

Феномен безопасности имеет выраженную субъективную, в том числе когнитивную сторону. Всякий социальный субъект осуществляет оценку угроз своей безопасности в свете господствующей (принятой) системы ценностей, а тот или иной набор ценностей является одним из важнейших функциональных элементов культуры, в том числе и в способности передавать ценности господствующей культуре. Институциональная связь образования с феноменом безопасности очевидна и может быть проявлена через систему социального контроля, где образование выступает средством социального контроля и «устройством», фильтрующим социальные риски.

Современные требования к построению оснований безопасного развития общества порождают ряд специфических социальных проблем. Социальная практика современной России достаточно четко показывает, что на смену одним социальным проблемам постоянно приходят другие. Такая цепь социальных противоречий и проблем требует особого внимания к научной рефлексии институциональных основ социологического изучения феномена безопасности с целью концептуализации различных интеллектуальных идеологий безопасности. Это дает основание утверждать, что безопасность - это состояние устойчивого функционирования и воспроизводства социального объекта/субъекта, поддерживаемое с помощью особой институциональной среды.

Специфика социологического подхода к национальной безопасности выражается в более позднем конституировании; длительном существовании в рамках командно-административной теории государственной безопасности; включении во взаимодействие с западной традицией социологии безопасности параллельно процессу самоопределения отрасли. Именно этим объясняется наличие в российской социологии безопасности серьезных методологических проблем, начиная с определения объекта отраслевой социологии и заканчивая разработкой комплексных теоретических схем исследования рисков, потребность в которых актуализирована процессом реформирования российского общества.

Безопасность является важнейшей потребностью человека. Она отражает политический, экономический, военный, демографический, экологический, духовный, правовой и иные аспекты; учитывает международные и внутригосударственные (национальные) особенности цивилизационного развития; имеет системный (полиструктурный) или фрагментарный (моноструктурный) характер и т.д. Это научная категория, которая своей сутью и содержанием раскрывает условия жизнеобеспечения социоприродных систем. Таким образом, мы можем утверждать, что социологическая концептуализация различных интеллектуальных идеологий безопасности, позволяет дать универсальное определение феномену «безопасности» и обеспечивает переход к специализированному изучению а) состояния защищенности личности, социальных групп, социальных общностей и сообществ; б) безопасности как части социальной экологии.

Вопрос о будущем России сегодня - это не просто предмет научного интереса, это личная проблема каждого гражданина государства. До сих пор в литературе нет единого мнения об особенностях цивилизационного развития России. Старый спор между западниками и славянофилами актуален и по сей день, хотя в нем появились новые оттенки, отражающие социальные реалии и XX, и XXI веков¹. Авторская презумпция заключается в том, что духовная освоенность бытия сформировала национальное миропонимание уже на ранней стадии его государственного проявления².

С точки зрения семантики, корреляция «безопасности» и «мира», просматривается весьма отчетливо. В современном русском языке существуют омонимы: мир – совокупность всех форм материи в земном и космическом пространстве, вселенная; и мир – согласные отношения, спокойствие. Отсутствие вражды, войны, ссоры³. Отметим, что кроме значений, разделение основывается еще и на грамматике. Первое из них имеет множественное число – миры, а второе – только единственное. На старинной русской орфографии в первом случае, писалось – міръ, а во втором – мирь⁴. Ю. Степанов отмечает, что совмещение этих значений в древнерусской культуре встречается довольно часто⁵. Полагаем, что такое закрепление социальной практики свидетельствует о константном характере понятия «безопасность», как мир (пространство), где господствует согласие, порядок, закон.

Таким образом, безопасность имеет скорее символическое, чем конкретное предметное выражение, т. е. в большей степени отождествляется со структурами и институтами. Квантификация безопасности проблематична, так как «привязана» к качественной оценке и, пока ей не подвергнута, «будто бы» не существует (хотя в действительности может существовать как не осознаваемое состояние). Безопасность трудно осязаема, так как пребывает в мире ценностей. Целенаправленное интегрирование элементов безопасности в систему современных и перспективных социальных отношений, определяет динамику развития социума, так как безопасность представляет собой корреляционную систему, в которой любое социальное явление, в общем, и высшая школа в частности, адаптируется к факторам среды посредством деятельности социальных акторов.

Таким образом, диверсификация феномена безопасности демонстрирует прямую корреляцию с интересами социальных групп в сфере образования, настаивающих на соответствии «стандартам» образования и социальных групп, требующих «доступа» к интеллектуальным благам. Можно утверждать, что важной содержательной характеристикой диверсификации феномена безопасности в сфере образования является социальное требование необходимого уровня образования, обусловленного латентным конфликтом между различными статусными группами.

Следуя аксиоматике структурного конструктивизма, возможно описать высшую школу как автономную область социальных отношений, структурно определенных и способных сохранять устойчивость и поддерживать свою специфичность по сравнению с другими структурными образованиями. Последовательное развертывание методологической схемы социоанализа приведет к выделению таких направлений исследования, как изучение взаимодействия высшей школы с социальной макросистемой (прежде всего с

¹ Блехер Л., Любарский Г. Главный русский спор: от западников и славянофилов до глобализма и Нового средневековья. – М., 2003.

² Златоструй. Древняя Русь X – XIII веков. – М., 1990. – С. 160-161.

³ Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М., 1968. – С. 344-345.

⁴ Степанов Ю. Константы: словарь русской культуры. – М., 2001. – С. 86.

⁵ Там же. – С. 87.

политикой и системой национальной безопасности); выявление структуры отношений между позициями внутри социального пространства высшей школы; описание повседневных практик.

Характер политики в сфере национальной безопасности и высшей школы в современном российском обществе имеет однонаправленный вектор. Символическое насилие реформаторов проявляет себя в определении содержания, формы и способов трансформации системы образования, что проявляется через глубинное расхождение свойственных высшей школе российских ценностно-нормативных традиций деятельности ее агентов и предлагаемой программы реформирования системы образования.

Общепринято считать, что национальная безопасность России – это безопасность ее граждан. Авторские пилотажные эмпирические исследования (случайная бесповторная выборка) показывают, что очень мал процент респондентов (3%), ощущающих полную безопасность своей жизни и жизни своих близких. Располагают ли государство и общество методами выявления угроз и потенциалом их предотвращения и ликвидации? Этот вопрос, ставший почти риторическим, проявляет не только интеллектуальную рефлексию, но и широкую проблематику повседневной жизни. Он отражает многоаспектную социальную обеспокоенность качеством жизни, где не последнюю роль играет качество высшего образования.

Высшая школа определяется фиксированным набором изучаемых предметов, эта данность позволяет определить образование, как формальный процесс. Однако высшая школа действует как агент социализации и в несколько ином отношении. Наряду с формальным набором учебных дисциплин существует то, что можно зафиксировать как скрытую программу, определяющую специфические условия обучения.

Во всех государствах современного мира, включая развивающиеся страны, образование стало одной из основных сфер вложения капиталов. Это явление объясняется рациональной необходимостью со стороны социума поддерживать социальную функцию образования во всех его ипостасях. Высшая школа выступает агентом социализации, в первую очередь, интегрируя человека в систему деятельностей и систему организованностей. Однако имеются существенные различия в организации систем образования и в пропорции населения, получающего тот или иной уровень и тип образования.

Исторический опыт свидетельствует, что в русской культуре образование (высшая школа как сегмент этого феномена) сложилось в самостоятельную социальную ценность. Российская специфика институционализации высшей школы заключается в том, что в обществе традиционно господствует убеждение, что Россия – это часть Европы, и если таковой не является в настоящий момент, то по прошествии некоторого времени обязательно ею станет.

Взаимоотношения государственной власти и образования в России всегда были противоречивыми, полными драматизма. На протяжении всей истории России образование кристаллизуется в особый тип культурного достояния русской цивилизации. Развитие системы образования в России – это процесс зарождения, становления, расцвета и упадка различных типов учебных заведений, это череда сменяющих друг друга прогресса и регресса, это неоднолинейный процесс, и история не только достижений, но и утрат. Многонациональной географически обширной стране институционализация образования всегда проблематична. Можно утверждать, что специфичность динамики исторического развития высшей школы в России демонстрирует неустойчивый модернизационный плеоназм образовательных идеологий в противоположность идеям классической системы образования.

Результаты развития образования проявляются в специализированных областях культуры, где аккумулируются, накапливаются новые духовные и культурные ценности, которые, в свою очередь, определяют новый уровень культуры общества, подготавливая тем самым предпосылки для очередных реформ в сфере просвещения. В современных условиях существует реальная опасность «уничтожить» опыт существования высшей школы. Пагубность представляет собой то, что инновации со всей очевидностью приобретают деструктивные формы культуры-захватчика. Для современных высших учебных заведений как субъектов инновационных процессов в сфере образования характерен низкий уровень социального капитала. На его формирование и развитие влияют, с одной стороны, особенности профессиональных установок руководителей ВУЗов, с другой – ресурсные возможности, предоставляемые высшим учебным заведениям российским обществом.

Показателем изменения социальной культуры современного российского высшего образования является трансформация социальных ролей, как ученого-преподавателя ВУЗа, так и студента с модальным набором ценностей. В структуре мотивов профессиональной деятельности преподавателей доминируют прагматические установки, заметным образом изменяющие характер отношений в системе «мэтр-ученик». В структуре мотивов студенчества доминируют представление о высшем образовании, как о символе социального статуса, при уверенности, что высшее образование, все-таки не является гарантией восходящей социальной мобильности.

Конструктивные формы реформирования высшей школы проявляются, в первую очередь, через воздействие самосознания общества, которое активно заимствует научные формы рефлексии реформационных процессов, в результате чего понятия о законах существования высшей школы, вырабатываемые общественными науками, становятся соопределяющими факторами самого процесса реформирования. Более того, система высшего образования, как субъект реформирования, переосмысляет стереотипные представления об инновациях и становится мыслящим и рефлексивным общественным образованием.

Траектории развития российской высшей школы зависят от эффективности модернизации системы отечественного образования. В этой связи, приходится констатировать, что управленческие инновационные попытки явно демонстрирует не только позитивную результативность реформ, но и симуляции, в минимальной степени обращенные к решению актуальных для системы образования проблем. Общим местом стали утверждения, что современная Россия нуждается в повышении эффективности и востребованности качественного образования, а так же в приведении его в соответствие с изменившимися социально-экономическими и геополитическими условиями. Немаловажным аспектом этого проблемного поля видится интеллектуально утверждаемая характеристика исторического развития России – маргинальность проблемы качества и эффективности.

Научная социологическая рефлексия возникает, таким образом, из стремления связать нитями зависимостей причин и следствий реализацию культурного архетипа в сфере образования. Очевиден «набор» стратегических целей в системе высшей школы, достижение которых продекларировано, но de facto не достигнуто. Данные обстоятельства вынуждают исследователя обратиться к анализу факторов, механизмов, стратегий обеспечения национальной безопасности через призму национальных интересов и рисков, выявить приоритеты реформирования российской высшей школы на современном этапе.

Список литературы

1. Блехер Л., Любарский Г. Главный русский спор: от западников и славянофилов до глобализма и Нового средневековья. – М., 2003.
2. Златоструй. Древняя Русь X – XIII веков. – М., 1990.
3. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М., 1968.
4. Степанов Ю. Константы: словарь русской культуры. – М., 2001.

HIGH SCHOOL AS A STRATEGIC COMPONENT OF THE NATIONAL SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION (SOCIOLOGICAL INTERPRETATION)

E. V. Pesegova

Education licensing and accreditation department of federal service of supervision in education and science

*e-mail:
c_pesegova@mail.ru*

Article deals with the methodological capacity of the sociological dimension of diversification and security in the field of higher education, due to a fundamental transformation of targeted development programs, the national security of Russia. The author focuses on the identification of subject-object relations in the process of institutionalization of higher education.

Key words: national security; Graduate School, subject-object relation; modernization pleonasm.

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 1.02

ЛИЧНОСТЬ ИМПЕРАТОРА КАК ВОПЛОЩЕНИЕ КОСМИЧЕСКОГО ПОРЯДКА В ОФИЦИАЛЬНОЙ ИДЕОЛОГИИ И ДАОССКОЙ ТРАДИЦИИ

И. В. Белая

*Центр синологических
исследований
Амурский
государственный
университет*

*e-mail:
belaya-irina@rambler.ru*

В настоящей статье говорится об исследовании эволюции представлений о ритуальных формах упорядочивания мира в официальной идеологии Древнего Китая и их взаимосвязь с даосской традицией. Их основой послужило мифопоэтическое осмысление образа правителя как борца с силами хаоса за утверждение порядка, использующего ритуалы и обряды соответствующие природным процессам и способствующие гармонизации природы и общества.

Ключевые слова: философия, религия, ритуалы, обряды, Китай, даосизм, конфуцианство, доктрина императорской власти, Хуан-ди, Юй, Лао-цзы, Дао, Дэ, мин-тан, гэн-цзы.

На примере эволюции представлений о формах участия монарха в устройении Поднебесной можно проследить процесс перехода от первых мировоззренческих концепций, вплетенных в живую ткань мифопоэтического народного творчества, через сакральные ритуалы и практики, восходящих к архаичным религиозным традициям, к сложным философским построениям великих религий Китая.

В доктрине власти китайских императоров, под которой подразумевался целостный идейно-обрядовый комплекс, призванный обеспечить правителя поддержкой со стороны Высших сил¹, осмыслялись возможности и долг правителя государства обеспечить не только политическую стабильность общества, но и гармонизацию природных процессов на территории своей страны.

Поддержание порядка в Поднебесной становилось прямой обязанностью государя, для обеспечения которой была разработана сложная система ритуалов, исполняемых лично Сыном Неба, а также сакральных интерпретаций решений императора о переносе или переименовании столицы государства, указании им иерархии наиболее почитаемых божеств и храмов. Более того, полагалось, что любое действие монарха непосредственно влияет на гармонию в Поднебесной, будучи способно как укрепить её, так и нарушить.

История становления подобных представлений восходит к легендарным эпохам Древнего Китая, мифам о божественных правителях древности. На весь процесс формирования доктрины императорской власти, принявшей устойчивые очертания ко второй половине эпохи Шан-Инь (XVI – XI вв. до н.э.) и сохранившей своё значение до династии

¹ Кравцова М.Е. Представление о верховной власти и правителе // Духовная культура Китая. Т. 2. М., 2007. С. 90.

Хань (III до н.э. – III н.э.), значительное влияние оказала концепция об императоре как «единственном человеке», репрезентировавшем в себе всех своих подданных. Она получила поддержку и в рассуждениях Лао-цзы о роли, возможностях и долге правителя, изложенных им в трактате «Дао дэ цзин».

Настоящее исследование базируется на религиозно-философском осмыслении образа правителя как борца с силами хаоса за утверждение порядка, использующего ритуалы и обряды, способствующие утверждению гармонии в природе и обществе. Впоследствии такая трактовка долга государя превратилась в религиозно-философскую константу, которая оказала влияние на становление многих философских школ.

В Древнем Китае символом хаоса и разрушения были наводнения, периодически происходившие из-за неустойчивости русла великой реки Хуанхэ. Именно с неистовой и неукротимой стихией воды боролись великие герои древности – Яо, Шунь, Юй. Соответственно, под порядком понималось естественное, размеренное течение жизни, не прерываемое катаклизмами.

Древнейший пример такого противостояния – борьба духа огня Чжу-чжуна с разрушителем космического и социального равновесия духом вод Гун-гуном².

В более поздних мифах многоорукому и многоногому мятежному духу Чи-ю, олицетворяющему хаоса, противостоит государь Хуан-ди, защитник гармонии и порядка. В битве они используют помощь и поддержку стихий. В частности, дух ветра Фэн-бо и повелитель дождя Юй-ши на стороне Чи-ю, а демон засухи Ба на стороне Хуан-ди. Засуха побеждает дождь, ветер, туман, и Хуан-ди, как верховное божество берет верх над Чи-ю³. Здесь враждуют уже не просто противоположные стихии, а вожди различных племён, использующие в битве силы природы.

Полулегендарный основатель династии Ся (XXI-XVI вв. до н. э.), Великий Юй, объединивший многие древнекитайские племена, согласно легендам, останавливает наводнение с помощью мифической «Книги [власти над] водами» (Шуй цзин) и тем самым возвращает природу к гармонии. Когда воды потопа отступили, он разглядел знаковые письмена на панцире черепахи, появившейся из реки Ло. В них содержалось описание изменений, происходящих во вселенной.

Магические обряды шаманского типа, которые с течением времени стали фигурировать в сказаниях о Юе или напрямую связываться с его именем, как гласят предания, были дарованы ему волшебными животными и самим Небом⁴. Впоследствии они постепенно вошли в даосскую религию и стали частью даосских магических практик. Прежде всего, это знаменитые «шаги Юя», ритуальная походка, с помощью которой шаман совершал путешествия к звёздам. Согласно даосской традиции, известной уже в III-IV вв., рисунок «шагов Юя» повторял очертания созвездия Большой Медведицы, которому с древнейших времён придавалось в Китае огромное сакральное значение⁵. В даосских практиках «шаги Юя» начали систематически использовать благодаря школе Шанцин, с 4-го века н. э. утвердившей их как часть ритуала общения с небожителями. В некоторых обрядах, совершаемых императором для предотвращения стихийных бедствий, использовали шаги Юя как обязательную часть церемонии.

Так от общей для многих народов мифов о битвах властителей противоположных стихий в Древнем Китае перешли к национальной концепции личной ответственности правителя за благополучие в природе и социуме, которая ко второй половине эпохи Шан стала общепризнанной.

В рамках этой теории использовался характерный для китайской религиозной философии принцип гомоморфизма микро- и макрокосмоса, предполагающий, в частности, что природные катастрофы являются прямым следствием беспорядков в обществе, ответственность за которые целиком и полностью возлагалась на императора: «Небо ставит государя для Поднебесной. Ставший государем заменяет [людям] Небо и распространяет [повсюду] совершенное правление. Он непременно должен заставить людей [и все] сущее [расти и развиваться] как положено и довести совершенство своего правления до

² Рифтин Б.Л. Китайская мифология // Духовная культура Китая. Т.2. М., 2007. С. 20

³ Рифтин Б.Л. Китайская мифология // Духовная культура Китая. Т.2. М., 2007. С. 20

⁴ Рифтин Б.Л. Китайская мифология // Духовная культура Китая. Т.2. М., 2007. С. 71-73.

⁵ Торчинов Е.А. Даосские практики. СПб., 2001. С. 126-129.

предела. После этого он может, взирая вверх, отвечать милосердным велениям [Неба]. [Ныне же] наводнения и засухи происходят вот уже в течение ряда лет. Народ тяжело страдает. И все это оттого, что я, император, отвернулся от Высшего Неба»⁶.

Согласно древнекитайским представлениям, вождь в космической структуре государства занимает центральную позицию, как представитель Верховного небесного владыки Шан-ди и как гарант стабильности Поднебесной, её центральная опора. Как указывает Б. Рифтин, Верховный небесный правитель осознается как божество центра, имевшего в Китае сакральное значение. «В надписях на гадательных костях эпохи Шан-Инь (XVI – XI в.в. до н.э.) мы находим знак *ди*, бывший своеобразным «титолом» для умерших правителей и соответствовавший понятию «божественный предок», «священный предок». Этимологически сама графема *ди*, есть изображение алтаря для жертвоприношений Небу. С эпитетом *шан* (верхний, верховный), *ди* означало Верховного небесного владыку Шан-ди. Таким образом, сама форма иероглифа *ди* указывает на императора как основного исполнителя ритуала жертвоприношения Небу»⁷.

Концепция единственности монарха и природы подтверждалась описанием заимствования им важнейших качеств мироздания и воплощений их в его личности: «Небо порождает людей. Но они без повелителя затевают смуту. [И тогда Небо] ставит им государя, чтобы навести порядок»⁸. Забота государя о подданных, их благополучии, обеспечение порядка в государстве, правильному чередованию времен года понималось как «замена Неба» (*дай тянь*) и продолжение «работы Неба» (*тянь гун*), которую император должен был выполнять, подражая силам природы. Для этого монарх исполнял ритуалы, соответствующие природным процессам наступающего сезона.

Такая техника упорядочивания мира легла в основу одного из древнейших государственных ритуалов Китая – «Гэн цзи» («прокладывание первой борозды»), или «Цзи тянь» («пахота царского/императорского поля»), связанного с культом плодородия и сезонными обрядами. Упоминания о нем восходят к середине эпохи Чжоу (XI–III вв. до н.э.) и присутствуют в трактате «Юэ лин» («Полунные указы»), входящем в состав конфуцианского сочинения «Ли цзи» («Книга ритуалов», гл. 5,6).

Во время пахоты царского поля Сын Неба прокладывал три борозды, три князя – по пять борозд каждый и девять вельмож по девять борозд. Как отмечает М.Е. Кравцова, «исходно пахота поля могла быть аналогом ритуала «священной свадьбы», в котором правитель выступает брачным партнером земли»⁹. Таким образом, ритуальная пахота предполагала зачатие весны, пробуждение природы и рождение новой жизни в масштабе всего мироздания.

Также для поддержания миропорядка был разработан канон ритуально-церемониальных правил (*ван чжи*), в котором вся деятельность (включая принятие пищи и облачение) правителя уподоблена природным процессам¹⁰. Основные сведения о ритуалах и обрядах, совершаемых государем, их связь с пятичленной моделью мира и действием природных циклов регламентированы в таких философских трактатах как «Люйши чуньцю» (раздел «Полунные указы»), «Лицзи» («Книга обрядов», раздел «Юэлин»), «Хуайнаньцзы» (раздел «Шицзэ»), «Гуаньцзы» (гл. 40).

Сам император, а вместе с ним и вся структура государственной власти мыслились как отражение и воплощение космических закономерностей. Лично император уподоблялся солнцу, и форма ритуалов с его участием воспроизводила природные процессы солнечных циклов, дневного и годового: весеннее благословение сева, осеннее благословение урожая и т. д. Согласно «Люйши чуньцю», весь быт государя – выбор палат во дворце, их убранства, одеяния, экипажа, посуды и рациона, – должен строго соответствовать символике наступившего лунного месяца. При этом «сын неба» совершает за год

⁶ Мартынов А.С. Государственное и этическое в императорском Китае // Этика и ритуал в традиционном Китае. М., 1988. С. 283.

⁷ Рифтин Б.Л. Китайская мифология // Духовная культура Китая. Т.2. М., 2007. С. 20-21.

⁸ Мартынов А.С. Государственное и этическое в императорском Китае // Этика и ритуал в традиционном Китае. М., 1988. С. 286.

⁹ Кравцова М.Е. Гэн цзи // Духовная культура Китая. Т.2. М., 2007. С. 429-430.

¹⁰ Кравцова М.Е. Представление о верховной власти и правителе // Духовная культура Китая. Т.2. М., 2007. С. 97.

полный круг по часовой стрелке, с востока (весна) на юг (лето), запад (осень) и север (зима) и в центр, в покои «Тайши Таймяо»¹¹. То есть, его кругообразные перемещения по дворцу должны были, как считалось, повторять ход солнца в зодиакальной плоскости и совпадают с ним по времени, согласно временам года.

Следует подчеркнуть, что ритуалы и обрядовые акции в этом уложении являются не формой поклонения богам, а способами поддержания естественного взаимодействия «стихий». Таким образом, царь-жрец, поклонявшийся собственным предкам, преобразился в координатора и строителя миропорядка.

Так, к династии Хань (206 до н.э. – 220 н.э.), в перечень ритуально-церемониальных действий императора, имевших сакральное значение для поддержания порядка и процветания государства входили:

- изменение летоисчисления (через девизы правления *нянь хао*);
- возведение новой столицы или императорской резиденции (корреляция сакрально-политического фокуса мирового пространства);
- изменение административно-территориального устройства страны и государственной символики;
- придворно-церемониальные мероприятия, например, стрельба из лука (*шэ*) или различные пиршественные церемонии (*янь*);
- ритуалы, связанные с основными координатами мирового пространства (Неба, Земли и олицетворявших их божеств) и плодородием (сезонные жертвоприношения и сельскохозяйственные ритуалы)¹².

Кроме того, император выполнял разнообразные религиозные ритуалы, которые должны были обеспечить благословение небесных сил на правление в Поднебесной этого владыки, с тем, чтобы течение Дао во время его властвования ничем не нарушалось. Как утверждает традиция, для исполнения ритуалов такого рода еще в древние времена был воздвигнут специальный храмовый комплекс, известный как *Мин тан* (Храм Света).

Сооружение имело форму квадрата, разделенного на девять палат равного размера, восемь из которых размещались вокруг девятой в центре, над которой располагалась круглая «башня духа» (*Лин тай*). В ней помещалась обсерватория для наблюдения, в первую очередь, за созвездием Большой Медведицы (*Бэй доу*) и Полярной звездой (*Бэй цзи*), ключевыми небесными символами правителя. Форма данного ритуального сооружения имела сакральное значение: квадрат в его основании символизировал земное начало, а круглая крыша – небесное. Император, согласно ритуалу, занимал положение в центре зала, иллюстрируя тем самым свое место посредника между силами Неба и Земли¹³.

В течение нескольких столетий, с V–IV веков до н. э. по III век н. э. происходило постепенное слияние религиозного мировосприятия с натурфилософским. Появление и развитие даосизма и конфуцианства оказало существенное влияние на внешнюю форму и внутренние основы государственной религии: в рамках обеих философских школ продолжилось осмысление практики и теории, определяющей ритуалы по поддержанию императором гармонии в Поднебесной. Представления о хаосе и порядке, впервые оформленные в мифологических сюжетах развивались и усложнялись, превращаясь в константы китайской философии, а ритуалы по гармонизации отношений человека и Неба – в практические методы даосского самосовершенствования, а также в этические нормы поведения в обществе.

Позднее как в даосизме так и в конфуцианстве полная пространственно–временная сбалансированность – «Великая гармония» (*тай хэ*) прямо определяется как Дао, и неотделима от состояния первоначального хаоса (*хунь дунь*). В качестве символа гармоничного порядка представители даосской классической философии, прежде всего Чжуан-цзы и его ученики, использовали термин «*да куай*» (большой ком), обозначающий естественное переплетение разнородных процессов. Такое понятие ближе всего к современным представлениям о естественном балансе экосистемы, в противовес «порядку», созданному трудами человеческой цивилизации.

¹¹ Ткаченко Г.А. «Весны и осени Люй Бувэя» как памятник древнекитайской философской прозы // Люйши Чунью (Весны и осени господина Люя) / Пер. Г.А. Ткаченко. М., 2001. С. 21.

¹² Кравцова М.Е. Представление о верховной власти и правителе // Духовная культура Китая. Т.2. М., 2007. С. 98.

¹³ Блинова Е.А. Мин тан // Духовная культура Китая. Т.1. М., 2006. С. 342.

С возникновением конфуцианских и даосских концепций произошло переосмысление представлений о качествах, необходимых для совершенного правителя. С точки зрения конфуцианцев, определяющими для императора являлись морально-этические качества, добродетель – «дэ», которая потеряла свое сакральное значение, и определялась как следование правилам «ли». Таким образом, в рамках конфуцианской идеологии располагался идеал правителя, к которому реальный император обязан был, для блага государства, стремиться.

В даосском варианте, восходящем к рассуждениям о правителе в «Дао дэ цзине», сам монарх как личность был тождественен природе и являлся ее непосредственным продолжением, ее сыном, он был наделен ее чудесной способностью порождать и любить все живое – силой дэ.

«Благая сила дэ [пяти древних государей] вверху поднималась до птиц, внизу опускалась до трав и водяных букашек. Она все это накрывала своим потоком. После этого начала инь и Ян приходили в гармонию, четыре времени года [сменяли друг друга] в образцовом порядке, солнце и луна светили, дождь и ветер приходили в положенное время, выпадали благодатные росы и созревали все пять хлебов, все напасти и бедствия прекращались, возмущившиеся стихии утихали, а народ не болел»¹⁴.

Таким образом, государь уже по своему рангу является личностью особого типа, «великим человеком» (*да жэнь*), постигшем Дао (т.е. принципы космического бытия и миропорядка), а потому стоящий над любыми регламентациями и нормами, принятыми в человеческом обществе. «Величайшее» только путь, небо, земля и правитель ... и правитель среди них – первый»¹⁵. Этот вариант открывал путь к прямой сакрализации образа монарха, превращению его в персонажа скорее божественного, чем человеческого рода. Именно в такой ипостаси выступает император Цинь-ши-хуан (-ди) (Ин Чжэн 259-210 гг. до н.э.), основатель империи Цинь (221-207 до н.э.).

«Дао дэ цзин» содержит также многочисленные рекомендации по управлению государством. Большая часть таких рекомендаций посвящена использованию недеяния, умеренности и спокойствия как наилучшим методам руководства Поднебесной: «Пребывай в недеянии, и народ сам собой исправится, оставайся в спокойствии, и народ сам придет к верности»¹⁶; «в управлении людьми нет ничего полезнее умеренности»¹⁷. Иными словами, «сын неба», тождественный по своей внутренней сущности природе и действовать должен естественно, так, как это делает природа.

На основе концепции «недеяния» в управлении Поднебесной происходит, как отмечает А.С. Мартынов, «сближение официального недеяния с даосским», что «вполне закономерно и основано на общем фундаменте: ориентация обеих доктрин на сакрализованный космос как на идеал естественной ненасильственной упорядоченности и спонтанного действия»¹⁸.

Недеяние изображается как такой вид правления, при котором государственная власть в силу своего крайнего совершенства и полного слияния с космическим порядком не ощущается более как существующая. Недеяние признавалось совершенным методом управления государством, в связи с чем в текстах официальных документов нередко встречались декларации такого рода: «Священный император сказал следующее: «[я] слышал, что в глубокой древности государи совершенного Дао-Пути сидели, сложив руки и свесив рукава, [и практиковали] недеяние, [тогда как на всем пространстве] в пределах между морями люди преобразались без управления, а дела успешно завершались без приложения усилий»¹⁹.

¹⁴ Мартынов А.С. Государственное и этическое в императорском Китае // Этика и ритуал в традиционном Китае. М., 1988. С. 283.

¹⁵ Лао-цзы. Дао дэ цзин (Трактат о Пути и Доблести) гл. 25 // Люйши Чуньцю (Весны и осени господина Люя) / Пер. Г.А. Ткаченко. М., 2001. С. 465.

¹⁶ Лао-цзы. Дао дэ цзин (Трактат о Пути и Доблести) гл. 57 // Люйши Чуньцю (Весны и осени господина Люя) / Пер. Г.А. Ткаченко. М., 2001. С. 473.

¹⁷ Лао-цзы. Дао дэ цзин (Трактат о Пути и Доблести) гл. 59 // Люйши Чуньцю (Весны и осени господина Люя) / Пер. Г.А. Ткаченко. М., 2001. С. 473.

¹⁸ Лао-цзы. Мартынов А.С. Государственное и этическое в императорском Китае // Этика и ритуал в традиционном Китае. М., 1988. С. 281.

¹⁹ Мартынов А.С. Государственное и этическое в императорском Китае // Этика и ритуал в традиционном Китае. М., 1988. С. 285.

Чтобы следовать путем Неба, император должен был отказаться от себя, важно было лишь следование ритуалам, регулирующим мироустроительные функции в природе и в социуме. Прихоти монарха могли лишит Поднебесную равновесия.

Практикуя недеяние, исполняя ритуалы, гармонирующие с природными процессами, император действовал подобно Дао. При этом характеристики государя соответствовали атрибутам Дао:

– деперсонализация («Дао дэ цзин», гл. 14, 16, 22, 32): «Драгоценно, когда от своего «Я» отказываются, чтобы заняться Поднебесной»²⁰;

– пассивность – способность всё устраивать, ни во что не вмешиваясь («Дао дэ цзин», гл. 37, 47, 48, 57, 60, 61, 63): «Мудрец познает, ничем не занимаясь; видит, ни на что не глядя; совершает, ничего не делая»²¹. «Если кто задумает овладеть Поднебесной, ему нужно отказаться от всяких дел»²².

– незаметность для подданных («Дао дэ цзин», гл. 34, 56, 64, 66). «Кто...отгораживается от мира, умеряет свой блеск, уподобляется простой пыли, заглушает свою остроту...такой – драгоценность для Поднебесной»²³.

Такая сумма представлений, оформившаяся в целом уже в V-IV вв. до н. э., послужила отправной точкой для развития многих философских концепций в эпоху «шань-шань», а впоследствии обеспечила возможность успешного взаимодействия государственной власти и даосской религии.

В эволюции представлений о ритуальных формах упорядочивания Поднебесной можно выделить следующие стадии:

1. Борьба стихий: разгулу стихии может противостоять только противоположная стихия.

2. Правитель, как защитник порядка, обуздывает стихию, с помощью духов противоположных стихий.

3. Правитель-шаман, защищая порядок, укрощает стихию, используя знания, полученные от Небожителей и личную силу – дэ, без помощи духов других стихий.

4. Император упорядочивает Поднебесную посредством ритуалов, уподобляемых природным процессам (натурфилософское влияние) и на основе совершенствования собственной личности, (даосских принципов невмешательства в природную гармонию прописанных в «Дао дэ цзине»), подражая творческой силе Дао, которое приводит все в гармонию (хэ).

5. Император возлагает обязанность проведения ритуалов на своих советников (тянь ши, го ши), руководствуясь принципом недеяния. За правителями закрепилось право выбора религиозных приоритетов, официальных культов и обслуживающих их ритуальных акций.

В ранних формах императорских ритуалов прослеживается стремление достичь гармоничного созвучия действий государя с естественными природными процессами. Позднее, основой благополучия государства стали полагать достижение монархом духовной гармонии с безначальным Дао. Именно самосовершенствование личности самого императора стало являться гарантом порядка и процветания Поднебесной, что обозначило близость государственной религии с даосизмом, получавшего поддержку императоров на протяжении всей истории своего развития. Таким образом, выявление точек соприкосновения между официальной идеологией и даосской традицией помогает лучше понять причины продуктивного взаимодействия государства и даосизма в Китае.

Список литературы

1. Кравцова, М.Е. Представление о верховной власти и правителе // Духовная культура Китая. Т.2. М., 2007. С. 90-99
2. Рифтин Б.Л. Китайская мифология // Духовная культура Китая. Т.2. М., 2007. С. 16-77.

²⁰ Лао-цзы. Дао дэ цзин (Трактат о Пути и Доблести) гл. 14 // Люйши Чуньцю (Весны и осени господина Люя) / Пер. Г.А. Ткаченко. М., 2001. С. 462.

²¹ Лао-цзы. Дао дэ цзин (Трактат о Пути и Доблести) гл. 47 // Люйши Чуньцю (Весны и осени господина Люя) / Пер. Г.А. Ткаченко. М., 2001. С. 471.

²² Лао-цзы. Дао дэ цзин (Трактат о Пути и Доблести) гл. 48 // Люйши Чуньцю (Весны и осени господина Люя) / Пер. Г.А. Ткаченко. М., 2001. С. 471.

²³ Лао-цзы. Дао дэ цзин (Трактат о Пути и Доблести) гл. 56 // Люйши Чуньцю (Весны и осени господина Люя) / Пер. Г.А. Ткаченко. М., 2001. С. 473.

3. Торчинов Е.А. Даосские практики. СПб., 2001.
4. Мартынов, А.С. Государственное и этическое в императорском Китае // Этика и ритуал в традиционном Китае. М., 1988. С. 274-298.
5. Кравцова, М.Е. Гэн цзи // Духовная культура Китая. Т.2. М., 2007. С. 429-431.
6. Ткаченко Г.А. «Весны и осени Люй Бувэя» как памятник древнекитайской философской прозы//Люйши Чуньцю (Весны и осени господина Люя) / Пер. Г.А. Ткаченко. М., 2001. С. 5-68.
7. Блинова, Е.А. Мин тан // Духовная культура Китая. Т.1. М., 2006. С. 342-343.
8. Лао-цзы. Дао дэ цзин (Трактат о Пути и Доблести) // Люйши Чуньцю (Весны и осени господина Люя) / Пер. Г.А. Ткаченко. М., 2001. С. 459-479.

EMPEROR'S PERSONALITY AS THE OBJECTIVATION OF THE UNIVERSE ORDER IN OFFICIAL IDEOLOGY AND DAOISM TRADITION

I. V. Belaya

*The Centre of the Sinological
Researches
The Amur State University*

*e-mail:
belaya-irina@rambler.ru*

The present article deals with the research of the evolution of the representations about the ritual forms of ordering of the world in the official ideology in the Ancient China. This based on the mythopoetical understanding of an image of the governor as the fighter with the forces of the chaos for the statement of the order has served as the basis and where the using of the rituals and ceremonies correspond to the natural processes and promote the harmonizations of the nature and a society.

Key words: philosophy, religion, rituals, ceremonies, China, Daoism, Confucianism, the doctrine of imperial authority, Huang-di, Yu, Lao-zi, Dao, De, ming-tang, geng-zi.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

УДК 342.732

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО СТАТУСА БЕЖЕНЦЕВ И ВЫНУЖДЕННЫХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ И ЭКОЛОГИЧЕСКИХ МИГРАНТОВ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

В. И. Евтушенко

*Белгородский
государственный
университет*

*e-mail:
77712@live.ru*

В статье проведен сравнительный анализ правового статуса беженцев и вынужденных переселенцев и экологических мигрантов и сделан вывод о необходимости их сближения либо путем внесения соответствующих изменений в Федеральные законы Российской Федерации «О вынужденных переселенцах» и «О беженцах», распространяющих действие указанных законов на экологических мигрантов, либо путем разработки на основе Закона Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» универсального законодательного акта, предусматривающего, в том числе, право на экологическую миграцию.

Ключевые слова: экологическая миграция, экологический мигрант, правовой статус, вынужденный мигрант, беженец, вынужденный переселенец.

Термин «экологическая миграция» с начала 1990-х г. получает всё большее признание, и, по ряду оценок, высказанных, например, на Всемирной конференции ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 1992), численность экологических мигрантов в 90-е гг. превысила численность «классических» беженцев, определяемых Конвенцией ООН 1951г. «О правовом статусе беженца» и Протоколом 1967 г. Поэтому вопросы конкретизации определения понятий «экологическая миграция», «экологический мигрант» становятся очень актуальными и все активнее обсуждаются юристами различных стран¹.

Наиболее часто в юридической литературе «экологическую миграцию» определяют как разновидность вынужденной миграции. Такое определение экологической ми-

¹ См., например: Булешева Д.Д. Экологическая миграция сегодня: проблемы и возможные решения // Управление персоналом (Москва). 2007. № 15. С. 56.; Костыря Е. А. Экология и миграция: проблемы правового регулирования // Экологическое право. 2006. № 2. С. 19.; Climate change is creating new refugees who deserve U.N. protection, says U.N. professor // ИТТ. 16.05.2007.

грации также все чаще звучит и на международных форумах, посвященных вопросам совершенствования правового регулирования международной миграции. Так, например, в докладе Глобальной комиссии по международной миграции дано следующее определение – «экологические мигранты – это люди, которые были вынуждены переселяться вследствие экологических катастроф»². И действительно, сравнительный анализ основных составляющих правового статуса экологического мигранта и вынужденного мигранта (беженца и вынужденного переселенца) позволяет выделить много общего.

Так, например, в обоих случаях причиной миграции населения являются вполне обоснованные опасения за свою жизнь и здоровье или жизнь и здоровье своих близких. Понятие «...в силу вполне обоснованных опасений...», являющееся одним из важнейших элементов определения беженца, означает, что человек испытывает субъективные опасения, и это состояние подкреплено объективной ситуацией. В качестве объективной ситуации вполне может рассматриваться и произошедшая экологическая катастрофа, и постепенное ухудшение экологической обстановки в месте постоянного проживания экологических мигрантов, и ситуация в стране исхода беженца или района проживания вынужденного переселенца, вызывающая боязнь «...стать жертвой преследований по признаку расы, вероисповедания, гражданства, национальности, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений»³.

Кроме того, рассматривая ситуацию с миграцией населения, связанной с техногенными и природными катаклизмами, и положения в странах массового исхода беженцев, можно сделать вывод об имеющем общие параметры усилении социальной напряженности в областях исхода мигрантов.

Социальная напряженность представляет собой некое состояние общественного сознания и поведения, ситуацию специфического восприятия и оценки действительности. Рассматривая данное понятие, обычно выделяют следующие виды социальной напряженности:

1. межличностная;
2. межгрупповая;
3. межнациональная;
4. глобальная напряженность в обществе.

Если первые три вида напряженности обычно приводят к появлению беженцев или вынужденных переселенцев, то глобальная напряженность, как правило, вызывается внешними, не связанными с конфликтной ситуацией в обществе, причинами. И, в случае, если внешняя причина – экологическая катастрофа или постепенное ухудшение в районе постоянного проживания экологической обстановки, это может вызвать в обществе общее усиление социальной напряженности, нарастание стрессовых ожиданий, подозрительного отношения к властям как на федеральном, так и на местном уровне, неуверенность в завтрашнем дне, и, как следствие, миграцию по экологическим причинам.

Социальная напряженность, являющаяся междисциплинарным понятием (термин «социальная напряженность» входит в категорийный аппарат социологии права, психологии, социальной философии, истории и политических наук) представляет собой «...эмоциональное состояние группы или общества в целом, вызванное давлением природной или социальной среды и продолжающееся, как правило, в течение более или менее длительного времени»⁴.

Но, несмотря на сходство в причинах, вызывающих миграцию, несмотря на эмоционально-психологическую и социальную близость ситуаций, при которых вынужденные (беженцы и вынужденные переселенцы) и экологические мигранты покидают места своего постоянного места жительства, наблюдается большое различие в правовом регулировании обоих видов миграции. В отличие от правового статуса беженца и вынужденного переселенца, которые детально проработаны как в российском законодательстве (в

² Миграция во взаимосвязанном мире: новые направления деятельности: Доклад Глобальной комиссии по международной миграции: Пер. с англ. М.: «Оргсервис-2000», 2006. С. 64.

³ Конвенция 1951 г. о статусе беженцев: Принята конференцией полномочных представителей 25.07.1951 г. // Действующее международное право: В 3 т. Т. 1. – М.: Издат. МНИМП, 1996.

⁴ Дмитриев А. В. Конфликтология: Учебное пособие. – М.: Гардарики, 2003. С. 105.

1993 г. приняты Федеральные законы Российской Федерации «О беженцах»⁵ и «О вынужденных переселенцах»⁶), так и в международном праве (основополагающими здесь являются подписанные более чем 130 государствами два документа, ключевые положения которых восприняты национальными законодательствами большинства стран мира – Конвенция ООН 1951 г. «О правовом статусе беженца» и Протокол 1967 г. к нему), правовой статус жертв экологических катастроф и экологических мигрантов ни в международном праве, ни в законодательстве Российской Федерации не определен. Лишь отдельные правовые нормы в различных законодательных актах Российской Федерации частично регулируют некоторые юридические аспекты данной проблемы.

К таким законодательным актам относятся, в первую очередь, Конституция Российской Федерации, статья 42 которой гарантирует каждому «...право на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением»⁷. Данные положения Конституции Российской Федерации получили свое развитие в ряде нормативных актов. Определяющими здесь являются Закон Российской Федерации «О безопасности»⁸, Федеральный закон Российской Федерации «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера»⁹, Федеральный закон Российской Федерации «О радиационной безопасности населения»¹⁰, ряд других нормативных актов, в том числе и региональных. Так, в Белгородской области принят Закон Белгородской области «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера»¹¹. В данных нормативных актах закреплены различные виды льгот проживающим в районах экологических бедствий, а также ликвидаторам, пострадавшим при устранении последствий произошедших экологических катастроф. Льготы, предусмотренные в данных нормативных актах, относятся, преимущественно, к категории социальных – на медицинское и пенсионное обеспечение, право на различного рода компенсации и другие материальные выплаты и т. д.

Еще одной группой нормативных актов, посвященных данной проблеме, является ряд законодательных актов России, посвященных ликвидации последствий конкретных аварий, нанесших особо крупный ущерб окружающей среде. К ним относятся Закон Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиа-

⁵ Федеральный закон Российской Федерации от 19 февраля 1993 г. №4528-1 «О беженцах» (в ред. Федеральных законов от 28.06.1997 № 95-ФЗ, от 21.07.1998 № 117-ФЗ, от 07.08.2000 № 122-ФЗ, от 07.11.2000 № 135-ФЗ, от 30.06.2003 № 85-ФЗ, от 29.06.2004 № 58-ФЗ, от 22.08.2004 №122-ФЗ, от 18.07.2006 №121-ФЗ, от 30.12.2006 №266-ФЗ, от 23.07.2008 №160-ФЗ) // Ведомости СНД и ВС РФ, 25.03.1993, №12, ст. 425.

⁶ Федеральный закон Российской Федерации от 19 февраля 1993 г. №4530-1 «О вынужденных переселенцах» (в ред. Федеральных законов от 20.12.1995 № 202-ФЗ, от 07.08.2000 № 122-ФЗ, от 22.08.2004 № 122-ФЗ, от 18.07.2006 № 121-ФЗ, от 23.07.2008 № 160-ФЗ, с изм. внесенными Постановлением Конституционного суда Российской Федерации от 21.11.2002 №15-П, Федеральными законами от 24.12.2002 №176-ФЗ, от 23.12.2003 №186-ФЗ) // Ведомости СНД и ВС РФ, 25.03.1993, №12, ст. 427.

⁷ Конституция Российской Федерации: Основной Закон Российской Федерации // Российская газета. – 1993. – 25 декабря.

⁸ Закон Российской Федерации от 05 марта 1992 г. №2446-1 «О безопасности» (в ред. Закона РФ от 25.12.1992 № 4235-1, Указа Президента РФ от 24.12.1993 № 2288, Федеральных законов от 25.07.2002 № 116-ФЗ, от 07.03.2005 № 15-ФЗ, от 25.07.2006 № 128-ФЗ, от 02.03.2007 № 24-ФЗ, от 26.06.2008 № 103-ФЗ) // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1992. №15.

⁹ Федеральный закон Российской Федерации от 21 декабря 1994 г. №68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» (в ред. Федеральных законов от 28.10.2002 № 129-ФЗ, от 22.08.2004 № 122-ФЗ, от 04.12.2006 N 206-ФЗ, от 18.12.2006 N 232-ФЗ, от 30.10.2007 № 241-ФЗ, от 30.12.2008 № 309-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 1994. №35. Ст. 3648.

¹⁰ Федеральный закон Российской Федерации от 09 января 1996 г. №3-ФЗ «О радиационной безопасности населения» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 3. Ст. 141.

¹¹ Закон Белгородской области от 23 сентября 1998 г. №41 «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» (в ред. Законов Белгородской области от 03.03.2006 №166// Сборник нормативных правовых актов Белгородской области. 1998. №10.

ции вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС»¹², Федеральный закон Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие ядерных испытаний на Семипалатинском полигоне»¹³ и Федеральный закон Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие аварии в 1957 году на производственном объединении «Маяк» и сбросов радиоактивных отходов в реку Теча»¹⁴.

Помимо льгот социального характера, в названных нормативных актах законодательно предусмотрено право на экологическую миграцию (без упоминания в тексте самого термина) – возможность переселения из районов, которым произошедшей аварией нанесен серьезный экологический урон, и дальнейшее проживание в которых опасно для жизни. В законах предусмотрено разделение зоны экологического бедствия на следующие районы в зависимости от степени опасности проживания и пребывания в них человека:

- зона отчуждения;
- зона отселения;
- зона с правом на отселение;
- зона проживания с льготным социально-экономическим статусом.

В качестве возмещения за утерянное жилье для граждан, проживавших в первых трех зонах и мигрировавших из них в принудительном или добровольном порядке предусмотрено право «...на возмещение вреда и меры социальной поддержки...».

В то же время, если рассматривать правовой статус беженца и вынужденного переселенца в том виде, в котором они зафиксированы в Российском законодательстве, можно сделать несколько конкретных выводов, которые должны быть учтены как направления дальнейшего совершенствования правового регулирования экологической миграции:

1. единообразный подход к беженцам и вынужденным переселенцам независимо от того, какой вид преследования и по какому признаку (расы, вероисповедания, гражданства, национальности, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений) послужил причиной вынужденной миграции с постоянного места жительства или места пребывания. Различия в правовом статусе прослеживаются только между беженцами и внутри перемещенными лицами. Последние не пересекали международную границу, и государство происхождения в силу верховенства своей власти над соответствующей территорией является единственным субъектом, осуществляющим юрисдикцию. Поэтому при всей схожести ситуаций беженцев и внутренне перемещенных лиц нахождение первых вне границ страны происхождения вносит принципиальное отличие в их статус. В России внутренне перемещенные лица получили наименование «вынужденные переселенцы». В отличие от беженцев, которым особый правовой статус не-

¹² Закон Российской Федерации от 15 мая 1991 г. №1244-1 «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» (в ред. Закона РФ от 18.06.1992 N 3061-1, Федеральных законов от 24.11.1995 N 179-ФЗ, от 11.12.1996 N 149-ФЗ, от 16.11.1997 N 144-ФЗ, от 17.04.1999 N 79-ФЗ, от 05.07.1999 N 127-ФЗ, от 07.08.2000 N 122-ФЗ (ред. 29.12.2001), от 12.02.2001 N 5-ФЗ, от 06.08.2001 N 110-ФЗ, от 25.07.2002 N 116-ФЗ, от 11.12.2002 N 168-ФЗ, от 23.10.2003 N 132-ФЗ, от 26.04.2004 N 31-ФЗ, от 22.08.2004 N 122-ФЗ (ред. 29.12.2004), от 02.02.2006 N 20-ФЗ, от 18.07.2006 N 112-ФЗ, от 05.12.2006 N 207-ФЗ, от 08.11.2007 N 258-ФЗ, от 01.03.2008 N 18-ФЗ, от 14.07.2008 N 110-ФЗ, от 23.07.2008 N 160-ФЗ, от 25.12.2008 N 281-ФЗ, с изм., внесенными Федеральными законами Российской Федерации от 26.11.1998 N 175-ФЗ, от 27.12.2000 N 150-ФЗ, от 30.12.2001 N 194-ФЗ, Постановлением Конституционного Суда РФ от 19.06.2002 N 11-П, Федеральными законами от 24.12.2002 N 176-ФЗ, от 23.12.2003 N 186-ФЗ) // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. №21. ст. 699.

¹³ Федеральный закон Российской Федерации от 10 января 2002 г. № 2-ФЗ «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие ядерных испытаний на Семипалатинском полигоне» (в ред. Федеральных законов от 17.03.2004 N 14-ФЗ, от 22.08.2004 N 122-ФЗ (ред. 29.12.2004), от 01.03.2008 N 18-ФЗ, от 14.07.2008 N 110-ФЗ, от 23.07.2008 N 160-ФЗ, от 25.12.2008 N 281-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 2002. №2. Ст. 128.

¹⁴ Федеральный закон Российской Федерации от 26 ноября 1998 г. №175-ФЗ «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие аварии в 1957 году на производственном объединении «Маяк» и сбросов радиоактивных отходов в реку Теча» (в ред. Федеральных законов от 07.08.2000 N 122-ФЗ (ред. 29.12.2001), от 22.08.2004 N 122-ФЗ (ред. 29.12.2004), от 23.07.2008 N 160-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 1998. №48. Ст. 5850.

обходим в силу того, что они утратили защиту собственной страны и вынуждены искать ее на территории чужого государства, вынужденные переселенцы не нуждаются в таком статусе, поскольку остаются на территории собственного государства, являются его гражданами, и поэтому обладают теми же правами, что и остальные граждане. Они нуждаются лишь в предоставлении дополнительных гарантий, облегчающих реализацию этих прав и обустройство в ситуации вынужденного перемещения;

2. четкость юридической проработки правового статуса беженца и вынужденного переселенца, т. е. всех правовых взаимоотношений, связывающих человека и государство, всех прав, обязанностей и гарантий для данной категории лиц. Это особенно важно, так как изменение правового статуса производится только законодательным путем, то есть не сам человек определяет свой статус, а государство через определение статуса задает физическому лицу исходную правовую позицию, законодательно закрепляя ее в конституции и иных нормативно-правовых актах.

Проведенный анализ показывает необходимость сближения правового статуса вынужденного (беженца и вынужденного переселенца) и экологического мигранта. При этом возможно два пути:

– внесение соответствующих изменений в Федеральные законы Российской Федерации «О вынужденных переселенцах» и «О беженцах», которые распространят действие указанных законов на экологических мигрантов – лиц, которые вынуждены покинуть места своего постоянного места жительства в силу вполне обоснованных опасений причинения вреда здоровью вследствие произошедшей экологической катастрофы либо вследствие постоянно ухудшающейся экологической обстановки. Такие изменения позволят распространить меры социальной защиты и помощи как на граждан Российской Федерации, так и на иностранных граждан, ищущих убежище от экологических катаклизмов на территории нашей страны;

– разработка на основе Закона Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС», как наиболее проработанном с точки зрения социальной защиты прав пострадавших при экологической катастрофе, универсального, не имеющего ни привязки к определенному виду экологических катастроф (радиационному, химическому и т. д.), не имеющего ни временной, ни территориальной привязки, законодательного акта, позволяющего распространить меры социальной защиты, и, в том числе, права на переселение по экологическим причинам и компенсацию за причиненный вред, на пострадавших от экологических и техногенных катастроф и катаклизмов различного рода.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: Основной Закон Российской Федерации // Российская газета. – 1993. – 25 декабря.
2. Федеральный закон Российской Федерации от 19 февраля 1993 г. №4528-1 «О беженцах» (в ред. Федеральных законов от 28.06.1997 № 95-ФЗ, от 21.07.1998 № 117-ФЗ, от 07.08.2000 № 122-ФЗ, от 07.11.2000 № 135-ФЗ, от 30.06.2003 № 85-ФЗ, от 29.06.2004 № 58-ФЗ, от 22.08.2004 №122-ФЗ, от 18.07.2006 №121-ФЗ, от 30.12.2006 №266-ФЗ, от 23.07.2008 №160-ФЗ) // Ведомости СНД и ВС РФ, 25.03.1993, №12, ст. 425.
3. Федеральный закон Российской Федерации от 19 февраля 1993 г. №4530-1 «О вынужденных переселенцах» (в ред. Федеральных законов от 20.12.1995 № 202-ФЗ, от 07.08.2000 № 122-ФЗ, от 22.08.2004 № 122-ФЗ, от 18.07.2006 № 121-ФЗ, от 23.07.2008 № 160-ФЗ, с изм. внесенными Постановлением Конституционного суда Российской Федерации от 21.11.2002 №15-П, Федеральными законами от 24.12.2002 №176-ФЗ, от 23.12.2003 №186-ФЗ) // Ведомости СНД и ВС РФ, 25.03.1993, №12, ст. 427.
4. Закон Российской Федерации от 05 марта 1992 г. №2446-1 «О безопасности» (в ред. Закона РФ от 25.12.1992 № 4235-1, Указа Президента РФ от 24.12.1993 № 2288, Федеральных законов от 25.07.2002 № 116-ФЗ, от 07.03.2005 № 15-ФЗ, от 25.07.2006 № 128-ФЗ, от 02.03.2007 № 24-ФЗ, от 26.06.2008 № 103-ФЗ) // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1992. №15.
5. Федеральный закон Российской Федерации от 21 декабря 1994 г. №68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» (в ред. Федеральных законов от 28.10.2002 № 129-ФЗ, от 22.08.2004 № 122-ФЗ, от

04.12.2006 N 206-ФЗ, от 18.12.2006 N 232-ФЗ, от 30.10.2007 N 241-ФЗ, от 30.12.2008 N 309-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 1994. N 35. Ст. 3648.

6. Федеральный закон Российской Федерации от 09 января 1996 г. N 3-ФЗ «О радиационной безопасности населения» // Собрание законодательства РФ. 1996. N 3. Ст. 141.

7. Закон Российской Федерации от 15 мая 1991 г. N 1244-1 «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» (в ред. Закона РФ от 18.06.1992 N 3061-1, Федеральных законов от 24.11.1995 N 179-ФЗ, от 11.12.1996 N 149-ФЗ, от 16.11.1997 N 144-ФЗ, от 17.04.1999 N 79-ФЗ, от 05.07.1999 N 127-ФЗ, от 07.08.2000 N 122-ФЗ (ред. 29.12.2001), от 12.02.2001 N 5-ФЗ, от 06.08.2001 N 110-ФЗ, от 25.07.2002 N 116-ФЗ, от 11.12.2002 N 168-ФЗ, от 23.10.2003 N 132-ФЗ, от 26.04.2004 N 31-ФЗ, от 22.08.2004 N 122-ФЗ (ред. 29.12.2004), от 02.02.2006 N 20-ФЗ, от 18.07.2006 N 112-ФЗ, от 05.12.2006 N 207-ФЗ, от 08.11.2007 N 258-ФЗ, от 01.03.2008 N 18-ФЗ, от 14.07.2008 N 110-ФЗ, от 23.07.2008 N 160-ФЗ, от 25.12.2008 N 281-ФЗ, с изм., внесенными Федеральными законами Российской Федерации от 26.11.1998 N 175-ФЗ, от 27.12.2000 N 150-ФЗ, от 30.12.2001 N 194-ФЗ, Постановлением Конституционного Суда РФ от 19.06.2002 N 11-П, Федеральными законами от 24.12.2002 N 176-ФЗ, от 23.12.2003 N 186-ФЗ) // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. N 21. ст. 699.

8. Федеральный закон Российской Федерации от 10 января 2002 г. N 2-ФЗ «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие ядерных испытаний на Семипалатинском полигоне» (в ред. Федеральных законов от 17.03.2004 N 14-ФЗ, от 22.08.2004 N 122-ФЗ (ред. 29.12.2004), от 01.03.2008 N 18-ФЗ, от 14.07.2008 N 110-ФЗ, от 23.07.2008 N 160-ФЗ, от 25.12.2008 N 281-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 2002. N 2. Ст. 128.

9. Федеральный закон Российской Федерации от 26 ноября 1998 г. N 175-ФЗ «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие аварии в 1957 году на производственном объединении «Маяк» и сбросов радиоактивных отходов в реку Теча» (в ред. Федеральных законов от 07.08.2000 N 122-ФЗ (ред. 29.12.2001), от 22.08.2004 N 122-ФЗ (ред. 29.12.2004), от 23.07.2008 N 160-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 1998. N 48. Ст. 5850.

10. Закон Белгородской области от 23 сентября 1998 г. N 41 «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» (в ред. Законов Белгородской области от 03.03.2006 N 166 // Сборник нормативных правовых актов Белгородской области. 1998. N 10.

11. Булешева Д.Д. Экологическая миграция сегодня: проблемы и возможные решения // Управление персоналом (Москва). 2007. N 15.

12. Костыря Е. А. Экология и миграция: проблемы правового регулирования // Экологическое право. 2006. N 2.

13. Climate change is creating new refugees who deserve U.N. protection, says U.N. professor // ИТТ. 16.05.2007.

14. Дмитриев А. В. Конфликтология: Учебное пособие. – М.: Гардарики, 2003. 320 с.

FEATURES OF LEGAL STATUS OF REFUGEES AND COMPELLED IMMIGRANTS AND ECOLOGICAL MIGRANTS: THE COMPARATIVE ANALYSIS

In article the comparative analysis of a legal status of refugees and the compelled immigrants and ecological migrants carried out and the conclusion about necessity of their rapprochement is made or by entering respective alterations into Federal laws of the Russian Federation «About the compelled immigrants» and « About refugees », the specified laws distributing action on ecological migrants, or by development on the basis of the Law of the Russian Federation «About social protection of the citizens, undergone to influence of radiation owing to accident on the Chernobyl atomic power station» the universal act providing, including, the right on ecological migration.

V. I. Evtushenko

*Belgorod State
University*

*e-mail:
77712@live.ru*

Key words: ecological migration, the ecological migrant, a legal status, the compelled migrant, the refugee, the compelled immigrant.

СООТНОШЕНИЕ АУДИО- И ВИДЕОЗАПИСЕЙ С ПИСЬМЕННЫМИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВАМИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

С. А. Короткий

*Институт государства
и права РАН*

*e-mail:
Korotkiy@list.ru*

В данной статье автором проводится анализ соотношения аудио-видеозаписей с письменными доказательствами в гражданском процессе. Аргументируется точка зрения о том, что они являются самостоятельными средствами доказывания в гражданском процессе. Каждое из них обладает определенными специфическими особенностями, позволяющими дифференцировать их между собой. Приводятся авторские определения как аудиозаписи, так и видеозаписи.

Ключевые слова: гражданский процесс, судебные доказательства, письменные доказательства, аудио- видеозаписи.

Статья 55 ГПК РФ 2002 года наряду с объяснениями сторон и третьих лиц, показаниями свидетелей, письменными и вещественными доказательствами, заключениями эксперта в качестве средств доказывания называет аудио- и видеозаписи. Причем аудио- и видеозаписи не просто названы в ГПК РФ, а последовательно рассматриваются именно как самостоятельные средства доказывания.

Несмотря на такой, в общем однозначный, подход к аудио- и видеозаписям в гражданском процессуальном законодательстве в теории гражданского процессуального права подход к аудио- и видеозаписям как доказательствам неоднозначный. Законодательное расширение перечня средств доказывания усилило дискуссии о правовой природе аудио- и видеозаписей и их месте в системе средств доказывания. Наряду с учеными, полагающими, что аудио- и видеозаписи следует рассматривать в качестве самостоятельных доказательств¹, есть и те, которые предлагают считать аудио- и видеозаписи разновидностью или вещественных², или письменных³ доказательств, что фактически и происходило до принятия ГПК РФ 2002 г.

Выявление особенностей аудио- и видеозаписей возможно путем сравнения существенных признаков этих доказательств с существенными признаками письменных и вещественных доказательств. Объем статьи позволяет остановиться лишь на сравнении аудио- и видеозаписей либо с письменными, либо с вещественными доказательствами. Автору представляется, что больший теоретический интерес представляет сравнение аудио- и видеозаписей с письменными доказательствами.

¹ См.: Стелов И.М. Обязанности по доказыванию при рассмотрении и разрешении гражданских дел: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к.ю.н. СПб, 2005. С. 6; Олегов М.Д. Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации // Под. ред. М.С. Шакарян. М., 2003. С. 185; Треушников М.К. Судебные доказательства. М., 2005. С. 260; Белых Ю.П. Судебное исследование аудиодокументов (процессуально-криминалистический аспект) // Эксперт-криминалист. 2006. № 4. С. 21-24; Бабаков В.А. О системе средств доказывания в гражданском процессе // материалы международной научно-практической конференции «Права человека: пути их реализации». Саратов, 1999. Ч. 1. С. 159-160; Боннер А.Т. Аудио- и видеозаписи как доказательство в гражданском и арбитражном процессе // Законодательство. М., 2008. № 3. С. 80; Решетникова И.В. Унификация доказывания – процесс неизбежный // Юрист. 2003. № 47. С. 31.

² Тихиня В.Г. Применение криминалистической тактики в гражданском процессе. Минск, 1976. С. 10-11; Вандышев В.В., Деркова Д.В. Гражданский процесс: курс лекций. СПб, 2001. С. 190; Галяшина Е.И., Галяшин В.Н. Фонограммы как доказательства по гражданским делам // Законы России: опыт, анализ, практика. 2007. № 1. С. 46.

³ Колосова М.В. Аудио- и видеозапись как разновидность письменного доказательства // Конституция Российской Федерации и современное законодательство: проблемы реализации и тенденции развития (К 10-летию Конституции России). Саратов, 2004. С. 73-75; Амерханова А.Р. Письменные доказательства в гражданском процессе. Дисс. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2007. С. 19; Лукьянова И.Н. Новые средства доказывания в арбитражном процессе // АПК и ГПК 2002 г.: сравнительный анализ и актуальные проблемы правоприменения. М., 2004. С. 302-303; Зайцев П.П. Допустимость в качестве судебных доказательств фактических данных, полученных с использованием электронных документов // Арбитражный и гражданский процесс. 2002. № 4. С. 20.

Существенные признаки любого понятия, с точки зрения логики, должны находить свое отражение, как правило, в определениях этих понятий.

ГПК РФ не имеет типового подхода к определению различных видов доказательств.

Определение письменных доказательств, содержащееся в ч. 1 ст. 71 ГПК РФ, не содержит никаких существенных признаков этого доказательства. Законодателем лишь указан широкий неисчерпывающий перечень видов документов, которые могут быть использованы участниками гражданского процесса в качестве письменных доказательств.

Подобный подход законодателя к понятию письменных доказательств приводит к невозможности сформулировать приемлемое для большинства ученых их научное понятие. В этой связи совершенно справедливо мнение И.Г. Медведева, в соответствии с которым «дать позитивное и конкретное определение понятию письменного доказательства в принципе невозможно, исходя из существенных отличий в юридической природе его различных видов»⁴.

Понятия аудио- и видеозаписей, раскрывающие их существенные признаки в процессуальном законодательстве отсутствуют. В научных трудах они также не сформулированы должным образом.

Таким образом, использование как законодательных, так и научных понятий сравнимых доказательств затруднительно, поскольку в них либо не содержатся существенные признаки, либо сами понятия отсутствуют вовсе. Вместе с тем, существенные признаки у письменных доказательств и аудио-, видеозаписей имеются, иначе вовсе невозможно было бы отличить другие виды доказательств от сравниваемых. Другое дело, что они не сведены в четкие понятия ни в законе, ни в науке.

Сравнивать существенные признаки аудио-, видеозаписей и письменных доказательств необходимо по каким-то критериям. Представляется, что в качестве таких критериев могут выступить существенные признаки родового для сравниваемых доказательств понятия, которым является понятие «судебное доказательство».

Несмотря на то, что понятию судебного доказательства в науке уделяется большое внимание, оно остается спорным, хотя нельзя не отметить преобладания в последнее время так называемого единого судебного доказательства, существенными признаками которого являются, во-первых, содержание, т.е. информация об искомых фактах (юридических, доказательственных), обладающая свойством относимости, во-вторых, процессуальная форма: носитель информации и способ ее доведения до суда, и, в-третьих, определенный процессуальный порядок получения и исследования доказательственной информации. Эти три составляющие характеризуют правовую природу судебных доказательств⁵.

Таким образом, возможно сравнение существенных признаков аудио- и видеозаписей с существенными признаками письменных доказательств, характеризующими содержание, процессуальную форму и процессуальный порядок получения и исследования этих доказательств.

Содержание судебного доказательства составляют сведения об обстоятельствах дела (информация), с помощью которых лица, участвующие в деле, обосновывают свои требования и возражения, и на основе которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела.

В науке преобладает мнение, что содержание письменных доказательств составляют мысли людей⁶, зафиксированные с помощью специальной знаковой системы (букв, цифр), объединенные в определенную систему, структуру⁷. Необходимым условием фор-

⁴ Медведев И.Г. Письменные доказательства в гражданском процессе России и Франции. Дисс. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2003. С. 128.

⁵ Треушников М.К. Судебные доказательства. М., 2005. С. 86-87; Коваленко А.Г. Комплексное исследование института доказывания в гражданском и арбитражном процессе: Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. СПб., 2003. С. 20.

⁶ См.: Коломыцев В.И. Письменные доказательства по гражданским делам. М., 1978. С. 10-11.

⁷ См. например: Гурвич М.А. Советский гражданский процесс. М., 1967. С. 180; Чечина Н.А., Чечот Д.М. Гражданский процесс. М., 1968. С. 196; Юдельсон К.С. Судебные доказательства в гражданском процессе. М., 1956. С. 194-195; Медведев И.Г. Письменные доказательства в гражданском процессе России и Франции: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2003. С. 5 и др.

мирования письменного доказательства выступает способность человека излагать свои мысли в письменной форме. Если знаки не выражают мысли – нет передачи информации, а значит, отсутствует и форма существования сведений о фактах⁸.

Появлению письменного доказательства всегда предшествует сначала восприятие человеком обстоятельств действительности, затем анализ этих обстоятельств, и только после этого фиксация своих выводов (мыслей) о воспринятых обстоятельствах, в той или иной письменной (графической) форме. То, какая в итоге информация будет закреплена, а какая не найдет отражения в письменном документе при его составлении, во многом зависит от личности составителя документа, его навыков, грамотности, способности выделять существенную информацию и исключать несущественную, т.е. определяется не поддающейся объективной оценке совокупностью субъективных характеристик и навыков человека, составляющего документ.

В отличие от письменных доказательств, содержание, а, следовательно, и достоверность аудио- и видеозаписей в меньшей степени зависят от того, кем осуществляется запись: лицом, заинтересованным в исходе дела, или нет. Техническое средство фиксирует все то, что попадает в объектив видеокамеры и (или) улавливается микрофоном звукозаписывающего устройства (диктофона). Какие бы мысли не возникали у осуществляющего запись лица в связи с фиксируемыми обстоятельствами, не эти мысли составляют основное содержание аудио- и (или) видеозаписи, хотя запись и может сопровождаться какими-то его пояснениями, комментариями. Техническое средство не может выразить «свое» отношение к информации им фиксируемой. Кроме того, аудио- и видеозаписи могут создаваться не только с участием человека, но и в автоматическом режиме без непосредственного его участия, что также свидетельствует в пользу ограниченного воздействия человека на содержание этих доказательств.

Аудиозаписи позволяют фиксировать любую информацию, которая может быть выражена в звуковой форме. Особое значение аудиозаписей с точки зрения их содержания состоит в возможности с их помощью фиксировать разговоры, предшествующие и сопровождающие действия (бездействия), и иные компоненты так называемого «звукового ряда» (выкрики, возгласы, музыка, иные сопутствующие звуки и шумы).

С помощью видеозаписи возможно запечатление любой визуальной информации, которая может как сопровождаться, так и не сопровождаться звуковой информацией. Использование видеозаписи позволяет точно зафиксировать и сохранить значительную часть информации о произошедшем действии.

Таким образом, в письменных доказательствах и аудио- и (или) видеозаписях используются разные выразительные средства для передачи сведений об обстоятельствах дела. В письменных доказательствах – это графические средства, в аудио- и видеозаписях – звук и изображение в динамике.

Представляет также интерес, какие конкретно сведения об обстоятельствах дела фиксируются с помощью письменных доказательств и аудио- или видеозаписей.

Законодательство связывает наступление правовых последствий с определенными юридическими фактами – действиями (бездействиями) и событиями.

В письменных доказательствах содержатся не сведения о действиях (бездействии), влекущих правовые последствия, а мысли лица, составляющего письменный документ, о результате этих действий (бездействия). Сведений о самих действиях, непосредственно предшествующих его результату, о том, как эти действия протекали во времени, в письменном доказательстве, как правило, не содержится. Так, например, тот или иной договор, составленный в письменной форме, не содержит сведений о том, как его стороны договаривались, в каких условиях, что при этом происходило, как и где договор был подписан сторонами и т.п. информации. Между тем, необходимо учитывать, что в ряде случаев законодательство связывает наступление правовых последствий с длящимися состояниями, фиксирование которых с помощью письменных доказательств затруднительно.

С помощью аудио- и видеозаписей возможно фиксирование не только самого результата действий (бездействия), но и собственно, информации о том, как это действие протекало во времени, а также обстановки, в которой происходило действие (бездей-

⁸ Амерханова А.Р. Письменные доказательства в гражданском процессе. Дисс. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2007. С. 20.

вия), и иные обстоятельства, сопровождавшие действие (бездействия) и предшествовавшие ему, наличие которых может поставить под сомнение его законность.

С помощью аудио- и видеозаписей информация фиксируется в динамике. При исследовании записей существует большая вероятность восстановить события, именно, в том виде и в той последовательности, в которой они имели место в действительности, настолько, насколько позволяют их зафиксировать технические средства. Особо следует учитывать, что восприятие видеозаписей, как и других изображений – это сложный психофизиологический процесс, связанный с определенными возможностями человека. Мозг перерабатывает зрительную информацию, согласовывает ее с информацией, получаемых от других органов чувств, и воссоздает представление о реально существующей трехмерной действительности⁹.

Использование аудио- и видеозаписей позволяет сохранить смысловое содержание, интонационные характеристики и нюансы устного изложения мыслей, фразеологические обороты, мимику, жесты, тон разговора, эмоциональное состояние человека, выразительность его речи, отношение говорящего к произносимым словам, фразам, действиям, реакция на присутствие иных лиц и их поведение и т.п. При воспроизведении аудио- и видеозаписей создается так называемый «эффект присутствия»¹⁰. Об этом же пишет и А.Т. Боннер, указывая, что, просмотрев видеозапись, особенно если она сделана на высоком техническом уровне, можно как бы стать очевидцем запечатленных на ней событий¹¹.

Таким образом, при исследовании аудио- и видеозаписей у суда и лиц, участвующих в деле, имеется возможность воспринимать сведения об обстоятельствах дела в объеме приближенном к тому, который бы эти лица воспринимали, окажись они непосредственными наблюдателями данных обстоятельств в то время, когда они имели место в реальной жизни.

Доказательственная информация не может существовать вне какого-либо материального носителя. В качестве носителя доказательственной информации могут выступать либо предметы материального мира, либо граждане (физические лица).

Ни для письменных доказательств, ни для аудио- и видеозаписей законом не установлен исчерпывающий перечень носителей доказательственной информации.

Так в соответствии с ч. 1 ст. 71 ГПК РФ письменными доказательствами являются документы и материалы, выполненные в форме цифровой, графической записи, в том числе полученные посредством факсимильной, электронной или другой связи либо иным позволяющим установить достоверность документа способом. Таким образом, законодателем не предусматривается какой-либо определенный перечень носителей письменных доказательств. Это могут быть бумага, пергамент, дерево и любые предметы материального мира, на которых человек может с помощью букв, цифр, графиков, чертежей, схем выразить какую-либо мысль.

В настоящее время с развитием технических средств письменное доказательство может существовать и в электронном виде, на специальных технических носителях, а именно: CD-дисках, флеш-картах, жестких дисках, дискетах и т.п. В этом случае воспринимать текст непосредственно с носителя невозможно. Необходимо использовать специальное техническое средство (компьютер), позволяющее сделать электронный документ человекочитаемым.

Перечень видов носителей аудио- и видеозаписей также как и в отношении письменных доказательств не ограничивается законодателем. Согласно ст. 77 ГПК РФ аудио- и видеозаписи могут быть представлены на электронном или ином носителе. Однако в отличие от письменных доказательств, использование любого предмета материального мира в качестве носителя аудио- и (или) видеозаписей невозможно. Аудио- и видеозаписи могут быть закреплены только на специальных носителях: CD-дисках (CD-R, CD-RW), DVD-дисках (DVD-R, DVD-RW), флеш-картах, жестких дисках компьютера и т.п.

⁹ Макаров И.В., Скоромников К.С. Видеоманитофонная запись – новый метод фиксации доказательств // Труды Высшей школы МВД СССР. М., 1972. Вып. 34. С. 140.

¹⁰ Морозов Б.Н. Требования к видеофиксации доказательств при расследовании преступлений // Вопросы совершенствования методики расследования преступлений. Ташкент, 1984. С. 118.

¹¹ Боннер А.Т. Аудио- и видеозаписи как доказательство в гражданском и арбитражном процессе // Законодательство. М., 2008. № 3. С. 83-84.

Одним из аргументов самостоятельности аудио- и видеозаписей как средств доказывания является то, что закрепление аудио- и видеозаписей возможно не на любом материальном носителе, а только на специально созданном для этого техническом носителе, воспроизведение которого возможно только с помощью специальных технических средств.

Справедливо подвергая сомнению данный аргумент, И.Н. Лукьянова указывает, что «письменные доказательства также [как видео-, аудиозаписи, фото- и кинодокументы – С.К.] сохраняются на предметах неживой природы: бумаге, пергаменте, дереве и на современных носителях информации (дискете, компакт-дисках, перфоленте и т.п.) в современном процессе оригинал электронного документа может быть воспроизведен в суде только с помощью технического средства-посредника, но электронный документ относится к письменным доказательствам, а не выделяется в самостоятельный вид документов»¹².

Действительно, аудио- и видеозаписи как и письменные доказательства могут быть зафиксированы на совершенно одинаковых с технической точки зрения (электронных) носителях информации. Однако это не дает, по мнению автора, достаточных оснований и для включения записей в число письменных доказательств.

При использовании ЭВМ для создания письменного документа обработка информации и получение результата в виде электронного или традиционного письменного документа на бумажном носителе, как правило, происходит автоматически. Результат машинной обработки информации, на первый взгляд не подконтрольный человеку и не зависящий от него, всецело зависит от той информации, которая первоначально будет заложена в машину именно человеком. Создание аудио- и видеозаписей, в принципе, невозможно без использования специальных технических средств (видеокамеры, диктофона), и их использование носит основополагающий характер. Использование же технических средств при создании письменного доказательства (документа) носит вспомогательный (для ускорения процесса создания документа, его наглядности, ускорения процессов обмена информацией и т.п.), а не определяющий характер и не влияет на определяющую роль человека в процессе его создания. Кроме того, для создания письменных доказательств и аудио- (или) видеозаписей используются принципиально разные технические средства. Для письменных доказательств – это, как правило, ЭВМ, для аудио- и видеозаписей – диктофон и видеокамера.

В каком бы виде ни существовало письменное доказательство всегда возможен его перевод без потери имеющей значение для дела информации из традиционной письменной формы в электронную и наоборот. Аудио- и видеозаписи могут существовать только на специальных технических носителях. И хотя содержание аудио- и видеозаписей может быть отражено в традиционной письменной форме, часть информации при такой ее перекодировке будет потеряна, а часть может быть искажена из-за субъективного восприятия человеком записи. В случае исследования письменных документов, в которых отражено содержание аудио- и видеозаписей, будет потеряна возможность восприятия судом и лицами, участвующими в деле, обстоятельств дела в динамике, что может привести к искажению имевших место в действительности обстоятельств.

Переходя к сравнению процессуального порядка исследования письменных доказательств и аудио-, видеозаписей, следует отметить, что под ним принято понимать совокупность процессуальных действий совершаемых во время судебного разбирательства судом и лицами, участвующими в деле, и направленных на изучение содержания доказательств и проверку правильности отражаемых ими фактов. Процессуальный порядок исследования доказательств, как правило, определяется процессуальным законом в зависимости от особенностей подлежащего исследованию доказательства, его предметной формы с учетом принципов процессуального права¹³.

Для каждого средства доказывания ГПК РФ устанавливает особый процессуальный порядок исследования.

¹² Лукьянова И.Н. Новые средства доказывания в арбитражном процессе // АПК и ГПК 2002 г.: сравнительный анализ и актуальные проблемы правоприменения. М., 2004. С. 302-303.

¹³ См.: Треушников М.К. Судебные доказательства. М., 2005. С. 238.

В соответствии со ст. 181 ГПК РФ письменные доказательства оглашаются в судебном заседании и предъявляются участникам гражданского процесса. После этого лица, участвующие в деле, могут дать объяснения.

Таким образом, для письменных доказательств предусмотрен такой способ доведения, содержащихся в них сведений, как оглашение, что на практике означает почтение судом вслух содержания документа, при котором происходит восприятие судом и лицами, участвующими в деле, информации, содержащейся в документе. В качестве письменных доказательств, помимо документов, содержание которых выражено в виде текста, могут использоваться и иные документы, содержание которых выражено в иной наглядной форме – графики, чертежи, эскизы, рисунки и т.п., оглашение которых также осуществляется в форме прочтения. Графики, чертежи и т.п. документы должны иметь хоть какие-нибудь письменные пояснения, дублирующие изображение на графике, схеме, чертеже. В случае отсутствия такого дублирования информации в традиционной письменной форме, идентификация сведений и установление относимости сведений, отраженных в схеме, чертеже, эскизе и других графических документах, представляются затруднительными.

Использование в качестве доказательств электронных документов не меняет их правовой природы, сути и принципов исследования и восприятия. Технические средства позволяют представить данные, содержащиеся в компьютере (ЭВМ), в понятном для человеческого восприятия виде (изображение на мониторе, распечатка на бумаге)¹⁴, т.е. сделать документ человекочитаемым. После чего электронный документ подлежит оглашению судом, как и все письменные доказательства. Только прочитываться вслух он будет не с традиционного бумажного носителя, а с экрана монитора.

Согласно ст. 185 ГПК РФ аудио- или видеозаписи воспроизводятся в зале заседания или ином специально оборудованном для этой цели помещении с указанием в протоколе судебного заседания признаков воспроизводящих источников доказательств и времени воспроизведения. После этого суд заслушивает объяснения лиц, участвующих в деле. В целях выяснения содержащихся в аудио- или видеозаписи сведений судом может быть привлечен специалист. В необходимых случаях суд может назначить экспертизу.

Таким образом, для аудио- и видеозаписей используется не оглашение, а иной способ извлечения сведений – воспроизведение. Почерпнуть доказательственную информацию путем прочтения традиционным способом аудио- и видеозаписей в принципе невозможно. Исследование аудио- и видеозаписей возможно только при помощи специальных технических средств, позволяющих воспроизводить именно те носители, на которых зафиксированы записи.

Возможность привлечения судом специалистов для исследования аудио- и (или) видеозаписей или назначения экспертизы носит общий для всех средств доказывания характер. Законодатель, по-видимому, понимая технические сложности, которые могут возникать при исследовании аудио- и видеозаписей, посчитал необходимым специально оговорить этот вопрос в ст. 185 ГПК РФ.

Таким образом, процессуальный порядок исследования аудио- и видеозаписей отличается от порядка исследования письменных доказательств. Эти отличия вызваны как спецификой самих сведений содержащихся в аудио- и видеозаписях, так и спецификой процесса закрепления сведений об обстоятельствах дела, невозможного без использования специальных технических средств.

При таких обстоятельствах, представляется, что аудио- и видеозаписи не следует рассматривать в качестве разновидности письменных доказательств.

Выявленные в проведенном сравнении особенности аудио- и видеозаписей позволяют автору сформулировать их понятия.

Под аудиозаписью (звукозаписью) как доказательством следует понимать зафиксированную с помощью специальных технических средств на материально-технических носителях информацию в виде непрерывного во времени сочетания звуков (динамической звуковой информации), отражающих имеющие значение для правильного рассмотрения и разрешения дела обстоятельства действительности, и полученную при соблюдении требований законодательства.

¹⁴ Семилетов С.И. Электронный документ как продукт технологического процесса документирования информации и объект правового регулирования // Государство и право. 2003. № 1. С. 96.

Под видеозаписью как доказательством следует понимать зафиксированную с помощью специальных технических средств на материально-технических носителях непрерывную во времени наглядно-образную (визуальную) информацию, отражающую имеющие значение для правильного рассмотрения и разрешения дела обстоятельства действительности, и полученную при соблюдении требований законодательства.

Список литературы

1. Стрелов И.М. Обязанности по доказыванию при рассмотрении и разрешении гражданских дел: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к.ю.н. СПб, 2005.
2. Олегов М.Д. Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации // Под. ред. М.С. Шакарян. М., 2003.
3. Треушников М.К. Судебные доказательства. М., 2005.
4. Белых Ю.П. Судебное исследование аудиодокументов (процессуально-криминалистический аспект) // Эксперт-криминалист. 2006. № 4. С. 21-24.
5. Бабаков В.А. О системе средств доказывания в гражданском процессе // материалы международной научно-практической конференции «Права человека: пути их реализации». Саратов, 1999. Ч. 1. С. 159-160.
6. Боннер А.Т. Аудио- и видеозаписи как доказательство в гражданском и арбитражном процессе // Законодательство. М., 2008. № 3. С. 80. Решетникова И.В. Унификация доказывания – процесс неизбежный // Юрист. 2003. № 47. С. 31.
7. Тихиня В.Г. Применение криминалистической тактики в гражданском процессе. Минск, 1976.
8. Вандышев В.В., Деркова Д.В. Гражданский процесс: курс лекций. СПб, 2001.
9. Галяшина Е.И., Галяшин В.Н. Фонограммы как доказательства по гражданским делам // Законы России: опыт, анализ, практика. 2007. № 1. С. 46.
10. Колосова М.В. Аудио- и видеозапись как разновидность письменного доказательства // Конституция Российской Федерации и современное законодательство: проблемы реализации и тенденции развития (К 10-летию Конституции России). Саратов, 2004.
11. Амерханова А.Р. Письменные доказательства в гражданском процессе. Дисс. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2007.
12. Медведев И.Г. Письменные доказательства в гражданском процессе России и Франции. Дисс. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2003.
13. Коваленко А.Г. Комплексное исследование института доказывания в гражданском и арбитражном процессе: Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. СПб., 2003.
14. Коломыщев В.И. Письменные доказательства по гражданским делам. М., 1978.

COMPARISON OF AUDIO- AND VIDEORECORDINGS WITH LITERAL PROOFS IN CIVIL PROCESS

S. A. Korotkiy

*Institute of the state
and the right of the Russian
Academy of Science*

*e-mail:
Korotkiy@list.ru*

In this article the author spends the analysis of a comparison of audio- and videorecordings with literal proofs in civil process. The point of view that they are independent proofs in civil process. Each of them possesses the certain specific features, allowing differentiating them among themselves. Author's definitions as audio records, and videorecordings are resulted.

Key words: civil process, judicial proofs, literal proofs, audio- videorecordings.

ОРГАНИЗАЦИЯ ВНУТРИКОМАНДНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КАК КООРДИНАЦИОННАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕХНОЛОГИЯ

А. А. Максуров

*Ярославский
государственный
университет
им. П.Г. Демидова*

*e-mail:
Maxurov78@yandex.ru*

В данной статье автором дается анализ организации внутрикомандного взаимодействия с целью повышения эффективности командной деятельности в сфере юридической практики. Выделяются основные типы совместной деятельности. Исследуются особенности персонала, действующего в разных типах взаимодействия.

Ключевые слова: координационная юридическая технология, эффективная команда в сфере юридической практики, тип совместной деятельности.

Только правильно скоординированная внутрикомандная деятельность может быть эффективной. *Эффективную команду* можно охарактеризовать общепринятыми критериями эффективности любой организационной структуры, однако есть специфические черты, присущие только команде. Различают эффективность с позиций профессиональной деятельности по проекту и организационно-психологического климата деятельности.

В профессиональном отношении эффективность — это, прежде всего, нацеленность всей команды на конечный результат, инициатива и творческий подход к решению задач. Высокая производительность и ориентированность на лучший вариант решения, активное и заинтересованное обсуждение возникающих проблем дополняют ее характеристику.

С позиций организационно-психологического климата эффективной можно назвать такую команду, в которой: неформальная атмосфера; задача хорошо понята и принимается; члены прислушиваются друг к другу; обсуждают задачи, в которых участвуют все члены; выражают как свои идеи, так и чувства; конфликты и разногласия присутствуют, но выражаются и центрируются вокруг идей и методов, а не личностей; группа осознает, **что** делает, решение основывается на согласии, а не на голосовании большинства.

При удовлетворении таких условий команда не только успешно выполняя свою миссию, но и удовлетворяет личные и межличностные потребности свои членов.

Модель процесса формирования команд включает описание характеристик задачи, рабочей структуры, индивидуальных характеристик, командных характеристик, командных процессов, процессов формирования команд, изменений в команде, командной деятельности, индивидуальных изменений.

Непосредственный результат на выходе – реализованный проект с запланированными характеристиками как показатель командной деятельности. Существуют также и другие внутрикомандные результаты, к которым могут быть отнесены командные изменения (например, появление новых норм) и индивидуальные изменения (например, приобретение новых знаний, умений, навыков), которые в свою очередь могут влиять на улучшение командной деятельности.

Основными причинами низкой эффективности командной деятельности по мнению практиков, полученных методом анкетирования 120 работников органов государственной власти и местного самоуправления, а также методом экспертных оценок являются: нехватка открытости и конфронтация в команде; неконструктивные взаимоотношения с руководством организации; отсутствие необходимых ресурсов.

Осуществляя подбор и расстановку кадров целесообразно использовать принцип «дополнения»: чтобы слабости одних компенсировались достоинствами других и наоборот. Практический опыт подтверждает наибольшую эффективность команд, включающих лиц разного возраста, пола и темперамента.

Планирование деятельности команды проекта.

В ходе планирования деятельности команды руководитель-координатор (по существу, проект-менеджер) должен четко сформулировать целевые установки, обеспе-

читать согласованность в работе всех функциональных секторов команды для эффективного использования выделенных на проект ресурсов. Для этого целесообразно привлекать членов команды к обсуждению любых трудностей и преград на пути к эффективной работе, анализировать и учитывать различные мнения.

Проект-менеджер должен не только формировать сплоченную, работоспособную, с высокой отдачей команду, планировать ее деятельность, контактировать и срабатываться с подчиненными, но и устанавливать хорошие рабочие взаимоотношения с вышестоящими руководителями, обеспечивая их информацией о ходе работ по проекту, создавая благоприятный имидж проекта.

На практике существуют три основных элемента для повышения эффективности труда менеджера проекта.

Эффективные менеджеры проекта должны: знать, на что они расходуют свое время (умение контролировать свое время является важнейшим элементом производительной работы); концентрироваться не на выполнение работы как таковой, а на конечный результат; строить свою деятельность на преимущественных, сильных качествах, как собственных, так и членов команды, а также обязаны отыскивать положительные моменты в конкретных ситуациях.

Эффективные координаторы концентрируют свое внимание на нескольких важнейших участках, что в исполнении поставленных заданий принесет наиболее ощутимые результаты. Они должны научиться устанавливать приоритетные направления работ в их выполнении. Наконец, эффективные координаторы должны принимать эффективные решения.

Все указанное достигается также с помощью своеобразных внутрикомандных координационных технологий. В общем смысле технология — способ преобразования исходных ресурсов в широком смысле в итоговые результаты, являющиеся целью деятельности команды — в результат проекта. Технология, подлежащая применению, во многом обусловлена типом совместной деятельности (типом организации команды).

Тип совместной деятельности — способ взаимодействия в рамках коллективного труда, способ организации коллективного труда.

Совместно-взаимодействующий тип характеризуется обязательностью участия каждого в решении общей задачи, интенсивность труда исполнителей примерно одинакова, особенности их деятельности определяются руководителем и, как правило, мало изменчивы. Эффективность общей деятельности в равной степени зависит от труда каждого из участников.

Иллюстрацией такого варианта организации совместной деятельности может послужить совместное ведение баз данных, взаимообмен информационными ресурсами в рамках координационного процесса и т.п.

Совместно-последовательный тип отличается от совместно индивидуального временным распределением, а также порядка участия каждого в работе. Последовательность предполагает, что вначале в работу включается один участник, затем — второй, третий и т. д. Особенности деятельности каждого участника задаются спецификой целей преобразования средства в результат, характерных именно для этого участка технологического процесса.

Так, например, при расследовании преступления следственно-оперативной группой кто-то осуществляет качественный длительный осмотр места преступления, кто-то одновременно осуществляет поквартирный обход, допрос свидетелей, затем изъятые образцы подвергаются экспертному исследованию, по результатам которого возможно вновь вернуться к допросу свидетелей, но уже с уточненными вопросами, проводить повторный осмотр места происшествия, но уже с большей конкретизацией области поиска и описания и т.п.

Совместно-индивидуальный тип деятельности отличается тем, что взаимодействие между участниками труда минимизируется. Каждый из исполнителей выполняет свой объем работы, специфика деятельности задается индивидуальными особенностями и профессиональной позицией каждого. Каждый из участников процесса представляет результат труда в оговоренном виде и в определенное место.

Личное непосредственное взаимодействие может практически отсутствовать и осуществляться в непрямых формах (например, через современные средства связи (теле-

фон, компьютерные сети и т. д.). Объединяет разных исполнителей лишь предмет труда, который каждый из участников обрабатывает специфическим образом.

В последнее время стали выделять особый тип совместной деятельности — *совместно-творческий*. Подобный тип организации коллективной деятельности зародился в сферах науки и искусства, где участники научного или творческого проекта *создавали нечто совершенно новое, зачастую уникальное, что нельзя было создать по имеющимся правилам и технологиям*. В этих коллективах создается особый тип деятельности — сотрудничество, когда каждый участник процесса является равноправным создателем нового. Этот тип характеризуется особой активностью каждого из участников процесса взаимодействия, а именно: активностью в плане повышения собственной профессиональной компетентности за счет участия в коллективной деятельности.

Представляется, что именно такой тип внутрикомандного взаимодействия более всего сегодня востребован в координационной юридической практике.

Особенность участия каждого в совместно-творческом типе деятельности заключается еще и в том, что члены такого коллектива получают возможность работать в совершенно разных профессиональных позициях и выполнять различные коллективные роли в зависимости от того, какая задача сейчас стоит перед группой. Поэтому данные группы обычно обладают высокой гибкостью, изменчивостью и состава, и внутренней структуры, в зависимости от поставленных задач и условий их выполнения.

Пример такого типа деятельности — работа творческих коллективов, в которых каждому дается полная возможность собственного самовыражения и тем не менее достигается цель группы в целом — создание нового, культурно ценного произведения или продукта.

Особенности персонала, действующего в разных типах взаимодействия. Для людей, работающих в ситуации совместно взаимодействующей деятельности, характерны высокая ориентация на коллективные цели, приверженность авторитету лидера, ориентация на групповую нравственность (нормы и ценности), а также традиционные способы поведения. Для участника организации с подобным типом технологии характерна высокая приверженность к группе, и самым тяжким наказанием будет изгнание из группы себе подобных.

Для сотрудников организации с *совместно последовательным* типом деятельности характерны высокая технологическая дисциплинированность, следование нормам и правилам, сформулированным в инструкциях, положениях и других нормативных документах.

Для участников процесса *совместно-индивидуальной* деятельности характерны высокая инициативность, пассионарность, ориентация на результат и индивидуальные достижения. Такие специалисты во главу угла ставят свои собственные цели и ценности, склонны самостоятельно разрабатывать способы достижения цели и способны эффективно действовать в ситуации внутриорганизационной конкурентности.

Участникам *совместно-творческой* деятельности свойственна ориентация на профессиональное развитие. Участники совместно-творческого типа деятельности обладают ярко выраженной ориентацией на сотрудничество со специалистами разных областей, гибкостью смены позиций, ориентацией на индивидуальное развитие. Для коллективов, работающих в таком типе деятельности, основной ценностью становится достижение нового знания, создание условий для индивидуального развития, уважение прав каждого.

В этой связи полагаем, что особое внимание здесь нужно уделять организационной культуре команды.

Организационная культура — интегральная характеристика команды проекта, как организационной структуры, включающая такие элементы, как система ценностей, образцы поведения, способы оценки результатов, типы управления.

Команда проекта — организационная структура выступает как единый организм и объект управленческой деятельности. Организационная культура является мощным стратегическим инструментом, позволяющим ориентировать команду проекта на общие цели и результаты.

В состав организационной культуры входят: осознание своего места в команде; ценности и нормы поведения; обычаи деловой практики деятельности; коммуникацион-

ная система и культура общения; критерии и правила полномочий и ответственности, статуса и власти; правила неформальных отношений; сложившиеся в команде привычки и традиции; взаимоотношения между людьми; трудовая и деловая этика.

THE ORGANIZATION OF INTRACOMMAND INTERACTION AS COORDINATION LEGAL TECHNOLOGY

A. A. Maksurov

*Yaroslavl Demidov State
University*

*e-mail:
Maxurov78@yandex.ru*

In given article the author gives the analysis of the organization of intracommand interaction with the purpose of increase of efficiency of command activity in sphere of legal practice. The basic types of joint activity are allocated. Features of the personnel working in different types of interaction are investigated.

Key words: coordination legal technology, an effective command in sphere of legal practice, type of joint activity.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И ОПАСНОСТЬ ТЕРРОРИЗМА ДЛЯ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ФЕДЕРАЛИЗМА

Н. Н. Олейник

*Белгородский
государственный
университет*

*e-mail:
Oleinik@bsu.edu.ru*

В статье раскрываются причины возникновения терроризма в мире и России, дается характеристика основных его видов. Особое внимание уделяется анализу религиозного экстремизма, его опасности для развития современного российского федерализма. На основании проведенного изучения проблемы автором выдвигается ряд предложений, реализация которых могла бы помочь в успешной борьбе с терроризмом в Российской Федерации.

Ключевые слова: российский федерализм, опасность терроризма, борьба с терроризмом.

Начало третьего тысячелетия нашей эры ознаменовалось невиданным всплеском терроризма, который получил широкое распространение во многих странах мира. Растет число источников терроризма, он приобретает все больше политический характер. Методы и практика современного терроризма представляют собой грубое нарушение законов и морали, препятствуют международному сотрудничеству, ведут к подрыву уважения к правам и свободам человека и гражданина и в целом к демократическим основам любого государства¹.

К сожалению, политический терроризм затронул и Российскую Федерацию. Поэтому проблема терроризма стала предметом пристального внимания со стороны, как государственных органов, так и многих исследовательских учреждений, ученых различных обществоведческих наук. Так в феврале 1994 года Совет Безопасности РФ принял решение активизировать научно-исследовательскую работу по этой теме. В 1995-1996 году состоялись парламентские слушания по этой проблематике. В январе 1997 г. была образована Межведомственная антитеррористическая комиссия при Правительстве РФ по организации противодействия любым формам экстремизма и терроризма².

Особенно усиливается эта работа с 2000 года когда Президентом Российской Федерации был избран В.В. Путин. Для борьбы с любыми проявлениями терроризма были разработаны целый ряд важнейших документов в том числе: Концепция национальной безопасности, новая Военная доктрина, Доктрина информационной национальной безопасности, Концепция государственной национальной безопасности. На основе названных документов было принято большое число законодательных и других нормативно-правовых актов³. Проблемы связанные с любыми проявлениями терроризма и экстремизма начали активно обсуждаться. По специально созданных научно-теоретических и научно-практических конференциях, большинство которых проводится в системе МВД РФ, других заинтересованных министерств и ведомств.

В результате обстоятельного исследования феномена политического терроризма, появилось значительное число научных работ. В них убедительно раскрывается угроза государственной безопасности страны, которая исходит со стороны политического и других видов экстремизма. В целом ряде работ показано, что деятельность различных экстремистских групп, которые находятся и действуют на территории России активно фи-

¹ Криминология. Учебник для вузов. /Под. общ. ред. А.И. Долговой. Изд. 2, перер. и до-
раб. – М., 2002. – С. 640-648.

² Там же. – С. 658.

³ Программа государств-участников Содружества Независимых Государств по борьбе с ме-
ждународным терроризмом и иными проявлениями экстремизма от 21.06.2000 г. // Действующее
международное право в 3-х томах / Сост. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова Т. 3. – М. 1999. – С. 72-74;
Федеральный закон Российской Федерации «О борьбе с терроризмом» от 25.07.2002г. № 130-ФС //
Собрание Законодательства Российской Федерации. – 1998.- № 31. Ст. 3808.

нансируются разными международными террористическими организациями, и последние тем самым стремятся влиять на политическую жизнь в России, ее международную деятельность.

Таким образом, для Российской Федерации проблема терроризма имеет как внутренне так и внешне – политическое значение. Большое внимание уделяется изучению и анализу исторических, социальных, религиозных, этнических и других факторов⁴.

С целью разработки более глубоких и конкретно-практических рекомендаций против любых проявлений терроризма она разделяется в основном на три вида: политический, национальный и религиозный. Последний вид является наиболее опасным, поскольку он основывается на религиозном фанатизме. В этом случае террористы используют насилие в целях, которые якобы определены Всевышним. При этом объекты их нападений в большинстве различны и географически и этнически и социально. Часто они хотят добиться немедленных и кардинальных изменений, причем на глобальном уровне. Их враги все кто не является членом их организаций и не исповедуют их религии.

На этой основе возникло значительное число непримиримых к любой иной точке зрения различных религиозных сект, по своему устройству тоталитарных. Среди них выделяются Аум Синрике, Храм Народов, Движение Давида, Раджний и другие. Они активно начали заявлять о себе. 20 марта 1995 г. в токийском метро в результате распыления боевого отравляющего газа зарина, погибло 11 человек и получило серьезные отравления 5,5 тыс. людей. Ответственность за это преступление взяла на себя религиозная секта Аун Синрике, приверженцев которой только в России насчитывается около 40 тыс. человек. Серьезного объяснения такого варварского поступка мир так и не получил. Загадочным является суицидальное сектантство Храма Народов пастора Джима Джонса. В 1978 г. более 1000 членов этой секты, которые выехали в Гвиану, принудительно закончили свою жизнь массовым самоубийством. Секта Давида Кориша в 1992 г. сгорела живьем в огне ранчо в Уско после попытки полицейских США штурмом овладеть им.

От религиозно-психологического терроризма который не преследует политических целей необходимо отличать религиозно-политический терроризм, который проявляет ярко выраженное политическое содержание. В этом случае терроризм как форма религиозного экстремизма представляет собой не столько религиозный, сколько политический феномен, когда религиозные чувства превращаются в политический инструмент, которым начинают пользоваться самые разные политические силы в том числе и светские.

В то же время на уровне обыденного сознания, сложились стойкие представления о том, что именно религиозный характер является доминантой современного политического терроризма. Такой стереотип, например, сложился в отношении многих известных конфликтов, которые имели место в 20 в.: армяно-турецкого, англо-ирландского, арабо-израильского, юго-славянского, армяно-азербайджанского, грузино-абхазского, грузино-южноосетинского, чеченского и других⁵.

Так же необходимо отметить, что если раннее кризисные ситуации в мире, в частности холодная война, возникали как противостояние общественных систем, то сегодня обязательно надо учитывать религиозный компонент общественной жизни как особую общественную подсистему, которая имеет внутренние глубинные скрытые от непосредственного наблюдения существующих реалий предпосылки которые тесно связаны с теми или иными социальными движениями, партий, организаций.

Таким образом, следует по нашему мнению, отметить, что общественное развитие в XXI в. во многом зависит от того, удастся ли не допустить нового разделения мира, теперь уже по цивилизационно-конфессиональному принципу. Дело в том, что например, в США сегодня живут более шести миллионов человек, которые исповедуют ислам. И се-

⁴ Кожушко Е.П. Современный терроризм: Анализ основных направлений. – Минск, 2000.; Устинов В.В. Экстремизм и терроризм: проблемы разграничения и классификации // Российская юстиция. – 2002. – №5. – С. 29; Устинов В.В. Государственная анти террористическая стратегия: общая концепция и правовые аспекты // Государство и право. – 2003. – №3. – С. 43.

⁵ Авдеев Ю.И. Терроризм как социально-политическое явление. // Современный терроризм: состояние и перспективы / Под ред. Степанова Е.И. – М., 2000 г. – С. 36-54; Кожушко Е.П. Современный терроризм: Анализ основных направлений. – Минск, 2000.; Краснов М. Политический экстремизм угроза государственности // Российская юстиция. – 1999. – №4. – С. 4.

годня уже в этой стране эта религия является одной из ведущих конфессий, число приверженцев которой продолжает быстро расти.

В европейских странах в целом проживают десятки миллионов мусульман. Многие из них эмигрировали с Турции, Албании, Северной Африки, Сирии, Ливана, Пакистана, Индии, Индонезии, Малазии, Филиппин и других мусульманских государств. И число приверженцев ислама на европейском континенте продолжает расти.

Растет в целом население практически всех мусульманских стран. В некоторых из них ислам законодательно является господствующей религией, которая во многом определяет их общественную жизнь, внутреннюю и внешнюю политику, проводимую этими государствами.

На территории России так же есть регионы с компактным мусульманским населением, где проживает более двадцати миллионов человек. Поэтому, утверждения, которые имеют место в отдельных средствах массовой печати, что в целом это агрессивная, воинственная религия, и что агрессивность исламского мира растет, будет, по-нашему мнению, содействовать разделу страны по конфессиональному признаку и нанесет удар в первую очередь по российскому федерализму.

Важно отметить, что сама перспектива такого разделения, любое движение в этом направлении создает благоприятные условия для роста сепаратизма, одной из наиболее опасных болезней современной цивилизации. Отметим, что сепаратизм, не всегда включает насильственный компонент, поскольку политический процесс, целью которого является создание собственного государственного образования не всегда сопровождается каким-либо насилием. Однако сегодня сепаратизм является одной из наиболее опасных тенденций, которая в целом препятствует стабильному развитию в мире. Действительно сегодня в составе 150 многонациональных государств насчитывается две с половиной тысячи национальных этнических групп. В случае реализации права этих национальных или этнических групп выделиться и создать самостоятельные государства, международные отношения погрузятся в невиданный хаос⁶.

Важно отметить что право на самоопределение не должно входить в противоречие с защитой принципа территориальной целостности любого государства. создание новых государств возможно лишь при условии когда получено согласие двух сторон на это. Если нет согласия в этом вопросе, то единый путь решения национального вопроса это создание автономного образования в рамках сохраняющегося государства. Такая автономия должна дать нации или этносу, что определяется широкие права в социально-экономической, политической и культурной сферах.

Однако та часть национальной элиты, которая стремится решить национальную проблему используя политический терроризм активно стремится привлечь на свою сторону этнически и конфессионально близкие народы, финансовые и политические круги других государств.

Северный Кавказ и Средняя Азия стали компонентами так называемого ваххабистского полумесяца в центре которого Каспийское море с его запасами нефти и газа. Конкретные финансовые, политические и геополитические интересы стали причинами ваххабистского похода на север. В этих же интересах проводится ваххабистская экспансия в республиках Северного Кавказа: Чечне, Ингушетии, Дагестане, Кабардино-Черкаской республике.

Главной задачей международных террористических организаций продолжает оставаться ослабление влияния России на Северном Кавказе и в государствах Северной Азии. Сегодня мы являемся свидетелями попыток на территории постсоветского пространства, особенно в регионах, где в основном проживает мусульманское население расширения нетрадиционных и далеких от ценностей ислама идей вахибизма.

Само это религиозно-политическое течение возникло в суннитском исламе в Аравии в XVIII в. (1730 г.) на основе учения Мохаммеда Ибн Абдаль-Вахиби, который проповедовал необходимость строгого соблюдения мусульманских правил, отказа от поклонения святым и святым местам, очищение ислама от поздних наслоений и нововведений, возврат к первоначальной чистоте⁷.

⁶ Примаков Е. Война с исламом может расколоть Россию // Этносфера. – 2002. – №11 – С. 3-4.

⁷ Гончаров С. Актуальные проблемы борьбы с терроризмом // Мировое сообщество против глобализации преступности и терроризма. – М., 2002, – С. 7-9; Кожушко Е.П. Современный терроризм: Анализ основных направлений. – Минск, 2000.-С. 40-72; Краснов М. Политический экстремизм угроза государственности // Российская юстиция. – 1999. – №4. – С. 4.

Около 1770 г. в Надежде (Аравия) было создано государство ваххабитов, которое в начале XIX столетия разграбило шиитские святыни, потом была захвачена Мекка. В ней были уничтожены мечети. После захвата Медины ваххабиты осуществили надругательство над могилой пророка Мохаммеда. Как уже отмечалось для ваххабизма были характерны призывы к возвращению к первоначальному исламскому пуританству и как результат гонения на разбогатевших мусульман. За это некоторые исследователи называли их коммунистами в исламе⁸.

Ваххабиты были остановлены и разгромлены в 1811 году египетским правителем Мохаммедом Али, но вскоре вновь восстановили свое государство. В настоящее время ваххабизм стремится привлечь на свою сторону верующих в ислам идеями доброты и осмотристости, социальной гармонии, братства всех мусульман.

В России ваххабизм стремится влиять на общественно-политические процессы не только в республиках Северного Кавказа, а и всей Федерации.

Необходимо учитывать, что экстремизм родился в лоне ислама, не как результат природного его развития, а в ходе возникновения и деятельности ряда исламских сект. Особенно важно различать исламский фундаментализм, религиозный экстремизм и терроризм. Первый как и любой другой религиозный фундаментализм выступает за религиозное воспитание, соблюдение религиозных традиций в быту. Второй и третий ставит своей целью расширение силой религиозной модели государства, религиозных правил поведения в обществе и семье.

Значительную помощь религиозному экстремизму и терроризму в укреплении его на Северном Кавказе оказывает международная террористическая сеть. Так на протяжении многих лет благотворительный фонд Боневоленс, что имел связь с Аль-Каидой обманывая своих спонсоров направлял средства в Чечню на финансирование боевиков – ваххабитов.

Ваххабиты активно работают с молодежью, которая выросла в условиях идейного вакуума. Возникшая идеологическая ниша в умах молодых людей начала заполняться религиозными идеями благожелательных эмиссаров. К сожалению активно работают с молодыми людьми представители и многих других нетрадиционных для России религиозных сект.

Второй аспект проблемы заключается в том, что эмиссары ваххабизма стремятся к разжиганию религиозной розни не только между представителями христианской и исламской конфессий, но и внутри мусульман.

Целью ваххабизма является желание свергнуть существующие в республиках Северного Кавказа, других субъектах России светские режимы и ликвидировать представителей других этнических групп ордоксальной исламской веры. События в Чечне, Ингушетии, Дагестане подтверждают это⁹.

Деятельность ваххабитов, других террористических организаций в массовом сознании россиян сформировали представление, что основой политического терроризма непосредственно является ислам. Содействует этому и наличие значительного количества разных по размеру террористических организаций в названии которых присутствуют слова исламский, мусульманский.

Этому служит и провозглашенная цель исламских фундаменталистов создание теократических государств, которые руководствуются законами шариата.

Термины исламский терроризм, исламский экстремизм с одной стороны вызывают возмущение всего исламского мира. С другой стороны террористическая деятельность под исламскими лозунгами объективно содействует разрушению исламского религиозного комплекса, потери исламом позитивного содержания.

Подводя итоги вышеизложенного можно сделать следующие выводы. К сожалению ни политическая элита ни общество в целом как обнаружилось не были готовыми в достаточной мере брать во внимание полиэтничский и поликонфессиональный характер Российского государства. В связи с этим, по мнению автора необходимо учитывать следующие новые реалии:

⁸ Ислам. Краткий справочник. – М., 1998. – С. 42-92.

⁹ Религия и проблемы национальной безопасности // Безопасность Евразии. – 2002. – №1. – С. 53.

1. В эскалации конфликта, который противопоставляет христиан и мусульман, заинтересованные политические силы. Они стремятся к их взаимному ослаблению. И это никак не связано с религиозным выбором.

2. Разжигание внутренних конфликтов между экстремистским и традиционным исламом, ведет к ослаблению в целом исламского мира.

3. Лидеры религиозных экстремистских террористических организаций преследуют не религиозные а политические цели и религия выступает как:

- Идеологическое прикрытие;
- Мобилизующий фактор для достижения определенных политических целей.

4. Основой политического терроризма выступает не или иная религия, а соединение религиозного радикализма с национализмом и сепаратизмом.

Политический терроризм имеет место не только в России, но и на международной арене. Он заявил о себе на глобальном уровне. Это по сути начало не объявленной мировой войны. Ее инициаторы используют религиозные чувства как инструмент влияния на психологию человека, для решения политических проблем, для реализации своих корыстных интересов.

Для того чтоб успешно бороться с терроризмом в России необходимо решить целый ряд задач.

Во-первых, более четко определить само понятие терроризм. Отметим, что это сделать не легко. Объясняется это тем, что терроризм представляет собой сложное многомерное явление. Кроме правовых он касается целого ряда других проблем: исторических, социальных, этнических, религиозных, психологических, технологических и др. Это и объясняет причину того, почему мировому сообществу до настоящего времени не удалось разработать общепринятое в мире юридическое определение терроризма.

На наш взгляд, юридически-правовое понятие терроризма должно быть уже философского и социально-политического и главным в его содержании должны быть: оценка насилия, анализ целей, характеристика возможных субъектов и оценка его последствий.

Во-вторых, мы разделяем мнение отдельных ученых (например А.И. Долговой, В.П. Емельяновой, А.Е. Жанинского и др.)¹⁰, которые считают, что необходимо уточнить уголовно-правовое понятие терроризма в действующем Уголовном кодексе РФ. При этом терроризм можно определить лишь с помощью четкого установления системы признаков, которые в своем неразрывном единстве охватывают его специфику.

В-третьих, необходимо разработать грамотную превентивную политику по предупреждению и борьбе с терроризмом. Предупреждение должно заключаться в выявлении, ликвидации, нейтрализации, локализации и минимизации влияния тех факторов, которые порождают терроризм или содействуют ему. Профилактика терроризма должна осуществляться до наступления уголовной стадии развития негативных процессов, то есть на этапе когда формируется мотивация противоправного поведения.

Для противодействия терроризму, в основе которого лежит религиозный фанатизм, необходимо проведение массовой разъяснительной работы среди населения с привлечением специалистов в области теологии, обществоведения, психологии, юриспруденции, средств массовой информации особенно электронных.

В-четвертых, необходимо дальнейшее проведение научных исследований по проблемам терроризма, с учетом современных тенденций развития мирового сообщества, что существуют в данное время и влияют на его развитие. При этом необходимо привлекать к деятельности специалистов разных отраслей знания: юристов, политологов, психологов, медиков, педагогов, философов, историков и др.

Целесообразно было бы разработать универсальные принципы проведения контртеррористических операций, которые детально регламентировали бы порядок освещения бы в средствах массовой информации ситуаций, связанных с актами терроризма, рассмотреть вопрос о создании единого банка данных о проявлении его разных форм.

В-пятых, особое внимание необходимо обратить на сотрудничество силовых ведомств (ФСБ, МВД, Генеральная Прокуратура России и др.), которые занимаются борьбой

¹⁰ Долгова А.И. Преступность в России и криминологические проблемы власти // Власть: криминологические и правовые проблемы. – М., 2000. – С. 20-45; Емельянов В.П. Понятие терроризма в уголовном законодательстве России и Украины: сравнительный анализ // Российская юстиция. 1999. – №11. – С. 30-31; Краснов М. Политический экстремизм угроза государственности // Российская юстиция. – 1999. – №4. – С. 4.

с терроризмом с целью повышения эффективности власти их взаимодействия и координации при проведении общих контр и анти террористических операций. Целесообразно было бы усилить информационный обмен между названными органами.

В-шестых, необходима дальнейшая консолидация международного сотрудничества государств – глав мирового сообщества особенно это касается стран возникших на постсоветском пространстве с целью борьбы с терроризмом и разработкой мер по его предупреждению. Чем ближе будут правовые оценки терроризма со стороны разных стран и единообразные подходы к проблеме его предупреждения, более активное и широкое взаимодействие в этой области, тем меньше будет возможностей у экстремистов для маневра и реализации своих преступных намерений.

Наряду с правовыми методами борьбы с терроризмом более активно должны использоваться ресурсы самого общества. В этом плане приходится констатировать недостаточное использование в России потенциала гражданского общества, всех его структур.

Подводя итоги изучения проблемы, необходимо еще раз отметить, что борьба с терроризмом требует комплексного подхода, который должен включать меры экономического, политического, социального и правового характера. Это должна быть долгосрочная программа, реализация которой зависит от многих факторов. Однако не для кого и это не секрет, что решительные и эффективные действия для борьбы с терроризмом необходимы уже сегодня.

Список литературы

1. Федеральный закон Российской Федерации «О борьбе с терроризмом» от 25.07.2002г. № 130-ФС // Собрание Законодательства Российской Федерации. – 1998.- № 31. Ст. 3808.
2. Криминология. Учебник для вузов. /Под. общ. ред. А.И. Долговой. Изд. 2, перер. и дораб. – М., 2002.
3. Программа государств-участников Содружества Независимых Государств по борьбе с международным терроризмом и иными проявлениями экстремизма от 21.06.2000 г. // Действующее международное право в 3-х томах/Сост. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова Т. 3. – М. 1999.
4. Кожушко Е.П. Современный терроризм: Анализ основных направлений. – Минск, 2000.; Устинов В.В. Экстремизм и терроризм: проблемы разграничения и классификации // Российская юстиция. – 2002. – №5.
5. Устинов В.В. Государственная анти террористическая стратегия: общая концепция и правовые аспекты // Государство и право. – 2003. – №3.
6. Авдеев Ю.И. Терроризм как социально-политическое явление // Современный терроризм: состояние и перспективы / Под ред. Степанова Е.И. – М., 2000.
7. Краснов М. Политический экстремизм угроза государственности // Российская юстиция. – 1999. – №4.
8. Примаков Е. Война с исламом может расколоть Россию // Этносфера. – 2002. – №11.
9. Гончаров С. Актуальные проблемы борьбы с терроризмом // Мировое сообщество против глобализации преступности и терроризма. – М., 2002.
10. Религия и проблемы национальной безопасности // Безопасность Евразии. – 2002. – №1.
11. Емельянов В.П. Понятие терроризма в уголовном законодательстве России и Украины: сравнительный анализ // Российская юстиция. 1999. – №11.

THE ORIGIN AND DANGER OF TERRORISM TO DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN FEDERALISM

N. N. Oleinik

Belgorod State University

*e-mail:
Oleinik@bsu.edu.ru*

In the article are revealed the reasons of the origin of the terrorism in the world and in Russia; is given the characteristic of its main features. The special attention is given to the analysis of religious extremism and its danger to development of modern Russian federalism. On the basis of the conducted studying of a problem the author puts forward a number of the offers which realization can help with successful struggle against terrorism in Russian Federation.

Key words: Russian federalism, danger of terrorism, struggle against terrorism.

НАЛИЧИЕ ВИНЫ КАК УСЛОВИЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ВРЕД, ПРИЧИНЕННЫЙ АКТАМИ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ

В. С. Синенко

*Белгородский
государственный
университет*

*e-mail:
Sinenko@bsu.edu.ru*

Изложена авторская позиция о необходимости учета вины при возникновении гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный органами публичной власти. При определении направлений в развитии данного явления учтено как российское законодательство и опыт российских правоведов, так учтены и особенности гражданско-правовой ответственности органов публичной власти в странах СНГ. Сформулированы предложения по совершенствованию действующего законодательства в рамках предмета исследования.

Ключевые слова: внедоговорная ответственность, акты публичной власти, вина как условие ответственности.

Необходимым условием стабильных отношений имущественного характера является законодательно установленная юридическая ответственность каждого субъекта гражданского оборота. Согласно Конституции Российской Федерации каждый имеет право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц (статья 53)¹.

Гражданское законодательство, реализуя данное предписание Конституции РФ, учитывает фактические особенности данных случаев причинения вреда. Поэтому, помимо общих положений о возмещении вреда, Гражданский кодекс РФ содержит специальные нормы о возмещении вреда, причиненными государственными органами, органами местного самоуправления, а также их должностными лицами (ст.ст. 1069-1071)². Так, согласно ст.1069 ГК РФ: «Вред, причиненный гражданину или юридическому лицу в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления либо должностных лиц этих органов, в том числе в результате издания не соответствующего закону или иному правовому акту акта государственного органа или органа местного самоуправления, подлежит возмещению. Вред возмещается за счет соответственно казны Российской Федерации, казны субъекта Российской Федерации или казны муниципального образования». Главную особенность данного деликта составляет то обстоятельство, что в качестве причинителей вреда здесь выступают органы публичной власти либо обладающие властными полномочиями их должностные лица, действующие на основании и во исполнение своих властных (публичных) функций. Речь идет о действиях любых органов всех ветвей государственной власти – законодательной, исполнительной и судебной – Российской Федерации либо ее субъектов, а также об органах местного самоуправления, которые хотя и не относятся к государственным органам, но наделены законом определенными властными (публичными) функциями. К должностным лицам относятся граждане, постоянно или временно, в том числе по специальному полномочию, осуществляющие функции представителя власти (например, в области охраны общественного порядка) либо занимающие во властных органах должности, связанные с выполнением организационно-распорядительных функций вне этих органов.

К настоящему времени можно сказать, что специальные нормы о возмещении вреда, причиненных актами власти, содержатся практически во всех кодифицированных гражданско-правовых нормативных актах стран СНГ. Во всех гражданских кодексах стран СНГ данные случаи причинения вреда образуют специальный деликт. Наиболее обстоятелен в этих вопросах Гражданский кодекс Украины, который отдельными статьями регулирует случаи возмещения вреда вследствие действий органов государственной

¹ Конституция РФ от 12.12.1993 (принята всенародным голосованием) // Российская газета. – 25.12.1993. – №237.

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 №14-ФЗ (ред. от 06.12.2007) // Собрание законодательства РФ. – 29.01.1996. – №5. – Ст. 410.

власти, органов власти Автономной Республики Крым или органа местного самоуправления (ст.1173 ГК Украины), вследствие незаконных действий должностного или служебного лица соответствующего органа власти (ст.1174 ГК Украины), вследствие причинение вреда в связи с осуществлением нормотворческой деятельности (ст.1175), вследствие незаконных действий либо бездействий органа дознания, предварительного следствия, прокуратуры либо суда (ст.1176 ГК Украины).

Положения соответствующих норм гражданского законодательства разных стран СНГ во многом совпадают, хотя имеются и существенные отличия. В первую очередь обратим внимание на условия возникновения ответственности в данном специальном деликте.

Уже стало постулатом, что фактическим основанием возникновения юридической ответственности любого вида является состав правонарушения, «Юридическая ответственность невозможна, недопустима за что-либо иное, кроме правонарушения. Состав правонарушения является тем сложным юридическим фактом (фактическим составом), который служит основанием возникновения правоотношения ответственности»³. В состав правонарушения, являющегося основанием деликтной ответственности включаются следующие условия: 1) наличие противоправного результата в виде вреда; 2) наличие противоправного поведения причинителя вреда; 3) наличие причинно-следственной связи между противоправным поведением и причиненным вредом; 4) наличие вины причинителя вреда. Кроме того, в литературе выделяется также ряд специальных условий, характерных для отдельных специальных деликтов, в частности: 1) условие, относящееся к правовому статусу причинителя вреда; 2) условие, относящееся к характеру деятельности причинителя вреда.⁴

Единство элементов состава правонарушения не исключает самостоятельного анализа каждого из условий в отдельности. Рамки данной статьи не позволяют детально проанализировать особенности каждого из них. Остановимся лишь на наиболее специфичном, коим, на наш взгляд, является вина причинителя вреда. Специфика данного условия выражается в том, что данный деликт в отдельных случаях предполагает возникновение гражданско-правовой ответственности вне зависимости от вины. Кроме того, обязательность данного условия и составляет наиболее значимое отличие данного деликта в гражданском законодательстве различных стран СНГ.

Наличие вины – общий и общепризнанный принцип юридической ответственности во всех отраслях права, и всякое исключение из него должно быть выражено прямо и недвусмысленно, т.е. закреплено непосредственно. Исходя из этого в гражданском законодательстве предусмотрены субъективные основания ответственности за причиненный вред, а для случаев, когда таким основанием является вина, решен вопрос о бремени ее доказывания⁵.

Вина традиционно определяется как психическое отношение лица к своему противоправному поведению и его результатам, в котором воплощается его отрицательное отношение к нарушаемым правам других субъектов гражданского права.⁶ Лицо признается виновным, если оно не проявило достаточную степень заботливости и осмотрительности при совершении действий, которые привели к причинению вреда. Соответственно этому, отсутствие вины можно устанавливать через доказывание должной внимательности и осмотрительности субъекта.

Умысел определяется как психическое отношение лица к своим противоправным действиям и их последствиям, которое выражается в предвидении вредного результата

³ Рипинский С.Ю. Имущественная ответственность государства за вред, причиняемый предпринимателям / Под ред. К.К. Лебедева. – СПб.: Юридический центр «Пресс», 2002. – С. 68.

⁴ Гражданское право: учеб.: в 3-х т. Т.3 / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005. – С. 27-28; Рипинский С.Ю. Указ. соч. – С. 69.

⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 25.01.2001 №1-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 2 статьи 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан И.В. Богданова, А.Б. Зернова, С.И. Кальянова и Н.В. Труханова» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2001. – №3.

⁶ Гражданское право: В 4 т. Том 1. Общая часть. Учебник / Отв. ред. Е.А. Суханов. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – С. 606; Гражданское право: учеб.: в 3-х т. Т. 1 / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005. – С.673; Смирнов В.Т., Собчак А.А. Общее учение о деликтных обязательствах в советском гражданском праве. Л.: Изд-во ЛГУ, 1983. – С. 79 и др.

противоправного поведения и желании либо сознательном допущении его наступления. Отсюда делается вывод, что основной психологической характеристикой умысла является намеренность совершения противоправного действия. Исходя из этого умысел признается наиболее тяжелой формой вины. Неосторожность как более легкая форма вины, а свою очередь, определяется как такое отношение лица к своему поведению, которое характеризуется отсутствием должной внимательности, заботливости и предусмотрительности. Соответственно, в качестве основной психологической характеристики неосторожности называют недостаточность интеллектуальной и волевой активности правонарушителя. Традиционно в гражданском праве различают неосторожность грубую и простую (легкую). При грубой неосторожности правонарушитель не проявляет самой элементарной, очевидной для всех, необходимой в данной конкретной ситуации предосторожности и заботливости. При легкой неосторожности элементарную заботливость он проявляет, но не осознает, хотя может и должен осознавать, что такой заботливости в данной ситуации недостаточно и следует проявить большую, чем элементарная, заботливость и осмотрительность.

Из всех условий ответственности только вина является субъективным, поскольку, как видно из понятия вины и определений ее форм, она зависит от осознания субъектом своих действий и их результатов. Поэтому, рассматривая данное условие применительно к данному деликту, необходимо обратить внимание на субъекта, в деятельности которого можно усмотреть вину. В качестве такого субъекта может выступать никто иной, как человек, поскольку только он обладает способностью осознавать последствия своих действий. Согласно ст.1069 ГК РФ, ответственность за вред, причиненный актом власти, является соответствующее публично-правовое образование, в виде: РФ, субъекта РФ или муниципального образования.

Говоря о вине организации (юридического лица), предполагается виновное поведение ее работников. Как отмечал Г.К. Матвеев: «виновность юридического лица складывается из провинностей лиц, составляющих юридическое лицо и организующих его деятельность. Но виновность юридического лица не представляет собой простой суммы индивидуальных провинностей. Подобно тому, как коллективная воля юридического лица не сводится механически к сумме индивидуальных волей, а представляет собой новое качество, так и вина предприятия, учреждения и организации качественно отлична от своих слагаемых»⁷. Соответственно этому можно отметить, что гражданское право выработало устойчивый подход к вине юридических лиц, в соответствии с которым действия любого работника, связанные с осуществлением служебных прав и обязанностей, это действия самой организации, а вина конкретного работника и есть вина самой организации. Представляется, что подобное понимание вины можно относить, в том числе, и к органам государственной власти, а также к органам местного самоуправления. «Действия должностного лица, связанные с осуществлением делегированных ему полномочий, – это действия самого государства, а, следовательно, вина должностного лица и есть вина государства»⁸.

Положения ст. 1069 ГК РФ устанавливает ответственность публично-правовых образований за деятельность в сфере административной деятельности органов государственной власти, а также органов местного самоуправления. Эта деятельность заключается в реализации административных полномочий и направлена на исполнение законов и иных нормативно-правовых актов. Отсюда с неизбежностью следует, что знание соответствующих юридических норм является непременным и, как отмечает С.Ю.Рипинский, «едва ли не первейшим условием нормального функционирования администрации»⁹.

Данное обстоятельство существенным образом влияет на определение вины конкретных должностных лиц при реализации вышеотмеченной нормы. Именно в данном деликте два разных условия возникновения внедоговорной ответственности в виде противоправности и вины наиболее тесно взаимосвязаны между собой. Сознание противоправности своих действий – это существенный элемент вины, характеризующий ее ин-

⁷ Матвеев Г.К. Вина в советском гражданском праве. – Киев: Изд-во Киев. ун-та, 1955. – С. 216.

⁸ Романова В.В. О договорной и внедоговорной ответственности государства // Право и политика. – 2007. – №4.

⁹ Рипинский С.Ю. Указ. соч. – С. 127.

теллектуальный аспект.¹⁰ Поскольку знание закона является обязательным требованием, предъявляемым к должностным лицам органов власти, сознание противоправности при совершении незаконного деяния становится практически неизбежным. Признание действий (бездействий) незаконными может осуществляться в рамках уголовного или административного судопроизводства. На данные правоотношения нормы о распределении бремени доказывания, установленные положениями о деликтной ответственности, не распространяются. Такое положение обусловлено особой природой актов власти. Ведь речь идет о действиях органов власти или их должностных лиц, которые не только имеют односторонне обязательный, властный характер, но и по самой своей природе нередко затрагивают чью-либо имущественную сферу. Незаконными эти действия становятся лишь при их совершении без полномочий либо с их превышением или при злоупотреблении ими¹¹.

В реальной ситуации должностное лицо в силу каких-либо обстоятельств может и не осознавать противоправность совершаемых им действий, однако в силу своего служебного положения оно, как правило, может должно ее осознавать. В этой связи А.П. Сергеев отмечает, что вина и противоправность в рассматриваемой сфере тесно взаимосвязаны, и доказать отсутствие вины органа или должностного лица при том, что их действия (бездействие) признаны незаконными, достаточно сложно. Сама по себе незаконность акта едва ли не во всех случаях свидетельствует о вине тех лиц, которые приняли такой акт¹². Данные обстоятельства свидетельствуют о том, что установленная законом в ст.1064 ГК РФ презумпция вины причинителя вреда практически является неопровержимой.

В то же время п.1 ст.1070 ГК РФ устанавливает случаи безвиновной ответственности за вред, причиненный органами дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда. Стоит отметить, что ответственность возникает вне зависимости от вины конкретных должностных лиц не во всех случаях действия указанных органов власти, а только в случаях, прямо предусмотренных п.1 ст.1070 ГК РФ. К ним относятся случаи незаконного осуждения, незаконного привлечения к уголовной ответственности, незаконного применения в качестве меры пресечения заключения под стражу или подписки о невыезде, незаконного привлечения к административной ответственности в виде административного ареста.

Возникает вопрос о том, почему только при данных случаях законодатель устанавливает ответственность публично-правовых образований вне зависимости от вины конкретных должностных лиц и чем обусловлены подобные положения. Для анализа данного вопроса обратим внимание на случаи безвиновной ответственности в целом.

В связи с тем, что ответственность может наступить и «за вину», и без вины правонарушителя, естественно, предпринимались попытки обоснования того, почему в одних случаях закон требует обязательного наличия вины для возложения гражданско-правовой ответственности, а в других случаях относится к этому безразлично и, тем самым, допускает возложение ответственности без вины.

В силу исторических причин в цивилистической литературе России XIX–XX веков вопрос об обосновании необходимости учета вины при возложении гражданско-правовой ответственности специально не поднимался. Исключение составлял лишь период с 1917 по 1938 год, когда начало вины вначале отрицали по идеологическим соображениям, а затем обосновывали с психологических позиций¹³.

Относительно причин законодательного допущения в определенных сферах гражданско-правовых отношений ответственности без вины, наоборот, велись и до сих пор ведутся споры.

Можно согласиться с тем, что объективной причиной допущения в некоторых сферах гражданско-правовых отношений ответственности без вины является необходи-

¹⁰ Матвеев Г.К. Указ. соч. С. 252.

¹¹ Репьев Г.А. Условия установления вины государственных органов за причиненный вред // Бюллетень нотариальной практики. – 2007. – №1.

¹² Гражданское право. Часть 2 / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. – М.: Проспект, 1999. – С. 717-718.

¹³ Дмитриева О.В. Ответственность без вины в гражданском праве. – Воронеж, ВВШ МВД РФ, 1997 – С. 36-37.

мость обеспечения сбалансированности интересов их участников. Такая необходимость связана прежде всего с экономическими факторами¹⁴.

Однако, если ответственность без вины предпринимателей друг перед другом в условиях усиления общественного разделения труда и усложнения хозяйственных связей может быть объяснена только причинами, лежащими в сфере экономики, – необходимостью поддержания нормального имущественного состояния участвующих в сложных договорных отношениях субъектов, то ответственность в тех отношениях, где одна сторона является более сильной в экономическом смысле (например, отношения предпринимателей с потребителями), а также в отношениях из причинения вреда источником повышенной опасности, на наш взгляд, может быть объяснена также и с позиций, имеющих в своей основе теорию «объективного риска». Данная теория может быть применима и к обоснованию безвиновной ответственности государства за вред, причиненный его органами и должностными лицами.

Так, ряд авторов высказываются за установление безвиновной ответственности государства как общего правила. Так, французский юрист Брюно обосновывал необходимость «строгой» ответственности государства следующим: «Если, – писал он, – принцип риска является основанием ответственности владельца автомобиля только потому, что у него в руках инструмент, опасный сам по себе, то по тому же принципу риска должны отвечать органы власти только потому, что они – носители власти, которая чрезвычайно опасна для граждан сама по себе»¹⁵. Можно отметить, что ГК Украины воспринял эти идеи и установил безвиновную ответственность государства в качестве общего правила, что нашло отражение, в частности, в ст.1173 ГК Украины: «Вред, причиненному физическому или юридическому лицу незаконными решениями, действием или бездействием органа государственной власти, органа власти Автономной Республики Крым или органа местного самоуправления при осуществлении ими своих полномочий, возмещается государством, Автономной Республикой Крым или органом местного самоуправления *независимо от вины* этих органов».

В России точка зрения о целесообразности установления принципа возмещения вреда государством независимо от вины отдельных органов и должностных лиц высказана С.Б. Цветковым. Им отмечается, что «при таком подходе ответственный причинитель вреда будет нести риск принятия на себя убытков, которые могут наступить в силу случайных обстоятельств. Но смысл здесь не в том, что существует высокая вероятность возникновения случайного вреда (вряд ли недостаточная квалификация должностных лиц может служить причиной этому). Главное – надежная, юридически и практически гарантированная государством защита частного интереса»¹⁶.

Данный подход представляется вполне обоснованным. Установление безвиновной ответственности в данном специальном деликте, по крайней мере, будет оказывать дисциплинирующее воздействие на должностных лиц по отношению к своим профессиональным обязанностям. Это желательно, несмотря на то, что, как ранее было отмечено, противоправный характер деятельности органов государственной власти, местного самоуправления и их должностных лиц практически всегда говорит о виновности данных субъектов в причинении вреда, причиненного вследствие осуществления властной деятельности. Однако данный вывод не отвергает необходимость установления конкретных виновных лиц в причинении вреда. Это необходимо как в плане реализации регрессных требований, так и в профилактическом плане.

Список литературы

1. Рипинский С.Ю. Имущественная ответственность государства за вред, причиняемый предпринимателям / Под ред. К.К. Лебедева. – СПб.: Юридический центр «Пресс», 2002. – С. 68.
2. Гражданское право: учеб.: в 3-х т. Т.3. / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К.Толстого. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005. – С.27-28;

¹⁴ Дмитриева О.В. Указ. соч. С. 41.

¹⁵ Рипинский С.Ю. Указ. соч. – С. 134.

¹⁶ Цветков С.Б. Гражданско-правовая ответственность за вред, причиненный государственными органами, органами местного самоуправления, а также их должностными лицами. Дис. ... к.ю.н. – Волгоград, 1998. С.70.

3. Смирнов В.Т., Собчак А.А. Общее учение о деликтных обязательствах в советском гражданском праве. Л.: Изд-во ЛГУ, 1983.
4. Матвеев Г.К. Вина в советском гражданском праве. – Киев: Изд-во Киев. ун-та, 1955. – С. 216.
5. Романова В.В. О договорной и внедоговорной ответственности государства // Право и политика. – 2007. – №4.
6. Дмитриева О.В. Ответственность без вины в гражданском праве.– Воронеж, ВВШ МВД РФ, 1997.

PRESENCE OF FAULT AS A CONDITION OF THE RESPONSIBILITY FOR THE HARM CAUSED BY ACTS OF PUBLIC AUTHORITY

V. S. Sinenko

*Belgorod State
University*

*e-mail:
Sinenko@bsu.edu.ru*

The author's position about necessity of the account of fault is stated at occurrence of the responsibility for the harm caused by bodies of public authority. At definition of directions in development of the given phenomenon it is considered as the Russian legislation and experience of the Russian jurists so features of the responsibility of bodies of public authority in the CIS countries are considered also. There were also formulated statements to improve the present legislation within the object of research.

Key words: the responsibility without the contract, acts of public authority, wine as a condition of the responsibility.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

УДК 230.1

ПРОВИДЕНЦИАЛИЗМ КАК РЕЛИГИОЗНО-МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЙ ОРИЕНТИР ПРОТОПОПА АВВАКУМА В ОЦЕНКЕ ИМ ЦЕРКОВНОЙ РЕФОРМЫ XVII ВЕКА

Р. Ю. Аторин

*Белгородский
государственный
университет*

В данной статье происходит раскрытие провиденциального подхода протопопа Аввакума к осмыслению проведения церковных преобразований, предусматривающего религиозно-философскую концепцию Провидения, как плана-замысла Бога в деле духовно-нравственного совершенствования человечества.

Ключевые слова: Провидение, Божья Воля, Промысел, предопределение.

Духовный идеолог старообрядческого движения протопоп Аввакум показал себя в качестве выдающегося религиозного деятеля переходного предреволюционного периода в истории русской философской мысли и русской истории, предшествующего эпохе отечественного просвещения. Деятельность Аввакума многоаспектная. Она проявляется в различных областях духовной культуры. Наследие старообрядческого идеолога рассматривалось и изучалось в ключе развития русской литературы и писательского мастерства, религиоведения и богословия, истории социально-политических движений, прикладной и теоретической философии, психологической науки. Продукт и итог творческих поисков протопопа Аввакума велик. До нас дошло, по разным данным, от 40 до 80 его сочинений. Однако, несмотря на множество уже имеющихся исследований, посвященных жизни и творчеству самого известного протопопа середины XVII века, сугубая индивидуальность, поражающая самобытность его слова и мысли обусловили наличие в сочинениях Аввакума пестроту и многоаспектность смысловых идей, и образов, представляющих собою не поднятую целину исследовательской работы для современных учёных в области историко-религиоведческого и религиозно-философского знания.

В дополнение к существующим на сегодня исследованиям, имеющим своим объектом религиозное мировоззрение Аввакума, в настоящей статье поставлена цель – выявление провиденциального подхода к окружающей действительности исторических событий, как цельнообразующей силы в картине мира и системе ценностей родоначальника рефлексии старообрядческого вероосознания. Раскрытие темы провиденциализма в литературных сочинениях Аввакума поможет под другим углом зрения раскрыть поднимаемые им проблемы: почему стало возможным проведение реформы, кто в этом виноват, за что противники церковных преобразований (старообрядцы) претерпевают гонения, причины распространения и прогрессирования церковно-иерархического конформизма и др.

Необходимо отметить, что оценка мировоззрения протопопа Аввакума, сформированная на основании его же сочинений, носит во многом характер предвзятости. Дан-

ная предвзятость вытекает из наследия богословской науки Синодального периода, идеи которой влиятельны до настоящего времени. При создании портрета проповедника «Старой Веры» синодальная наука часто обходит стороной положительные, экзистенциальные проявления веры Аввакума, его духовного опыта. Таким образом, исследование проблемы в ракурсе односторонности, в частности, возведение в объективность абсолютизированного негатива, продиктованное внешнеполитическими церковными причинами и конъюнктурными обстоятельствами не способно привести к адекватным заключениям и выводам.

Религиозное чувство протопопа Аввакума, как это отмечено, характеризуется повышенной утонченностью молитвенной жизни, заостренным вниманием к видению и оценке события как бы включённого в механизм Божественной Онтологии, осмысление этого события и решаемой в его контексте проблемы как естественной органической части Божьего Провидения – Замысла Божественного Логоса, направляющего мир, человечество и отдельного человека к исполнению Новозаветного закона сотериологии, достижению нормы Евангельского совершенства. Православная метафизика Фаворского Преображения – нетварные Божественные энергии в молитвенном настроении Аввакума пронизывают всё бытие: небесное и земное. Тленный мир становится сопричастным нетленному, приобретая категории подобия духовного мира. Космологию бытийной всеобъемлемости Царства Христова Аввакум раскрывает в «Послании Братии на всем лице земном». Рассуждая на тему Божьего действия в мире, он пишет: «Царствует бо Христос верным и неверным, еллинам и иудеям, и самими бесами... Не пресекается бо Царствие Его и Царствию Его несть конца. Всегда Царь: по созданию и неверным и бесом царь, а нам, верным, по присвоению и паки Царь»¹. Схожая мысль выражена у Аввакума в «Книге толкований», при разъяснении смысла слов псалма 102 «Господь на небесех уготова Престол свой и Царство его всеми обладает»².

Писания одного из первых старообрядческих проповедников в духе «последнего времени», усвоенного через новозаветное учение, обнаруживают наличие в мировоззренческой системе Аввакума убеждение не в узко конфессиональном понимании изъявления Божественной Благодати на человечество. Бог не забывает иноверных, еретиков и язычников. Не принадлежащие к «правой вере» люди, пусть и лишены той полноты Божественных Даров, которые получают православные христиане по вере, однако полное и безвозвратное отпадение людей, не принадлежащих к православию, протопоп считает невозможным. Для Аввакума каждый человек, в силу его греховности, нуждается в помощи от Бога: «Все мы человецы немощни, без помощи праху подобны»³. Таковы общие концепции понимания протопопом Аввакумом значения и действия Божьего Промысла.

Смысл проводимой церковной реформы, заключавшейся, по Аввакуму, в совершении духовной катастрофа не национального, а вселенского масштаба, претерпевает трансформацию от историзма и человеческого субъективизма к метафизике Промысла. На страницах сочинений протопопа Аввакума подробно расписаны деятельность церковного кружка ревнителей «Древлего Благодестия», издание патриархом Никоном знаменитой «Памяти» 1653 года, знаменующей начало преобразований, проведение целой череды церковных соборов 1654 – 1667 гг. и т.п. Вместе с тем, старообрядческий писатель не ограничивается описанием категорий конкретики места, времени и действий. Аввакум всё время пытается понять высшие, неземные причины переживаемых и осмысливаемых им событий. Его, как человека мыслящего и глубоко верующего не удовлетворяет знание одной только человеческой стороны дела. Он ищет ответы на вопросы в той области духовного бытия, которая, как ему казалось, отвечает его запросам. Во имя, которой он живет и внутри которой происходит раскрытие его как личности, деятельного творческого субъекта, черпающего приобретенное в индивидуальном мистическом откровении Высшее Знание. Эта область – религиозная вера православного христианства. Правильный духовный опыт. Аввакум – глубоко верующий человек, готовый до последнего мгновения сохранить верность древнерусскому пониманию религиозности, и, если потребуется, – отдать жизнь за проповедуемые убеждения.

¹ Житие Аввакума и другие его сочинения / Сост., вступ. ст. и коммент. А. Н. Робинсона; Худож. А. Денисов. – М.: Советская Россия, 1991. – С. 140.

² Там же. – С. 265.

³ Там же. – С. 219.

Религиозное самосознание в православно-теологическом аспекте предусматривает веру в Божественный план-замысел веления человека к спасению от греха и смерти, обретения нового качества жизни, дарованного Богом через искупительную миссию Иисуса Христа. Земная жизнь есть предуготовительный этап к достижению святости и совершенства. Бог, посредством помощи человеку в искушениях, посылаемых в виде различных жизненных событий и обстоятельств, направляет и побуждает его к духовному развитию, то есть осуществляет Свой Промысел, о чем сказано в послании св. апостола Иакова: «С великою радостью принимайте, братия мои, когда впадаете в различные искушения, зная, что испытание вашей веры производит терпение; терпение же должно иметь совершенное действие, чтобы вы были совершенны во всей полноте, без всякого недостатка» (Иак. 1:2-4). Схожую мысль высказывает св. апостол Петр в Первом Соборном Послании: «Огненного искушения, для испытания вам посылаемого не чуждайтесь, как приключения для вас странного. Но как вы участвуете в Христовых страданиях, радуйтесь, да и в явление славы Его возрадуетесь и восторжествуете» (1.Пет. 4:12-13). Таким же образом протопоп Аввакум понимал Божье поущение проведению церковной реформы. Прежде всего, по Аввакуму, вина в утверждении «никоновских ересей» лежит не на патриархе, не на царе; источник церковных нестроений – «антихристов дух», как следствие исполнения священных библейских пророчеств, что изложено в «Житии»: «Люто время по реченному Господем, аще возможно духу антихристову прельстити избранныя. Зело надо крепко молиться Богу, да спсет и помилует нас, яко благ и человеколюбец»⁴, апеллируя тем самым к словам Христа о гонениях и приходе лжепророков: «Ибо восстанут лжехристы и лжепророки и дадут великие знамения и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранных» (Мф.24:24).

Инициаторов проведения церковных богослужебных изменений протопоп Аввакум в широком смысле рассматривает как тех же самих христиан, однако в настоящее время их умы и сознание находятся во власти дьявола. Ссылаясь на Христовы слова о неизбежности страданий, как неотъемлемой части земного христианского бытия, автор «Жития» пишет: «Сами видят, что дуруют, а отстать от дурна не хотят: омрачил их дьявол, – что на них пенять! Не им было, а быть же было иным, писаное время пришло по Евангелию: нужда соблазнам прийти. А другой глаголет евангелист: невозможно соблазнам не прийти, но горе тому, им же приходит соблазн. Виждь, слушателю, необходимая наша беда, невозможно миновать! Сего ради соблазны попускает Бог, да же избрани будут в нас. Выпросил у Бога светлую Россию сатана, да же очервленит её мученическою кровию. Добро ты, дьявол, выдумал, и нам то любо – Христа ради, нашего Света, пострадать»⁵. Фраза «Не им было, а быть же было иным»⁶ подразумевает и свидетельствует об уверенности Аввакума в неизбежности послания Богом искушений, как фронта для духовной борьбы. Реформаторы отныне рассматриваются как исполнители, творящие «не то⁷ дело, но сатаны лукаваго»⁸. Вся совокупность церковных изменений и активное со стороны Аввакума сопротивление их утверждению, есть только форма, разновидность посылаемого Богом искушения. А цель и смысл неприятия реформ представляется в качестве способа духовного самовоспитания. Правoverный христианин, как полагает протопоп Аввакум, не должен, по духовному уразумению, само существо переживаемых трудных времен ассоциировать с исключительно человеческой стороной дела. В сочинении «Послание ко всем верным», проповедник «Старой Веры» призывает своих последователей не переносить ярость, злобу и ненависть на отдельного человека, но советует абстрагироваться от вербального, видимого существа происходящего явления, и возвести разум и волю в духовную область, восстать на брань с дьяволом: «Аще и разгорится дух огнем Божественным – слово к человеку говори, а умом ярость износи на дьявола»⁹. Иногда в посланиях Аввакума чувствуется личная ярость и раздражение автора. В послании к царю Феодору Алексеевичу идейный вдохновитель первых старообрядцев призна-

⁴ Аввакум. Протопоп. Житие протопопо Аввакума, им самим написанное. С. 12.

⁵ Там же. С. 33.

⁶ Если бы не они, то другие бы это сделали.

⁷ Свое.

⁸ Аввакум. Протопоп. Житие протопопо Аввакума, им самим написанное. С. 13.

⁹ Аввакум. Протопоп. Послание ко всем верным // Старая Вера. Старообрядческая хрестоматия / Под ред. А. С. Рыбакова. М.: Третий Рим, 2006. С. 190.

ется в том, что смог бы самостоятельно лишить жизни защитников реформ: «А что, царь-государь, как бы ты мне дал волю, я бы их, что Илия пророк, всех перепластал в один день»¹⁰. Однако, с заметным читателю нравственным усилием, протопоп Аввакум как бы борется с собственной человеческой вспыльчивостью, греховною страстностью и далее строит свои рассуждения отталкиваясь от учения неминувости Страшного Суда Христова, и загробной участи праведников и грешников: «Не я своим умыслом, своей скверной затеваю: ни, ни, никак же; но время открыет, яко чаша в руце Господни вина неразтворенна исполнь растворения, и уклони от сия в сию, обаче и дрождие его не искидашася. Псалмопевец глаголет: и дрождей не покинет даром, но испиют ея вси грешници земли»¹¹.

Заслуживает внимание оценка протопопом Аввакумом духовного состояния современных ему «никониан». Он мало обвиняет своих врагов в личном отношении. Реформа в метафизике религии Аввакума, как было сказано выше, есть борьба светлых и тёмных сил за каждую человеческую душу. Дьявол, по попущению Божию, пленяет сердце и разум каждого, кто «принял три персты». Не поврежденная христианская совесть обязывает к молитвенному деланию за падших и заблудших. Именно таковыми, по духовному состоянию, Аввакум считает новообрядцев. Следовательно, протопоп убеждён, что Божественное Провидение не должно попустить в еретике окончательное, даже самое последнее проявление православного начала. Промысел рождает молитву за врагов, как двоякое средство на становление и укрепление Божественной Правды и добра. С одной стороны, молитва полезна самому молящемуся, с другой – созидает благо за того человека, в отношении которого совершается молитвенное делание. «А никониана братия наша были – пишет Аввакум, – и украл их тать дьявол. Проси Бога и сочетает ко святей Церкви Своей»¹². Со ссылкой на свт. Иоанна Златоуста Аввакум призывает к молитве за своих недоброжелателей: «А молиться и о зловерном надобно. Златоуст повелевает в Беседах Апостольских и в Маргарите на иудея в слове; молиться об обращении всех никониан – не согресишь. Я бы хотел и дьяволу в чувство прийти. Да не может старая мерзость, быти нова»¹³. Таким образом, как считает Аввакум, молитва за гонителей, во-первых, приносит великую духовную пользу для молящегося в деле становления добродетели смирения. Во-вторых, молитвенное приношение к Богу за человека является исполнением Евангельской заповеди о молитве за ближнего, а так же способствует возвращению заблудшего на правый путь богопознания и совершенства в Духе и Истине.

Сопереживание протопопом Аввакумом не виданных доселе в русской истории жестоких гонений на старообрядцев, проводимые во II-й половине XVII века, массовые репрессии; ссылки, тюрьмы и казни способствовали формированию в его мировоззрении осознания наступления очередной волны, периода мученичества и исповедничества в истории Церкви Христовой. По вере Аввакума, Церковь, как божественное учреждение непрестанно руководима Богом, и любое событие, происходящее в ней, направлено на укрепление человеческой веры, достижения спасения: «Церковь бо созда Христос, – сице святу и крепку, сице непреклонну и недвижиму, яко не токмо уста еретическая, но и сама врата адова не одолеют ея, по словеси Господню; в ней бо Христос живёт и в ней царствует, не даст ей погрешити ни мало что, – не токмо в вере,... но и в малейшей чертице Божественных ... канонов...»¹⁴. Следовательно, любое церковное явление, освящённое авторитетом Апостольского Предания, понимается Аввакумом как видимое проявление воли Божией, одной из сторон которой принято считать перенесение лишений, скорбей, притеснений и смерти на веру в знак свидетельства христианской миссии, возложенной Богом на человека. В «Послании на Мезень к жене и детям», в качестве моральной поддержки собственной семьи, Аввакум советует своим родным видеть в страданиях Божье посещение: «А что им попущено от нас умервщлять, и то добро так. По речению Господню сбывается: и умертвят вас, и будете ненавидимы всеми имене Моего ради: и влас главы ваша не погибнет. В терпении вашем стяжите душа ваша»¹⁵.

¹⁰ Аввакум. Протопоп. Послание царю Фёдору Алексеевичу, писанное из Пустозёрска // Старая Вера. Старообрядческая хрестоматия. С. 184.

¹¹ Там же. С. 184.

¹² Житие Аввакума и другие его сочинения. С. 211.

¹³ Там же. С. 211.

¹⁴ Там же. С. 123.

¹⁵ Аввакум. Протопоп. Послание на Мезень к жене и детям // Старая Вера. Старообрядческая хрестоматия. С. 187.

Наставления протопопа Аввакума побуждают слушателя к мысли о готовности принятия мученической смерти, как нормального и должного духовного состояния православного христианина, призывают к религиозной бдительности во избежание совершения вероотступничества, а следовательно, непослушания и противления Промыслу: «Стойте твёрдо в вере и незыблемо. Страх же человеческого не убойтесь и неужасайтесь. Господа же Бога нашего святите и в сердцах ваших прославляйте, и той будет нам во освящение, яко с нами Бог»¹⁶. Воздаяние славы Богу – цель и смысл жизни Аввакума, как православного христианина, готового пронести в себе идею веры Христовой не взирая на внешние обстоятельства, вплоть до самой смерти в пустозёрском рубе.

В своих сочинениях протопоп Аввакум постоянно возвращается к теме гибельной участи всех христиан, принявших ново вводимые постановления. Его суждения, порою до крайности, наполнены духом леворадикальной антисотериологии, т.е. мыслью об абсолютной невозможности спасения всякому, умершему в «никоновской вере»: «Того для Никон так устроил, понеже любимой антихристов предтеча; а по тем и прочим увязоша в сети сей смертней, – вси грядут в пагубу, идеже вертепы и примрачная жилища, идеже несть Бога, ни света, но тьма и диавол. Не я, но тако глаголет Дух Святой»¹⁷ – пишет Аввакум в Четвёртом послании к сибирской братии. Однако, как уже говорилось, духовный наставник и вождь старообрядцев, благодаря своему оптимизму, считал, что божественное Провидение не может до конца оставить никонианина в погибели. Не такова, по Аввакуму Божья Воля к вероотступнику. Спасение еретика и возвращение его в лоно православия, Аввакум находит в действии покаяния последнего. Не теряя надежды «совратившагося с пути истинного», что, по религиозным представлениям старообрядческого проповедника было равносильным уходу человека из «никонианской» церкви и обращению к «древлецерковному благочестию», Аввакум пишет своеобразное послание не к частному лицу, а ко всякому, «отступившему от православия». При существовании в христианском мирозерцании Аввакума идеи абсолютного равенства людей перед Богом и Его Заветом, есть все основания для предположения теоретической возможности спасения всех врагов «древлего православия», в том числе таковых людей, как патриарх Никон, Симеон Полоцкий, Арсений Грек и других активных церковных преобразователей, принимавших самое непосредственное участие в деле исправления богослужебных книг и тех церковных явлений, принятых на современном языке называть «обрядом». Отметим, что к вышеперечисленным личностям Аввакум питал особую неприязнь. В коротком, но умилительном и трогательном письме автор убеждает потенциального адресата в его неизжитой до конца способности утвердиться в Истине, даже при совершении акта вероотступничества – самого страшного греха: «Похищен бысть сатаною, пленен бысть варвары, отдан бысть в чужую землю и тамо многая озлобления много претерпе...; Ныне же мы паки тя видим в свое отечество возвратишася»¹⁸. Покаяние еретика для Аввакума есть верный признак исполнения Провидения на кающемся человеке. Христианин, некогда отступивший от правоверия, проявляет смирение и действует по Господней Воле, осуществляя таковую в покаянии. Усматривая в принесении покаяния Творческий Промысел над человеком и начало пути спасения души, Аввакум испытывает особую духовную радость и не скрывает её при написании своих сочинений: «О сем радуемся, о сем веселимся, приемлем тя, лобызаем тя, любим тя, приобщаемся тебе, сплетаемся тебе присно, связуемся тебе вечно! Брат и уд ты наш! Кто свой уд ненавидит? Брата тя присно имехом и имети хоцем, всегда и ныне, и присно, и во веки веком. Аминь!»¹⁹.

Подводя итог, необходимо отметить следующие положения: при изучении творческого наследия русского писателя и религиозного мыслителя протопопа Аввакума, красной нитью в его сочинениях проходит личная вера, углублённые духовные переживания автора. Читатель в буквальном смысле слова чувствует идейную атмосферу аввакумовского духа. Богообщение – основной лейтмотив жизни Аввакума и его литературных поисков. Это в действительности искренний и глубоко верующий человек, богослу-

¹⁶ Аввакум. Протопоп. Послание ко всем верным // Старая Вера. Старообрядческая хрестоматия. С. 189.

¹⁷ Житие протопопа Аввакума и другие его сочинения. С. 225.

¹⁸ Там же. С. 219.

¹⁹ Там же. С. 219.

жение для которого не заканчивается в храме, а становится образом жизни. Исторические законы и процессы, всё физическое бытие, даже до самых мельчайших его составляющих, а так же существование отдельного человека и человечества в целом сопряжены Божественной метафизике Всеединства, Творческому Замыслу Провидения, как мудрого плана спасения человечества при положительном на то волеизъявлении последнего.

Концепция Провиденциализма, сформированная в неоплатонической философии Блаженного Августина, просматривается в теоретическом (литературном) и практическом (жизнедеятельном) богословии протопопа Аввакума не в качестве идеи августиновского предопределения принявшего, в конечном итоге, крайние формы в учении швейцарского движения Реформации Ж. Кальвина. Принципы взгляда на мир, названного «провиденциализм», выступающего у Аввакума под понятиями «Божья Воля», «Божье попущение» и др., раскрываются и преподносятся в более широком смысле, когда всякое явление и любое изменение рассматривается и переосмысливается как заранее предусмотренное и определённое Божественным Замыслом, направленное на укрепление религиозной веры в человеке, на духовное обновление. Провиденциализм в понимании Аввакума, при отсутствии в его сочинениях данного термина, можно выразить словами русского философа В. С. Соловьёва, как «целесообразное действие Высшего Существа, направленное к наибольшему благу творения вообще, человека и человечества в особенности»²⁰.

Изучение сочинений протопопа Аввакума показывает восприятие им любого исторического события в свете реального действия Божьего Промысла над человечеством. Земная сторона бытия существует по закону Провидения, созидающего духовное благо для отдельного человека и человечества в целом. Подобный подход применён протопопом Аввакумом в размышлениях над событиями проведения церковной реформы, последствиями её неприятия, ожидающими «старолюбцев», и всей жизни в целом, как формы, способа и возможности, данных человеку для возношения Славы Христовой: «Дивны дела Господня и неизреченны судьбы Владычни! Бог – старой чудотворец, от небытия в бытие приводит. Во се петь, – в день последний всю плоть человечью в мгновение ока воскресит. Да кто о том рассудити сможет? Бог бо то есть: новое творит и старое поновляет, Слава Ему во всем!»²¹.

Список литературы

1. Аввакум. Протопоп. Житие протопопа Аввакума, им самим написанное. – М.: Третий Рим, 2006.
2. Василенко Л. И. Краткий религиозно-философский словарь. – М.: Истина и Жизнь, 1996
3. Житие Аввакума и другие его сочинения. / Сост., вступ. ст. и коммент. А. Н. Робинсона; Худож. А. Денисов. – М.: Советская Россия, 1991.
4. Старая Вера. Старообрядческая хрестоматия. / Под ред. А. С. Рыбакова. – М.: Третий Рим, 2006.

PROVIDENTIALISM A RELIGIOUS-WORLD OUTLOOK REFERENCE POINT OF PROTOPRIEST AVVAKUM IN THE ESTIMATION IT OF CHURCH REFORM OF A XVII-TH CENTURY

R. J. Atorin

*Belgorod State
University*

The article discusses the providential approach of protopriest Avvakuma to judgement of carrying out of the church transformations providing the religious-philosophical concept of the Foresight, as plan of God in spiritual and moral perfection of mankind.

Key words: the Foresight, the Divine Will, the Craft, predetermination.

²⁰ Цит. по: Василенко Л. И. Краткий религиозно-философский словарь. М.: Истина и Жизнь, 1996 С. 128.

²¹ Аввакум. Протопоп. Житие протопопа Аввакума, им самим написанное. С. 40.

РАЗВИТИЕ ИННОВАЦИОННОЙ МОДЕЛИ ОБРАЗОВАНИЯ В МУНИЦИПАЛЬНОЙ СИСТЕМЕ

О. В. Башкатова

*Белгородский
государственный
университет*

*e-mail:
marinchenko@bsu.edu.ru*

В статье рассматриваются особенности развития инновационной модели образования на муниципальном уровне. Проведенный социологический анализ образовательных потребностей и государственного заказа на инновации в образовании указывает на необходимость регулирования муниципальной образовательной системы.

Ключевые слова: инновационная модель, муниципальная система образования.

Образование, как любой социальный институт, характеризуется специфической системой функций, ориентированных на реализацию конкретных общественных, групповых и индивидуальных потребностей. Эти потребности, трансформируясь через социальные интересы общества и групп, приобретают форму социальных заказов. Последние всегда противоречивы и многоплановы поскольку, с одной стороны, в обществе достаточно широк спектр социальных интересов и потребностей, а, с другой – система образования имеет дело с множеством источников заказа. В качестве таковых могут выступать государство, регионы, муниципальные образования, социальные группы, конкретные личности.

Государственная потребность в образовании отличается от социальной, прежде всего, тем, что она подкрепляется властными ресурсами. Государство принимает на себя ответственность за разработку образовательной политики, образовательного права, осуществление контроля за ходом их реализации. Основными документами, задающими целевые ориентиры государственной образовательной политики, являются Закон «Об образовании», Концепция модернизации российского образования, Приоритетные направления развития образовательной системы Российской Федерации до 2010 года.¹ В названных документах обозначены базовые принципы развития системы российского образования:

- открытость к общественным запросам и требованиям времени;
- привлечение общества к активному диалогу и непосредственному участию в управлении образованием, в образовательных реформах;
- переход на современные образовательные технологии;
- обеспечение доступного качественного образования для всех граждан России.

Когда общество в целом и отдельные его члены осознают роль образования в подготовке человека к производственной и других видах профессиональной человеческой деятельности, тогда возникает потребность в образовании, а также появляется стремление человека к саморазвитию. В конечном счете, реализация и социальной, и государственной потребности в образовании происходит на уровне личности, ее ценностных потребностей, а выбор учебного заведения и профессии определяется субъективной мотивацией, социальной ориентацией, жизненными планами и стремлением занять определенное положение в обществе.

Муниципальная система образования занимает промежуточное положение между государственной системой и образовательными учреждениями, реализующими образовательную политику во взаимодействии с потребителями образования. Муниципальный

¹ Закон РФ «Об образовании» от 10.07.1992 N 3266-1 [Электронный ресурс] <http://www.consultant.ru/popular/edu/>; «О Концепции модернизации российского образования на период до 2010 года»; Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2001 г. N 1756-р. [Электронный ресурс] http://www.edu.ru/db/mo/Data/d_02/393.html; Приоритетные направления развития образовательной системы Российской Федерации 9 декабря 2004 г. Одобрены на заседании Правительства Российской Федерации 9 декабря 2004 г. <http://www.websib.ru/develop/page.php?article=14> (протокол № 47, раздел I).

уровень в системе образования является не просто средним звеном, он тесно взаимосвязан со всеми видами образования. С одной стороны, образование на муниципальном уровне отображает в себе успешность развития государственной образовательной политики, с другой стороны, формирует ресурсы, концентрирует в себе новые образовательные потребности населения. Результатом такой агрегации образовательных потребностей становятся изменения в государственной образовательной политике. Поэтому, исследование образовательных потребностей на муниципальном уровне позволяет отслеживать эффективность новшеств, предлагаемых со стороны государства и прогнозировать предстоящие изменения, оценивать успешность развития образования в целом.

Образование на муниципальном уровне осуществляется посредством различных образовательных институтов, и реализуется системой общего, дополнительного и профессионального образования. В той или иной степени с системой образования соприкасается большее количество социальных групп. Среди них можно выделить:

- детей дошкольного и школьного возраста и их родителей;
- студенты и их родителей;
- работников системы образования (учителей, методистов, управленческий персонал), берущих на себя профессиональную и гражданскую ответственность за уровень и качество российского образования;
- работодателей, заинтересованных в определенных специалистах;
- представителей других сфер общественной жизни, заинтересованных в превращении образования в средство развития их практик;
- представителей финансовых кругов;
- интеллигенция, ученые, участвующие в развитии образования;
- политики, интегрирующие образование в другие сферы.

Реализация потребностей этих групп, трансформируясь через социальные интересы общества, приобретают форму социальных заказов. Последние всегда противоречивы и многоплановы поскольку, с одной стороны, в обществе достаточно широк спектр социальных интересов и потребностей, а, с другой – система образования имеет дело с множеством источников заказа. В качестве таковых могут выступать государство, регионы, муниципальные образования, социальные группы, конкретные личности.

Изменения в системе образования предполагает большую свободу учащегося и меньшую зависимость от социальных структур. Суть происходящих изменений заключается в привлечении учащихся к организации и определению содержания учебного процесса. С точки зрения становления гражданского общества, учет потребностей учащихся важен сам по себе, вне собственно рыночных отношений. При этом индивидуальные образовательные потребности становятся одним из важнейших факторов.

По мнению Г.А. Ключаева ² изучение образовательных потребностей населения составляет важный момент развития системы образования. Длительное время у нас в стране система образования не была ориентирована на человека. Выполняя социальный, государственный или идеологический «заказ», образовательные учреждения предлагали набор «аккредитованных» программ, курсов, специальностей. В настоящее время ситуация меняется и государственные стандарты, базовые планы, перечни специальностей, соотносятся с мнением потенциальных работодателей.

Мнения, потребительские предпочтения об изменениях инновационного характера, происходящие во всей системе образования, могут быть изучены на основе типичных учреждений и их практики на муниципальном уровне. Для этого за основу был взят Губкинский городской округ и проведен социологический анализ потребностей в инновационной модели образования. Анализу подлежали пять социальных групп: родители дошкольников; родители школьников; школьники старших классов и учащиеся профессиональных и среднеспециальных образовательных учреждений; учителя, дирекция школ; студенты вузов. Каждой группе респондентов была предложена разработанная автором анкета.

В результате были получены данные, которые показали востребованность составляющих инновационного образования среди потребителей (см. табл. 1).

² Непрерывное образование и потребность в нем / Под ред. Г.А. Ключарева. – М., наука, 2005. – 153 с.

Таблица 1

Мнение потребителей о необходимости инновационных изменений в образовании (в процентах по группе)

Позиция опрошенных	родители дошкольников	родители школьников	школьники	студенты
Требуются радикальные изменения в образовании	6	2	14	17
Необходимо корректировать модель образования с учетом мнения потребителей	38	88	61	54
Нет необходимости менять модель образования, пусть все остается как есть	12	1	1	7
Необходимо вернуться к старой модели образования	27	7	4	12
Мне безразлично, какая модель образования действует	17	1	20	10
Итого	100%	100%	100%	100%

Как видно из таблицы потребители, в большинстве своем, хотели бы реформировать образование «с учетом их мнения». Наиболее остро проблема изменений в модели образования стоит для родителей школьников. Введение ЕГЭ вызывает непонимание и протесты со стороны родителей, что показали и наши исследования. 90% опрошенных родителей хотели бы изменений в образовании. Респонденты молодого возраста более склонны к «радикальным изменениям в образовании» – 14% школьников и 17% студентов соответственно. Менее всего изменения необходимы социальной группе родителей дошкольников. Расчет средневзвешенного коэффициента этой группы (-0,11) указывает, что родители дошкольников скорее противники, чем сторонники изменений в модели образования.

Касаясь содержания инноваций в модели образования, в исследовании были сопоставлены между собой ответы разных социальных групп (см. табл. 2).

Таблица 2

Мнение потребителей о содержании инновационных изменений в модели образования
(частота встречаемого признака по группе)

Содержание инновационных изменений	родители дошкольников	родители школьников	школьники	студенты	стандартное отклонение по строке
развитие личностных, творческих способностей	0,54	0,45	0,64	0,57	0,08
приобретение навыков ориентации в высокотехнологичном мире	0,43	0,84	0,9	0,86	0,20
приобретение навыков укрепления здоровья, здорового образа жизни	0,6	0,65	0,34	0,5	0,14
развитие разговорных коммуникативных навыков	0,62	0,52	0,3	0,54	0,14
развитие навыков социальной ответственности	0,73	0,6	0,48	0,38	0,15
развитие навыков принятия решений в различных ситуациях	0,38	0,57	0,67	0,57	0,12
<i>Коэффициент корреляции с предыдущей группой</i>	-0,6	-0,252	0,502	0,758	

Из таблицы следует, что содержание и приоритеты в инновационных изменениях меняются в группах потребителей. Так среди родителей школьников наиболее важными являются «развитие навыков социальной ответственности» – 0,73, а в других группах

наиболее важным является «приобретение навыков ориентации в высокотехнологичном мире». Расчет стандартного отклонения содержания инновационных изменений показывает, что наиболее стабильны потребности респондентов в «развитии личностных, творческих способностей» (откл. 0,08), «развития навыков принятия решений в различных ситуациях» (откл. 0,12). Меньше всего постоянства в потребностях «приобретение навыков ориентации в высокотехнологичном мире» (откл. 0,2).

Обращает на себя внимание и тот факт, что существует общность взглядов на необходимые составляющие в инновационной модели образования между школьниками и их родителями (коэфф. корр. 0,502), между школьниками и студентами (коэфф. корр. 0,758). В тоже время, мнение родителей дошкольников и родителей школьников отличны друг от друга, они не согласованы (коэфф. корр. -0,252), мнение родителей дошкольников и студентов противоположны (коэфф. корр. -0,6). Государство разрабатывает образовательную целостную систему с последовательным овладением каждого из уровней (дошкольное, школьное, вузовское), что предполагает такую же целостность мнений потребителей, и развиваться данная модель должна размерено. Полученные нами результаты указывает об отсутствии целостности взглядов на содержание изменений в образовании. Взгляды потребителей на инновационные изменения в системе образования муниципального уровня не согласованы между собой и требуют координации со стороны муниципальной системы образования.

Развитие инновационной модели образования по характеру решаемых задач выходит за рамки традиционных систем управления. Имеющиеся в ней проблемы согласования взаимодействий между отдельными объектами и подсистемами, необходимость оперативного реагирования на существенно меняющиеся внешние условия, многорежимность функционирования и противоречивость требований, предъявляемых к системе в целом, породили новые функциональные задачи: координации, оперативного управления и принятия решений.

Муниципальные органы управления образованием, с одной стороны, выполняют функции, которые всегда выполнялись органами управления образованием, с другой стороны, им необходимо выполнять функции, связанные с необходимостью удовлетворения образовательных потребностей, дополнительных образовательных услуг, обеспечения социализации обучающихся. Многие проблемы, в том числе проблемы инновационного образования, гораздо эффективнее решаются на уровне местного самоуправления, чем на федеральном и региональном, так как именно на муниципальном уровне сосредоточено обеспечение и организация образовательного процесса.

Управление инновационной модели образования предполагает разделение на управляющую и управляемую подсистемы предполагает самоопределение субъекта и объекта управленческих действий. При этом в качестве объекта социального управления выступает сама система муниципального образования, хотя это определение весьма условно. Дело в том, что процесс управления, если только он не несет в себе глобального преобразующего характера, представляет собой достаточно узкий спектр регулятивных изменений. В том случае, когда управленческое воздействие оказывается неадекватным целям и намерениям субъекта, принявшего на себя функции управления, система сама отторгает эти действия.

Однако, следует рассмотреть и иной аспект управления. Постоянное воздействие органа социального управления способно стать устойчивым фактором, к которому система муниципального образования неизбежно вынуждена адаптироваться. Наступает привыкание системы к постоянному воздействию, что приводит, в конечном итоге, к резкому сужению границ саморегуляции.

Область действия социального управления – процессы регуляции и саморегуляции. Чем выше уровень организации системы, к сложноорганизованным мы относим и муниципальную систему образования, тем более результативными являются управленческие действия, поскольку они основываются на уже функционирующих механизмах саморегуляции. И в то же время, социальное управление может лишь способствовать изменению уровня организации. Таким образом, управление развитием инновационной моделью в муниципальной системой образования не претендуют на непосредственное изменение состояния объекта, но задают определённый режим регулирования, способствующий развитию инновационной модели образования.

За счет наличия сложных взаимосвязей между отдельными объектами, большой размерности переменных, характеризующих объект в целом, систему управления образованием предлагается рассмотреть в виде иерархической системы, на каждом функциональном уровне которой решаются задачи управления определенного типа, с вложенными в друг друга подсистемами. Это позволяет более четко выделить и связать воедино вертикальные и горизонтальные механизмы управления в системе образования и определить какие управленческие ресурсы возможно применить для проектирования развитием инновационной модели образования.

В таком случае, применение инновационной модели образования на муниципальном уровне носит целенаправленный и организованный процесс, основанный на взаимодействии всех субъектов муниципального образования, и направленный на:

- 1) формирование единого образовательного пространства;
- 2) обеспечение высокоэффективной системы услуг и условий, отвечающей потребностям всех слоев и групп населения;
- 3) превращение образования в динамическую систему, способной обеспечить социализацию и воспитание личности с учетом общечеловеческих ценностей инновационного развития.

Выделенные направления означают, что сама система управления образованием на муниципальном уровне предполагает свою особую структурно-функциональную организацию, действующую в рамках единой стратегии управления образования России, региона, но в тоже время удовлетворяющую основным потребностям населения. Заявленные приоритеты «инноваций» как в производстве, так и в образовании со стороны государственного управления указывают на необходимость пересмотра существующей практики управления муниципальной системой образования и формирования в ней новой модели.

Поэтому, в новых условиях муниципальная система образования должна стать активно развивающейся социальной системой, способной соответствовать не только новым государственным целям и задачам в сфере образования, но и обеспечивать разнообразные образовательные потребности местного социума, создавать условия для личностного развития и непрерывного образования всех жителей территории, способствовать тесному взаимодействию и социальному партнерству всех заинтересованных организаций и слоев общества, что и будут соответствовать инновационной модели образования.

Список литературы

1. Закон РФ «Об образовании» от 10.07.1992 N 3266-1 <http://www.consultant.ru/popular/edu/>.
2. Непрерывное образование и потребность в нем/ Под ред. Г.А. Ключарева. – М., наука, 2005 г. – 153 с.
3. «О Концепции модернизации российского образования на период до 2010 года» Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2001 г. N 1756-р. http://www.edu.ru/db/mo/Data/d_02/393.html.
4. Приоритетные направления развития образовательной системы Российской Федерации 9 декабря 2004 г. Одобрены на заседании Правительства Российской Федерации 9 декабря 2004 г. <http://www.websib.ru/develop/page.php?article=14> (протокол № 47, раздел I).

ON THE DEVELOPMENT OF AN INNOVATIVE MODEL OF EDUCATIONAL SYSTEM AT THE MUNICIPAL LEVEL

O. V. Bashkatova

*Belgorod State
University*

*e-mail:
marinchenko@bsu.edu.ru*

This paper deals with the peculiarities of author's innovative model of educational system at the municipal level. The sociological analysis of educational demand and state's needs in innovations reveals the necessity to govern the municipal educational system.

Key words: innovative model, municipal educational system.

КОНЦЕПЦИЯ РЕЛИГИОЗНОГО ОПЫТА И.А. ИЛЬИНА

Г. В. Болотнов

*Белгородский
государственный
университет*

*e-mail:
Grischaz1@mail.ru*

В статье анализируется концепция религиозного опыта И.А. Ильина, сформированная им в конце творческой жизни. Это учение впитало в себя основы западной и отечественной философии, особая роль здесь принадлежит восточно-христианской мистической традиции. Учитывая процесс религиозного возрождения в России, позднее творчество И.А. Ильина представляет наибольшую значимость и интерес.

Ключевые слова: религиозный опыт, религиозный акт, православие, вера, разум, духовность, культура.

Развал Советского Союза, «перестройка» конца XX века, процесс глобализации, построение новой демократической России обусловлен различными кризисами. Фактически не окончившаяся «холодная война» ставит перед собой всю ту же цель – дальнейшее ослабление России, ее расчленение и придание роли «сырьевого придатка» Западу. Сегодня она рассчитана на перспективу и планомерно ведется по религиозно-духовному, культурному, социальному, политическому, экономическому, образовательному, генетическому и иным направлениям. Подмена религиозно-духовных мировоззренческих ценностей, изменение культурного «кода» и менталитета титульной нации России – русского народа являются главным объектом ведения войны. Способствуют этому осознано спланированные различные политические и экономические кризисы, отстаивание некоторыми идеологами и реформаторами идеи безграничного понимания прав и свобод личности, агрессивная экспансия классических сект и новых религиозных движений деструктивного и оккультно-мистического характера, реформы в сфере образования и здравоохранения, игнорирующие целостный отечественный опыт и многое другое.

Наряду с этими негативными явлениями в России намечен процесс религиозно-духовного, культурного возрождения. Осознание России особой, самобытной страной, отношение к западной культуре как отрицательному фактору, влияющему на взаимоотношение в обществе, придание Православной Церкви особого значения в жизнедеятельности Отечества¹, побуждают научных, государственных и других деятелей обратиться к богатому наследию отечественной мысли, включая русскую религиозную философию, в том числе начала и середины XX столетия. Ее представители, пережившие катастрофы прошлого века и не так уж давно ушедшие из жизни, прокладывают для нас своеобразный мост к исторической России и дают на основе самобытных религиозных и культурных идей ответы на многие животрепещущие проблемы, общества и человека.

В таком контексте значимым объектом исследования становится религиозная философия И.А. Ильина (1883-1954). Его биография, эволюционирующее мировоззрение и творчество представляют для современников большой интерес и значение. В раннем возрасте яркий последователь западно-философской, религиозной и культурной традиции, Ильин вбирает в себя все ее достижения, но уже в поздней зрелости уходит с накопленным богатством в лоно отечественной мировоззренческой парадигмы и перекладывает, согласовывает свой опыт с мистикой и антропологией Православия. Такой жизненный путь позволил Ильину познать основы западной и отечественной цивилизации и, главное, сформировать концепции философского опыта, русской культуры, национальной идеи, правосознания, религиозного опыта и др., пророчески предвидеть многочисленные проблемы, имеющие место в нынешней России.

Не случайно в начале 90-х годов XX столетия интерес к философии Ильина резко возрастает. Написано более двадцати диссертационных исследований по разным аспектам его творчества, книги Ильина читают политики, ученые различных направлений, представители Православной Церкви, ему посвящаются научно-практические конферен-

¹ Диаграммы общероссийских опросов населения России, построенные по данным Госкомстата России // Миссионерское обозрение. 2004. № 10.

ции (одна из последних состоялась 19 июня 2008 года в Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации на тему: «Учение И.А. Ильина о праве, власти и социальной культуре России»), его цитировал в ежегодных посланиях к Федеральному Собранию Президент России (В.В. Путин), к нему обращался Александр Солженицын и Валентин Распутин, в честь его имени Общероссийским общественным движением «Россия Православная» учреждена медаль «За развитие русской мысли», его прах и прах его супруги 3 октября 2005 года перезахоронен в некрополе Донского монастыря г. Москвы, архив Ильина, некогда хранившийся в Мичиганском университете США, возвращен в ноябре 2006 года на его Родину и передан по завещанию в Московский государственный университет.

Такое уважение к творчеству Ильина, обусловлено принципами его поздней философии, заключающимися не в создании строгой системы, а в предметном созерцании и очевидности, осуществляющимися в религиозном акте человеческого духа и души. Ильин, как и многие русские философы, стремился к интуитивистскому знанию, в связи с этим обнаруживал сходство с онтологической гносеологией А.С. Хомякова, И.В. Киреевского, В.С. Соловьева, С.Н. Булгакова, Н.А. Бердяева, Л.П. Карсавина, П.И. Новгородцева, Н.О. Лосского С.Л. Франка и др. Исследование внутренней духовной жизни человека представляет для Ильина главную ценность, так как духовный опыт, неразрывно связанный с верой, творит форму общественной жизни (культура, политика, экономика, этика, эстетика и т.д.) со всеми принадлежащими ей мировоззренческими и ценностными особенностями. В этом отношении русская мысль представляет собой опыт интуитивистской интерпретации общества, базирующийся на принципах единства бытия и «цельного знания», в связи с чем, сформированная Ильиным концепция религиозного опыта представляет наибольшую ценность и интерес.

Интерес к исследованию И.А. Ильина определяется и тем, что интеграция России в мировое пространство, открытость ее идеологических границ, религиозная экспансия западных и восточных государств², создают угрозу религиозной идентичности русского народа, что не только будет препятствовать его возрождению, но способствовать его вымиранию как нации. Таким образом, анализ концепции религиозного опыта Ильина будет содействовать осознанию современной действительности, позволит выработать путь преодоления кризисных процессов с целью возрождения России.

Начало XX века в России и в истории русской философии отмечено обращением к Богу, активным изучением и умственным постижением всех сфер жизнедеятельности человека через призму религиозных воззрений, онтологических представлений и гносеологических методов, накопленных человечеством на пути познания личности и ее роли в этом мире. Именно поэтому данный период назван в России эпохой религиозного возрождения или религиозного, культурного Ренессанса. В этот период метафизика возвращается к религиозным основаниям, теории познания направляются философами в русло религиозной, духовной жизни человека, семьи и общества. Философские исследования принимают антропологический характер.

Безусловно, начало данного поворота в русской философии было положено на западе, где конец XIX века обозначил серьезные проблемы в отношениях Абсолюта и человека, рациональных и иррациональных начал, религиозных и псевдорелигиозных практик. Именно здесь, за границей, в культуре созданной католицизмом и протестантизмом, в среде философов назревает кризис, сущность и последствия которого мы наблюдаем в творчестве Ф. Ницше с его идеей «сверхчеловека» и «умершего Бога», А. Шопенгауэра, видевшего в причине мироздания иррациональное начало, у С. Кьеркегора, противопоставляющего человека всеобщности и тотальности Бога, у К.Маркса, углубившегося в материализм и объявившего сущность человека совокупностью общественных отношений.

Русские мыслители с целью формирования своих философских воззрений в ранние периоды своей деятельности и своего становления обращались к западной философии. Здесь

² Концепция национальной безопасности РФ, Военная доктрина РФ, Доктрина информационной безопасности РФ / Религиозные конфессии, движения и объединения на территории Белгородской области: Справочник в двух частях. Ч. 2. Белгород: БОО общества «Знание» России, 2007. – С. 181-203; Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. – Режим доступа: <http://www.scrf.gov.ru/documents99.html.mht>.

они находили почву для собственных размышлений, заимствовали и по-своему интерпретировали имеющиеся проблемы, зачастую принимали то или иное мировоззрение, переосмыслив которое, в последующем уже критически относились к нему. Таков был жизненный путь многих отечественных философов (Вл.С. Соловьев, С.Л. Франк, Л.И. Шестов, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков и др.), таким он стал и для И.А. Ильина.

Характеризуя период русского религиозного Ренессанса, Г. Флоровский отмечает: «И даже русское неокантианство имело тогда своеобразный смысл. Гносеологическая критика оказывалась как бы методом Духовной жизни, — и именно методом жизни, не только мысли. И такие книги, как «Предмет знания» Г. Риккерта или «Логика» Г. Когена, не читались ли тогда именно в качестве практических руководств для личных упражнений, точно аскетические трактаты? Да и задуманы эти книги не с этой ли целью? Так же читают у нас позже творения Фихте и Гегеля, как книги мистического опыта и действия»³.

Безусловно, включенность русских философов в мировой жизненно-исторический и интеллектуальный процесс, их активное участие в осмыслении и разрешении трагических для XX века катаклизмов и событий, рождало и многообразие стилей, жанров, религиозных и духовных течений, противопоставлений и противоборств, что особенно отразилось в эмигрантских кругах. П.П. Гайденко в отношении философии представителей Серебряного века отмечает: «Тут присутствует и влияние западной метафизики, прежде всего немецкого идеализма, и восходящее к славянофилам стремление вернуться к христианским истокам и строить философию на религиозном основании, сближая ее с богословием, и мистико-окультурные мотивы, восходящие к гностицизму и усиленные — особенно в начале XX в. — увлечением апокрифической литературой и интересом к русскому сектанству, прежде всего к мистико-экстатическим сектам»⁴.

Таким образом, несмотря на присутствие в жизни и творчестве русских философов западных начал, европейской образованности, каждый из них создал свою уникальную философию, преобразованную и отражающую патриотические и национальные идеи, особенности русского духа, ментальности и религиозности. Западная философия с популярным немецким идеализмом, с мистикой Бёме, Экхарта, Вагнера, Ницше и многих других явилась своеобразным мостом, трамплином, посредством которого образовалась русская религиозная философия начала и середины XX века.

Стоит отметить, что на формирование мировоззренческих взглядов русских мыслителей конца XIX — начала XX веков, в том числе И.А. Ильина, повлияла не только европейская мысль. Особое влияние и заданный курс на круг проблем обозначили отечественные представители философской мысли, в частности, славянофилы и западники. Особым образом здесь стоит выделить Ф.М. Достоевского и Вл.С. Соловьева.

Именно Ф.М. Достоевский один из первых в среде национальных мыслителей поставил проблему существования человека в мире, где бытие Бога поставлено под вопрос. Не соглашаясь с суждением Ницше об «умершем Боге», Ф.М. Достоевский в связи с этим рассуждает о смысле бытия человека, его свободности и нравственности. Вл.С. Соловьев, выстраивая свою философскую систему о «Богочеловечестве», также поднимает вышеназванную проблему, возлагая на человека задачу по реализации Божьего дела на земле.

В начале своего творческого пути И.А. Ильин предстает перед нами как философ, полностью отдавший себя изучению и своеобразной трактовке немецкой классической философии, в конце его — как мыслитель, переосмысливающий и подчиняющий собственную философию православному богословию и мистике. Не учитывая данной творческой специфики Ильина, нам трудно изучать его труды и иметь объективное о них суждение.

Учитывая, что данная статья главной своей целью имеет исследование особенностей понимания Ильиным внутренней религиозной жизни человека (религиозного опыта, состоящего из религиозных актов), учение о котором им формировалось в течение 32 лет и было выражено в конце его жизни в книге «Аксиомы религиозного опыта», полагаем необходимым периодизировать весь творческий путь И.А. Ильина, начиная с его раннего творчества, когда «...вхождение в круг идей немецкой классической философии, в первую очередь в системы Фихте и Гегеля, оказалось решающим событием в процессе

³ Флоровский Г. В. Пути русского богословия. Вильнюс, 1991. — С. 484-485.

⁴ Гайденко П.П. Владимир Соловьев и философия Серебряного века. М.: Прогресс-Традиция, 2001. — С. 12.

формирования собственного мировоззрения; влияние этих идей и систем проходит красной нитью через всю последующую научную деятельность Ильина, а работы, посвященные оригинальной интерпретации классических систем, стали истинно вершинными в его философском творчестве»⁵.

В современной литературе исследователи творчества И.А. Ильина выделяют этапы его жизни и творчества в соответствии с изменяющейся позицией философа в отношении религии, философии, культуры, политико-правовых идей. Так И.И. Евлампиев⁶ выделяет три периода: I период (1909-1917 годы), в это время Ильин являет собой последователя немецкой классической философии; II период (1918 – 1931 годы) связан с отходом И.А. Ильина от западных рационалистических воззрений и переходом к православию; III период (1931 – 1954 годы) И.А. Ильин посвящает построению православной философии. Н.П. Полторацкий⁷ берет за основу географический принцип и выделяет этапы творчества И.А. Ильина в соответствии с местом его жизни: I этап (1883-1922) – московский; II этап (1922-1938) берлинский; III этап (1938-1954) – цюрихский. Д.П. Ерисов⁸ в своей диссертации определяет два этапа: ранний – гегельянский и поздний – паламистский (святитель Григорий Палама – основатель богословия исихазма – прим. авт.). То же можно сказать о работе Г.А. Гребневой⁹, определяющей гегельянский период с момента учебы в университете по 1922 год (дата эмиграции Ильина – прим. авт.) и период православной метафизики с 1922 по 1954 год.

Несмотря на то, что внешне подходы к периодизации являются разными, считаем, что принципиальная их суть одна. В ранний период Ильин подвержен воздействию запада в духе протестантизма и либеральных идей, в поздний, эмигрантский период, Ильин радикально пересматривает свою прежнюю позицию, постепенно отходит от нее и приходит к онтологическим, гносеологическим, антропологическим, духовно-нравственным ценностям Православия, с которыми и пытается согласовать свой накопленный философский опыт. Насколько это удалось ему сделать, сегодня существует множество мнений. Но тот факт, что Ильин в рамках религиозной философии осуществляет попытку описать внутреннюю духовную жизнь человека, его религиозный акт и опыт, заимствуя при этом категориальный и логический аппарат западной философии, заслуживает большого внимания и уважения.

Биография Ильина, его философия наилучшим образом свидетельствуют о типичной для XVIII–XIX веков судьбе многих русских религиозных мыслителей. Воспитанный на европейских началах, И. Ильин избрал для себя свой собственный оригинальный путь, сумел выбрать, наполнить и синтезировать все ценное западное в русле русской религиозной традиции. Подобный культурный синтез проделали в своей судьбе многие отечественные философы: Степун с немецкими, Франк и Шестов иудейскими, Эрн шведскими, польскими и немецкими традициями.

Творческая ценность Ильина, его набирающая силу популярность в нынешней России, заключается в том вкладе, что он философским языком определил множественные социальные коллизии, выявив в них главную причину – религиозную. Религиозная причинно-следственная связь показывается и утверждается им во всех сферах жизнедеятельности человека (культура, право, политология, философия, искусство, история и т.д.) и будет полезна для исследований современных ученых различных направлений: философов, социологов, литературоведов, историков, религиоведов, искусствоведов, теологов, правоведов, экономистов и др.

Изучение сформированной Ильиным концепции религиозного опыта невозможно без анализа онтологических, гносеологических, антропологических и духовно-нравственных принципов и методов, легших в ее основу.

⁵ Евлампиев И.И. Божественное и человеческое в философии Ивана Ильина. СПб: Наука, 1998. – С. 30.

⁶ Там же. – С. 5-13.

⁷ Полторацкий Н. П. Иван Александрович Ильин: Жизнь, труды, мировоззрение: сборник статей / Н. Полторацкий. Л.: Эрмитаж, 1989.

⁸ Ерисов Д. П. Религиозная философия И.А. Ильина. Автореферат на соискание ученой степени кандидата философских наук. М., 1998.

⁹ Гребнева Г. А. Эволюция философских взглядов И.А. Ильина. Автореферат на соискание ученой степени кандидата философских наук. Екатеринбург, 2004.

Одним из основных направлений философии «позднего» И.А. Ильина является исследование основ религиозного опыта. Эта область исследований связана с осмыслением содержания религиозного опыта и его источников, соотношения веры и разума, мышления и созерцания, проблемой добра и зла, и прочее. Ильин изучает происхождение, содержание, сущность и значимость религий для индивидуальной и общественной жизни человека, культуры, нравственности, познания и осмысления действительности. Он выявляет критерии истинности и ложности к разным верованиям.

Какую бы тему «поздний» Ильин не раскрывал, он всегда в основу разрешения религиозно-философской проблемы ставил внутренне-личностный религиозный опыт. Для него Православие как основополагающая вера русской культуры имеет определяющее значение. С целью прийти к тому или иному выводу, Ильин активизирует не только средства разума, но и средства иррационального характера: веру, волю, совесть, чувства и т.д. Здесь актуализируется идея целостности веры и разума, присущая восточно-христианскому мирозерцанию.

Философские выводы, касающиеся основ религиозной жизни, Ильин вложил в свои знаменитые труды («Путь духовного обновления», «Путь к очевидности», «Поющее сердце. Книга тихих созерцаний» и «Аксиомы религиозного опыта»). В них он пытается формировать новую философию, христианской по духу и стилю. Философия для него уже не столько познание, сколько тихое богохваление.

Последняя крупная и главная работа Ильина «Аксиомы религиозного опыта» имеет не просто религиозный, а православно-апологетический характер. В ней христианско-ценностный подход определяется господствующим. Главным принципом философствования Ильина становится согласование своих идей с православной догматикой. При этом некоторые основополагающие принципы его философии подверглись пересмотру. Прежде всего, это касается проблемы отношения человека к Богу. Отвергая идею абсолютного тождества Бога и человека, Ильин называет стремление к полному растворению в Боге одним из главных «соблазнов» религиозного опыта. Единение человека с Богом теперь трактуется им не как «субстанциальное тождество», а как приятие Божией благодати. Соответственно, при этом полностью отвергается идея «страдающего Бога», несущего в своей сущности «потенцию потенции зла», о чем Ильин писал в заключительной главе своей книги о Гегеле.

В «Аксиомах религиозного опыта» Ильин останавливает свое внимание на «пневматической актологии», т.е. на духовной устремленности человека к Богу. Книга в определяющем значении построена на религиозном опыте и наследии Отцов Православной Церкви. Но и здесь им рассматриваются особенности религиозной жизни католиков, протестантов, мусульман, буддистов, и язычников. Ильин искал тех аксиоматических «форм» или «законов» религиозной жизни, которые сообщают религии ее истинность, величие и созидательную значимость.

Первой и одной из главных аксиом религиозного опыта, имеющей онтологический и антропологический статус, является «предметность». Религиозный опыт всегда должен быть предметен. Под «предметом» же понимается Бог, Творец, Божественная реальность. В отличие от своих ранних пантеистических взглядов, «поздний» Ильин понимает Предмет одновременно имманентным и трансцендентным миру. Общение же с Ним осуществляется посредством Его энергий, учение о которых было сформировано святителем Григорием Паламой и принято Ильиным. И.А. Ильин называет следующие главные энергии: дар любви, дар созерцания, дар совести, дар разумения, дар крепости, дар благоговения, дар искренности, дар молитвы, дар свободы, дар смирения, дар ясновидения и дар непосредственного излияния духовной энергии в естественный порядок вещей. По его мнению, через эти благодатные дары людям дано служить духом Богу, но не дано вмещать Его в себя. Он утверждает, что единение с Ним совершается не в том смысле, что человек «становится Богом», а в ином более утонченном значении. Человек приемлет каждый в меру своих сил, своего очищения и своей свободной искренности благодать Божию, как бы вырастает в ее дары и преобразуется от этого. Раскрывая значение учения о нетварных энергиях, В.Н. Лосский также отмечает: «Бог, неприступный по Своей природе, присутствует в Своих

энергиях, «как в зеркале», оставаясь невидимым в том, что Он есть. Всецело непознаваемый в Своей Сущности, Бог всецело открывает Себя в Своих энергиях, которые не разделяют Его природы на две части – познаваемую и непознаваемую, но указывают на два различных модуса Божественного бытия – в сущности и вне сущности»¹⁰.

Для обозначения «соприкосновения» с Предметом Ильин использует понятие «синергии». Смысл богословского термина «синергия», полагает Ильин, заключается в «со-действии», «со-участии» Духа с духом. «Одно Божество, – утверждает мыслитель, – без человека, – явилось бы невосприимлемой, неверуемой Реальностью, т.е. уже не предметом. Один человек без Бога, – явился бы религиозно-пустынным субъектом: он мог бы предаваться различным предчувствиям, фантазиям, страхам, суевериям, которые, населяя его душу, оставались бы религиозно-беспредметными... Достоевский прав, утверждая, что религия невозможна без Бога. Но она невозможна и без человека, без его субъективного, личного религиозного опыта»¹¹. А религиозный опыт – это есть неустанное усиление человеческого духа сделать все для того, чтобы стать способным и достойным воспринять Откровение; там, где нет воли к этому, считает Ильин, где нет этих усилий, человек остается в первобытной естественности, глухо слепой для сверхъестественной тайны Божией. «Религия есть не только дело нисходящего Бога, но и дело восходящего человека («синергия»)»¹².

Изучение онтологических оснований концепции религиозного опыта побуждает нас рассмотреть иерархическую природу человека и значение в ней человеческого духа, духовности. Справедливо отмечал Ю.И. Сохряков, что «главной своей задачей И.А. Ильин считал исследование духа и духовности, порожденные собственным опытом, который открывает человеку сущность Высшего божественного начала»¹³.

Выстраивание Ильиным концепции религиозного опыта предполагало и понимание им природы человека в соответствии с христианской антропологией и традициями русской культуры. Святоотеческая традиция принимает за основу трехсоставность человека: дух, душа и тело. Человеческий дух есть начало целостности и органической иерархичности в человеке, и если это недостаточно выражено в реальном бытии человека, то это означает некую связанность духа в человеке грехом. Дух есть средоточие, живая сердцевина человека, основа индивидуальности человека, его метафизическое ядро. Душа же неким таинственным образом связана с телом и духом, представляет собой совокупность того, что происходит в «сознании» и в «бессознательном», на протяжении всей нашей жизни. Это чувства, болевые ощущения, приятные и неприятные состояния, воспоминания и забвения, впечатления, помыслы и т.д. Из бесконечной совокупности душевных движений складывается индивидуальность человека. Определяя составные элементы души, присущие человеку сверх телесных ощущений, Ильин указывает на инстинкт, чувство, воображение, волю и мысль. Однако такое разделение имеет чисто условный характер.

Телесная жизнь помимо удовлетворения своих естественных физиологических потребностей, может пленить душу и обессилить дух различными удовольствиями. Если такое случается, то это является признаком страстности человека. С целью преодоления таковых последствий религиозный опыт должен быть духовен. «Духовность» представляет собой следующую аксиому религиозного опыта, так как «Человек есть по существу своему живой, личный дух; и религиозность есть состояние духовное»¹⁴. Подчиненность тела душе, души духу и духа Предмету является основополагающим законом верующего человека. Духовность непосредственно связана со свободностью, предполагающей отсутствие зависимости от зла. Именно при таком условии качество религиозной жизни возрастает, уровень Богообщения увеличивается. Свобода необходима человеческому духу и она непременно должна быть наполнена жизнью сердца и предметной воли.

¹⁰Лосский В. Н. Очерки мистического богословия восточной церкви. М.: Центр «СЭИ», 1991. – С. 67.

¹¹ Ильин И. А. Собрание сочинений: В 10 т. / Сост., вступ. ст. и коммент. Ю. Т. Лисицы. М.: Русская книга, 1996. Т. 3. – С. 500.

¹² Ильин И. А. Аксиомы религиозного опыта. М.: РАРОГЪ, 1993. – С. 176.

¹³ Сохряков Ю. И. Ильин И. А. // Писатели русского зарубежья (1918-1940): В 2-х ч. Ч. 1. М.: Мысль, 1993. – С. 235.

¹⁴ Ильин И. А. Аксиомы религиозного опыта. М.: РАРОГЪ, 1993. – С. 51.

К необходимым аксиомам религиозности, обеспечивающим «предметность», «духовность» и «свободность», Ильин относит «субъективность», «непосредственность» и «автономность». Субъективность религиозного опыта есть само собой разумеющийся закон религии, так как он предполагает самостоятельность человека в религиозном процессе. Именно поэтому этот процесс своеобразен, самобытен и одинок. «Субъективность» земного человека и, соответственно этому, субъективность его существования, его телесных, душевных и духовных состояний — есть первый аксиоматический закон религиозного опыта¹⁵, — пишет Ильин. Вместе с тем, по поводу субъективности религиозного опыта, он дает несколько пояснений. Не соглашаясь с идеей Канта, что субъективное только субъективно и не имеет объективной реальности, Ильин настаивает на том, что субъективное может быть еще и объективным, и единственно верный путь к Богу протекает через понимание своего личного и чужого религиозного опыта. Также субъективность религиозного опыта не следует понимать в смысле отрицания Церкви и ее религиозных даров. Субъективный акт определяется сочетанием и качеством душевно-духовных сил человека. Упрощенность субъективного акта — одна из причин вырождения религиозного опыта, а также культуры в «бессердечную» техногенную цивилизацию.

Естественно-субъективный религиозный опыт требует от человека «автономности» — следующей аксиомы религиозного опыта. В ней Ильин видит способность «... из глубины внять гласу Божию, узнать Его в Его божественности и свободно вменить Его себе в идеал и в закон...»¹⁶. Вместе с тем, «...автономная религиозность не исключает того, что по происхождению своему она может быть социально гетерономной»¹⁷. Говоря о социально-гетерономном происхождении автономной религиозности, Ильин имеет в виду, прежде всего, воспитание свободной религиозной личности.

Говоря о сути «непосредственности» религиозного опыта, важно отметить, что этот аксиоматический закон необходим для непосредственного восприятия Бога человеком. Он предостерегает верующего человека о вмешательстве во внутреннюю религиозную связь посторонних лиц, способных нарушить божественно-человеческое соединение. В этом отношении роль «посредников» — духовных учителей заключается в том, чтобы максимальным образом способствовать вышеназванному слиянию. Именно поэтому в традиционно-христианском мире большая роль и честь отводится святым, пророкам, старцам, а также осуждается деятельность основателей и руководителей всеразличных сект, как правило, преследующих власть и деньги.

Проблема познания, в частности и Богопознания, определение критериев, условий, цели и средств является центральной как для философии, так и для христианства. В отличие от западной христианской традиции, видящей познание преимущественно средствами разума, восточная усматривает познание в целостности познающего духа. И.В. Киреевский подчеркивает: «Стремясь к истине умозрения, восточные мыслители заботятся, прежде всего, о правильности внутреннего состояния мыслящего духа: западные — более о внешней связи понятий. Восточные, для достижения полноты истины, ищут внутренней цельности разума: того, так сказать, средоточия умственных сил, где все отдельные деятельности духа сливаются в одно живое и высшее единство. Западные, напротив того, полагают, что достижение полной истины возможно для разделившихся сил ума, самодвижно действующих в своей одинокой отдельности...»¹⁸.

Свою принадлежность к православной традиции показывает и И.А. Ильин. Изученный им большой пласт трудов Отцов Восточной Церкви позволил ему определить гносеологическую структуру религиозного акта с присущей антропологической и духовно-нравственной обусловленностью.

Безусловно, первым и самым важным моментом, в любой религиозной системе является факт передачи накопленного религиозного опыта от старших к младшим, от учителей к ученикам. Без этой данности человеку практически невозможно вступить в сферу религиозно-духовного опыта. Каким гениальным человек не был, все, что он производит и духовно осуществляет, он воспринимает многие элементы если не полностью,

¹⁵ Там же. — С. 50.

¹⁶ Там же. — С. 64.

¹⁷ Там же. — С. 83.

¹⁸ Киреевский И.В. О характере просвещения Европы. Критика и эстетика. М., 1979. — С. 274.

то частично от предыдущих поколений. Эта объективная особенность позволяет среди большого многообразия религий, их внутреннего опыта выделить для них общие сходства, некоторые различия, составить систему классификаций. Поэтому, если человек становится последователем того или иного религиозного объединения, он вживается и впитывает в себя не только религиозное мировоззрение, но, прежде всего, внутреннюю составляющую мистической жизни.

Первое, что сознательно осуществляет человек, является молитва. Именно молитва является входным билетом в потусторонний, метафизический мир. Молитва погружает человека и открывает ему большие горизонты для общения и познания Предмета. Молитва есть состояние, выступающее своеобразным методом и средством познания.

Как в любой науке, имеющей дело с материальным миром, невозможно изучать предмет познания без экспериментов и анализов, так и в религии без молитвы. Существенное значение приобретает и сама Церковь, как Богочеловеческий организм. Именно Церковь представляет для познающего ту область, где соединяется непосредственно Высшая реальность и само бытие человека. Посредством участия человека в таинственной жизни Церкви он становится частью этого невидимого целого. И по мере собственного развития и совершенствования человек приобретает и соединяет с собой то, что любит, то, что стремится познать (Предмет). Именно поэтому настоящая религиозная жизнь у Ильина, в которой соблюдаются аксиомы религиозного опыта, онтологизирует человека, выводит его на совершенно новый уровень бытия. Вместе с тем и молитва, и таинственная жизнь становятся необходимым условием, так как учредителем этой жизни выступает основатель веры, религии (Иисус Христос, Мухаммед, Будда и т.д.).

В этой связи для Ильина становится актуальным вопрос содержания религиозного акта. Религиозный акт является состоянием человеческой души. Он складывается из следующих «психических функций»: чувства, воображения, мышления, воли, всевозможных чувственных ощущений и инстинктивных влечений. Если «религиозный акт выражает то, как человек верует...»¹⁹, то «религиозное содержание есть то, во что человек верует...»²⁰. Религиозное содержание есть то, что пережито чувством, то, что обретоно опытом на первой стадии религиозного взаимодействия Бога и человека. Оно является содержанием Божественного Предмета, развернувшимся в ткани человеческого субъекта. Именно оно на второй, интуитивной стадии созерцается силой одухотворенного воображения.

Для того, чтобы приобрести религиозный опыт, субъект должен принять божественное содержание. И «когда человеческая любовь прилепляется к объективно-значительному и священному жизненному содержанию, которым действительно стоит жить и за которое стоит бороться и умереть, то она оказывается духовной любовью»²¹. Она охватывает душу и ее акты, и они перерождаются и обновляются. Когда она овладевает воображением, человек приобретает дар «сердечного созерцания». «Этот акт, — подчеркивает Ильин, — и есть важнейший в составе религиозного опыта»²².

После того, как осуществлено опытное «прятие сердцем», у человека отверзается его «духовное око» (духовная очевидность – прим. авт.). Когда «духовное око» человека отверзто, «сердце его поет». «Поющее сердце» является главным органом «сердечного созерцания».

Таково учение И.А. Ильина о предмете и методе религиозного опыта. На то, что в нем чувствуется влияние феноменологии Гуссерля, справедливо указывал В.В. Зеньковский и другие исследователи. Вместе с тем, методология Ильина не может быть сведена к простому копированию метода Гуссерля. Используя идеи феноменологии, Ильин не копирует Гуссерля. Если в своем раннем учении о тождестве предметов в религии и философии Ильин представляет уже достаточно развитую традицию русского неогегельянства, то его учение о методе необходимо признать действительно новым, по крайней мере, в русской философии. В основе ранней философии И.А. Ильина лежит пантеистическая метафизика саморазвития Божества. Она может быть так названа, поскольку для него Бог есть единственная реальность и весь тварный мир реален лишь в меру Божия присутст-

¹⁹ Ильин И. А. Аксиомы религиозного опыта. М.: Рарогъ, 1993. – С. 124.

²⁰ Там же. – С. 124.

²¹ Там же. – С. 105.

²² Там же. – С. 106.

вия в нем. Позже Ильин отказался от пантеизма, перейдя на позиции мистического богословия исихазма. С этих позиций им была предпринята попытка анализа религиозного опыта и выстраивания его структуры. Изучая православную мистическую традицию и структуру религиозного акта у Ильина не трудно увидеть их сходство.

По учению святителя Григория Паламы, богословами являются, строго говоря, боговидцы, а богословие – созерцанием: «...есть и знание о Боге, знание учений о Нем и умозрение, которое мы называем богословием...»²³ Преподобный Максим Исповедник разделяет духовную жизнь на три этапа: деятельное любомудрие (делание), естественное созерцание и мистическое богословие. Первое очищает человека от страстей, человеком приобретаются добродетели, второе просвещает ум истинным знанием, третье венчает человека высшим мистическим знанием. Эти три части представляют собою для православных три основных этапа на пути человека к личному спасению. Стоит заметить, что Отцы Церкви различают в духовной жизни эти три этапа таким образом: «... под практическим любомудрием понимается очищение сердца, под естественным созерцанием – просвещение ума и под мистическим богословием – общение с Богом через созерцание. Делание для православных – это пост, молитва и стяжание добродетелей. Все три этапа духовной жизни представляют собой единое целое и не отделимы друг от друга.

В этом отношении понимается строгая ортодоксальная позиция Православной Церкви и ее догматизм. Связано это с тем, что сохранение веры предусматривает собой сохранение мистического опыта и наоборот. Благодаря вере и мистике только и возможно спасение. Именно поэтому и Ильин говорит, что аксиомы религиозного опыта максимально соблюдены лишь в Православии. И та или иная религиозная система, в которой эти аксиомы в большой степени соблюдаются, способна стать действительно религиозной и духовной, и тем самым приблизиться к абсолютной истинной вере. В этом отношении греческий митрополит Иерофей Влахос подчеркивает: «Мы, православные, именно потому придаем большое значение сохранению веры, что знаем: при изменении веры неизбежно меняется и лечение. Богословие следует объяснять главным образом как медицинскую науку. Ведь медицина, имея перед собою образ здорового человека, пытается с помощью различных приемов лечения привести к этому образу больного. То же самое можно сказать и о богословии. Богословие – это учение Церкви о духовном здравии, а также о пути, по которому мы, недугующие, должны следовать, чтобы исцелиться. И мы придаем величайшее значение сохранению догматов от искажений не только потому, что боимся повредить учение, но потому, что можем потерять возможность лечения и, следовательно, спасения»²⁴.

Выделив три основных структурных этапа онтологической гносеологии православной мистики (делание, созерцание, богословие), необходимо провести параллель со структурой религиозного акта И.А. Ильина, которая также имеет три компонента: опытный, интуитивный и логический. «Религиозный опыт рождается в одухотворенном сердце (результат духовно-нравственного совершенствования – прим. авт.), – в виде любви к Богу. Любимое должно быть подлинно узрено, – духовным созерцанием (интуитивное стадия – прим. авт.). Разум призван помогать сердцу и созерцанию, – присущим ему чувством познавательной ответственности, тягой к трезвению и очищению; разум сообщает религиозному опыту свою созерцательную мысль и «умную» любовь к Богу (логическая компонента, духовная очевидность или у православных – богословие – прим. авт.)»²⁵.

Таким образом, сравнивая онто-гносеологические принципы концепции религиозного опыта И.А. Ильина с богословием исихазма, можно обнаружить следующее сходство. Практическое любомудрие, естественное созерцание и мистическое богословие в Православной Церкви соответствует религиозному катарсису, «сердечному созерцанию» и «духовной очевидности» И.А. Ильина.

В процессе анализа религиозного опыта Ильин делает вывод: «Чем вернее и полнее соблюдались эти аксиомы в других религиях, тем совершеннее оказывалась человеческая религиозность, тем чище и сильнее слагались ее молитвы..., тем достойнее бывала

²³ Григорий Палама. Триады в защиту священнобезмолствующих. М., 2003. – С. 74-75.

²⁴ Иерофей (Влахос), митрополит. Православная психотерапия. Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2004. – С. 39-40.

²⁵ Ильин И.А. Аксиомы религиозного опыта. М.: Рарогъ, 1993. – С. 105.

ее «церковная» практика; тем более дух ее приближается к Евангелию и к духу православного христианства»²⁶.

Сформированная Ильиным концепция религиозного опыта, ее структурные элементы являются основополагающим содержанием всей его философии эмигрантского периода. Понятия «созерцания» и «очевидности» употребляются русским философом во всех работах о праве, культуре, искусстве, этике, политике. В этой связи самобытность и задачу русской культуры Ильин видит в том, чтобы выращивать «вторичные силы», к которым он относит волю, мысль, форму и организацию, из ее «первичных сил» души: сердце, созерцание, свобода и совесть.

По Ильину источником русской православной веры является не разум, а сверхчувственное созерцание и сердце. Именно поэтому философия, берущая на себя ответственность рассматривать нравственные проблемы, по мысли Ильина, должна суметь достигать до сердца человека и добиться его духовного возвышения. «Для этого, считает он, русская религиозная философия должна отказаться от абстрактного, умозрительного конструирования, а, обратившись к глубинам национального опыта, стать убедительным исследованием духа и духовности. Иначе такая философия окажется «мертвым и ненужным грузом в истории русской культуры»²⁷.

Подводя итог данной статье, хотелось бы отметить, что работы И.А. Ильина отличаются глубиной и чистотой суждений. С его именем связаны многие целеустремления современников выработать всеобъемлющие пути возрождения страны. В связи с чем, многие его идеи в области политики, права, культуры, искусства и религии находят свое применение в научно-практических работах. Не смотря на то, что некоторые исследователи отмечают, утопичность отдельных его взглядов, в частности политико-правовых, творчество отечественного мыслителя имеет свою закономерность и основание. Этим основанием является, как и у всех религиозных философов, – религиозная вера, имеющая онтологический и гносеологический статус.

Произведенный анализ концепции религиозного опыта И.А. Ильина позволил сделать следующие выводы.

Проделанная И.А. Ильиным исследовательская работа по определению аксиом религиозного опыта, явилась итогом его творчества. Она наилучшим образом свидетельствует о его позднем мировоззрении и принципиальной основе его философии. Полагаем, что во многом сквозь книгу «Аксиомы религиозного опыта» необходимо рассматривать его поздние многоаспектные труды.

Принципы созерцания и очевидности сыграли основополагающую роль в теоретической и практической философии И.А. Ильина, проникнутой антропологическим звучанием. Их использование в рамках религиозного опыта позволило прийти к оригинальным идеям в сфере права, культуры, этики, искусства, воспитания и образования. Значимость этих идей для современной России подтверждается их прогностичностью и популярностью. Религиозно-философское наследие И.А. Ильина аккумулирует в себе как западные, так отечественные источники. Данный научный кругозор, не может не внушить доверия к И.А. Ильину, его выводы имели под собой личный опыт и личное познание. Его философия может стать ориентиром при разработке решений многих проблем философии и человека.

Список литературы

1. Диаграммы общероссийских опросов населения России, построенные по данным Госкомстата России // Миссионерское обозрение. 2004. № 10. – 31 с.
2. Концепция национальной безопасности РФ, Военная доктрина РФ, Доктрина информационной безопасности РФ / Религиозные конфессии, движения и объединения на территории Белгородской области: Справочник в двух частях. Ч. 2. Белгород: БОО общества «Знание» России, 2007. – 352 с.
3. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. – Режим доступа: <http://www.scrf.gov.ru/documents99.html>. mht

²⁶ Там же. – С. 37.

²⁷ Там же. – С. 99-102.

4. Флоровский Г. В. Пути русского богословия. Вильнюс, 1991. – 601 с.
5. Гайденко П.П. Владимир Соловьев и философия Серебряного века. М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 472 с.
6. Евлампиев И.И. Божественное и человеческое в философии Ивана Ильина. СПб: Наука, 1998. – 509 с.
7. Полторацкий Н. П. Иван Александрович Ильин: Жизнь, труды, мировоззрение: сборник статей / Н. Полторацкий. Л.: Эрмитаж, 1989. – 320 с.
8. Ерисов Д. П. Религиозная философия И. А. Ильина. Автореферат на соискание ученой степени кандидата философских наук. М., 1998. – 20 с.
9. Гребнева Г. А. Эволюция философских взглядов И. А. Ильина. Автореферат на соискание ученой степени кандидата философских наук. Екатеринбург, 2004. – 23 с.
10. Лосский В. Н. Очерки мистического богословия восточной церкви. М.: Центр «СЭИ», 1991. – 288 с.
11. Ильин И. А. Собрание сочинений: В 10 т./Сост., вступ. ст. и коммент. Ю. Т. Лисицы. М.: Русская книга, 1996.
12. Ильин И. А. Аксиомы религиозного опыта. М.: РАРОГЪ, 1993. – 448 с.
13. Сохряков Ю. И. Ильин И. А. // Писатели русского зарубежья (1918-1940): В 2-х ч. Ч.1. М.: Мысль, 1993. – 580 с.
14. Киреевский И.В. О характере просвещения Европы. Критика и эстетика. М., 1979.
15. Григорий Палама. Триады в защиту священнобезмолствующих. М., 2003. – 384 с.
16. Иерофей (Влахос), митрополит. Православная психотерапия. Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2004. – 368 с.

THE CONCEPT OF RELIGIOUS EXPERIENCE OF I.A. ILYIN

G. V. Bolotnov

*Belgorod State
University*

*e-mail:
Grischa31@mail.ru*

In article the concept of religious experience I.A. Ilyin generated in the end of a creative life is analyzed. This doctrine has absorbed in its bases of the western and domestic philosophy, the special role here belongs to East Christian mystical tradition. Considering process of religious revival to Russia, later I.A. Ilyin's creativity represents the greatest importance and interest.

Key words: religious experience, the religious certificate, Orthodoxy, belief, reason, spirituality, the culture, new religious movements.

СЕМЬЯ КАК ЯДРО СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ С ДЕТЬМИ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ

Т. В. Городова

*Белгородский
государственный
университет*

*e-mail:
vas-gorodov@yandex.ru*

По данным литературных источников и материалам собственных исследований рассмотрены некоторые вопросы социальной работы с детьми, имеющими ограниченные возможности. Рассмотрена роль семьи как первичной ячейки общества и как элемента социальной системы в социализации детей-инвалидов. Показано, что реабилитация наиболее эффективна в естественном окружении, то есть в семье, а социальные технологии социализации не ограничиваются воздействием семейного окружения и участием в ней сверстников ребенка. Социальная реабилитация и социализация – это комплекс мероприятий, направленных не только на самого ребенка, но и на его окружение, в первую очередь на его семью. В качестве основной рабочей гипотезы рассматриваются необходимость и возможность создания в регионе единой системы социальной реабилитации детей с ограниченными возможностями.

Ключевые слова: инвалидность, лицо с ограниченными возможностями, семья, социальная работа, адаптация, реабилитация, социализация, социальная технология, системный подход.

Рассматривая проблемы семей, в которых воспитываются дети-инвалиды, прежде всего, следует отметить трудности, существенно отличающиеся от тех проблем, которые волнуют обычную семью. Больной ребенок требует несравнимо больше, чем здоровый, материальных, духовных и физических затрат. Сокращаются возможности для заработка, отдыха, социальной активности. Соответственно этому складывается и микроклимат в семье – нарушается ее психологическое равновесие.

Кроме того, психотравмирующая ситуация, обусловленная рождением в семье ребенка с аномальным развитием, оказывает воздействие на состояние здоровья членов семьи. Так, у 60% матерей, воспитывающих таких детей, появляется депрессивная симптоматика в различных формах.

Рождение аномального ребенка структурно деформирует семью. По данным исследований И.П. Катковой и В.В. Кузнецовой, среди анкетированных женщин 15,7% разведены, в том числе у 13,3 % женщин причиной ухода мужа из семьи явилось рождение ребенка-инвалида; в 12,3% случаев в семьях сложилась конфликтная ситуация¹. Это не может не сказаться на психическом развитии и социальной адаптации больного ребенка. Семья, в которой появляется ребенок-инвалид, нестабильна, угнетена, нередко чувствует отрицательное отношение к себе со стороны окружающих.

Проведенные нами социологические исследования выявили основные проблемы, с которыми столкнулись семьи, когда в них появились дети с ограниченными возможностями. В социологическом опросе участвовали три категории респондентов: члены 500 семей, воспитывающих детей с ограниченными возможностями (мать или отец), выборка составила 8,0% от генеральной совокупности; 60 сотрудников, непосредственно работающих с детьми-инвалидами, 15 экспертов (сотрудники социальных служб).

Анализ результатов анкетирования показал, что 48,8% родителей считают наиболее важной проблемой материальные затруднения, а 38,4% – слабую информированность о возможности обратиться за помощью и получить ее. Другие проблемы, как, например, отчуждение со стороны окружающих, равнодушие или некомпетентность государственных органов и другие, отмечают 17 % респондентов.

Большинство родителей детей-инвалидов (53,0 %) не считают, что в Белгородской области им оказываются все необходимые виды помощи. Только 29,0 % респондентов

¹ Блинков, Ю.А., Губарев, Е.А. Основы формирования полноценной жизнедеятельности детей с ограниченными возможностями / Ю.А. Блинков. – Курск: Изд-во КГМУ, 1999. – 432 с.

данной группы ответили утвердительно. При этом указывается, что в недостаточной степени оказывается материальная помощь (21,2%), медицинская (16,6 %) и все виды помощи (14,4 %). 13,6 % родителей считают, что им не оказывается информационная помощь. Испытывают затруднения с получением информации о квалифицированной психологической, социальной, правовой, медицинской и других видов помощи 43,6% респондентов.

Специалисты различных служб и профилей, половина из которых (50,8%) работают непосредственно с детьми – инвалидами в большинстве своем (67,8% респондентов) полагают, что дети с ограниченными возможностями и семьи, воспитывающие их, отличаются от других физическими, социальными и психологическими особенностями (50,8%), спецификой общения с окружающими (32,2%), подавленным психологическим состоянием (30,5%). Только наличие физических недостатков относят к отличительным особенностям детей данной категории 11,9% специалистов.

Чтобы составить социальный портрет изучаемой категории детей, проанализируем результаты анкетирования их семей. Половина всех детей-инвалидов (52,0%) имеет в среднем возраст 10-18 лет, то есть их рождение приходится на 1990-1998 годы. 64,4 % детей с ограниченными возможностями родились в полных семьях городского (55,8%) или сельского (44,2 %) типа, имеющих одного-двух детей (86,6%) и удовлетворительные жилищные условия (отдельное жилье) (62,2%). Основной круг общения таких детей – семья (указали 25,4% респондентов), близкое окружение (38,8%) и школьные друзья (21,2%). При этом взаимоотношения с окружающими не имеют ярко выраженных особенностей и отклонений (65,2%). Большинство детей способны передвигаться самостоятельно (77,4% участников опроса) и полностью или частично обслуживать себя (85,6%).

Отношение к детям с аномальным развитием и исключительности ситуации в семье определяются тем, что семья, как часть общества, часто не готова к тому, чтобы воспитать полноценную личность и адаптировать ребенка – инвалида к реальным жизненным условиям. К детям-инвалидам в семьях, как правило, предъявляются заниженные требования, запросы. Проявляется гиперопека, гиперпротекция². Ребенку обычно не предоставляется возможности проявить собственную активность. Это способствует закреплению инфантильности, неуверенности в себе, несамостоятельности, что влечет за собой трудности общения и социальной адаптации.

Психологические исследования показали, что у детей-инвалидов обычная психика развивается по тем же психологическим законам, что и у детей, которых мы называем нормальными. У инвалидов те же духовные потребности, но их жизненная ситуация совершенно иная. Чувство неполноценности у ребенка возникает в зависимости от восприятия этих норм воспитателями. Это зависит от социально-экономического положения семьи, обусловленного уровнем образованности отдельных ее членов, их доходами, общественным престижем, от состава семьи, количества детей в семье, от того, каким по счету является ребенок-инвалид среди братьев и сестер, есть ли бабушки и дедушки, каковы их качества и возможности. Наконец, от эмоциональной значимости этого ребенка для родителей, то есть желанный он или нет, чего от него ожидали, какие надежды возлагали, и т. д. Степень приспособления к новым условиям также индивидуальна у каждой семьи. Она равна адаптационным способностям самого слабого, уязвимого члена семьи (принцип минимума).

Надежды на полноценную жизнь ребенка начинаются в семье с осознания того, что означает диагноз для ребенка, для родителей и для всей семьи. Для большинства родителей наиболее значимым терапевтическим средством оказывается информация о практических мерах, которые вполне обоснованно могут помочь развитию ребенка. Поддержка семьи должна начинаться тогда, когда проблемы, связанные с появлением ребенка-инвалида только начинаются. Задача специалиста по социальной работе заключается именно в том, чтобы внушить родителям, что их постигло отнюдь не несчастье, а всего лишь трудное испытание, которое при желании и настойчивости можно преодолеть. Цель, которая этим преследуется – общественное признание людей с физическими и умственными недостатками. Их жизнь ни в чем не должна отличаться от жизни нормально-го ребенка в семье и нормального человека в обществе.

² Ярская – Смирнова, Е.Р. Социальная работа с инвалидами.-2-е изд., перераб. и доп. / Е.Р. Ярская – Смирнова. – СПб.: Питер, 2005. – 316 с.

В обязанности медико-социального работника по оказанию психологической помощи семье входят следующие основные вопросы: устранение конфликтной ситуации между родителями и детьми; воспитание правильного отношения у родителей и других детей к ребенку-инвалиду как равноценному члену семьи; организация обществ семей, имеющих детей-инвалидов, активное участие в их деятельности и другие³.

Таким образом, целями социальной работы с данной категорией являются: 1) обеспечение социального, эмоционального, интеллектуального и физического развития ребенка, имеющего нарушения, и попытка максимального раскрытия его потенциала для обучения; 2) помощь членам семьи в понимании ребенка и приобретении навыков, более эффективно адаптирующих их к особенностям ребенка; 3) абилитация (приспособление) семей, имеющих детей с задержками развития к социальной ситуации, чтобы максимально эффективно удовлетворять потребности ребенка.

В настоящее время в Белгородской области сложилась практика работы с детьми-инвалидами. На первый взгляд, она достаточно эффективна. Так в ходе исследования 61,8 % родителей ответили, что в регионе существует система помощи детям с ограниченными возможностями. Но при этом около половины из них (25,8 %) считают мероприятия для детей – инвалидов единичными случаями, а остальные (28,4 %) – регулярными. Следует отметить, что на вопросы относительно оценки практики социальной работы затруднились ответить или не ответили до 45,8 % респондентов. По мнению родителей, в рейтинге важности различных видов помощи на первом месте стоит медицинская помощь, на что указали 54,0 % родителей. На 20 % меньше – материальную помощь, которая занимает явно выраженное второе место в рейтинге. 25,0 % процентов родителей определили помощи в социальной адаптации на устойчивое пятое место. На последнее место по значимости поставлена просветительская помощь. 49,2 % родителей не придают этому важному направлению социальной работы серьезного значения. Не отмечена родителями важность и правовой помощи.

Мы полагаем, что мнение значительной части родителей о наличии в регионе системы работы с детьми-инвалидами отражает, скорее желаемое, чем реальное состояние организации этой деятельности. Показательно, что о существовании проблемы организации социальной работы с детьми-инвалидами свидетельствуют ответы 80,0 % экспертов. Она, по мнению 53,3 % специалистов, проявляется в отсутствии системного подхода в работе, в недостаточном финансировании социальных программ (33,3 %), в недостаточной эффективности различных форм помощи детям-инвалидам (26,7 %). 33,3 % экспертов считают, что все виды помощи в той или иной степени недоступны нуждающимся детям. И показательно, что 60,0 % экспертов также убеждены: в регионе нет эффективной системы, способной социально адаптировать детей с ограниченными возможностями, или же она работает не в полную силу (40,0 %).

Исследование позволяет утверждать о несоответствии между наличием целого ряда социальных институтов, функционирующих в сфере социальной работы с детьми-инвалидами, с одной стороны, и уровнем их интеграции в эффективную социальную систему.

Безусловно, в настоящее время создана правовая основа, в обществе осознана важность решения проблемы детей с ограниченными возможностями. Тем не менее, не предпринимается достаточно действенных мер в данном направлении. Особо, на наш взгляд, следует отметить почти полное отсутствие системных взаимосвязей между участниками процесса социальной работы. Иными словами, отсутствие системного подхода к социальной работе с детьми-инвалидами препятствует достижению ее целей.

Как следует из результатов социологического исследования, в данной области социальной работы давно назрела необходимость пересмотреть подходы к проблеме работы с детьми-инвалидами, отмечена целесообразность системного, комплексного подхода в социальной работе с детьми данной категории. И показательно, что о необходимости системного подхода к работе с изучаемой категорией детей высказались 98,1 % специалистов, занятых в этой сфере.

Система социальной работе с детьми-инвалидами должна представлять собой целостную структуру, состоящую из взаимосвязанных и взаимодействующих элементов со-

³ Социальная работа с инвалидами: Настольная книга специалиста / Под. ред. Е.М. Холодовой. – М.: Институт социальной работы, 1996. – 210 с.

циальных институтов, процесс функционирования которых направлен на обеспечение реализации права на достойную жизнь детей с ограниченными возможностями. Элементами данной социальной системы являются общество, семья, государственные структуры и институты, включающие такие подсистемы как социальная политика, социальная работа и так далее.

Социальная система, как и всякая другая, – это не механическое суммирование элементов. Согласно современной теории систем, система как целое обладает свойствами, отсутствующими у ее составных частей⁴. Вот почему системный подход к решению проблемы инвалидности будет наиболее эффективным.

Общим для системного подхода является признание социальной системы как совокупности взаимосвязанных и взаимодействующих между собой элементов (социальных институтов), функционирование которых направлено на достижение общей цели. Процессы здесь рассматриваются как способ действия по достижению цели системы. Социальная система берет на себя интеграционную функцию, благодаря чему система координирует взаимоотношения своих элементов.

В процессе социализации и становления личности ребенка с ограниченными возможностями одна из основных ролей отводится семье. Семья представляет собой общность нескольких человек в совместном, организуемом ими жизненном пространстве, где осуществляется воспитание и социализация большого ребенка, направленная на развитие личности и его социальное интегрирование. От тех социальных позиций, которые занимает семья, зависит дальнейшее становление личности ребенка-инвалида, формирование его социальных ролей. Социальный фактор реализуется в условиях социально-средового окружения. В первую очередь это касается характеристики семьи, образа жизни членов семьи, стиля поведения и отношения к ребенку-инвалиду.

На каждом этапе развития ребенка важную роль приобретает обучение социальному опыту. Именно в рамках семейной социализации детей-инвалидов проявляется принцип обучающего воздействия: обучение навыкам самообслуживания, навыкам хозяйственно-бытового труда, сохранение собственной безопасности, обучение навыкам общения в другой среде – среде сверстников, в более взрослом возрасте это обучение умению вести семейный бюджет и так далее.

Семья представляет собой один из элементов системы социальной работы, объектом которой является ребенок с ограниченными возможностями. Именно в семье – первичной ячейке общества – происходит основная, изначальная социализация ребенка.

В связи с тем, что семьи, в которых воспитываются дети с ограниченными возможностями, выполняют главные функции семьи с точки зрения потребности общества и государства – социализации и воспитания детей, роль института семьи в системе по степени участия семей в данной системе весьма значительна. Ее следует определить как ядро системы социальной работы, поскольку именно она является «центром и основным связующим элементом системы, то есть посредником во взаимодействии всех элементов между собой»⁵.

Семья как ядро системы социальной работы в наибольшей степени определяет реабилитационный потенциал ребенка с ограниченными возможностями. Но семья – пока чаще всего потенциальное ядро системы социальной работы с детьми-инвалидами. Ее современное положение зачастую препятствует формированию и реализации «ядерного статуса». Социальные проблемы, затрагивающие, прежде всего, семью ребенка-инвалида и его ближайшее окружение, и возникающие в процессе социализации этих детей в семье, многообразны: социальные, экономические, психологические и другие. Они, как правило, отражают в себе проблемы более широкого характера. Но семье самой трудно справиться с комплексом проблем, связанных с воспитанием ребенка-инвалида. Для успешной адаптации семей им необходима поддержка общества и государства. Она должна осуществляться с учетом таких факторов, как демографический состав семей, их социально-демографические ресурсы, возраст и реабилитационный потенциал детей-инвалидов.

⁴ Системный подход в современной науке / Под редакцией И.К. Лисеева. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – 560 с.

⁵ Системный подход в современной науке / Под редакцией И.К. Лисеева. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – 560 с.

Поэтому необходима помощь специалистов: реабилитологов, психологов, медиков, социальных работников, которые могут оказать помощь и поддержку, как родителям, так и детям в кризисных ситуациях.

Чтобы понять принципы системного подхода к социальной работе с детьми с ограниченными возможностями, рассмотрим четыре уровня, на которые необходимо решать проблемы инвалидности: микросистему, мезосистему, экзосистему, макросистему⁶.

Микросистема — типы ролей и межличностных взаимоотношений в ближайшем окружении; как правило, это семья — ядро всей системы социальной работы. Микросистема состоит из следующих подсистем: мать/отец, мать/ребенок-инвалид; мать/здоровый ребенок; отец/здоровый ребенок; ребенок-инвалид/здоровый ребенок.

Микросистема функционирует в контексте *мезосистемы*. Это индивиды, службы и организации, активно взаимодействующие с семьей: работники здравоохранения, расширенная семья, друзья, соседи, знакомые по работе и отдыху, специальные реабилитационные или образовательные программы, другие родители, группы поддержки, общественные организации.

В *экзосистему* входят те институты, в которые семья может не включаться непосредственно, но которые могут опосредованно оказывать на нее воздействие: средства массовой информации, системы здравоохранения, социальной защиты, образования, занятости, социального обеспечения, социокультурные, социально-экономические, экономические и политические факторы.

Макросистема включает ценности культуры, традиции, этнонациональные и религиозные представления, отношение к инвалидам в обществе; общие социально-экономические и политические факторы.

Рассматривая возможность системного подхода к проблемам семьи, где воспитывается ребенок с ограниченными возможностями, необходимо последовательно и системно проанализировать конкретную ситуацию: сформулировать основные цели и задачи социальной работы, определить элементы системы и каждой подсистемы и установить их функции, построить структуру системы и выявить суть ее целостности, проанализировать взаимосвязи элементов системы, согласовать цели системы и ее подсистем.

Эффективность и надежность социальной системы предопределяется многими факторами, в том числе и соблюдением основных принципов подхода и самого процесса ее создания и функционирования. К числу важнейших из них относятся: выбор основных факторов и элементов данной системы и ее ядра, определение их роли и значимости, выявление на основе анализа основных тенденций развития социальной работы, экстраполяция этих тенденций на будущее, использование комплексного многоуровневого прогноза в настоящих социальных процессах, интеграция с прогнозами в других сферах общественной деятельности.

Базовыми же принципами системного подхода к социальной работе с детьми с ограниченными возможностями, на наш взгляд, являются: принцип осознания потребности во взаимодействии всех элементов системы, принцип саморазвития системы, принцип социальной ответственности, принцип социальной компетентности, принцип непрерывного образования широких слоев населения, принцип согласования целей и баланса интересов субъектов системы и принцип ее автономности.

Таким образом, социальные технологии социализации не ограничиваются воздействием семейного окружения и участием в ней сверстников ребенка-инвалида. Сама семья нуждается в социальной поддержке со стороны органов социальной защиты, различных учреждений и специалистов в виде консультирования, патронажа, семейной психотерапии, а также в активизации самопомощи членов семьи.

Список литературы

1. Системный подход в современной науке / Под редакцией И.К. Лисеева. — М.: Прогресс-Традиция, 2004. — 560 с.
2. Плотинский, Ю.М. Модели социальных процессов: Учебное пособие для высших учебных заведений. — 2-е изд., перераб. и доп. / Ю.М. Плотинский. — М.: Логос, 2001. — 296 с.

⁶ Ярская — Смирнова, Е.Р. Социальная работа с инвалидами.-2-е изд., перераб. и доп. / Е.Р. Ярская — Смирнова. — СПб.: Питер, 2005. — 316 с.

3. Ярская – Смирнова, Е.Р. Социальная работа с инвалидами.-2-е изд., перераб. и доп. / Е.Р. Ярская – Смирнова. – СПб.: Питер, 2005. – 316 с.
4. Блинков, Ю.А., Губарев, Е.А. Основы формирования полноценной жизнедеятельности детей с ограниченными возможностями / Ю.А. Блинков. – Курск: Изд-во КГМУ, 1999.- 432 с.
5. Социальная работа с инвалидами: Настольная книга специалиста / Под. ред. Е.М. Холостовой.- М.: Институт социальной работы, 1996. – 210 с.
6. Дементьева, Н.Ф. Социализация лиц с задержкой интеллектуального развития и возможности интеграции их в общество/ Н.Ф. Дементьева // Медико-социальная экспертиза и реабилитация. – М.: Медицина, 2004. – №1. – с. 1-9

FAMILY AS A HEART OF SOCIAL WORK SYSTEM WITH CHILDREN HAVING THE LIMITED POSSIBILITIES

T. V. Gorodova

*Belgorod
State
University*

*e-mail:
vas-gorodov@yandex.ru*

According to references and to materials of own researches are considered some questions of social work with children having limited possibilities. The family role as primary cell of a society and as element of social system in socialisation of children-invalids is considered. It is shown that rehabilitation is most effective in a natural environment, that is in a family, but social technologies of socialisation are not limited to influence of a family environment and participation in it of contemporaries of the child. Social rehabilitation and socialisation is a complex of the actions directed not only on the child, but also on its environment, first of all on his family. As the basic working hypothesis necessity and creation possibility for region of uniform system of social rehabilitation of children with the limited possibilities are considered.

Key words: physical inability, family, the person with the limited possibilities, social work, adaptation, rehabilitation, socialisation, social technology, the system approach.

ДУХОВНЫЕ ЦЕННОСТИ В СТРУКТУРЕ РЕЛИГИОЗНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ

С. Е. Кривых

*Армавирский
православно-социальный
институт*

*e-mail:
apsi@bk.ru*

Статья посвящена проблеме межкультурного взаимодействия и мирного сосуществования различных религиозных конфессий. Была создана единая эталонная система ценностей религиозного мировоззрения и проведена ее теоретическая апробация на основных религиозно-философских концепциях с целью выявления основных сходств и различий их аксиологических основ.

Ключевые слова: аксиология, духовность, модальность, ценность, религия, мировоззрение, культура, любовь.

Религия – многогранное, сложное общественное явление. Центральное место в религии занимает мировоззрение. При этом отметим основной критерий, разделяющий научное и религиозное мировоззрение: религиозное мировоззрение основано на абсолютной модальности человеческой субъективности, на системе ценностей и идеалов, а научное мировоззрение стремится к максимальной объективности и минимальной ценностной составляющей¹. Изучение системы ценностей важнейших религий играет важную роль в эпоху, когда мир стоит перед глобальной проблемой утраты духовности. Конец XX и начало XXI столетия характеризуются возникшим мировоззренческим кризисом. Одной из причин кризиса, постигшего человеческую духовность, является утрата абсолютного, бытийного начала, идеалов и идей, объединяющих людей. Таких идей, духовная ценность которых могла бы связать воедино нашу мировую человеческую реальность в ее не только объективном, но и субъективном измерении; помогла бы правильно понять человеческую темпоральность в модусах прошлого и настоящего, чтобы очертить контуры будущего для всего человечества.

Все чаще в поисках экзистенциальных оснований личности и индивидуальности как главных объектов междисциплинарной сотериологии, как религиозные, так и светские мыслители обращаются к аксиологии, которая основана на солидной историко-философской традиции, но как самостоятельное учение возникла в XIX веке в неокантианстве и развитое в философской (культурной) антропологии.

Попытки создания теоретических концепций ценностей в христианской религиозной философии сложились также и в среде российских авторов в начале XX века. Среди авторов, посвятивших свои работы изучению аксиологии в контексте философской мысли в России, следует, прежде всего, назвать имена В.В. Зеньковского, С.А. Левицкого, Г. Флоровского, Н.А. Бердяева, Н.О. Лосского, и др². Однако, проблема ценностных оснований религиозной культуры не получила дальнейшего самостоятельного историко-философского развития. Изучение аксиологии, ее истории и проблематики в советскую эпоху, в силу очевидных идеологических причин, не проводилось и заложенная русскими мыслителями прерванная традиция начинает возрождаться только в 60-е годы прошлого столетия. Появляются первые работы О.Г. Дробницкого, В.П. Тугаринова, затем в 70-е годы – В.Е. Давидовича и Ю.А. Жданова, и др³, в которых эти ученые предприняли

¹ См.напр.: Ахундов, М.Д. Научное и религиозное мировоззрение в системе культуры (Опыт полемики) [Текст] / М.Д.Ахундов, Л.Б.Баженов // Физика в системе культуры. – М.: ИФ РАН, 1996. – 231 с. – С. 197; Лейси, Х. Свободна ли наука от ценностей? [Текст] / Х. Лейси. – М.: Логос, 2001. – 359 с. и др.

² См.напр.: Зеньковский, В.В. История русской философии: в 2-х т. [Текст] / В.В. Зеньковский. – М.: ЭГО, 1991. – Т. 2. – 268 с.; Лосский, Н.О. История русской философии. [Текст] / Н.О. Лосский. – М.: Высшая школа, 1991. – 560 с.; Левицкий, С.А. Очерки по истории русской философии [Текст] / С.А. Левицкий. – М.: Директмедиа Паблишинг, 2005. – 797 с.; Флоровский, Георгий. Пути русского богословия [Текст] / Георгий Флоровский. – Минск: Издательство Белорусского экзархата, 2006. – 607 с. и др.

³ См.: Тугаринов, В.П. О ценностях жизни и культуры. [Текст] / В.П. Тугаринов. – Л.: изд-во ЛГУ, 1960. – 124 с.; Дробницкий, О.Г. Мир оживших предметов: проблема ценности и марксистская философия. [Текст] / О.Г. Дробницкий. – М.: Политиздат, 1967. – 351 с.; Давидович, В.Е. Сущность культуры [Текст] / В.Е. Давидович, Ю.А. Жданов. – Ростов-на-Дону: ИРУ, 1979. – 200 с.

попытку разработки новой теории ценностей и исследования человеческой сущности культуры. Однако, первое солидное исследование исторического процесса становления и развития теории ценностей, появившееся в отечественной литературе, по-видимому, принадлежит Л.Н. Столовичу⁴.

В 80-е годы на Западе вопросами концептуализации религиозного традиционализма в духе аксиологических подходов активно занимались Кэтлин Бетти и Оливия Уолтер; Джеймс Гут и Джон Грин; Артур Миллер и Мартин Уоттенберг; Кеннет Уолд, Деннис Оуэн и Самюэль Хилл; Клайд Уилкос и другие аналитики⁵.

Появление на рубеже XX-XXI веков ряда работ по философии ценностей, в которых дается обзор ценностных построений в религиозной философии, актуализировало аксиологическую проблематику для современной философской науки. Но среди современных ученых нет единого мнения по проблеме ценностей.

Так, М.С. Каган утверждает, что русская философия вообще не знала теории ценностей. С его точки зрения, развитию аксиологии в рассматриваемый период препятствовали узкий теологический подход одних мыслителей (Е.Н. Трубецкой, П.А. Флоренский, С.Л. Франк), последовательный сциентистский подход других (А.Богданов) и просто отказ третьих от разработки философской теории ценности за ненужностью (В. Ленин)⁶.

Значительная часть современных философов утверждает, что аксиологическая проблематика была и остается актуальной; многие мыслители предложили свои аксиологические концепции культуры, которые могли бы лечь в основу общей теории ценностей. Это мнение высказывают Г.П. Выжлецов, Х.Х. Вильданов, Л.Н. Столович, Ф.З. Файзуллин и др.⁷.

Как многоаспектный феномен ценность требует для своего анализа использования данных общественности в целом, подчеркнем, в том числе философии религии и теологии. В этой связи правомерно обращение к трудам по культурологии, этике и эстетике, психологии, истории философии как отечественных (Б.Л. Губмана, П.С. Гуревича, Д.А. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна, Н.С. Розова, Л.Н. Столовича, В.В. Сербиненко и др.⁸) и современных зарубежных ученых (М. Драгона-Моначо, А. Тойнби, А.Эдела и др.⁹).

Проблема духовных ценностей человека – одна из центральных также и в современной социальной философии. Поэтому проблемой места системы духовных ценностей религиозной философии в формировании ценностного мировоззрения современного человека занимаются гораздо больше ученых и философов, чем это может показаться на первый взгляд. Особенно среди них можно выделить М. Вебера, А.Е. Конверского, В.Г. Лысенко, С.Ю. Лепехова, И.Ф. Надольного, Д.А. Оганесян, Е.А. Резван, В.А. Рыжко, Н.С. Розова, Б.П. Шубнякова, Л.А. Говинда и многих других¹⁰.

⁴ См.: Столович, Л.Н. Красота. Добро. Истина. Очерки истории эстетической аксиологии. [Текст] / Л.Н. Столович. – М.: Республика, 1994. – 464 с.

⁵ См.напр.: Miller A., and Wattenberg M. Politics from the Pulpit: Religiosity and the 1980 Elections // Public Opinion Quarterly. 1984; Kenneth W., Owen D, and Hill S. Churches as Political Communities // American Political Science Review. 1988; Beatty K., and Walter O. A Group Theory of Religion and Politics: The Clergy as Group Leaders // Western Political Quarterly. 1989 и др.

⁶ См.: Каган, М.С. Философская теория ценностей. [Текст] / М.С.Каган. – СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1997 – 205 с.

⁷ См.напр.: Выжлецов, Г.П. Аксиология культуры. [Текст] / Г.П.Выжлецов. – СПб.: изд-во СПбГУ, 1996. – 152 с.; Вильданов, Х.Х. Ценности: историко-философский и гносеологический анализ. [Текст] / Х.Х.Вильданов, Ф.С.Файзуллин. – Уфа: РИО БашГУ, 2002. – 177 с. и др.

⁸ См.напр.: Леонтьев, Д.А. Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции [Текст] / Д.А.Леонтьев // Вопросы философии – 1996 – № 4 – с. 15-26; Розов, Н.С. Ценности в проблемном мире: философские основания и социальные приложения конструктивной аксиологии. [Текст] / Н.С.Розов. – Новосибирск: изд-во Новосиб. ун-та, 1998. – 292 с. и др.

⁹ См.напр.: Edel A. Value. Theory of // Encyclopedia of Ethics. Ed. L.S. Becker, C.V. Becker. 1992; Dragona-Monachou M. Do We Need New, Reformed, or Common Moral Values? // The Idea of Values. Ed. by W.L. McBride. Ideas Underlying World Problems. Vol. 4. Charlottesville (Virginia), 2003 и др.

¹⁰ См.напр.: Вебер, М. Избранные произведения. [Текст] / М.Вебер – пер. с нем. Ю.Н. Давыдова. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.; Лепехов, С. Ю. Буддийская философия как идейная основа буддийской цивилизации. [Текст] / С.Ю. Лепехов // Проблемы новейшей историографии философии зарубежного Востока. – М.: ИФРАН, 1998 – 105 с.; Говинда, А. Психология раннего буддизма. Основы тибетского мистицизма [Текст] / А.Говинда. – СПб.: Андреев и сыновья, 1993. – 472 с.; Резван, Е.А. Коран и его толкования: (Тексты, переводы, комментарии). [Текст] / Е.А.Резван. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000. – 208 с., и др.

Однако до сих пор ни в отечественной, ни в зарубежной историко-философской, философско-аксиологической и религиозно-философской литературе до сих пор не представлено целостного анализа теоретических концепций ценностной структуры религиозного мировоззрения. Чем это вызвано? Очевидно, определенным теоретико-методологическим «зазором» между научным (объективно-материалистическим) и религиозным (объективно-идеалистическим) мировоззрениями, который требует анализа человеческой субъективности.

Каждый человек имеет более или менее упорядоченную, иерархизированную структуру ценностных ориентаций, которая складывается у него из отдельных ценностей, оценок, смыслов, норм и представлений о должном, истинном и прекрасном. С их помощью он ориентируется в мире ценностей и выбирает соответствующие личностные структуры ценностей, например, он оценивает сами ценности, рефлектирует на них, как на объективный факт: какие из ценностей для него более, а какие — менее значимы. Особое значение в жизни людей имеют религиозные ценности. Они постоянны, связаны с глубинными константами культуры, ее кодами и инвариантами; по своему влиянию на мировоззрение, в большинстве своем, относятся к верховным абсолютным, или базовым ценностям. В этих ценностях органически сопряжены социоцентризм и антропоцентризм. Так, духовные ценности личности в значительной мере определяют ее жизненные установки, склонности, привычки, характер взаимоотношений с окружающей социальной средой. Религиозный менталитет формируется в процессе социализации личности, как результат формулирования индивидуом ценностной системы мировосприятия. Его особенностью состоит в надындивидуальном характере убеждений, часто, некритическом, основанном на вере в авторитет социальных институтов и олицетворяющих их личностей. В нем содержится отображенный в религиозном учении исторический опыт национального и наднационального бытия. Массовость, всеобщность, историчность, трансцендентальность позволяют говорить о существовании своеобразного подсознательного культурного эргерона. Это духовное единство в значительной степени влияет на особенности ценностных склонностей людей.

Принцип социологизма М. Вебера, развитого в дальнейшем в школе структурно-функционально анализа, где понятие ценности приобретает обобщенный методологический смысл как средство выявления и описания социальных отношений и институтов, как способ бытия, являющийся значимым для каждого субъекта, наиболее полно позволяет выстраивать социокультурные модели.

Развивая аксиологические идеи Вебера и кратко формулируя его принципы, можно предложить рассматривать ценностную структуру мировоззрения применительно к религии (хотя этот методологический подход уместен и для исследования некоторых сакрализованных пластов светской культуры) следующим образом.

В отличие от классической онтологии аксиология оперирует, и во всей большей мере вынуждена делать это, с модальностями человеческой субъективности¹¹. Концепты «виртуальная реальность», «возможность» и «случайность» (в отличие от соотносительных с ними классических категорий «действительность», «необходимость») выступают в качестве базисных понятий, призванных дать общефилософскую модель модальностей социокультурных форм человеческой субъективности, из относительности которых диалектически развивается абсолютное. Сами же эти модальности как бы вырастают на другом, втором уровне в качестве синтетических не только по отношению к алетическим модальностям, но и по отношению к этистемическим модальностям, с которыми ближе всего коррелирует, но не надстраивается непосредственно наука, деонтическими модальностями, с которыми коррелирует нравственность, аксиологическими модальностями, с которыми коррелирует, но не однозначно — искусство.

¹¹ См.: Егорова, Е. Категория модальности в современных гуманитарных науках [Текст] / Е. Егорова // Литература XX века: итоги и перспективы изучения. Материалы Четвертых Андреевских чтений. Сборник научных статей / под ред. Н.Т. Пахсарьян, Н.А. Литвиненко. — М.: Экон, 2006. — 190 с.; Рагуленко, С. Миф как модальность восприятия [Текст] / С. Рагуленко // Дарьял — 2001 — №5; Эпштейн, М.Н. Философия возможного [Текст] / М.Н.Эпштейн. — СПб.: Алетейя, 2001. — 334 с.; Ляпшин, С.Г. Модальности социокультурных форм человеческой субъективности: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13: защищена 11.07.08 / С.Г. Ляпшин. — Ростов-на-Дону, 2008. — 18 с.

В плане религиозного мировоззрения модальности абсолютного и относительного выступают, скорее, в качестве в виде модальностей третьего уровня, которые аналогично кантовским идеям чистого разума регулируют модальную направленность феноменов духовной культуры. Например, религия придает человеческим ценностям модальность абсолютного, освящает мораль и искусство, политику и право.

Рассмотрение эстетической модальности социокультурной формы человеческой субъективности показывает диалектическое единство абсолютного начала человеческого бытия и относительного начала социального бытия, которые удерживаются в равновесии культурным началом. Фиксирование культурного единства абсолютного и относительного помогает вариативность социальной истории, многообразие ее преломлений в индивидуальной (субъективной) историчности. Субъективное модифицирование сознанием бытия выражает как многообразие возможностей творчества и самотворчества, возможности многообразия и многовариантности. Яркое выражение процесс сознательного исторического конструирования социокультурной реальности находит в эстетической модальности воспроизводства универсальности целостного субъекта.

Возможно, в аспекте абсолютной модальности лучше может быть понята взаимная дополнительность религиозной веры и научного знания как двух измерений человеческого бытия: материального и духовного. Это подтверждается историей западноевропейской культуры, фиксирующей важную роль религии в создании новых укладов экономики, политических форм общественной жизни и собственно классической науки как формы человеческой духовности. В то же время прямое усмотрение абсолютной модальности в культуре требует обращения к нравственности как ядру культуры. Эстетическая форма сознания демонстрирует лишь относительную модальность, поэтому она служит переходным звеном в нашем исследовании к абсолютным модальностям. Модальность эстетической формы человеческой субъективности существенно отличается от относительной модальности правового и политической форм человеческой субъективности тем, что эстетические феномены культуры выражают автономии человеческого бытия, а не детерминированность человека системой общественных отношений. Эстетическое творчество – это самоконструирование человеческой целостности и универсальности в пространственно-временном континууме социокультурной реальности.

Естественно, возникает непростая проблема гуманизма. Здесь главное место занимает человек как носитель и потребитель всех ценностей. Религия все больше антропологизируется и гуманизируется. Разрабатывая теоретическую модель ценностной структуры мировоззрения, мы опирались на концепции многих зарубежных и отечественных авторов, например, близки к нашему подходу принципы классификации ценностей, приведённые в работах Кармина А.С., в которых он выделил ценности по их значимости влияния на жизнь человека: финальные – базовые ценности, самые высшие ценности и идеалы, важнее и значимее которых больше ничего нет, инструментальные, которые представляют собой средства и условия, необходимые для достижения и сохранения финальных ценностей, и производные ценности, которые выступают как следствия или выражения других ценностей, имеющие значимость лишь как их признаки или символы¹².

Обобщая все изложенное выше, мы предлагаем следующую ценностную структурную модель мировоззрения. Основу модели составляют финальные общечеловеческие ценности, которые формируют нравственный облик современной личности. На первом месте в категории ценностной ориентации человека стоит вера в абсолют, от которой зависит вся жизнь на планете; далее в ранге ценностей следует любовь: любовь к своей семье, любовь к человеку, любовь ко всему живому, что его окружает, любовь к справедливости, мыслительной и аналитической деятельности, а также связанные с любовью толерантность, неприятие насилия, неприятие готовых догм, наставлений или положений слепой фанатической веры и научно-технической гордыни. Далее, трудолюбие, самооценка честности, чувства меры, освобождение своего разума от зависти, алчности, злобы и ненависти, от лжи и клеветы, грубой речи, отказ от любых профессий и занятий, которые могут повредить благу других существ. В духе философии и религии недеяния следует принять как ценность отказ от применения прямых и легких средств опьянения с по-

¹² См.: Кармин, А.С. Культурология [Текст] / А.С. Кармин – 2-е изд., перераб.и доп. – СПб.: Лань, 2003. – 928 с.

мощью «машин счастья» (наркотических средств и алкоголя, табакокурения, легкой музыки и развлечений, игроизаии серьезного в жизни и пр.). Интегральная ценность – это время человеческого бытия, существующая в модусах памяти, заботы, надежды и т.д.

Используя составленную модель, мы попытались исследовать сходство и различия религиозных ценностей в парадигмах западной и восточной религиозных доктрин. В результате можно выдвинуть гипотезу, которая нуждается в дальнейшем подтверждении или опровержении, что среди рассмотренных ценностей христианства, мусульманства и буддизма одинаково позиционируются общечеловеческие ценности, такие, например, как трудолюбие, неприятие догм, кроме специфичных для данной религии, способность непредвзятого познания природы вещей, ценность освобождения от негативных зависимостей – ненависти, алчности, зависти. Также одинаково позиционируется ценность времени как особое чувство конечного пребывания человека в этом мире.

Таким образом, во всех религиях основную структуру составляют общечеловеческие финальные ценности, описанные в предложенной мировоззренческой структуре. Остальные ценности, которые позиционируются по-разному, в каждой из религиозных доктрин, несут, в принципе, инвариантную смысловую и регулятивную нагрузку, но имеют разный теистический смысл. В отличие от светской системы ценностей, полюса религиозного мировоззрения сосредоточены на абсолютной модальности всех ценностей. Если для светского человека главным полюсом ценностных ориентаций является счастье, то для верующего – это любовь.

На наш взгляд, какой бы ни был теистический характер ценностей в том или ином религиозно-философском мировоззрении, все они имеют общий вектор, направленный на мирное сосуществование на Земле всех представителей людского рода. Также следует отметить, что предложенная ценностная система мировоззрения является квинтэссенцией всех моральных общечеловеческих ценностей, способных сохранить мир на Земле.

Список литературы

1. Ахундов, М.Д. Научное и религиозное мировоззрение в системе культуры (Опыт полемики) [Текст] / М.Д. Ахундов, Л.Б. Баженов // Физика в системе культуры. – М.: ИФ РАН, 1996. – 231 с. – С. 197; Лейси, Х. Свободна ли наука от ценностей? [Текст] / Х. Лейси. – М.: Логос, 2001. – 359 с. и др.
2. Зеньковский, В.В. История русской философии: в 2-х т. [Текст] / В.В. Зеньковский. – М.: ЭГО, 1991. – Т.2. – 268 с.; Лосский, Н.О. История русской философии. [Текст] / Н.О. Лосский. – М.: Высшая школа, 1991. – 560 с.; Левицкий, С.А. Очерки по истории русской философии [Текст] / С.А. Левицкий. – М.: Директмедиа Паблишинг, 2005. – 797 с.; Флоровский, Георгий. Пути русского богословия [Текст] / Георгий Флоровский. – Минск: Издательство Белорусского экзархата, 2006. – 607 с.
3. Тугаринов, В.П. О ценностях жизни и культуры. [Текст] / В.П. Тугаринов. – Л.: изд-во ЛГУ, 1960. – 124 с.; Дробницкий, О.Г. Мир оживших предметов: проблема ценности и марксистская философия. [Текст] / О.Г. Дробницкий. – М.: Политиздат, 1967. – 351 с.; Давидович, В.Е. Сущность культуры [Текст] / В.Е. Давидович, Ю.А. Жданов. – Ростов-на-Дону: ИРУ, 1979. – 200 с.
4. Столович, Л.Н. Красота. Добро. Истина. Очерки истории эстетической аксиологии. [Текст] / Л.Н. Столович. – М.: Республика, 1994. – 464 с.
5. Miller A., and Wattenberg M. Politics from the Pulpit: Religiosity and the 1980 Elections // Public Opinion Quarterly. 1984; Kenneth W., Owen D, and Hill S. Churches as Political Communities // American Political Science Review. 1988; Beatty K., and Walter O. A Group Theory of Religion and Politics: The Clergy as Group Leaders // Western Political Quarterly. 1989; и т.д.
6. Каган, М.С. Философская теория ценностей [Текст] / М.С. Каган. – СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1997. – 205 с.
7. Выжлецов, Г.П. Аксиология культуры. [Текст] / Г.П. Выжлецов. – СПб.: изд-во СПбГУ, 1996. – 152 с.; Вильданов, Х.Х. Ценности: историко-философский и гносеологический анализ. [Текст] / Х.Х. Вильданов, Ф.С. Файзуллин. – Уфа: РИО БашГУ, 2002. – 177 с.
8. Столович, Л.Н. Красота. Добро. Истина [Текст] / Л.Н. Столович. – М.: Республика, 1994. – 464 с.; Леонтьев, Д.А. Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции [Текст] / Д.А. Леонтьев // Вопросы философии – 1996 – № 4 – с. 15-26; Розов, Н.С. Ценности в проблемном мире: философские основания и социальные приложения конструктивной аксиологии. [Текст] / Н.С. Розов. – Новосибирск: изд-во Новосиб. ун-та, 1998. – 292 с.; и т.д.

9. Edelman A. Value. Theory of // Encyclopedia of Ethics. Ed. L.S. Becker, C.B. Becker. 1992; Dragona-Monachou M. Do We Need New, Reformed, or Common Moral Values? // The Idea of Values. Ed. by W.L. McBride. Ideas Underlying World Problems. Vol. 4. Charlottesville (Virginia), 2003, и т.д.

10. Вебер, М. Избранные произведения. [Текст] / М. Вебер – пер. с нем. Ю.Н. Давыдова. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.; Лепехов, С. Ю. Буддийская философия как идейная основа буддийской цивилизации. [Текст] / С.Ю. Лепехов // Проблемы новейшей историографии философии зарубежного Востока. – М.: ИФРАН, 1998 – 105 с.; Говинда, А. Психология раннего буддизма. Основы тибетского мистицизма [Текст] / А. Говинда. – СПб.: Андреев и сыновья, 1993 – 472 с.; Резван, Е.А. Коран и его толкования: (Тексты, переводы, комментарии). [Текст] / Е.А. Резван. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000. – 208 с.; и т.д.

11. Егорова, Е. Категория модальности в современных гуманитарных науках [Текст] / Е.Егорова // Литература XX века: итоги и перспективы изучения. Материалы Четвертых Андреевских чтений. Сборник научных статей / под ред. Н.Т. Пахсарьян, Н.А. Литвиненко. – М.: Экон, 2006. – 190 с.; Рагуленко, С. Миф как модальность восприятия [Текст] / С. Рагуленко // Дарьял – 2001 – №5; Эпштейн, М.Н. Философия возможного [Текст] / М.Н. Эпштейн. – СПб.: Алетейя, 2001. – 334 с.; Ляпшин, С.Г. Модальности социокультурных форм человеческой субъективности: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13: защищена 11.07.08 / С.Г. Ляпшин. – Ростов-на-Дону, 2008. – 18 с.

12. Кармин, А.С. Культурология. [Текст] / А.С. Кармин – 2-е изд., перераб.и доп. – СПб.: Лань, 2003. – 928 с.

THE SPIRITUAL VALUES IN THE RELIGIOUS WORLD OUTLOOK STRUCTURE

S. E. Krivykh

*Amavir Orthodox Social
Insitute*

*e-mail:
apsi@bk.ru*

The paper is dedicated to the problem of the interaction between the different cultures and peaceful coexistence of different religious confessions. The uniform model system of religious world outlook values was created and its theoretical testing on the main religious-philosophical conceptions was made in order of the main resemblances and differences of their axiological basises exposure.

Key words: axiology, spirituality, modality, value, religion, world-view, culture, love.

ДИАГНОСТИКА УРОВНЯ ГОТОВНОСТИ МУНИЦИПАЛЬНЫХ СЛУЖАЩИХ К САМОСТОЯТЕЛЬНОМУ РЕШЕНИЮ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ СЕЛА

Ю. Ю. Маринченко

*Белгородский
государственный
университет*

*e-mail:
marinchenko@bsu.edu.ru*

В статье обосновывается тезис о том, что проблема готовности муниципальных служащих является одной из ключевых проблем муниципального менеджмента. Делается вывод, что на муниципальном уровне необходима продуманная система действий, направленная на формирование готовности муниципальных служащих к самостоятельному управлению развитием сельских муниципальных территорий, а также на стимулирование и мотивацию работников.

Ключевые слова: муниципальные служащие, готовность, сельские муниципальные образования, социальные проблемы.

В результате реформы местного самоуправления в России в настоящее время образовалось более двадцати четырех тысяч муниципальных образований¹. Значительную часть из них составляют сельские муниципальные образования, к которым мы относим сельские муниципальные районы и сельские поселения.

В качестве муниципального образования выступает сельское поселение, на котором в соответствии с законом осуществляется местное самоуправление, действуют выборные и иные органы местного самоуправления. Сельское поселение представляет собой один или несколько объединенных общей территорией сельских населенных пунктов (поселков, сёл, станиц, деревень, хуторов, кишлаков, аулов и других сельских населенных пунктов), в которых местное самоуправление осуществляется населением непосредственно и (или) через выборные и иные органы местного самоуправления².

Развитие сельской территории носит характер комплексного процесса, затрагивающего многие аспекты социально-экономической жизни. Под социально-экономическим развитием понимается управляемый взаимосвязанный процесс достижения определенного уровня развития различных сфер жизни с учетом потребностей самого муниципального образования и интересов государства на его территории.

Анализ внутренних и внешних факторов развития сельских муниципальных образований является необходимым условием решения социальных проблем села. Понятие «социальная проблема» относится к тем ситуациям, в которых человек сталкивается с определенными затруднениями. По результатам исследования «Социальные проблемы развития сельских муниципальных образований», проведенного среди муниципальных служащих в апреле-мае 2009 года, мы выявили, что одни жизненные затруднения преодолеваются ими средствами наличного знания и опыта, другие требуют нахождения новых, более эффективных средств³. Мы полагаем, что на основе адекватной диагностики уровня готовности муниципальных служащих к самостоятельной деятельности, возможна формулировка новых, эффективных подходов к решению социальных проблем села, направленных на развитие территорий, улучшение условий жизни селян.

В ходе исследования выяснилось, что основными проблемами, препятствующими развитию сельских муниципальных образований, по мнению участников опроса, являются: алкоголизм (39,33% респондентов), проблема обеспеченности жильем и количества рабочих мест (34,67%), недоступность образования (24,67%), воспитание молодого поколения (21,33%), экологические проблемы (17,33%), качество предоставления медицинских услуг (16%), трудности в межличностном общении между людьми (14,67%), наркомания и спад уровня производства (12%).

¹ «Глава местной администрации» – 2007. – № – 4 – С. 1.

² Руководитель муниципального образования: Учебное пособие. М.: АНХ, 2006. – С. 500.

³ «Социальные проблемы развития сельских муниципальных образований» исследование 2009 года, N 150.

Среди наиболее эффективных мер в решении указанных проблем, муниципальные служащие отмечают поддержку региональных органов управления, повышение эффективности работы кадров, проведение мониторинга социально-экономического развития сельских муниципальных образований, эффективное использование финансовых средств, разработка стратегии развития (рис. 1).

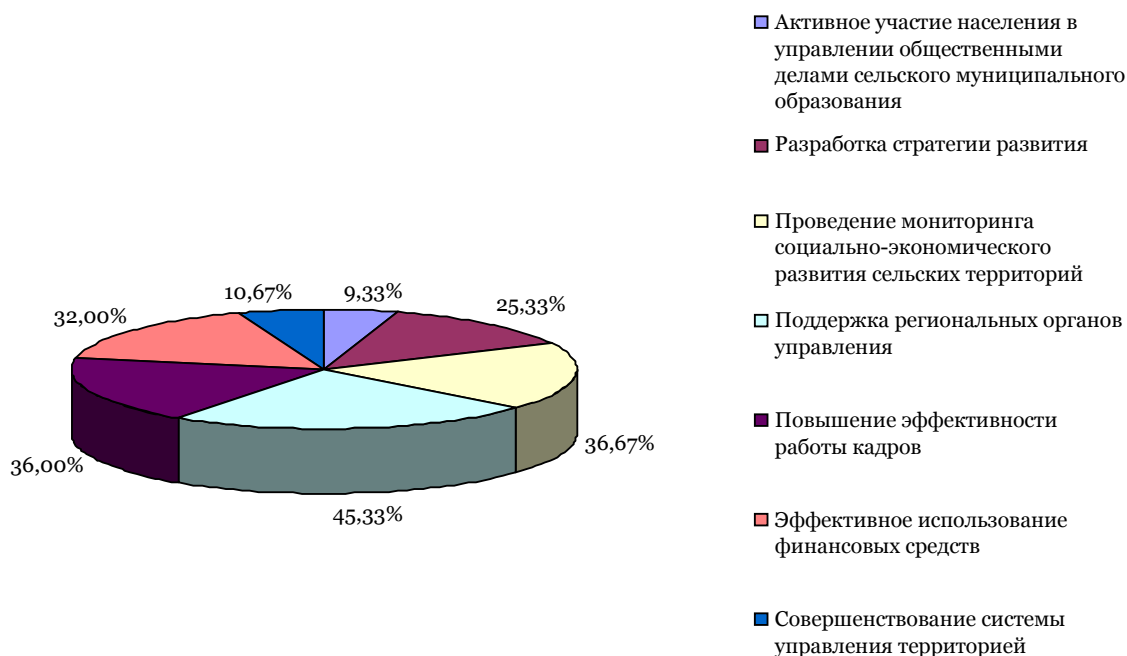

Рис. 1. Оценка муниципальными служащими наиболее эффективных мер, способствующих решению, указанных проблем

Как мы видим 45,33% респондентов, среди наиболее эффективных мер, способствующих решению социальных проблем развития сельских муниципальных образований, выделяют поддержку региональных органов управления. Но на наш взгляд, полученные данные свидетельствуют и о неготовности муниципальных служащих самостоятельно решать проблемы местного значения, о стремлении переложить ответственность на государство.

Это предположение в какой-то мере подтверждается и тем, что самостоятельно управлять развитием сельских территорий в полной мере готовы 6% муниципальных служащих, частично 58% и не готовы 36%, что демонстрирует рис. 2.

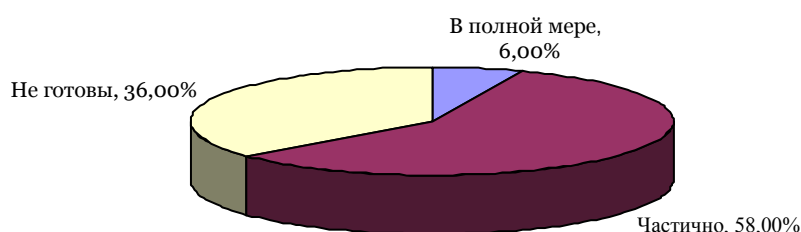

Рис. 2. Оценка муниципальными служащими готовности самостоятельно управлять развитием сельской территории

Результаты исследования подтверждают, что проблема готовности муниципальных служащих является одной из ключевых проблем муниципального менеджмента и оценка ее требует, прежде всего, теоретического анализа самой категории готовности. Под готовностью человека к какой-либо деятельности мы понимаем, наличие знаний, умений и навыков, а также желания реализовать свои способности в той или иной сфере. Готовность муниципальных служащих к самостоятельному управлению развитием сельских территорий, также складывается из этих основных элементов, структура которых представлена на рис. 3.

Рис. 3. Готовность муниципальных служащих к самостоятельной управленческой деятельности

Одним из важнейших компонентов профессиональных знаний, умений и навыков муниципальных служащих, является владение управленческими технологиями. Управленческая технология – это определенный набор средств и методов, при помощи которых осуществляется целенаправленное управляющее воздействие на социальную систему для поддержания ее качественной специфики, оптимального режима функционирования и желаемого развития⁴. В нашем социологическом исследовании в качестве управленческих технологий мы рассматривали технологии стратегического планирования, территориального самоуправления, реинжиниринга, коммуникационную, проблемно-ориентированную технологии и другие. В результате исследования выяснилось, что всего 2% муниципальных служащих в полной мере владеют технологиями стратегического планирования и 3% технологиями территориального управления. Подавляющее большинство респондентов (83%) не владеют проблемно-ориентированной технологией и технологией стратегического планирования. Это свидетельствует о том, что большинство муниципальных служащих области не обладают достаточным технологическим потенциалом для решения социальных проблем развития сельских территорий.

⁴ Сурмин Ю. П., Туленков Н. В. Теория социальных технологий: Учеб. пособие. – К.: МАУП, 2004. – С. 514.

Однако, на вопрос «Хотели бы Вы научиться современным технологиям территориального управления?» 81,33% респондентов дали положительный ответ (рис. 4).

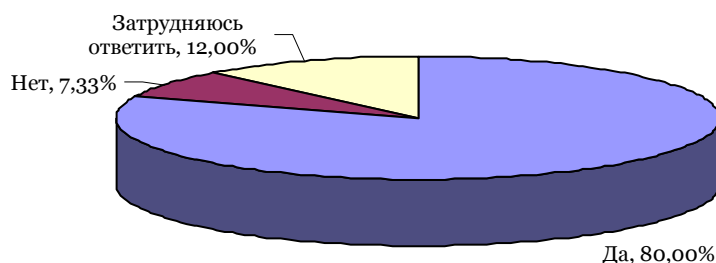

Рис. 4. Хотели бы Вы научиться современным технологиям территориального управления?

Таким образом, несмотря на дефицит знаний и навыков, можно говорить о наличии психологической установки на восполнение дефицита. Большая часть муниципальных служащих осознает проблему недостатка профессиональных знаний, необходимых для исполнения должностных обязанностей и, вследствие этого, значимость специализированного профессионального обучения. Однако важно и то, что для формирования профессионального кадрового корпуса муниципальной службы, помимо субъективной готовности работников к повышению уровня профессионализма, необходимо также понимание необходимости профессионального развития специалистов руководителями органов местного самоуправления. Однако на практике далеко не всегда муниципальные руководители последовательно решают проблему профессионального обучения, переподготовки и повышения квалификации.

Между тем, исследование показывает, что в некоторых отношениях даже уровень информированности работников по проблемам, относящимся к сфере их деятельности, остается низким.

В частности анализ степени владения муниципальными служащими информацией о функциях органов местного самоуправления показал, что всего 9,33% муниципальных служащих имеют полное представление о структуре в которой работают, а для 90,67% характерно лишь общее представление. О научных основах управления осведомлены 46% участников опроса и не знают ничего 38%. Несомненно, низкий уровень профессиональных знаний является значимым барьером в процессе эффективного решения социальных проблем села, а, следовательно, и управления развитием сельских территорий.

На профессиональную готовность муниципальных служащих оказывают влияние условия их труда, качество которых остается низким и не способствует мотивации к результативной работе. Анкетный опрос показывает, что 81,33% опрошенных недовольны условиями своей профессиональной деятельности. В качестве основных причин такой неудовлетворенности были названы: низкий уровень заработной платы (37,33% респондентов), плохие условия труда и трудности в реализации своих способностей (29,33%), отсутствие перспектив профессионального роста (27,33%) (рис. 5).

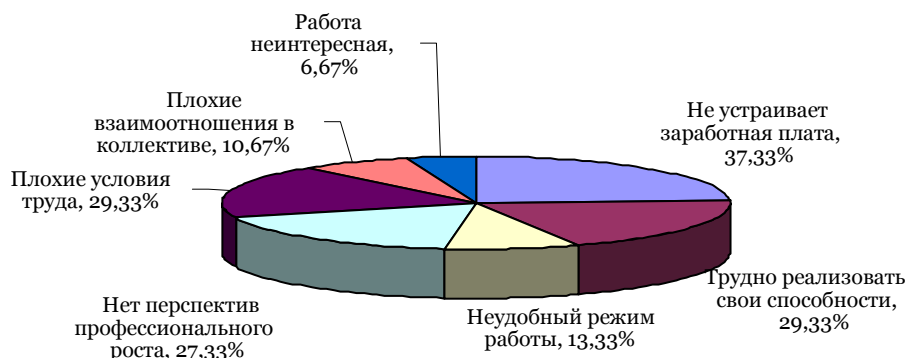

Рис. 5. Причины недовольности условиями профессиональной деятельности

Таким образом, на основании полученных результатов, можно утверждать что, уровень готовности муниципальных служащих к самостоятельному решению проблем села является недостаточно высоким. Это дает основания заключить, что на муниципальном уровне необходима продуманная система действий, направленная на формирование готовности муниципальных служащих к самостоятельному управлению развитием сельских муниципальных территорий, стимулирование и мотивацию работников. Эти меры должны быть научно обоснованы, носить адресный характер и предусматривать повышение уровня компетентности служащих в отношении управленческих технологий, использовании современных информационно-технических средств. При этом нельзя не учитывать, что успешность принимаемых мер будет прямо зависеть от улучшения условий профессиональной деятельности работников и повышения уровня удовлетворенности их своим профессиональным статусом.

Список литературы

1. «Глава местной администрации» – 2007. – № – 4 – 158 с.
2. Руководитель муниципального образования: Учебное пособие. М.: АНХ, 2006. – 512 с.
3. «Социальные проблемы развития сельских муниципальных образований» исследование 2009 года, N 150.
4. Сурмин Ю. П., Туленков Н. В. Теория социальных технологий: Учеб. пособие. – К.: МАУП, 2004. – 608 с.

DIAGNOSIS OF A MUNICIPAL EMPLOYEE'S WILLINGNESS LEVEL FOR INDEPENDENT SOLVING OF SOCIAL PROBLEMS IN RURAL MUNICIPALITIES

J. J. Marinchenko

Belgorod State University

e-mail: marinchenko@bsu.edu.ru

The article substantiates the thesis that the problem of municipal employee's readiness is the key problem in municipal management. The author makes a conclusion that designed system of actions directed at the formation of municipal employee's readiness for autonomous management by rural municipalities development and at the stimulation and motivation of servants is necessary at municipal level.

Key words: municipal employees, readiness, rural municipalities, social problems.

ЧЕЛОВЕК В СИСТЕМЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА КАК ОСНОВЫ ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕГОСЯ МИРА

**С. И. Некрасов¹⁾
З. В. Макатов²⁾**

*¹⁾ Московский
государственный
технический
университет
гражданской авиации*

*e-mail:
sinekrasov@mail.ru*

*²⁾ Московский
государственный
технический
университет
гражданской авиации*

При изучении процесса информатизации и глобализации необходимо, прежде всего, выделить её духовно-нравственное человеческое измерение и оценить то влияние, которое она оказывает на самого человека, его сознание, систему ценностей и поведение. Антигуманный вариант реализации информационно-глобальных преобразований деформирует духовно-нравственную сферу человеческого бытия, разрушает самобытность и уникальность, превращает его в безликого человека «одного дня», свободного от каких-либо «корней», отчужденного и потерянного, с искажённым представлением о добре и зле. Но с другой стороны, в информационно-глобализирующемся мире наряду с соперничеством, культивируется сотрудничество, которое позволяет полностью использовать коллективный человеческий потенциал, ставит перед собой задачу – «помочь слабому», «отстоять» слабого, а не вытеснить его, сохраняет человеческое достоинство и возвышает человека.

Ключевые слова: Информационное общество, глобализация, компьютерный человек, нравственность, сознание, отчуждение, культура, цивилизация.

Информационно-коммуникационные инновации, характерные для сегодняшнего общества, существенно и качественно изменяют современный мир и самого человека. Ослабление роли географических пространств и ограничений, которые налагаются ими, существенно детерминированы развитием и внедрением информационно-коммуникационных инноваций в жизнедеятельность общества. Новые подходы к рассмотрению мира как единой целостной системы определяются трансформацией систем связи, цифровых технологий в единую мировую систему коммуникаций. В результате такого теоретического осмысления возрастающего единства мира явилась концепция глобализации.

Информационная революция на пороге III тысячелетия привнесла огромный пласт новых знаний, которые существенно расширили границы нашего познания и меняют социальный облик человечества.

Г. Киссинджер, описывая состояние международной системы, в период становления информационного общества, считал, что никогда ранее составные части мирового порядка, их способность взаимодействовать и цели не изменялись так быстро, так глубоко и так глобально. Современные достижения в области развития информационных и коммуникационных технологий способствуют формированию совершенно новых экономических, социальных и культурных отношений в жизни людей, которые описываются единым понятием «глобальное информационное общество».

Само понятие «информационное общество» появилось в начале 60-х годов XX века. Практически одновременно исследователи динамики развития наукоемких производств в США и Японии Ф. Махлуп и Е. Масуда обращают внимание на влияние информационных процессов на общественные явления. В работе «Производство и применение знания в США» американский экономист Ф. Махлупом употребил термин «информационное общество» – понятие это заменило до этого используемый термин «постиндустриальное общество». Ф. Махлуп был одним из первых, кто исследовал информационный сектор экономики на примере США. В современной философии и других социальных науках понятие «информационное общество» быстро развивается в качестве концепции нового социального порядка, существенно отличающегося по своим характеристикам от предыдущего. Первоначально утверждается понятие «посткапиталистического» – «постиндустриального общества», в границах которого в отраслях экономики начинает преобладать производство и распространение знания, и, соответственно, появляется новая отрасль – информационная экономика. Быстрое развитие последней обуславливает ее контроль за сферой бизнеса и государства. Выделяются организационные основы этого

контроля, в применении к социальной структуре означающие возникновение класса меритократии. Производство информации и коммуникация становятся централизованным процессом. В конечном счёте основным ресурсом нового постиндустриального порядка определяют информацию. Одна из наиболее интересных и разработанных философских концепций информационного общества принадлежит известному японскому ученому Е. Масуде, стремящемуся осмыслить грядущую эволюцию социума. Основные принципы композиции грядущего общества, представленной в его книге «Информационное общество как постиндустриальное общество», следующие: основой нового общества будет являться компьютерная технология, с её фундаментальной функцией замещать либо усиливать умственный труд человека; информационная революция будет быстро превращаться в новую производительную силу и сделает возможным массовое производство когнитивной, систематизированной информации, технологии и знания; потенциальным рынком станет «граница познанного», возрастет возможность решения проблем и развитие сотрудничества; ведущей отраслью экономики станет интеллектуальное производство, продукция которого будет аккумулироваться, а аккумулированная информация станет распространяться через синергетическое производство и долевое использование. В новом информационном обществе основным субъектом социальной активности станет «свободное общество», а политической системой будет являться «демократия участия»; основной целью в новом обществе будет реализация «ценности времени». Е. Масуда предлагает новую, целостную и привлекательную своей гуманностью утопию XXI в., им самим названную «Компьютопией», которая заключает в себе параметры: преследование и реализация ценностей времени; свобода решения и равенство возможностей; расцвет различных свободных сообществ; синергетическая взаимосвязь в обществе; функциональные объединения, свободные от сверхуправляющей власти. Новое общество потенциально будет обладать возможностью достигнуть идеальной формы общественных отношений, поскольку будет функционировать на основе синергетической рациональности, которая и заменит принцип свободной конкуренции индустриального общества.

В это же время Маршал Маклюэн говорит о том, что технологические, экономические и политические силы начинают превращать мир в единую «мировую деревню». Основания его выводов заключались в том, что электронные средства связи и сокращение расстояния, транспортные средства уже настолько хорошо связали нас, что люди во всём мире находятся в таких тесных контактах друг с другом, какие прежде были возможны только между односельчанами. Он считает, что глобальные перемены стали настолько всеобщими и всепроникающими, что мы являемся свидетелями созидания новой глобальной культуры, в развитии которой на всей Земле человечество начинает формировать одинаковые ценности и устремления, которые в качестве основы имеют одинаковый опыт.

В девяностые годы XX столетия теоретические концепции приводят к формированию конкретных социально-политических программ, нацеленных на реализацию идеи «информационного общества». С 1994 г. страны-члены ЕЭС договариваются о переходе к такому информационному обществу, о чём говорит принятый Европейской комиссией в 1995 г. «Форум информационного общества», на котором центральное место занимал вопрос о становлении информационного общества и роли средств массовой коммуникации в нём. Основными задачами и целями форума были сформулированы следующие проблемы:

- 1) выяснение природы социальных и виртуальных ценностей в «виртуальном обществе»;
- 2) определение влияния информационных технологий на государство, культуру, образование, искусство, религию и другие социальные институты;
- 3) выделение специфики виртуальной реальности, формируемой Интернетом, и её влияние на мир.

Следующий, 1996 г. ознаменовался подготовкой и принятием Европейской комиссией документа «Работа и жизнь в информационном обществе». Здесь основное внимание уделялось следующим проблемам:

- а) влиянию информационных технологий на развитие человека и общества,
- б) связям между региональными и национальными школами в ЕС,
- в) распространению европейских образовательных методик с использованием сети.

В результате получало рельефное очертание представление об информационном обществе как состоянии развития общественных и производительных отношений, с помощью которых основная часть валового продукта производится на основе создания и продажи наукоемких технологий, информационных продуктов (результатов интеллектуального труда граждан), отмечается, что общество можно считать информационным, если:

- 1) любой индивид в любой точке страны и в любое время может на основе автоматизированного доступа и систем связи получить любую необходимую информацию;
- 2) в обществе производится, функционирует и доступна современная информационная технология;
- 3) имеются развитые инфраструктуры, обеспечивающие создание необходимых национальных информационных ресурсов;
- 4) происходит процесс ускоренной автоматизации и роботизации всех сфер производства и управления;
- 5) в структуре занятости преобладают специалисты, связанные со сферой информационной деятельности и услуг.

Таким образом, под информационным обществом понимается социально-технологическая характеристика состояния общества в отдельно взятых странах, отражающая результат процесса информатизации. В перспективе всё более полной и всесторонней информатизации предполагается появление в XXI веке информатизационной цивилизации в глобальном масштабе.

По мнению Э. Тоффлера, общество которое придёт на смену индустриальному, сложившемуся в развитых странах, будет иметь принципиально иной характер. «Это в одно и то же время и в высшей степени технически развитая, и антииндустриальная цивилизация ... она несет с собой новый кодекс поведения и выводит нас за пределы концентрации энергии, денежных средств и власти»¹.

Новый этап теоретического осмысления концепции информационного общества можно выделить в работах представителей французской социологической школы, в частности, в работах С. Нора, А. Минка, М. Постера. Появление этой концепции связано с явлением глобальной информатизации, что не могло не затронуть многие аспекты жизни стран Запада, вступивших на информационный путь развития. Представители этой школы утверждают, что информационная революция, охватывая все сферы социальной деятельности человека, дает возможность каждому осознать коллективные ограничения, приводит к появлению общества совершенного планирования, где центр получает от каждой подсистемы достоверную информацию о локальных предпочтениях, в соответствии с которыми разрабатывается общая программа действий. Формируется единое информационное единство всей человеческой цивилизации, где реализован свободный доступ каждого человека ко всем информационным ресурсам. Превалирующими становятся гуманистические принципы управления обществом, основанные на прозрачности власти, всеобщем доступе к информации, демократичности принятия общественных решений. Сущность информации – коммуникационная, базовая концепция нового информационного общества – социально-культурная. При этом наблюдаются и негативные тенденции: излишнее («зомбирующее») влияние на общество средств массовой информации (особенно рекламы); нежелательное вмешательство в частную жизнь людей и организаций на базе информационных технологий (например, так называемое «хакерство» через Интернет); сложность адаптации к среде информационного общества; опасность разрыва между «информационной элитой» (людьми, занимающимися разработкой информационных технологий) и простыми потребителями. Французская социальная школа впервые обратилась к интерпретации проблем культуры в постиндустриальном обществе в отличие от концепции Д. Белла, делающей упор на экономические вопросы. В его в теории технологического развития рассматриваются три стадии общественного развития: 1) аграрное общество; 2) индустриальное общество; 3) постиндустриальное или информационное общество. Такая стадийность основана на таком уровне технологии производства и оказания услуг, который определяет эффективность производства, собственно быт и стиль жизни общества. Любое современное общество живет за счёт социально-

¹ Баталов Э.Л. О книге Э. Тоффлера «Третья волна» // США – экономика, политика, идеология. 1982, №7. С.85.

инновационного контроля над изменениями, и пытается предвидеть будущее, осуществляя планирование. Здесь любопытен исторический подход, который определяет сущность нового общества через изменения, происходящие в обществе настоящем, что выделяет и подчеркивает именно те признаки, которые будут отличать «послереволюционное» общество от современного.

Современные средства связи технологизируют интеллектуальную деятельность. Возникает система пантехнологического свойства, – в условиях этой системы технологизация интеллектуальной деятельности меняет культуру в целом; информационные системы превратились в основу всех современных технологий. Информационные системы обрели статус интеллектуального инструмента решения технологических, юридических, теоретических задач; пантехнология превратилась в технологическую базу информационной цивилизации. То, что информационная сфера начинает иметь возрастающее значение мы находим в теориях «knowledgeable society» (Р. Лейна), «knowledge-value society» (Т. Сакайи), «программируемого общества» (А. Турена), в которых каждый индивид ставится в зависимость от неизвестного программиста. Человек становится запрограммированным во всех сферах с помощью современных технологий. Мы смело можем говорить о том, что единство информационных процессов предполагает единство всего мира. Постиндустриальное общество, считает А. Турен, это то общество, в котором все элементы экономической системы обращаются действиями общества само на себя. Эти действия не всегда принимают форму сознательной воли, воплощенной в личности или даже группе людей. Поэтому такое общество должно называться программируемым обществом, ибо обозначает его способность создавать модели управления производством, организацией, распределением и потреблением, поэтому оно появляется на операциональном уровне не в результате естественных законов или специфических культурных характеристик, а скорее как результат производства, благодаря действию общества само на себя, его собственным системам социального действия. Этот термин представляет собой усиленный вариант «информационного общества». Данную концепцию можно определить как третий этап теоретического осмысления проблемы информационного общества. В пространстве knowledge-based society научное знание превратилось в ценнейшую форму информации, само общество изменило свою технологическую основу под влиянием научного знания. Традиционное материальное производство, не ориентированное на новейшие научные и технологические знания, обнаружило не конкурентоспособность. Сами же информационные технологии как базисные технологии информационного общества являются технологиями, обладающими рядом функций: социогенной, культурогенной, гносеогенной. Что касается гносеогенной функции информационных технологий, ее статус и значимость в условиях информационного общества, реализующего программы «интеллектуальных компьютеров», в том, что совокупность информационных сетей позволяет осуществлять операции, обеспечивающие прирост новых знаний. Общество знания (Knowledge-based society) в концептуальной интерпретации может быть представлено как общество, обладающее рядом признаков:

- 1) свободный автоматизированный доступ к любой информации и знаниям, необходимым для жизнедеятельности и решения личных и социально значимых задач;
- 2) доступность (индивиду, группе, организации) современных информационных технологий;
- 3) существование развитых инфраструктур, обеспечивающих создание национальных информационных ресурсов. Общество, относящееся к разряду информационных, само является производителем необходимых информационных ресурсов, в том числе научных. В полном смысле информационным обществом может быть названо лишь то общество, которое не только обладает высоким уровнем информационных технологий и в силу этого конкурентоспособно на мировом информационном рынке, которое не только насыщено компьютерами во всех сферах (быт, производство, управление), но которое само производит необходимую информацию;
- 4) ускоренная автоматизация и роботизация сфер производства и управления;
- 5) радикальная трансформация социальных структур, вызывающая рост объема сферы информационной деятельности и услуг. Причём осуществляется рост числа работающих в сфере информационной деятельности: он должен создавать не менее 50% общего числа занятых.

Таким образом, можно репрезентировать эволюцию концепций информационного общества от идей постиндустриализма (Д. Белла, О. Тоффлера, А. Турена и др.), акцентирующих внимание на экономическом анализе нового общества, через традиции французской критической социологии, рассматривающих технологические и социальные аспекты информационного общества до современных исследований общества знания (Knowledge-based Society), приобретающих социально-философскую направленность.

Появление компьютера и соединение его с телекоммуникационными сетями резко меняет всю модель цивилизационного развития. Это является основой информационной революции, которая по значимости и влиянию находится в одном ряду с агрокультурной и промышленной революциями. Информационная революция приводит к резкому возрастанию интенсивности протекания всех процессов, происходящих в современном мире. Глобальное информационное пространство становится необходимым фундаментом и условием движения капитала, людей и новых технологий. Поэтому общественное и индивидуальное бытие приобретает новое измерение. Общество, которое обладает новой информационной технологией, становится иным, нежели общество, которое не обладает таковой.

Современный мир, в котором мы живем, кардинально отличается от прежних форм общественного бытия, характерных как для традиционной, так и для индустриальной эпох. За время жизни современного поколения произошли изменения, которые сделали иными весь ход социального времени, привычных действий, отношений, череду образов и событий. Эти изменения коснулись самой организации физического пространства бытия и антропологических оснований поведения многих людей.

Развитие системы дорог и судоходства привело в своё время к становлению мирового торгового рынка. Появление радио, телефона и других средств коммуникации в первой половине XX в. сделало возможным развитие транснациональной индустриальной экономики и индустриального общества. Залогом успешного развития современной экономики и общества стали телекоммуникации.

Складывающаяся цивилизация является постиндустриальной. При ней общество, оставаясь техногенным и технотронным, всё более становится информационным, а информация служит важнейшим условием интенсификации общественного производства и повышения его эффективности.

Появление информационного общества как новой формы социальной организации является закономерным результатом развития и становления новых информационных технологий, обновленной коммуникации, инновационных отраслей экономики и нормоценностной регуляции общественных отношений, новых форм быта, труда и отдыха, все более связанных с растущей интеллектуализацией производства и общества в целом.

М.Д. Рашкофф подчёркивает, что «Прошли те времена, когда социальный статус человека измерялся расстоянием, которое он должен был пройти, чтобы увидеть дым соседского бивачного костра. Единственная среда, в которой наша цивилизация ещё может расширяться, наш единственный настоящий фронт — это эфир, иными словами, медиа. Непрерывно расширяющиеся медиа стали настоящей средой обитания — пространством, таким же реальным и, по всей видимости, незамкнутым, каким был земной шар пятьсот лет назад. Это новое пространство называется ионосферой»².

Специалисты активно изучают проблемы, связанные с процессами информатизации и компьютеризации общества, формированием его телекоммуникационной инфраструктуры. В центре внимания оказываются вопросы адаптации общества к новым условиям, динамики социальной структуры, характера мобильности, стратификации, трансформации систем производства и потребления, организационных реформ и изменений образования, инноваций в социализации и ресоциализации личности, преобразований в системе социального контроля и мониторинга, трансформации культурных феноменов, находящихся под влиянием информатизации. Значительное место занимают проблемы информационной безопасности, интеллектуальной собственности, а также виртуализации современной жизни.

² Рашкофф, Д. Медиавирус. Как поп-культура тайно воздействует на наше сознание / Д. Рашкофф. М.: Ультра. Культура, 2003. С. 5-6.

Глобальный по существу процесс информатизации регулируется и самоорганизуется на всех нижестоящих уровнях: национальном, региональном, локальном. Региональный аспект информатизации общества может выражаться в соответствии с тенденцией местной информатизации к более масштабным национальным и глобальным критериям. Интенсивный процесс технологических изменений в производственной сфере общества связан с проблемой адаптации людей к новым условиям жизнедеятельности. Он обусловлен проблемами смены мировоззренческих представлений и установок, занятости населения, развития демократии и равенства, увеличением сложности и высокой стоимостью современных технологий, разрывом между «компьютеризированной» молодежью и пожилым поколением, некомпетентным и несведущим в технических новшествах, и т. д.

Информатизация социума привносит новые векторы общественного развития, изменяет ход социального времени, его интенсивность, плотность, характер и структуру. Одновременно происходит изменение строения социального пространства, которое перестает быть прерывистым, обретает характер дискретности. В нём осуществляются процессы изменения статусной структуры общественного бытия.

Информатизация производит коренные изменения в образовательной деятельности, предъявляя к ее содержанию и форме новые требования. Всякая профессиональная подготовка дополняется знанием компьютерных технологий, обязательностью владения ими и их применением для самых различных целей.

Таким образом, в современном обществе воспроизводится новая логика социальной жизни, которая конституируется по законам и формам не существовавших ранее моделей общественных отношений, в рамках которых изменяется роль всех ресурсов развития. На первое место выдвигаются интеллектуальные ресурсы, отесняя и снижая роль природных и иных ресурсов в структуре развития. Однако подобное снижение не беспредельно, а всегда ограничено некоторыми параметрами возможного соотношения.

Всякие изменения подобного масштаба были бы невозможны, если бы не изменялся антропологический фактор общественного бытия. Человек компьютерной эпохи – это специалист, не только владеющий персональным компьютером и активно использующий коммуникации информационного общества, но и реализующий свою собственную активность, профессиональную функциональность на языке и в духе компьютерных технологий; Наконец, организационный потенциал общества коренным образом изменяет конфигурацию, всё более выстраивая способ самоопределяющихся компактных и динамических общественных структур.

Развитие и совершенствование информационной деятельности – это ответная реакция общества на потребность в разделении научного труда в условиях «информационного кризиса» и роста потерь информационных ресурсов, это путь повышения эффективности научных и других социальных коммуникаций. Данная деятельность выполняет функции обращения научной продукции в обществе, она способствует ускорению продвижения научных результатов в самой науке (от разработок к производству) в сферы образования и управления,

Технологическим базисом информационного общества являются высокие технологии. Все они характеризуются большой капиталоемкостью и наукоемкостью. При этом ключевая роль принадлежит собственности на результаты интеллектуальной деятельности.

Развернутый, интенсивный процесс технологических изменений влияет на адаптацию людей к новым условиям жизнедеятельности, которая выражается не только в умении ориентироваться в информационном пространстве, но и в профессиональной самореализации и компетентности, социальной востребованности и занятости. Не менее важной является и проблема становления гражданского общества, связанная с вопросами демократии и равенства, функционированием рынка товаров и услуг (в том числе образовательных), характеризующихся увеличением сложности технических систем и их стоимости, с формированием элит и совершенствованием коммуникационного пространства социума.

Что же определяет новое открытое информационное общество? Доминирующие функции и процессы в обществе, в условиях информационной эры, все больше оказываются организованными по принципу сетей. По мнению ряда исследователей (М. Кастельс, М. Делягин, А. Давыдов и др.), происходит становление «общества сетевых структур».

По нашему мнению, «общество сетевых структур» – это макроструктурирование мирового порядка, которое происходит под действием таких факторов, как развитие глобальных средств массовой информации, транснациональных корпораций, глобальной сети Интернет. Сетевые структуры отличает гибкость, значительная неподконтрольность и непубличность действий, игнорирование традиционных институтов власти. Они способны неограниченно расширяться путем включения «новых узлов», если те, в свою очередь, готовы к коммуникации, к использованию различных информационных кодов (например, ценности). Сети как «институты» способствуют развитию целого ряда областей: сферы экономики, труда, политики, образования и др.

К сетям подсоединены «рубильники», которые позволяют переключаться с одной сети на другую (например, когда речь идёт о переходе под контроль финансовых структур той или иной империи средств информации, влияющих на политические процессы). Они выступают в качестве орудий осуществления власти. Кто управляет таким «рубильником», тот и обладает властью.

Понятие «власть» уже не поддаётся определению в традиционном смысле. Власть возвышается над законом. Фактически мы сталкиваемся с новым типом мирового управления – обезличенной транснациональной системой, которая состоит из многочисленных транснациональных корпораций, над многообразием которых восседает безликий обобщенный капиталист, сотканный из финансовых потоков, управляемых электронными сетями». Таким образом, глобальные монополии «делят и переделывают мир по своему», что приводит к фрагментации деятельности – новому мировому разделению труда. Каждая страна, таким образом, находится в своей «технологической нише», от которой зависит степень её влияния (в экономическом и политическом смысле).

Как отмечает М.Г. Делягин, – «влиять на сознание оказалось значительно более эффективно, (в том числе, в узко коммерческом смысле слова), чем на традиционные материалы»³. Влияние, формирование индивидуального или массового сознания означает, по сути, внедрение в него определенного стандарта, образа, системы (технологического принципа): стандарта поведения, образа мышления, системы ценностей – определённого культурного кода. Умело разработанный стандарт всегда наделен мотивирующими свойствами, привлекательным имиджем, смыслом. Его внедрение эффективно и состоялось тогда, когда человек позиционирует и идентифицирует себя как личность, как член общества с тем или иным стандартом поведения. Культура глубже, фундаментальней, нежели, допустим, политика или экономика. «Исторически сложившиеся культуры национальных и социальных общностей, – пишет Г.Г. Дилигенский, – представляют собой главный источник, из которого личность черпает жизненные смыслы, образующее основу ее самосознания, выстраивающие иерархию ее ценностей и норм, духовное содержание ее бытия. Человеку, утратившему свои культурные корни, грозит психологическая дезориентация, утрата внутренних правил, регулирующих и упорядочивающих его стремления и цели, ... массовая культура приобретает во всем мире гомогенный характер...»⁴. Поэтому преобразование культуры (образа мышления, поведенческого стандарта, системы ценностей) в свою очередь дает фундаментальные, глубокие и практически необратимые результаты, поскольку преобразуется и формируется само сознание.

М. Кастель справедливо утверждает, что институты и организации гражданского общества, которые строились вокруг демократического государства, вокруг социального контракта между капиталом и трудом, превратились в пустые скорлупки. В связи с открывающимися возможностями человек сети имеет больше возможности стать частью глобализирующегося мира, соотносить себя с глобальными трансформациями, получать информацию о том, что происходит в мире, устанавливать необходимые для работы и жизни контакты с любым другим человеком сети, независимо от того, в какой стране мира он живёт. Следовательно, человек в таком обществе по своим возможностям и характеру мышления, а возможно и мировоззрения, отличается от человека, не являющегося частью сети. Несмотря на то, что современные технические средства, достижения меди-

³ См.: Делягин М.Г. Практика глобализации: игры и правила новой эпохи. М: ИНФРА-М, 2000. С. 103.

⁴ Дилигенский Г.Г. Глобализация в человеческом измерении // Мировая экономика и международные отношения. 2002, № 7. С. 7.

цины на их основе, методы генной инженерии, способны избавить от болезней, уже проявились и всё больше набирают силу негативные тенденции информационного общества:

- 1) неадекватность адаптации человека к такому обществу;
- 2) возможность разрыва между «информационной элитой» и простыми потребителями;
- 3) подавляющее влияние на человека средств массовой информации (особенно рекламы);
- 4) вмешательство на базе информационных технологий в частную жизнь людей и организаций.

Под средством массовой коммуникации понимается некоторое сообщение, применение которого означает выявление собственно информационного аспекта управленческого воздействия непосредственно самих средств массовой информации как таковых. Человек стал жить в знаково-символическом мире, который во многом определяет его поведение. Создаётся ситуация, когда не только он сам создаёт знаки и символы, но и в некотором смысле знаки и символы формируют его. Такой процесс приводит к смешению реального и виртуального, действительного и вымышленного. Всё это предполагает, что посредством общения формируется сама среда общения, которая оказывает формирующее воздействие на людей, т.е. формирует нас, таким образом, что мы, в свою очередь, сами формируем её, оставаясь в пределах, задаваемых ею.

Нельзя не согласиться с убеждениями некоторых исследователей, которые утверждают, что создание «единого экономического и информационного пространства», «открытого общества», «мирового рынка», все это эвфемизмы, дымовая завеса. «На самом деле речь идет о построении всемирного государства с единым правительством и единой армией, общими для всех финансами, законами и культурой».

Так, мы сталкиваемся с процессом преобразования «культуры субъекта».

Под «культурой субъекта» мы понимаем единую целостность, в которую входят образ мышления, менталитет, ценностные ориентиры, духовно-нравственные принципы, поведенческие и деятельностные установки, генетический потенциал человека:

- создание искусственной языковой среды (осмысление роли интегрирующего фактора языка глобализации);
- формирование социально-психологической модели выбора профессии;
- формирование структуры потребностей человека через создание имиджа;
- контроль над популяцией человечества путем генетических манипуляций, под лозунгом улучшения наследственности;
- контроль в сферах принятия решений, индивидуального мышления под лозунгом «гарантии личной защищенности и безопасности».

Создание искусственной языковой среды (осмысление роли интегрирующего фактора языка глобализации). Язык – хранилище накапливаемого исторического и познавательного опыта народа, его традиций, ценностей, его связанных между собой образов прошлого, настоящего, будущего. Язык является не только хранилищем своего собственного культурного кода, но и посредством носителей языка – проводником «чужих» культурных кодов. Экономические, политические, духовно-культурные, идеологические тенденции мирового развития (особенно в процессе нарастающей глобализации) усиливают взаимопроникновение, замену или поглощение одного культурного кода другим. В этой связи интегрирующий фактор языка в процессе глобализации претендует на доминирующую роль, выполняя свою историческую миссию по формированию глобальной культуры. Поэтому по отношению к национально обусловленным факторам и функциям языка, таким как фактор этнической идентичности, фактор единения народа, носителя этнокультурных норм, фактор социализации личности и, наконец, способа существования этноса или конкретного человека, интегрирующий фактор становится «надфактором», целью которого в идеальном смысле является – вобрать в язык глобализации все достоинства наций, а в исторической перспективе – объединить человечество.

Важно отметить, что жизнеспособность этноса, народа, страны, «здоровье» нации, её воспитательные идеалы, духовно-нравственный, морально-этический облик общества, его достоинство и самоуважение зависят от моральной и психологической устойчивости к интегрирующему фактору.

Что касается «угрозы для малых народов», то, как полагает Д. Уволен, возглавляющий Фонд защиты подвергающихся опасности языков (Endangered Language Fund), наибольшую угрозу малым языкам представляет не «международный язык», а региональные языки, которые, скорее всего, могут заменить национальным меньшинствам их родные языки. Всё это говорит о том, что сохранение языкового многообразия мира может быть достигнуто не запретительными мерами, противодействующими экспансии английского языка, а изменением дискриминационной по отношению к языкам национальных меньшинств политикой⁵.

На всем протяжении истории происходило взаимодействие, взаимопроникновение, взаимообогащение культур. Однако не происходило унификации. Сегодня как никогда культуры взаимозависимы. И как ни странно именно в условиях глобализации культура при равносильном взаимодействии с другими культурами должна обогащаться. Как справедливо утверждает Марио Варгас Льюса, «голословные высказывания против глобализации и в пользу культурной идентичности свидетельствуют о приверженности статической концепции культуры, не имеющей исторической основы».

Сегодня в условиях глобализации унификация ценностей, формирование общего стандарта поведения имеют место быть, однако унификация происходит помимо экспансии английского языка. Она отвечает реалиям нашего времени, результатам исторического развития. Унификация сопровождается и подкрепляется «экстраполяцией либерально-демократических ценностей на все регионы без исключения. Это значит, что политические, экономические, правовые и т.д. системы всех стран мира становятся идентичными, и взаимозависимость стран достигает небывалых масштабов. До сих пор народы и культуры никогда не были так зависимы друг от друга. Проблемы, возникающие в любой точке мира, моментально отражаются на остальном мире. Процесс глобализации и гомогенизации приводит к созданию единого мирового сообщества, в котором формируются единые нормы, институты и культурные ценности». Однако и экстраполяция либерально-демократических ценностей не является причиной, движущей силой процесса унификации.

Глобализация исторически объективно проистекает из разносторонней деятельности множества людей, которые преследуют свои личные и групповые интересы. И непосредственным стимулом является технико-технологическое объединение народных хозяйств разных стран в единое мировое хозяйство человечества. В этом смысле, унификация обусловлена, прежде всего, технологической гомогенизацией: технологической эволюцией, эволюцией труда, унификацией производимых благ, модернизацией, диктующей определенный универсальный образ жизни, который исключает иные формы бытия человека и который «распределяет время препровождения человека» в этой жизни. Происходит гонка потребления материальных благ, которые имеют свойство обновляться до бесконечности и обладают сиюминутной доступностью.

Мир «сжимается». Время ускоряется, «многие обычаи, церемонии, ритуалы, формы поведения, которые в прошлом придавали человечеству его фольклорное и этнографическое разнообразие, постепенно исчезают, на первый план выходят потребительский, инстинктивный образ жизни, функциональность взаимоотношений. В этом смысле культурная самобытность, если можно так сказать, засыпает. В этой связи унификация не может быть обусловлена экономической, политической, правовой гомогенизацией, поскольку распространение правовых и иных норм не усваивается не эволюционировавшими в технологическом смысле обществами. Эти нормы наталкиваются на сопротивление самобытности, на привычный образ жизни, ценности того или иного народа.

Таким образом, язык глобализации – это отнюдь не английский или какой-либо другой язык. Как средство международного общения, английский язык является лишь «проводником» «языка» общечеловеческого развития, прогресса, преимущественно технологического. «Язык глобализации», посредством своего «проводника» (точнее их прочный и долговременный «союз») обладает интегрирующей функцией, вбирает в себя все достижения наций, унифицирует их в некую модель, через которую меняется образ жизни, поведение, утрачиваются обычаи, а вместе с ними засыпают целые народы.

⁵ Харчевка А.С. Глобализация культуры: Мифы и реальность // www.bsuir.unibel.by/rn/12100229148745.doc.

Каждый человек открывает окно в окружающий мир с помощью средств массовой информации, включающих телевидение, радио и прессу, которые во многом формируют его взгляды. Любые события, любой деятель существуют лишь постольку, поскольку они представлены в средствах массовой информации, которые дают оперативную информацию о том, что произошло в любом уголке земного шара. Развитие средств сообщения и взрыв массовой информации во многом удовлетворяют познавательные притязания человека, но, с другой стороны, отчуждают его от мира природы, животных других людей, да и от самого себя.

Человек живёт в мощном информационном поле, затрагивающем все стороны его жизни. Он всё чаще познаёт естественную среду и социальное окружение не посредством живого включения в окружающий мир, активного контакта с ним, а благодаря вторичному общению с журналами и телевидением, интернетом. Отсюда познавательный процесс часто оказывается плоскостным, схематизированным, выполненным с помощью сторонней, часто узко направленной позиции. Средства массовой информации, увеличивающие доступ к информации, одновременно направляют получаемые знания в определённые идеологизированные действия. Идеологические фильтры с помощью радио, телевидения и т.д. не допускают вмешательства самой аудитории; если вы начинаете бурно реагировать на услышанное или увиденное, то вы рискуете упустить часть того, что видите или слышите. Пассивность – это логика данной технологии. Чтобы с вами говорили, вы должны молчать. Средства массовой информации развивают идею развоплощённого зрителя, пассивного очевидца, усиливает модели молчания людей, которые формировались в театрах, концертных залах прошлого века.

М. Кастельс характеризует новую структуру общества, как информационный капитализм, который был бы невозможен без современных информационных технологий. Ядром этого информационного капитализма выступает новый человек, который усвоил его правила, символы, язык, умеет обращаться с новыми технологиями. Такой человек выступает носителем новой информационной культуры, как основы постиндустриальной, информационной цивилизации. Л.В. Скворцов называет этого человека компьютерным. В результате возникает глубинная связь между глобализацией, информатизацией общества и представлениями человека о себе и мире. Однако, информатизация общества неоднозначна как для общества, так и для самого человека. Она порождает новые социальные проблемы.

Во-первых, образовывается разрыв между странами информационно-технологически развитыми и отстающими в этом отношении, что в свою очередь приводит к нарастанию напряжённости в мире в силу информационно-идеологического давления.

Во-вторых, под влиянием новых технологий растут темпы социальных и экономических трансформаций. Таким образом, формируется новая глобальная информационная среда, которая порождает новые сложные проблемы.

Информационные технологии определяют уровень развития не только производительных сил общества, но и самого человека. «Информационный человек» – это не любой человек, работающий на компьютере, включая Интернет, а человек, включённый в компьютер, который не представляет, что он вынужден обслуживать информационные потоки в ущерб собственному развитию как полноценной личности. Человек в системе информационного общества строит свои отношения с миром и другими людьми через компьютерное опосредование, утрачивая потребность, а затем и способность к непосредственным контактам.

Э. Фромм отмечал, что сами по себе достижения науки и техники – не хороши и не плохи, всё зависит от их применения. «Компьютеры должны стать функциональной частью жизненно ориентированной социальной системы, а не раковой опухолью, начинающей разрушать систему и, в конце концов, убивающей её. Машины или компьютеры должны стать средствами для осуществления целей, установленных разумом и волей человека.»⁶. В самом деле, получение и усвоение информации являются важными средствами развития личности. Новые способы обработки и передачи информации с помощью компьютеров – колоссальное достижение человеческого разума. Но и это достижение, подобно многим другим, неоднозначно: оно может послужить совершенствованию лич-

⁶ Фромм Э. Революция надежды // Фромм Э. Психоанализ и этика. Спб.: Ювента, 2004. С. 292.

ности и поспособствовать упрочению гуманизма, а может укрепить отчуждающую тенденцию, подчинив человека новой социальной силе.

В новом мире, пронизанном информационными потоками, меняется статус таких фундаментальных свойств социального и индивидуального бытия, как пространство и время. По мнению М. Кастельса, новая коммуникационная система радикально трансформирует пространство и время, фундаментальные измерения человеческой жизни. Человек все ещё не живёт полноценной жизнью, а лишь существует: его «человеческое качество» совершенно не развито, творческие силы подавлены, в результате чего даже его дальнейшее физическое существование может оказаться под вопросом, поскольку его недалёковидная, своекорыстная, утилитарная деятельность в окружающем его мире ведёт к таким негативным последствиям, которые подтачивают и разрушают основы человеческой жизни в планетарном масштабе. Любое достижение науки и техники может быть использовано как с пользой для человека, так и во вред ему. Глобальные катастрофы неизбежно возникают там, где сообщество людей не берёт на себя ответственность за их предотвращение.

Современное социокультурное поле социума и личности оказалось в условиях развития информационных и телекоммуникационных технологий наиболее восприимчивым к изменениям. Это объяснимо с приспособлением индивидуального сознания к результатам технологической революции. Компьютерные, телекоммуникационные технологии, делая более доступным для человека блага цивилизации, нивелируют его мнимую свободу тем, все больше превращаются в инструмент информационной, политической, духовной экспансии. Человек в информационном обществе становится одним из программно-аппаратных средств киберпространства, воздействующих на его подсознание, внутреннее пространство личности, что дает широкие возможности для целенаправленного манипулирования. Сеть может рассматриваться как активный психоделик, способный перекоммутировать массовое сознание. Особой формой сетевой несвободы как структурной, так и электронной, представляет развитие информационных метатехнологий, делающих пользователя зависимым от разработчика (владельца); сетевой компьютер, электронный рынок, электронные деньги, глобальные системы связи, находятся в одних руках и позволяющие контролировать сообщения; корпоративные системы управления, ориентированные на систему ценностей страны разработчика технологии (в основном СМИ) рефлексивного управления и формирования массового сознания, вплоть до информационной войны. Таким образом, важнейшей составляющей глобализации, на современном этапе, является использование инновационных информационных технологий, в частности электронной сети, в развитии и функционировании. Поэтому глобализацию общества следует также рассматривать как процесс, который развивается также за счёт, изменения информационных технологий. Явление информационного общества отражает объективную тенденцию нового витка эволюции цивилизации, связанного с появлением новых информационных и телекоммуникационных технологий, новых потребностей и нового образа жизни.

Глобализация ставит каждую страну и каждого человека в новое положение. В условиях глобализации гражданин перестает быть участником исторического процесса и превращается в отстраненного наблюдателя, при этом, однако, возникает иллюзия причастности даже в том случае, когда фиктивность причастности становится очевидной. Человек не узнает себя в них, не может «развернуть» в них свою энергию, стремления, интересы. Благодаря тому, что сегодня пространство и время сжимаются, а границы между странами исчезают, люди вступают в более глубокие, интенсивные и непосредственные связи, чем когда-либо. Но мало кто задумывается над тем, что новая связь «дальних означает ослабление ближних связей, отчужденность от туземной среды. Растущая отстраненность глобализирующихся групп от национальной среды, их государственная неподотчетность, поляризация глобального мира меньшинства и жизненного мира большинства представляет собой вызов, на который пока что нет ответа»⁷.

Отмечая, что радикальные изменения в информации и коммуникации ведут к ослаблению взаимной отчужденности между людьми, Я.А. Слинин пишет: «Ослабление

⁷ Панарин А. Глобализация как вызов жизненному миру. За Хайдеггера. Сумерки глобализации.: Настольная книга антиглобалиста. М.: Ермак, 2004. С. 123.

отчужденности между народами создаёт предпосылки для возникновения в недалеком будущем единого глобального общества с единой экономикой и единой культурой». И далее: «Одной из наиболее ярких и впечатляющих особенностей нового общества является то, что на первом этапе его существования в нем не станет национальных государств, а затем понемногу постепенно исчезнут и сами нации»⁸.

В целом очевидны проблемы, которые встают перед современной цивилизацией, в связи с переходом на информационный путь развития.

Научно-техническая рациональность и манипулирование слились в новую форму социального управления. Информационное общество формирует индивидуальные влечения, потребности и устремления в предварительно заданном, нужном направлении. Сначала личность, семья, нация, государство, культура – все это разъединяется, измельчается, в безликую, пресную кашу, между жерновами финансовой зависимости, демагогии, политехнологии и программирования сознания. Затем полученное втискивается в прокрустово ложе «общечеловеческих», «гуманистических» стандартов. И, наконец, загоняется в заранее подготовленную, изолированную, информационно-виртуализированную ячейку. Люди вступают в эту стадию уже как подготовленные сосуды долгой закладки, и решающее различие заключается в стирании контраста между данными и возможностями, удовлетворяемыми и неудовлетворяемыми потребностями. Выравнивание классовых различий – идеологическая функция средств массовой коммуникации.

Человек теряет точку опоры. Конкретное «Я» приобретает тенденцию к абстрактности и растворяется во всеобщем «Я». Возрастает беспомощность и обостряется бессмысленность существования индивида. Совокупные общественные отношения не порождают главную ценность – человека и не ставят его целью. Мы приходим к выводу о том, что условиях глобализации наблюдается дезориентация человека, не способного найти своё место в изменяющейся природной и социальной действительности. Его беспомощность перед лицом им же самим созданных сил, которые вышли из-под рационального контроля и оказывают существенное влияние на формирование ценностных ориентации личности, не совпадающих с ее внутренними устремлениями и желаниями.

Для того чтобы стать свободным, общество должно, прежде всего, создать богатства ещё до того, как оно станет способным распределить их в соответствии со свободно развивающимися потребностями индивида; оно должно сделать рабов способными учиться, видеть и думать, прежде чем, они поймут, что происходит и что они сами могут сделать для того, чтобы изменить это. Их необходимо принудить к тому, чтобы стать свободными и увидеть вещи такими, как они есть, а иногда такими, как они должны видаться, им нужно показать «дорогу добра», которую они ищут.

В постиндустриальном обществе человек приобрел такие материальные и культурные блага, каких он не знал никогда раньше. Сила человеческого интеллекта овеществилась новейшей технике и технологии, которые превратили человека в раба техносферы и ее заложника. Стремление человека укрепить свою безопасность обернулось уничтожением человечества. Всеобщее избирательное право, политические права и свободы не приблизили человека к истокам и глубинному смыслу политики, а скорее превратили его в орудие политики. Г. Маркузе писал, что возможность делать или не делать, наслаждаться или разрушать, иметь или отбросить становится или не становится потребностью в зависимости от того, является или не является она желательной и необходимой для господствующих общественных институтов и интересов. Все системы власти традиционно строились на человеческих достижениях, которые сложны, что не могут быть сформулированы в терминах технических систем: это смысл жизни человека, это ценности человека, и это цель его жизни. С одной стороны, как только человек лишается этих своих высших достижений, он, по сути, утрачивает сознание.

Это серьезно – он перестаёт владеть своим собственным произвольным поведением. С другой стороны, люди, лишённые смысла, ценностей и целей перестают быть объектами власти и выходят из повиновения. Изначально казалось, что глобализация предоставила элите неограниченные возможности для манипулирования сознанием, состоянием и поведением масс людей, но в реальности массы ощутили в глобализации воз-

⁸ Слинин Я.Л. Наука, культура и будущее общество. Отчуждение человека в перспективе глобализации мира. Спб.: Петрополис, 2001. С.94.

возможности для невиданного ранее неповиновения власти. Глобализация позволяет использовать свои инструменты не только тем, кто их реально создал и содержит, но и тем, кто понимает, как они функционируют. Все правомочия в глобализированном пространстве протекают из власти, заданы властью и ей же ограничены. Человек, существующий в её пространстве, неизбежно подчиняется норме, заданной самой властью. Человек предстаёт как объект регулирования, которому придаётся заранее заданное социально необходимое, желаемое состояние, определяемое нормой, подавляя при этом всякую творческую, духовную активность человеческого сознания. Человек вступает в мир, где, кажется, не осталось ничего прямо и непосредственно данного, наличного, несомненного – он не знает, ни кто он есть, ни каково его место в мире. В результате, как и в случае наркотиков, человек разрушается как личность.

В период сложных преобразований общества духовные потребности смещаются на второй план, и как отмечает Г. Маркузе, активно продолжает формироваться модель одномерного мышления, поведения, существования. «Одномерный человек» – это, по Г. Маркузе, человек поглощенный потребительской ориентацией, витальными потребностями. Формирование «одномерного человека» происходит через технократический образ мышления. В основании общества сегодня лежит определенный исторический технологический проект или технологическая рациональность, которая оказывает репрессивное воздействие на нравственные, эстетические, познавательные и другие ориентации человека⁹. Катастрофичность ситуации развития общества заключается еще в том, что человек становится зависимым от благ и удобств, которые несет с собой развитие техники.

Мы можем различать истинные и ложные потребности. «Ложными» являются те, которые навязываются индивиду особыми социальными интересами в процессе его подавления. Их утоление может приносить значительное удовлетворение индивиду, но это не то счастье, которое следует оберегать и защищать. В результате этого – эйфория в условиях несчастья. Большинство преобладающих потребностей (расслабляться, развлекаться, потреблять и вести себя в соответствии с рекламными образцами, любить и ненавидеть то, что любят и ненавидят другие) принадлежат к этой категории ложных потребностей. Такие потребности имеют общественные содержания и функции и определяются внешними силами, контроль над которыми недоступен индивиду.

В современном обществе одномерное мышление систематически насаждается изготовителями «политики» и «наместниками» в сфере массовой информации. Аппарат производства и производимые им товары и услуги «продают» или навязывают социальную систему как целое. Транспортные средства и средства массовой коммуникации, предметы домашнего обихода, пища и одежда, неисчерпаемый выбор развлечений и информационная индустрия несут с собой предписываемые отношения и привычки, устойчивые интеллектуальные и эмоциональные реакции, которые привязывают потребителей, доставляя им тем самым большее или меньшее удовольствие, к производителям и через этих последних – к целому. Товары заполняют рынки, формируют массовое потребление, закрепляют стандарты. Товары обладают внушающей и манипулирующей силой; они распространяют ложное сознание, снабженное иммунитетом против собственной ложности. И по мере того, как они становятся доступными для новых социальных классов, то воздействие на сознание, которое они несут с собой, перестает быть просто рекламой; оно становится образом жизни. Это не плохой образ жизни – гораздо лучше прежнего, но именно поэтому он препятствует качественным переменам. Как следствие, возникает «модель одномерного мышления и поведения». Изменения во всех наших мыслительных привычках более серьезные: они служат, координированию любых идей и целей с идеями и целями, угодными системе, встраивая их в эту систему и отторгая те из них, которые не поддаются приспособлению к ней. Какие потребности истинны и какие ложны их определение принадлежит самим индивидам. До тех пор, пока они лишены автономии, до тех пор, пока их сознание – объект внушения и манипулирования, их ответ не может считаться принадлежащим им самим. «По этой причине никакая инстанция не полномочна присвоить себе право решать, какие потребности следует развивать и удовлетворять. Чем более рациональным, продуктивным, технически оснащенным и тотальным становится управление обществом, тем труднее представить себе средства и способы,

⁹ Маркузе Г. Одномерный человек. М.: REFL-book, 1994. С.6.

посредством которых индивиды могли бы сокрушить свое рабство и достичь собственного освобождения»⁵. Мы вновь сталкиваемся с одним из наиболее раздражающих аспектов развитой цивилизации: рациональным характером его иррациональности, или, другими словами, искаженное отражение действительности. Его продуктивность, его способность совершенствоваться и все шире распространять удобства, превращать в потребность неумеренное потребление, конструктивно использовать разрушение, то, в какой степени, цивилизация трансформирует объективный мир в продолжение человеческого сознания и тела, – всё это ставит под сомнение само понятие отчуждения.

Для приведения масс в иррациональное состояние необходимо предварительное разрушение сложившихся норм, стереотипов, взаимосвязей, переход общества, общественного сознания в состояние, далекое от равновесия. Все войны на земле с их огромными финансовыми и человеческими жертвами велись с одной целью – подавить волю противника и навязать свою. В зависимости от волевого потенциала того или иного народа этого можно было достичь разными средствами. В одних случаях достаточно было только угроз, а в других – только война на полное физическое уничтожение могла привести к желанным результатам. Сегодня для этих целей применяются более утонченные методы.

Благодаря информационным технологиям, особенно универсализации общения через Интернет намечается тенденция к выработке единого социально-психологического содержания всемирной истории. Становясь, универсальным современный человек, их участник, обретает универсальную сущность, а вместе с ней и социально-психологическую однородность, выраженную в соответствующем социальном характере. Чем универсальнее сущность человека, тем выше вероятность формирования единого социально-психологического содержания всемирной истории и единого социального характера у всех участников всемирно-исторического процесса. Таким образом, важнейшей социально-психологической тенденцией всемирной истории является, на наш взгляд, тенденция к выработке единого социального характера у всех участников всемирно-исторического процесса.

Оценивая современное состояние общества, Э. Фромм верно подметил, что гуманизм в нём приносится в жертву узко понятой экономической эффективности, т.е. эффективности, определяемой по стоимостным критериям. Упор делается на её повышение, во что бы то ни стало, даже если это идёт вразрез с интересами развития личности. Предпочтение отдаётся средствам достижения более высоких экономических показателей по сравнению с тем, ради чего к ним следует стремиться. Особенно актуально звучит мысль Фромма о возможности использовать компьютеры диаметрально противоположными способами. Идея сходного с человеком компьютера – хороший пример выбора между очеловеченным и бесчеловечным использованием машин. Компьютер может послужить интенсификации жизни во многих отношениях. Но мысль о том, что он заменит человека и жизнь – это выражение сегодняшней патологии. Тем самым Э. Фромм указал на опасность, в полной мере реализуемую ныне.

Специалисты по массовым коммуникациям справедливо подчёркивают, что Интернет – всего лишь средство управления, которое, однако, превратилось в саморазвивающуюся систему. Сегодня с уверенностью можно утверждать, что машины или компьютеры так и не стали средствами для осуществления разумных целей, вопреки надеждам Э. Фромма. Скорее наоборот, практика свидетельствует, что информационные технологии выходят на первый план, подчиняя себе их носителей и создавая основу для «информационного общества» – общества, обслуживающего информационные потоки, вместо того чтобы поставить их себе на службу.

Если отличительной чертой рыночного характера была пустота, по определению Э. Фромма, то для «человека информационного» пустота необходима вдвойне. Иначе податливость человека к восприятию информации окажется не беспредельной, что создаст помехи на пути её передачи. Больше того, если в обществе с рыночной ориентацией личные встречи, как отмечал Э. Фромм, всё-таки были неизбежны при всём при том, что люди в системе рыночных отношений представляют собой не личности в полном смысле слова как внутреннюю целостность общественно значимых проявлений, а набор сменяющих друг друга ролей или масок, то отношения, опосредованные компьютером, не требуют даже такого контакта. Каждый час использования Интернета в неделю в среднем сокращает прямые личные контакты на 2,7%.

Новый тип свидетельствует о возможностях дальнейшего развития личности благодаря задействованию не использованных пока коммуникационных способностей человека. Но с другой стороны, он означает новый виток отчуждения человека от себя подобных и, в конечном счете, от самого себя, ибо в «информационном обществе» информационные технологии окажутся посредником не только в отношениях человека с другими людьми, но и в его отношении с самим собой.

По мнению Ф. Фукуямы, мы превратимся в неуязвимых терминаторов из плоти и крови. Правда, неуязвимость всего лишь характеристика и особенность плоти, а не критерий свободы и самостоятельности. Новая тоталитарная система, возьмет под контроль не только социальное поведение человека, но и химический состав крови.

С другой стороны, структурное принуждение и всеобщая стандартизация побуждает людей искать новый образ жизни, там, где они могут компенсировать и оправдать утраченную свободу.

Некоторые компенсируют утраченную свободу сексуальной вседозволенностью. Это справедливо в отношении сексуальных меньшинств, стремящихся воссоздать семью на новой основе. Так с разрушением важнейшей ячейки общества – традиционного института семьи, нарушается последовательность передачи от поколения к поколению высших моральных ценностей, культурных кодов, колеблются основы личной защищенности. Другие записываются в отряды религиозных фундаменталистов, чья деятельность направлена на создание нового социума верующих.

И, наконец, экстремистские группировки, чья свобода компенсируется радикальными методами действия и самоутверждения.

Таким образом, наряду с радикальным индивидуализмом, появляются тенденции сопротивления «самобытности, устремленной в будущее», способной воссоздать нечто подобное новому гражданскому обществу. Все проактивные движения претендуют на некую великую роль. Все они выступают против процессов глобализации, но не за восстановление традиционных гражданских институтов, поскольку они размываются логикой сетевых структур власти и общества в целом. И это размывание ведёт к появлению новой самобытности. Новая самобытность, является носителем определенных символов, имиджей, и борется за своё пространство и за своего потребителя.

Техногенная цивилизация предлагает достаточно шаблонов, при помощи которых люди стараются избегать и не осознавать самих себя, свои поступки. К ним относятся: механизированный, функциональный труд; развлечения: мы дрожим от сладкого ужаса перед экранами ТВ, но реально не испытываем никаких лишений, мы утратили чувство сострадания и солидарности; экстаз коммуникации ради самой коммуникации полностью обесцененной, вне личностной и пустой; удовлетворение от бесконечных покупок; постоянная смена половых партнеров. За всеми этими искусственными шаблонами, которые предлагает цивилизация, скрываются, как их называет Ж. Бодрийяр, «реактивные формы зла», а то есть вполне естественные чувства: ненависти, насилия, жестокости, тяги к убийству.

Еще Ф. Ницше писал, что с развитием общества и научных знаний, возрастает способность человека быть «дрессируемым». В свою очередь М. Бубер указывал, что человек не может совладать с миром, который есть создание его рук.

«Ценности потеряли ценность». Человек неистово доказывает, что чёрное есть белое, что зло есть добро, привыкая обманывать себя, свою совесть. И это настолько впиталось в нашу кровь, что порой кажется, никакой другой интерпретации морали и нравственности никогда и не было. Так, незаметно произошло «обеление зла»¹⁰.

Человек потерял в себе порядок, способность распознавать добро, способность «рассуждать», в нем царит хаос. Всё смешалось эгоистической необходимостью и выгодой. Нет больше ни основного правила, – отмечает Ж. Бодрийяр, – ни критерия суждения.

Формирующаяся «мировая общественная система», постоянно поддерживая конкуренцию, как единственно возможный вариант прогресса, ведёт игру «в слабых и сильных». Она выгодно для себя определяет, какими качествами должен обладать сильный и в свою очередь, слабый. Таким образом, человек уподобляется животному, неспособному

¹⁰ Бодрийяр Ж. Прозрачность зла (1990): Пер. с фр. / Л. Любарская, Е. Марковская. М.: Добросвет, 2000. С. 23.

инстинктивно осознать свою роль, своё влияние, нести ответственность. Но, если соперничество, борьба за физическое выживание тех или иных видов животных – это естественно и оправдано законами природы, то соперничество и конкуренция среди людей, принимающие форму морального подавления, а также крайнюю форму физического истребления друг друга, под известным лозунгом «выживает сильнейший», это противостоит естественно для человеческой духовно-природной сущности.

В информационно-глобализирующемся мире в противовес «соперничеству» выступает «сотрудничество», как структура общественных взаимоотношений. Естественно, оно не может быть абсолютным, но как жизненный принцип, альтернатива лозунгу «выживает сильнейший», альтернатива несправедливой игре в «сильных и слабых», в которой человек теряет свое достоинство. Сотрудничество исключает нездоровую конкуренцию, дикость, варварство, животное инстинктивное поведение, предполагающее такие отношения, при которых усилия соперников не складываются, а вычитаются. Сотрудничество позволяет напротив полностью использовать коллективный человеческий потенциал, ставит перед собой иную задачу – «помочь слабому», «отстоять» слабого, а не вытеснить его, сохраняет человеческое достоинство, возвышает человека.

Ценности «культуры жизни» формируют наше сознание как устойчивое, сопротивляющееся, воспитывают нашу волю и дух. Им и только им можно доверить человека, в смысле его «образования», «делания». Ведь, они удаляют его, вытесняют пустоту, отчужденность, безнадежность, растрепанность, невежество, ханжество, наполняют смыслом его жизнь. Они ломают общественные стереотип насилия, как самоутверждения, меняют человеческие цели и приоритеты в пользу духовной культурности. «Носитель Культуры, – пишет Н. К. Рерих, – ясно почувствует всю разницу между основами духовной Культурности и наносной материалистической цивилизацией, разберется в случайном переходящем и истинно живущим»¹¹. Нравственный выбор в пользу ценностей «культуры жизни» это всегда испытание и искушение, это выхождение за пределы самого себя, преодоление «уровня психофизически-организмической данности». Нравственность человека на порядок выше нравственности природы и нет ей предела, с точки зрения нравственного совершенствования. Нравственное совершенствование человека, в отличие от «нравственности природы» есть духовно-нравственное совершенствование.

Список литературы

1. Баталов Э.Л. О книге Э. Тоффлера «Третья волна» // США – экономика, политика, идеология. 1982, №7. С. 83-90.
2. Рашкофф, Д. Медиавирус. Как поп-культура тайно воздействует на наше сознание / Д. Рашкофф. М.: Ультра. Культура, 2003. 324 с.
3. Делягин М.Г. Практика глобализации: игры и правила новой эпохи. М: ИНФРА-М, 2000. 344 с.
4. Дилигенский Г.Г. Глобализация в человеческом измерении // Мировая экономика и международные отношения. 2002, № 7. С. 4-15.
5. Харчевка А.С. Глобализация культуры: Мифы и реальность // www.bsuir.unibel.by/rn/12100229148745.doc.
6. Фромм Э. Революция надежды // Фромм Э. Психоанализ и этика. Спб.: Ювента, 2004. 292 с.
7. Панарин А. Глобализация как вызов жизненному миру. За Хайдеггера. Сумерки глобализации: Настольная книга антиглобалиста. М.: Ермак, 2004. 352 с.
8. Слинин ЯЛ. Наука, культура и будущее общество. Отчуждение человека в перспективе глобализации мира. Сб. статей. Выпуск 1 / Под ред. Маркова Б.В., Солонина Ю.И., Парцвания В.В. Спб.: Петрополис, 2001. -С.87- 99.
9. Маркузе Г. Одномерный человек. М.: REFL-book, 1994. 336 с.
10. Бодрийар Ж. Прозрачность зла (1990): Пер. с фр./Л.Любарская, Е.Марковская. М.: Добросвет, 2000. 230 с.
11. Рерих Н.К. Культура и цивилизация. М.: Международный Центр Рерихов, 1994. 148 с.

¹¹ Рерих Н.К. Культура и цивилизация. М.: Международный Центр Рерихов, 1994. С. 47.

HUMAN BEING IN THE SYSTEM OF THE INFORMATION SOCIETY AS A BASIS OF GLOBALIZING WORLD

**S. I. Nekrasov¹⁾
Z. V. Makatov²⁾**

*¹⁾ Moscow state technical
university of civil aviation*

*e-mail:
sinekrasov@mail.ru*

*²⁾ Moscow state technical
university of civil aviation*

At studying of process of information and globalisation it is necessary to allocate, first of all, its spiritually-moral human measurement and to estimate that influence which it renders on the person, its consciousness, system of values and behaviour. The antihumane variant of realisation of information-global transformations deforms spiritually-moral sphere of human life, destroys originality and uniqueness, transforms it into the faceless person of «one day», free from any «roots», aloof and lost, with the deformed representation about good and harm. But on the other hand, in the information-globalized world along with rivalry, cooperation which allows to use completely collective human potential is cultivated, puts before itself a problem – «to help weak», to «defend» weak, instead of to supersede it, keeps human advantage and ennoble the person.

Key words: Information society, globalisation, the computer person, morals, consciousness, alienation, culture, civilisation.

ВЛИЯНИЕ НЕОКАНТИАНСТВА НА ФИЛОСОФСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ ГЕНРИХА ЛАНЦА

О. А. Попова

*Саратовский
государственный
университет
им. Н.Г. Чернышевского*

*e-mail:
popovaolga24@mail.ru*

В статье проводится анализ среды, формировавшей философские представления Генриха Ланца, и приводятся две линии доказательства принадлежности философа к неокантианству: историко-философское обоснование и линия доказательства, опирающегося на содержательную базу его концепции.

Ключевые слова: неокантианство, Генрих Ланц, история философии, критический метод, философия культуры, Герман Коген, Вильгельм Виндельбанд, Марбургская школа, Баденская школа.

Адекватное понимание и оценка творчества Генриха Ланца затрудняется прежде всего тем обстоятельством, что философ не оставил систематического изложения своих взглядов, по крайней мере, таковых пока не найдено. В 1980-х годах американский исследователь, один из авторов книги «*Boris Pasternaks Lehrjahre Неопубликованные философские конспекты и заметки Бориса Пастернака*» Л. Флейшман предпринимал попытку найти какие-либо его записи, но она закончилась неудачей.

По мнению декана факультета Сравнительной литературы Гарвардского университета, профессора У. Миллса Тодда III, трудность в составлении биографии Ланца состоит в том, что философия в таких местах как Стэнфорд, не является в настоящее время той дисциплиной, в истории которой были бы заинтересованы. Мало того, прошло 60 лет, как профессор Ланц преподавал в Стэнфорде, это означает, что самым молодым его ученикам должно быть около восьмидесяти, а коллегам за девяносто, печально, – пишет профессор, – но факт¹.

Основным и решающим было влияние философии Канта и неокантианских школ. Во многом благодаря тому, что Г. Ланц учился сначала у В. Виндельбанда, затем у Г. Когена, имел научные контакты с Н. Лосским, Б. Яковенко, Б. Пастернаком, базисные идеи неокантианства, чьи мотивы наиболее четко прослеживаются в его трудах, были восприняты им как несомненные основополагающие философско-методологические принципы научного исследования. Он занимался преимущественно у Виндельбанда и Ласка, в июле 1910 году сдал докторский экзамен, в 1911 году защитил диссертацию «*Проблема предметности в современной логике*»², первая часть которой была посвящена «учению Канта об объективности», часть вторая представляла «психологическое учение о предметности» Маха и Авенариуса, третья рассказывала о гуссерлианской «трансцендентной школе», а последняя – об «имманентной школе» Шуппе.³ Получив у Виндельбанда докторскую степень, Ланц отправился в 1912 году слушать лекции Когена в Марбурге.

После возвращения в Россию, Ланц начинает активно публиковаться в отечественных научных изданиях. Выходивший в 1910-1914 годах журнал «Логос» знакомил читателей с работами немецкого и российского неокантианства. Главной идеей издателей международного ежегодника было формирование нового мировоззрения и даже новой «философской культуры», что стало бы философским ответом на запросы эпохи, требования которой давно казались многим чрезмерными. Специфическая неокантианская культурфилософская проблематика была определяющей в научно-издательской деятель-

¹ Факты получены в результате личной переписки автора с профессором Уильямом Миллсом Тоддом III.

² Lanz H. Das Problem der Gegenständlichkeit in der modernen Logik: I. Kants Lehre von der Objektivität: Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde der Philosophischen Fakultät der Universität Heidelberg. Heidelberg, 1911.

³ Статья была опубликована позже: Lanz, Heinrich. Das Problem der Gegenständlichkeit in der modernen Logik. Berlin: Reuter & Reichard, 1912. 166 S. – (Kant-Studien. Ergänzungshefte im Auftrag der Kantgesellschaft, hrsg. Von H. Vaihinger, B. Bauch und A. Liebert. Nr. 26).

ности «Логоса», поэтому логичным было бы говорить о том, что сотрудничество Ланца с этим журналом демонстрирует стремление философа быть причастным к неокантианской традиции.

Инициаторами создания ежегодника были ученики В. Виндельбанда и Г. Риккерта. Доктор Крамме приводит слова Г. Риккерта, давшего название журналу: *«Без сомнения, участвовавшие в создании немецкого «Логоса» русские редакторы, которые своей энергией и предприимчивостью весьма способствовали реализации замысла, а затем в мирное время поддержали немецкий «Логос» в финансовом отношении настолько, что он оказался в состоянии платить очень хорошие гонорары (например, выше, чем в журнале «Kant-Studien») и тем самым вступить в успешное соревнование с уже существовавшими ранее философскими журналами, — без сомнения, теперь они имеют право вновь вернуться к реализации своей первоначальной идеи. Они принадлежат (в том числе и юридически) к числу владельцев «Логоса»⁴*. Культура, междисциплинарность и международность, по определению ученого, были теми столпами, на которых покоился весь замысел «Логоса».

Для Г. Ланца, как и для многих других членов русской редакции журнала «Логос», обучение в Германии и непосредственный контакт с виднейшими представителями неокантианства Виндельбандом и Когеном — это время идейного самоопределения. В понимании Ланца, как и В. Виндельбанда, *«кантианство [...] уже не состоит как для большинства интерпретаторов его времени в теории познания естественных наук и скептическом отмежевании от метафизики, а становится исторически ориентированной философией культуры»⁵*. В этом смысле максима Вильгельма Виндельбанда: *«Понять Канта означает его превзойти»* актуальна и для его ученика. Баденское направление неокантианства, а именно Генрих Риккерт, дало «формулу *«науки о культуре» (Kulturwissenschaft)*»⁶.

Поэтому изучение и анализ культуры у Генриха Ланца проходили в контексте осмысления философии культуры неокантианства. В его критической философии эстетические переживания подчинены абсолютному долгу. Как ученого, потратившего значительное время на изучение философии Баденской школы неокантианства и на обучение у главы этой школы, Ланца, бесспорно, волновала проблема ценностей в философии культуры. Он затрагивает вопрос возможности позиционирования изучения ценностей как знания. В итоге Ланц приходит к выводу, что *«хотя в физической природе ценности и цели не существуют, они, несомненно, являются неотъемлемой частью нашей поведенческой среды. И хотя мы можем творить свои ценности, мы, тем не менее, изучаем огромную их часть в процессе их творения. И то, что мы изучаем, составляет наше знание...»⁷*. Таким образом, Генриха Ланца, как одного из первых последователей немецкого неокантианства, в том числе Баденской его ветви, можно назвать одним из тех, кто стоял у истоков философского анализа культуры.

Проследивая тенденцию приверженности Ланца неокантианским идеям, мы будем следовать двум линиям доказательства:

1. линии историко-философского доказательства;
2. линии доказательства, опирающегося на содержательную базу концепции Генриха Ланца.

Подвергая рассмотрению *первую* линию обоснования, необходимо, прежде всего, говорить о тех историко-философских темах, к которым обращается Ланц. *«Представить непрерывную связь философских проблем в целом человеческой культуры»* — такова цель написания истории философии, по Когену, ставшая парадигмальной установкой неокантианства марбургской школы: *«Философские проблемы и тем более новые не решены настолько, что можно было бы заниматься их изложением без деятельнейше-*

⁴ Kroner R. Brief an Werner Siebeck vom 21.01.1923 // Verlagsarchiv J.C.B.Mohr (Paul Siebeck), Tübingen. Цит. по: Крамме Р. «Творить новую культуру» — «Логос» 1910-1933 // Социологический журнал. 1995, № 1, С. 122-136.

⁵ Белов В.Н. Неокантианство. Саратов, 1999. С. 5.

⁶ Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М., 1998. С. 127.

⁷ Lanz H. Aesthetic relativity // Stanford University. University Series. Language literature, v. 7, no. 1 AMS Press, Inc. New York, 1967. P. 5.

го участия и постоянного влияния собственного мировоззрения. Они находятся еще в непрерывном развитии, и мы сами с напряженнейшим интересом нашей субъективности погружены в них и возвещаем их объективное освещение»⁸.

Исследуя труды Ланца, мы обнаруживаем его интерес к неокантианской проблематике. Одной из них является исследование философских взглядов Фихте. Интерес к философии Фихте зародился в Германии – в Марбурге Коген посвящает его воззрениям ряд работ⁹. В «Фихтеане» реализовалась первая задача русского неокантианства, сформулированная Б.В. Яковенко, – задача по изучению источников философской мысли и написанию собственных трудов о мыслителях-классиках. Некоторые исследователи утверждают, что обращение русских неокантианцев к философии Фихте шло в русле «скрытой или явной полемики с ортодоксальной русской религиозно-православной философией» и «вполне определенной ориентации на некоторые идеи современной им западной философии»¹⁰. Одним из первых, кто наметил это исследовательское направление в русской «Неокантиане», был Б.П. Вышеславцев, вслед за Когеном рассматривавший взгляд Фихте на социальный вопрос как на вопрос этический. Ланц занимает в русской «Фихтеане» особое место и по количеству его статей и по обстоятельности его исследований¹¹. Он проводит подробный анализ биографии Фихте, связывая ее с проблемами, поднимаемыми философом и особенностью их решения. Главным образом, Ланц рассматривает проблему свободы в философии Фихте. Но важно, по мнению Ланца, что идея моральной революции, совершенной Фихте, была заложена Кантом. Поэтому Фихте является кантианцем не только как завершитель и продолжатель теоретического воззрения Канта, не только потому, что «его исходный пункт, как обычно выражаются историки, лежит в трансцендентальной аптерцепции», но главным образом потому, что основа и цель его системы совпадают с кантовской. Обоснование этической свободы делает его «историческим преемником Канта»¹².

Обращение к философским идеям мыслителей-классиков у русских неокантианцев не ограничивалось, однако, исследованиями Фихте. Неокантианцы часто посвящали свои работы вопросам древнегреческой философии, прежде всего Платону. Их анализ проводился с точки зрения трансцендентального метода. Интерес к подобной тематике отмечают не только у представителей российского неокантианства, но и, прежде всего, неокантианства немецкого¹³. Говоря о себе как о представителе Марбургской школы неокантианства и объединяя свое направление философских воззрений с направлением Когена, Наторп пишет: «Мы стремимся углубить Канта посредством Платона»¹⁴. Ланц же, продолжая данную линию, считает, что платонизм является «источником трансцендентального идеализма, который в системе Плотина превращается в глубокий исторический поток»¹⁵. Статьи о Плотине русских неокантианцев вписываются в общую логику интерпретации идей в направлении «плотинизации» Платона. Русские исследования о Плотине продолжили одно из направлений Марбургской школы¹⁶: Ланц полага-

⁸ Cohen H. Zur Controverse zwischen Trendelenburg und Kuno Fischer // Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft. Berlin. 1871. Bd. 7. № 3. S. 292.

⁹ Cohen, Hermann. System der Philosophie. T. 1: Logik der reinen Erkenntnis. Berlin: Cassirer, 1902. 520 S.

¹⁰ Философия Фихте в России / Ред. сост. В.Ф. Пустарнаков. СПб.: РХГИ, 2000. – 368 с.

¹¹ Бытие и знание в философии Фихте // Вопросы философии и психологии. 1914. Кн.122 № 2. С. 227-282; Иоганн Готлиб Фихте // Вопросы философии и психологии. 1914. Кн.122. С. 65-119; Памяти Фихте // Русская мысль. 1914. Кн.6. С. 42-51; Свобода и сознание: (К столетию со дня смерти И. Фихте) // Логос. М.-СПб. 1914. Т. 1, Вып. 1. С. 1-23.

¹² Ланц Г.Э. Свобода и сознание: (К столетию со дня смерти И. Фихте) // Логос. М.-СПб. 1914. Т. 1, Вып. 1. С. 4.

¹³ Коген начинает эту традицию своей работой 1879 года «Platos Ideenlehre und die Mathematik», опубликованной в сборнике: Schriften zur Philosophie und Zeitgeschichte. Hrsg. Von A. Görland, E. Cassirer. Bd. I Berlin: Akademie, 1928.

¹⁴ Наторп П. Избранные работы. М., 2006. С. 147-294.

¹⁵ Ланц Г.Э. Момент спекулятивного трансцендентализма у Плотина // Журнал министерства народного просвещения. 1914, Ч. 49. №1. С. 93.

¹⁶ Среди марбургцев тех, кто обратился к исследованию философии Плотина, можно назвать К. Хорста с его работой «Предварительный эскиз к новому исследованию эстетики Плотина» и вторая часть исследования Г. Фальтера «Beiträger zur Geschichte der Idee», посвященная Филону и Плотину.

ет, что не следует искать в философии Плотина «чистого трансцендентализма в узком смысле, который имеет слишком тесную связь с наукой и базируется на понятии платоновского гипотезиса», поскольку платиновский «спекулятивный трансцендентализм» идет «не в ширь научных понятий, а в глубину самих философских категорий», в нем раскрывается «не логика науки, а логика самой философии» и выражается «требованием тождества между бытием и мышлением»¹⁷. В ходе «исторического анализа трансцендентально-спекулятивного момента в системе Плотина»¹⁸ Ланц находит, что «момент иррационального» «скрыт в недрах» души, поскольку именно «душа объединяет в себе как функцию понятия, так и функцию материи, то есть является гносеологическим субъектом во всей его полноте». И хотя, по Плотину, момент иррационального и есть то, «что отличает объективный и действенный предмет от самой логической предметности», Ланц считает, что «такой способ решения проблемы объективности» приводит в истории философии к неразрешимым противоречиям. Гораздо более продуктивным, по мнению Ланца, должен быть метод, базирующийся в решении этой проблемы на платиновском понятии «рефлексии» и «Единого»¹⁹.

Проследивая историко-философскую линию доказательства, следует отметить, что наряду с этой историко-философской тематикой особую важность для неокантианцев, приобретает «проблема рационального и иррационального и их взаимоотношения». Анализ ее начался в рамках полемики с представителями религиозно-мистического направления: «В этих дебатах не только оттачивалось полемическое мастерство обеих сторон, но постепенно повышался и общий уровень философствования [...] Так постепенно решалась вторая задача, поставленная перед собой русскими неокантианцами»²⁰. Под «иррациональным» неокантианцы понимали психическое, интуитивное, в конечном счете – индивидуальное. Русские неокантианцы прекрасно понимали, что «то решение проблемы о рациональном и иррациональном, которое давалось современными им сторонниками «чистой логики», могло быть неудовлетворительным, так как в нем «иррациональному» отводилась чересчур малая роль»²¹. К проблеме «иррациональности» устремили свои взгляды российские неокантианцы В.Э. Сеземан, С.И. Гессен, Б.В. Яковенко. Г. Ланц также обратился к этой тематике, опубликовав после революции свою статью на английском языке «Иррациональность рассуждения»²².

Опираясь на логические доказательства, Ланц говорит о том, что нельзя понимать окружающие нас явления как просто сложенные вместе разрозненные элементы: «Оставаясь в рамках атомистической логики, то есть, начиная с индивидуальных терминов, приходим к заключению, что термины, находящиеся в логическом отношении друг с другом, не складываются в общую сумму терминов и отношений, а выдвигают или определяют что-то новое, изначально не содержащееся в терминах либо отношениях, либо и в том и в другом. Утверждать, что в этом нет новизны, и что цельность этих терминов и отношений невозможна и невнятна, значит игнорировать то, что действительно происходит в нашем разуме, когда мы думаем»²³. То же самое, утверждает Ланц, характерно и для сферы мышления: «Верить в то, что мышление – это процесс суммирования, что для создания новой идеи достаточно подобрать пару терминов и нанизать их как бусы, настолько же абсурдно, и даже больше, как верить в то, что Адам и Ева каким-то образом были созданы из земли руками Господа. Это эпистемо-

¹⁷ Ланц Г.Э. Момент спекулятивного трансцендентализма у Плотина // Журнал министерства народного просвещения. 1914, Ч. 49. №1. С. 87-88.

¹⁸ Там же, С. 138.

¹⁹ Там же, С. 132-133.

²⁰ Дмитриева Н.А. Кантианство на рубеже XIX-XX веков: к истории неокантианских школ в России // Иммануил Кант: наследие и проект. Научное издание [Текст] / Под ред. В.С. Степина, Н.В. Моторошиловой. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2007. С. 246.

²¹ Алексеев Н.Н. Опыт построения философской системы на понятии хозяйства (Сергей Булгаков, Философия хозяйства. Часть первая. Мир как хозяйство. Москва, 1912) // Вопросы философии и психологии. 1912. Кн. 115. С. 728.

²² Lanz H. The irrationality of reasoning // The Philosophical Review. Vol. XXXV, №4. New York, 1926, July. P. 340-359.

²³ Ibid P. 349.

логическая магия. Процесс мышления – это процесс творческий. Создание «четвертого» элемента (*i*-элемента) должны признать даже те, кто начинал с атомистического допущения неопределяемых терминов»²⁴. Ланц вводит понятие *i*-элемента, понимаемого как элемент иррациональности, только при наличии которого возможно говорить о цельном явлении. При этом «элемент» в данном случае означает не «термин» или «часть», он употребляется Ланцем в качестве несущей структуры или природы идей. Это сущность идеального мира, нечто из чего «сотканы все наши идеи», и с помощью чего идеальные и логические структуры обладают цельностью и индивидуальным значением. Элемент-*i* – это символическое представление и прямое подтверждение иррационального элемента в структуре и существовании идей. Важным считаем отметить тот факт, что рассмотрение проблемы иррационального в неокантианстве всегда пронизывался критическим мышлением. У Ланца, так же как у Наторпа и Кассирера, полагание иррационального в основание размышлений воплощало стремление расширения границ рационального, а не абсолютизации философской системы²⁵.

Формирование второй доказательной линии следует построить с опорой на основные содержательные положения, характерные для неокантианства в целом и поднимаемые Ланцем, как приверженцем данной традиции, в его философских построениях. По отношению к кантовской системе в неокантианских школах сложились некоторые общие установки: в системе философских дисциплин приоритетным была гносеология, прежде всего, как теория научного познания, во-вторых, для неокантианцев характерна та особенность, что развитый ими критический метод Канта, который получил название трансцендентального, позволил саму философию поднять на уровень науки. При анализе работ Генриха Ланца мы видим, что с самого начала ему была близка подобная система мышления. Следует подчеркнуть, что на философский факультет Московского университета Ланц перевелся с математического, отучившись там два года. Это, возможно, сыграло определенную роль в том, что все свои философские умозаключения он делал с постоянной опорой на факты науки: математику, физику, биологию.

В своей англоязычной статье «Сила и ускорение»²⁶ он описывает суд над силой и ускорением, произошедший в среде небесных сил, связанный с обеспокоенностью, вызванной выходом книги Эддингтона – «Природа физического мира». При всей, казалось бы, аллегоричности своего рассуждения, Ланц опирается на факты физики на очень высоком профессиональном уровне. Таким же высоким профессионализмом, но уже в биологии, отличается его статья «Род и вид»²⁷. Все логические умозаключения он проводит, опираясь на понятия рода и вида в биологии: «С объективной точки зрения ясно, что способ взаимодействия между родом и отличительным признаком нельзя адекватно выразить простым добавлением. Определяя, например, птицу, как имеющее череп позвоночное животное с крыльями, мы не добавляем крылья к чему-то «бескрылому». Имеющее череп позвоночное животное как род является ни крылатым, ни бескрылым. С другой стороны, лишив птицу крыльев, перьев, клюва или чего-либо еще, имеющего отношение к характеристике данного класса, мы получим изуродованную птицу, а не позвоночное животное, как таковое, имеющее череп»²⁸. Сложность, по мнению Ланца, состоит не в нашей «неспособности создать общий мысленный образ «имеющего череп позвоночного животного» (за что Юм осуждал Локка), а в чисто объективной невозможности значения»²⁹.

Отказ от построения теорий субъекта и переключивание этой проблемы на откуп психологии является третьей особенностью неокантианской программы. Именно психологизм неокантианцы называли своим врагом. Коген защищал кантовскую фило-

²⁴ Ibid.

²⁵ См. напр., Natorp P. Selbstdarstellung // Die deutsche Philosophie der Gegenwart in Selbstdarstellungen. Hrsg. von P. Schmidt. 2. Aufl. Bd. 1. Leipzig: Meiner, 1923. S. 161–190.

²⁶ Lanz H. Force and Acceleration. A Dialog // Der Russische Gedanke. 1929/30. H 3. P. 253-264.

²⁷ Lanz H. Genus and Species // The Philosophical Review. Vol. XXXIII, № 5 New York, 1924. September. P. 463-478.

²⁸ Ibid, P. 464.

²⁹ Ibid.

софию от Гербарта, Фриза, у Шопенгауэра, Бенеке, укреплявших психологическую основу кантовской гносеологии, Гельмгольца и Ланге, обосновывавших философию Канта с помощью психофизической природы человека³⁰. Подобное исключение психологизма из процесса познания схоже с позитивистскими установками, поэтому неокантианство часто причисляли к позитивизму³¹. Ланц, рассматривая проблему психологизма в логике, говорил о том, что необходимым является не просто исключение психологизма из «царства логических значимостей». Не менее важным он считал изучать и психическое независимо от логического, то есть «освободить психологию от логики», от чего выиграет сама логика³².

Четвертым пунктом является обоснование и защита рациональности культуры. С точки зрения неокантианства, философия трансцендентального идеализма, созданная Кантом, и есть философия культуры. П. Наторп сформулировал эту мысль так: «Если нам в качестве важного нового требования предъявляют требование дать философию культуры», то мы можем только ответить: мы имеем философию Канта, то есть впервые имеем настоящую философию трансцендентальной методологии, которую мы, исходя из Канта, и старались провести строже и последовательнее, с самого начала понимая и характеризуя ее как философию культуры»³³. Свои поиски в области теории познания неокантианцы через анализ точных наук распространили на все остальные науки и на все культурные феномены, что стало возможным благодаря понятию значимости, или ценности: определенность значимости лежит в основе определенности культурных феноменов. Неокантианцы Баденской школы саму философию трактовали как «учение об общезначимых ценностях»³⁴ и усматривали задачу философии в том, чтобы «истолковать смысл человеческой жизни на основе учения о значащих ценностях»³⁵. В трудах Виндельбанда, Риккерта и других мыслителей теоретически обосновывались причины «распада бытия на реальность и ценность»³⁶.

В Марбургской школе неокантианства, методологически ориентированной на математическое естествознание, понятие «ценность» не играло такой роли, как в Баденской школе, принадлежавшей к трансцендентально-психологическому направлению неокантианства. Однако Коген говорил о главной дисциплине среди наук о культуре. Он сводил моральные ценности к праценности, рассматриваемой им как достоинство человека, тождественное самой человеческой природе³⁷. В понимании Ланца, владение фактическим материалом очень важно, но практические данные должны быть, по мнению философа, главным образом базой для изучения культуры как феномена цельного: «Издавна разногласия мы позабыли абстрактные сферы эстетических теорий и опустили до уровня практического восприятия искусства»³⁸. Сущность культуры представлена Генрихом Ланцем не просто в рамках исследования отдельных фактов из истории мировой культуры, а как методологическое начало при формировании его философских представлений. Неокантианский критицизм здесь понимается как трансцендентально-логическая философия культуры.

³⁰ Круглов А.Н. Трансцендентализм в философии. М., 2000. С. 108-109.

³¹ Н.А. Бердяев, например, называет Когена «решительным врагом метафизики и самым настоящим позитивистом». См.: Бердяев Н.А. Самопознание: опыт философской автобиографии. М.: Правда, 1990. С. 428.

³² Ланц Г. Философия Рихарда Авенариуса // Логос, М., 1912 кн. 2 № 3. С. 227.

³³ Наторп П. Кант и Марбургская школа // Новые идеи в философии. Непериодическое издание под ред. Н.О. Лосского и Э.Л. Радлова. Сб. 5. СПб.: «Образование», 1913. С. 128.

³⁴ Виндельбанд В. История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками. Т.2: от Канта до Ницше. СПб., 1913. С. 387.

³⁵ Риккерт Г. О системе ценностей // «Логос», М., 1914. Т. 1. Вып. 1. С. 46.

³⁶ Другую линию развития аксиологических вопросов, связанную с переоценкой ценностей, с середины XIX века развивает Фридрих Ницше, начиная с «Рождения трагедии из духа музыки» вплоть до незавершенной им «Воли к власти».

³⁷ См.: Cohen H. System der Philosophie. Т. 3: Ästhetik des reinen Gefühls. Erster Band. Berlin: Cassirer, 1912. – XIV, S. 225-226, 236.

³⁸ Lanz H. Aesthetic relativity // Stanford University. University Series. Language literature, v. 7, no. 1 AMS Press, Inc. New York, 1967. P. 9.

Философские построения Г. Ланца обладают высокой ценностью не только в рамках истории русской мысли, но и далеко за ее пределами. Однако историческая ситуация сложилась так, что наследие Г. Ланца длительное время находилось вне сферы исследовательского интереса мировой историко-философской мысли, с другой стороны, концепция Ланца, как опыт синтеза религии, философии и науки с той метафизикой, антропологией и историософией, какую развил Ланц, чужда современным философам. Наибольшая ценность построений Ланца заключается именно в их синтетическом замысле.

Список литературы

1. Lanz, H. Das Problem der Gegenständlichkeit in der modern Logik. Berlin: Reuter & Reichard, 1912.
2. Белов В.Н. Неокантианство. Саратов, 1999.
3. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М., 1998.
4. Lanz, H. Aesthetic relativity // Stanford University. University Series. Language literature, v. 7, no. 1 AMS Press, Inc. New York, 1967. P. 3-20.
5. Cohen, H. Zur Controverse zwischen Trendelenburg und Kuno Fischer // Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft. Berlin. 1871. Bd. 7. № 3.
6. Cohen, H. System der Philosophie. Т. 1: Logik der reinen Erkenntnis. Berlin: Cassirer, 1902.
7. Философия Фихте в России / Ред. сост. В.Ф. Пустарнаков. СПб.: РХГИ, 2000.
8. Ланц Г. Бытие и знание в философии Фихте // Вопросы философии и психологии. 1914. Кн.122 № 2. С. 227-282.
9. Ланц Г. Иоганн Готлиб Фихте // Вопросы философии и психологии. 1914. Кн.122. С. 65-119.
10. Ланц Г. Памяти Фихте // Русская мысль. 1914. Кн.6. С. 42-51.
11. Ланц Г.Э. Свобода и сознание: (К столетию со дня смерти И. Фихте) // Логос. М.-СПб. 1914. Т. 1, Вып. 1. С. 1-23.
12. Наторп П. Избранные работы. М., 2006.
13. Ланц Г.Э. Момент спекулятивного трансцендентализма у Плотина // Журнал министерства народного просвещения. 1914, Ч. 49. №1. С. 84-138.
14. Дмитриева Н.А. Кантианство на рубеже XIX-XX веков: к истории неокантианских школ в России // Иммануил Кант: наследие и проект. Научное издание [Текст] / Под ред. В.С. Степина, Н.В. Моторошиловой. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2007.
15. Алексеев Н.Н. Опыт построения философской системы на понятии хозяйства (Сергей Булгаков, Философия хозяйства. Часть первая. Мир как хозяйство. Москва, 1912) // Вопросы философии и психологии. 1912. Кн. 115. С. 704-735.
16. Lanz H. The irrationality of reasoning // The Philosophical Review. Vol. XXXV, №4. New York, 1926, July. P. 340-359.
17. Natorp P. Selbstdarstellung // Die deutsche Philosophie der Gegenwart in Selbstdarstellungen. Hrsg. von P. Schmidt. 2. Aufl. Bd. 1. Leipzig: Meiner, 1923.
18. Lanz H. Force and Acceleration. A Dialog // Der Russische Gedanke. 1929/30. Н. 3. P. 253-264.
19. Lanz H. Genus and Species // The Philosophical Review. Vol. XXXIII, № 5 New York, 1924. September. P. 463-478.
20. Круглов А.Н. Трансцендентализм в философии. М., 2000.
21. Бердяев Н.А. Самопознание: опыт философской автобиографии. М.: Правда, 1990.
22. Ланц Г. Философия Рихарда Авенариуса // Логос, М., 1912 кн. 2 № 3. С. 205-241.
23. Наторп П. Кант и Марбургская школа // Новые идеи в философии. Непереодическое издание под ред. Н.О. Лосского и Э.Л. Радлова. Сб. 5. СПб.: «Образование», 1913.
24. Виндельбанд В. История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками. Т.2: от Канта до Ницше. СПб., 1913.
25. Риккерт Г. О системе ценностей // «Логос», М., 1914. Т. 1. Вып. 1. С. 43-52.
26. Cohen H. System der Philosophie. Т. 3: Ästhetik des reinen Gefühls. Erster Band. Berlin: Cassirer, 1912.
27. Крамме Р. »Творить новую культуру» – «Логос» 1910-1933 // Социологический журнал. 1995, № 1. С. 122 – 136.

INFLUENCE OF THE NEOKANTIANISM ON THE PHILOSOPHICAL IDEAS OF HENRY LANZ

O. A. Popova

Saratov State University

e-mail:

popovaolga24@mail.ru

The article gives an analysis of the environment that shaped the philosophical ideas of Henry Lanz and grants two lines of the demonstration of the philosopher's belonging to the Neokantianism: historical and philosophical ground and the line of the demonstration that relies on the substantial basis of his concept.

Key words: Neokantianism, Henry Lanz, history of philosophy, critical method, philosophy of culture, Hermann Cohen, Wilhelm Windelband, the Marburg school, the Baden school.

ПОНЯТИЯ «КОНЦЕПТ» И «ДИСКУРС» И ПРОБЛЕМА ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА: К МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ

А. В. Тихомиров

*Белгородский
государственный
университет*

Автор статьи рассматривает концептуально-дискурсивный аспект проблемы гражданского общества, обосновывая различия между понятием «гражданское общество» и аналогичным концептом. В статье описывается структура концепта и стратегии концептуализации, что позволяет автору сформулировать базовые положения дальнейших исследований гражданского общества в рамках дискурсивного подхода.

Ключевые слова: концепт, понятие, дискурс, гражданское общество, концептуализация.

Сегодняшний интерес к гражданскому обществу как теоретическому конструкту и общественно-политическому и правовому явлению вызван преимущественно глобальными социально-политическими процессами, характеризующимися кризисом государства всеобщего благоденствия, усилением вмешательства государства в частную жизнь граждан и институты культуры, противоречивостью и зачастую ослаблением добровольных общественных движений в обществах, традиционно считавшимися гражданскими, а также отмиранием «старых» и появлением новых форм самоорганизации и самоуправления в обществе. Речь сегодня идет не об отказе от самого понятия «гражданское общество» и не о дискредитации содержания этого понятия: скорее, мы являемся свидетелями реинтерпретации понятия, помещения его в новый концептуальный контекст. По утверждению Р. Швери, «анализ гражданских структур в Западной Европе показывает, что происходит не разрушение гражданского общества, а фундаментальное изменение гражданских структур. Формальные ассоциации замещаются неформальными, внешние ценности – внутренними, систематические отношения – случайными»¹.

Иными словами, объективные культурные и социально-политические трансформации гражданских структур обуславливают необходимость переосмысления содержания понятия «гражданское общество». В то же время, по нашему глубочайшему убеждению, стремления реконцептуализировать это понятие связаны не только с не зависящими от сознания людей обстоятельствами, но и с изменением когнитивных, коммуникативных и знаково-символических процессов, характерных для определенного культурно-исторического контекста.

Как отмечает В.Ю.Вобликов, «ключевым моментом в понимании современных процессов, происходящих в гражданском обществе, являются (...) проблемы саморефлексии и самосознания внутри самих этих движений и инициатив (...). Такого рода конфликты лежат в основе многих смысловых неясностей, сопряженных с понятием гражданского общества»². Автор приведённой цитаты формулирует основной смысл современных процессов концептуализации «гражданского общества»: содержание этого понятия проблематизируется, уточняется, переосмысливается, потому что за ним закреплена определенная эвристическая и объяснительная ценность, и для того, чтобы описать и объяснить «новую, общую для всех тягу к современным формам самоорганизации и самоконституирования»³.

Подобные попытки «реформы» понятия «гражданское общество» говорят также и об отсутствии универсального представления о его содержании. Если в эпоху Просвещения, когда этот термин (англ. “civil society”, нем. “Bürgergesellschaft”, фр. “la société civile”

¹ Швери, Р. Молодежь и формирование гражданского общества в Западной и Восточной Европе // Будущее молодежи России. М-лы Междунар.науч.-практ. конф. – М., 2003. – С.41.

² Вобликов, В.Ю. Основные направления реконструкции понятия «гражданское общество» во второй половине XX – начале XXI веков: теоретические подходы // Режим доступа: <http://credonew.ru/content/view/808/44> (проверено 21.07.09).

³ См. там же.

или "etat civil") получил широкое распространение и институциональный статус, под гражданским обществом понимали негосударственную (общественную) систему рыночных отношений и товарообмена, то сегодня содержание этого понятия фиксирует негосударственный и нерыночный сектор общественной деятельности (по определению Ю.Хабермаса, к гражданскому обществу относятся «негосударственные и неэкономические объединения и ассоциации, созданные на добровольной основе»⁴). Очевидны также различия в трактовке этого понятия в различных культурных, политических, социальных и экономических хронотопах.

Более того, среди различных авторов, представителей различных научных школ и течений также нет единого мнения относительно того, какое определение «гражданского общества» можно считать универсальным. Так, А. Фергюсон, одним из первых предложивший научную дефиницию понятия «гражданское общество», определял его как состояние цивилизованности, для которого, среди прочего, характерно наличие частной собственности и отсутствие государственного деспотизма⁵. Гегель рассматривает гражданское общество как переходный институт в развитии человечества от семьи к государству, в котором стержневым механизмом является удовлетворение и защита частных интересов институтов, сословий, групп, лиц; баланс интересов достигается с помощью государственного управления на основе закона⁶. Маркс и Энгельс трактуют гражданское общество как систему социально-экономических отношений и производительных сил, единство и согласованность которого достигается за счёт государства как классовых отношений, выраженных и закреплённых на уровне надстройки гражданского общества⁷. Для А.Грамши «гражданское общество» – это промежуточная сфера между принуждающим государством и самоорганизующимся рынком, в которой достигается согласие между индивидуальными и социальными интересами⁸.

В. Максименко, вслед за рядом других учёных, выражает общее «разочарование» классическими определениями гражданского общества: «к числу теряющих смысл «старых понятий» можно отнести, по всей видимости, и «гражданское общество»⁹. Автор заключает, что перед современной наукой стоит задача выработки принципиально нового понятия, могущего адекватно выразить формы негосударственного бытия общества и индивидов. Иная тенденция, наблюдаемая сегодня, заключается не столько в поиске нового понятия, сколько в уточнении дефиниции старого. Так, отечественный исследователь М.В. Ильин понимает гражданское общество в идеале как «внегосударственную публичность»¹⁰. Ю.М. Резник определяет гражданское общество как «форму социетальной самоорганизации нации, призванной реализовать на практике сбалансированное взаимодействие между автономными личностями, с одной стороны, и формальными системами (в первую очередь государством), с другой, и проявляющейся в служении всеобщим («родовым») интересам конкретного человека, всего социума и человечества в целом»¹¹.

Итак, мы видим, что содержание понятия «гражданское общество» далеко от однозначности и определенности. Отсутствие консенсуса среди исследователей относительно дефиниции этого понятия, соответственно, приводит к тому, что научные дискуссии о соответствующем феномене существенно усложняются: учёные не могут выработать единого представления о гражданском обществе вследствие того, что не существует разде-

⁴ Habermas J. Faktizität und Geltung. Beiträge zur Diskurstheorie des Rechts und des demokratischen Rechtsstaats. – Frankfurt a. M., 1992. S. 443.

⁵ Фергюсон А. Опыт истории гражданского общества / Пер. с англ. И.И. Мюрберг; Под ред. М.А. Абрамова. – М.: РОССПЭН, 2000

⁶ Гегель Г. Ф. В. Философия права // Философское наследие. М.: Мысль, 1990. С. 278

⁷ Маркс, К., Энгельс, Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – 2-е изд. Т.3. – М.: Госполитиздат, 1963. – С. 7-544.

⁸ Грамши, А. Тюремные тетради. – М.: Изд-во политической литературы, 1991.

⁹ Максименко В. Идеология civil society и гражданская культура // Pro et Contra. 1999. – Т. 4. – №1. – С. 114.

¹⁰ Ильин М. Политическая глобализация: институциональные изменения // Грани глобализации: трудные вопросы современного развития. М.: Альпина Паблишер, 2003. С. 205.

¹¹ Резник, Ю.М. Гражданское общество в современной России: проекты и возможности их реализации // Режим доступа: <http://www.mzst.ru/pages/13-ju.m.-reznik-grazhdanskoe-obshhestvo-v.html> (проверено 21.07.09).

ляемого логически-понятийного его определения. Однако мы склонны рассматривать и придерживаться также и той точки зрения, в соответствии с которой методологические и понятийные в научных дискуссиях вызваны не только сменившимися научными интересами, парадигмами и направлениями, но и более общим культурно-историческим контекстом. Иными словами, «классическое» содержание понятия «гражданское общество» уже не в полной мере соответствует интересам, модальности, идеям общественного сознания и особенностям культурной динамики.

Отметим, что необходимость в научном определении гражданского общества появилась в Новое время и была связана преимущественно со следующими обстоятельствами¹². Во-первых, на этом историческом этапе формируются – а точнее, радикально трансформируются – договорные отношения между людьми: средневековые стандарты и нормы человеческого общежития, основанные на христианских миссионерских идеалах и ценностях, дополняются, изменяются, а в некоторых случаях вытесняются представлением о «естественных интересах» – а значит, «естественных» правах, свободах и обязанностях – индивидов. Во-вторых, ранее закрытые сообщества становятся открытыми и, соответственно, вовлеченными в процесс взаимовыгодных рыночных отношений, а это, в свою очередь, формулировало перед участниками новых отношений новые вызовы: иерархический принцип («доминирование – подчинение») организации взаимоотношений между людьми уступает принципу партнерства, в соответствии с которым важным становится «открытие» интересов партнёра.

Из этих, как минимум, двух обстоятельств следует необходимость концептуализации такого общественного порядка, при котором была бы выражена, обоснована и идеологически закреплена гарантия от вмешательства государства в частную жизнь¹³. «Гражданское общество» как новое понятие было как раз призвано выполнить роль ядра такой концептуализации. Отметим, что понятие «гражданского общества» было введено в широкий научный и общественный оборот отнюдь не с целью противопоставления некоторого «эффективного» в контексте Нового времени социального порядка государству – напротив, это понятие побуждало к поиску сбалансированных отношений между государством и частными лицами и сообществами, в качестве представителей которых они выступали, а также к выработке умений жить одновременно в условиях государственного принуждения и относительной свободы взаимодействия в контексте рынка.

«Популяризация» идеи гражданского общества конституировала такие дихотомии в общественном сознании, как «частное – общественное», «политическое – экономическое», «права – обязанности», «интересы личности – интересы государства» и другие. Иными словами, речь следует вести не просто о появлении и научной легитимации нового понятия, но о формировании *нового концептуального, смыслового поля*, которое актуализируется в специфичных *дискурсах* и в которое интегрированы такие смысловые единицы, как «свобода», «закон», «интересы», «права», «ассоциации», «общество», «нация», «гражданские инициативы», «партия», «общественное движение», «разнообразие», «личность», «либерализм» и так далее. Все эти элементы единого смыслового поля даже если и не имели (а некоторые – до сих пор не имеют) чёткой дефиниции, прочно инкорпорировались в общественное сознание и культуру европейского общества. В известном смысле «права», «свободы», «обязанности» и т.д. интересуют нас в рамках этого подхода не столько «физические» (естественные) объекты, а как концепты, сила и «деятельностный эффект» которых достигается в ходе дискурсивной (смыслопроизводящей и воспроизводящей, речемыслительной, когнитивно-коммуникативной) практики.

В таком контексте мы ставим следующую задачу: признавая значимость и важность анализа генеалогии и статуса *понятия* «гражданское общество» и смежных с ним понятий, мы, тем не менее, стремимся рассмотреть малоизученный вопрос соотношения *концепта гражданского общества с конкретными культурно-историческими условиями и интеллектуальным контекстом определённой эпохи*. Нам представляется достаточно перспективным интерпретировать гражданское общество не столько как совокупность дефиници-

¹² Гаджиев К. С. Концепция гражданского общества: идейные истоки и основные вехи формирования // Вопросы философии. М., 1991. № 7. С. 21–22; Резник Ю. М. Гражданское общество как феномен цивилизации. Идея гражданского общества в социальной мысли. М.: Союз, 1993.

¹³ Макаренко, В.П. Политическая концептология. – М.: Праксис, 2005. – С. 202.

онно закреплённых семантико-логических признаков некоторого неизменного во времени, пространстве и не зависящего от сознания людей явления, сколько как *идеологический конструкт*, как *культурный концепт*, созданный и реинтерпретируемый, сконструированный и реконструируемый людьми в определенных конкретно-исторических и социокультурных контекстах. Такая исследовательская перспектива выбрана нами не случайно – сколь уж речь идет о «гражданском обществе», мы должны постараться сделать объектом нашего внимания не логическое понятие, «адаптированное» сознанием людей, а самого человека – как участника гражданского общества – воспринимающего, интерпретирующего и понимающего гражданское общество определенным образом.

Итак, мы полагаем, что *гражданское общество* как *концепт* безусловно включает в себя некоторую понятийную составляющую, но концептуальное ядро составляет также ценностная и образная компонента этого концепта¹⁴. Даже будучи закреплённым в тексте закона или словаря, *гражданское общество* как *концепт* – а не только и не столько как *понятие* – отражает существующие в конкретный исторический и культурный момент ценностно-смысловые конфигурации, характерные для сознания определенного социокультурного сообщества.

Обратим внимание на традиционные различия между *концептом* и *понятием*¹⁵.

Во-первых, в то время как понятие стабильно, статично, не зависит от интерпретации его читателем, концепт находится в состоянии постоянного становления, он «дописывается» и «вычитывается» читателем. Собственно базовые константы концепта – это не аутентичный смысл, вложенный в него когда-то кем-то и принуждающий адресата принять его как само собой разумеющуюся формулу; это та совокупность аксиологических, образных и понятийно-логических эффектов, которые возникают в сознании адресата, а точнее – это те ценности, образы и понятия, которые адресат реконструирует из определённой семиотической совокупности¹⁶. В этом смысле проясняющей суть этого различия является известное высказывание Ю.С.Степанова: «Концепты не только мыслятся, но и переживаются»¹⁷.

Во-вторых, понятие может являться элементом структуры концепта. Обратим внимание, что мы будем вести речь о гражданском обществе как *культурном концепте*, под которым принято понимать «*многомерное смысловое образование, в котором выделяются ценностная, образная и понятийная сторона*»¹⁸. Наиболее универсальными и типичными в отношении подобной «трёхмерности» являются такие концепты, как «вечное», «мир», «время», «слово», «любовь», «дом», «язык», «совесть», «душа», «страх» и прочие. Мы видим, что полное (адекватное) понимание этих концептов невозможно лишь на уровне их дефиниции; нам требуется своего рода «аксиологическая компетентность», знание ассоциативного контекста и т.д. для полноценного «вычитывания» культурных смыслов этих концептов.

Представление о гражданском обществе также может быть неизменным с точки зрения понятийной его стороны (определение может быть тем же самым, например, в текстах различных конституций и в различных исторических эпохах), но могут – иногда существенно – меняться оценки содержания этого понятия, может варьироваться совокупность репрезентаций этого понятия, и, наконец, может меняться статус самого понятия – оно может быть как центральным, так и маргинальным. В связи с этим согласимся

¹⁴ Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: Гнозис, 2004. – С. 109.

¹⁵ Обратим внимание, что не все авторы соглашаются с таким различием. Известна точка зрения А.Соломоника, утверждавшего, что концепт представляет собой абстрактное научное понятие, выработанное на базе конкретного житейского опыта (Соломоник, А. Семиотика и лингвистика. – М.: Молодая гвардия, 1995. – С.246), или позиция С.Д.Кацнельсона, в соответствии с которой концепт ассоциируется с формальным понятием, выработанным на основе обиходного знания, в то время как научные понятия являются не формальными, а содержательными.

¹⁶ См., например, Залевская А.А. Текст и его понимание. – Тверь: Изд-во ТГУ, 2001, Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Языки русской культуры, 1997, Кубрякова Е.С. Концепт // Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: Изд-во МГУ, 1996. С.90-93 и другие работы.

¹⁷ Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Языки русской культуры, 1997. – С.41.

¹⁸ Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: Гнозис, 2004. – С. 109.

с мнением В.П.Римского и коллег: «в дискурсно-концептной ткани исторических и современных культур следует различать *доминирующие концепты* (и соответствующие знаки и символы) и *концепты маргинальные*, вытесненные на периферию культуры, если не в ее подпольные, бессознательные или контркультурные (антисистемные) слои. (...) И если читать (реконструировать) только господствующие тексты эпохи, оставляя маргинальные концепты без внимания, то мы наверняка потеряем глубинные смыслы повседневности»¹⁹.

Таким образом, отсутствие в определённой культурно-исторической эпохе понятия «гражданское общество» отнюдь не означает отсутствие аналогичного концепта. Иными словами, гражданское общество как концепт в большей степени зависит от широкого культурно-исторического контекста и дискурсивных формаций и практик, доминирующих в обществе, нежели понятие «гражданское общество».

Теперь, рассмотрев различия между понятием и концептом гражданского общества, остановимся более подробно на структурных и функциональных особенностях концепта, а также закономерностях его актуализации в дискурсе. Этот краткий обзор результатов ведущих исследований на эту тему позволит нам сформулировать основные методологические положения нашей работы. Иными словами, для того, чтобы изучить специфику реализации концепта «гражданское общество» в теоретических и практических дискурсах различных эпох, мы должны уметь идентифицировать концепт в текстах культуры и знать о том, как содержание концепта конструируется, воспроизводится и трансформируется в дискурсивной практике.

При выборе сформулированного выше рабочего определения концепта, используемого в работе, мы исходили также из суждений С.С.Неретиной, которая связывает концепт с коммуникативными и культурными параметрами деятельности субъектов²⁰.

Основываясь на представлении о «трёхмерности» концепта, состоящего из *понятийной, образной и ценностной* составляющих, Е.И.Шейгал отмечает: «Концепт как *ментальная репрезентация культурно-значимого феномена в массовом сознании* (выделено нами – А.Т.) фиксируется в лексикографических толкованиях имени концепта (содержательный минимум концепта), в его синонимических связях, образных переосмыслениях, ассоциативных реакциях, сочетаемости, паремиологии и неклишированных текстах и высказываниях»²¹. Собственно, эта цитата выражает лингвистический подход к анализу концепта и способам его идентификации в текстах культуры. Обратим внимание, что такой подход акцентирует внимание на способах языкового выражения и закрепления концептов в текстах культуры. Однако в сферу наших исследовательских интересов входит не просто выявление связи между языковыми единицами и концептуальным содержанием культуры, но, скорее, выявление зависимостей (безусловно, не в строго позитивистском, а в семиотическом смысле) между контекстом конкретной культурно-исторической эпохи, с одной стороны, и стратегиями концептуализации (социокультурной) действительности. Мы полагаем, что обнаружение подобного рода зависимостей позволит объяснить в том числе и специфику языковых (микро-) процессов. В то же время мы считаем весьма плодотворной и в сфере культурологии лингвистическую идею о том, что концептуальная смысловая структура представляет собой связанное образование, обладающее внутренней согласованностью, когерентностью. Это означает, что содержание концепта реализуется на всех уровнях культурно обусловленной когнитивно-коммуникативной деятельности – от выбора коммуникативной стратегии до конкретных семантических средств, применяемых в коммуникации. Концепты в таком понимании выступают в качестве аутентичного смысла культурных феноменов, «выражением объективного содержания слов, имеющими смысл и поэтому транслируемыми в различные сферы бытия человека»²². Подобная трансляция смысловых структур в пространство социокультурного бытия понимается нами как *концептуализация действительности*.

¹⁹ Белоусова М.М., Мельник Ю.М., Римская О.Н., Римский В.П. Методология исследования субкультур в социально-гуманитарных науках (на примере молодежной культуры) // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». Вып. 8. – Белгород, 2009.

²⁰ Неретина С.С. Концепт // Новая философская энциклопедия. – Т. II. – М., 2000. – С. 306-307.

²¹ Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. – М.: Гнозис, 2004. – С.70.

²² Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: Гнозис, 2004. – С.123.

Концептуализировать реальность или её фрагмент – значит *обозначить, выразить и описать* её. Укажем на содержание этих ключевых механизмов концептуализации, поскольку они составляют основу работы коллективного сознания в отношении смысловорчества и смысловоспроизводства.

Обозначение – это процедура выделения наиболее значимых, существенных или ценностных свойств объекта, «присвоение фрагменту осмысливаемой действительности специального знака»²³. Например, концептуализация «гражданского общества» неизбежно требует обозначения ключевых прав и свобод личности – права на уважение, права на отдых, права на неприкосновенность имущества, права на частную жизнь и т.д.

Выражение – это «вся совокупность языковых и неязыковых средств, прямо или косвенно иллюстрирующих, уточняющих и развивающих его содержание»²⁴. Концепт гражданского общества может быть изложен текстом закона, а может быть выражен в повседневных разговорах или публицистических текстах. Права, свободы, интересы частных лиц и групп как содержательные элементы концепта «гражданское общество» выражаются в той или иной знаково-символической системе; более того, формы выражения предопределены во многом не только правилами используемого стиля или актуальной коммуникативной ситуации, но и более широкими культурных практик – знаково-символических и коммуникативно-когнитивных – их употребления. Обратим внимание, что концепт может быть выражен как вербально, так и невербально, в виде визуальных образов, графических объектов, иконических знаков и т.д.

Описание представляет собой совокупность «исследовательских процедур толкования значения его [концепта] имени ближайших обозначений»²⁵. Так, одним из способов описания концепта «гражданское общество» может быть его дефинирование в тексте закона или энциклопедическом словаре, комментирование экспертами и профессионалами, прескриптивное (предписывающее) описание (например, формулирование обязанностей сторон-участников гражданских отношений).

Мы склонны разделять лингвокультурологическую точку зрения на природу культурного концепта, в соответствии с которой концепт трактуется как «ядро» культуры. Ю.С. Степанов замечает, что «в структуру концепта входит всё то, что и делает его фактом культуры – исходная форма (этимология); сжатая до основных признаков содержания история; современные ассоциации; оценки и т.д.»²⁶. Более того, нам представляется, что то или иное культурное пространство обладает специфичным «набором» средств дискурса, позволяющих обозначать, выражать и описывать реальность и, соответственно, создавать и воссоздавать относительно постоянное смысловое поле концепта «гражданское общество». В этом смысле мы полностью разделяем идею, высказанную В.Г. Зусманом: «Концепт всегда представляет собой часть целого, несущую на себе отпечаток системы в целом (...) Концепт – микромодель культуры, а культура – макромоделю концепта»²⁷.

Так, смысловая структура культурного концепта «гражданское общество» как *микромодель культуры* включает в себя такие уже упомянутые выше единицы («суб-концепты»), как «свобода», «закон», «интересы», «права», «ассоциации», «общество», «нация», «гражданские инициативы», «партия», «общественное движение», «разнообразие», «личность», «индивидуализм», «либерализм». Соответственно, выявление и анализ когнитивно-коммуникативной парадигмы их употребления в текстах культуры (в философско-теоретических и практических дискурсах конкретно-исторической эпохи) позволяет сформировать целостное представление о содержании концепта «гражданское общество». В качестве таковой парадигмы принято рассматривать идеологию классического либерализма²⁸.

²³ Там же, С. 109.

²⁴ Там же, С. 110.

²⁵ Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: Гнозис, 2004. – С. 110.

²⁶ Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Языки русской культуры, 1997. – С. 41.

²⁷ Зусман В.Г. Концепт в культурологическом аспекте // Межкультурная коммуникация. – Н. Новгород: Деком, 2001. – С.41.

²⁸ См., например: Гаджиев К. С. Концепция гражданского общества: идейные истоки и основные вехи формирования // Вопросы философии. М., 1991. № 7. С. 21–22; Резник Ю. М. Граж-

Итак, в дальнейшем мы будем исходить из того, что концепт «гражданское общество» наделяется теми смыслами, которые специфичны для практико-семиотического (когнитивно-коммуникативного) пространства, в котором он функционирует. «Гражданское общество» будет означать не только то, что зафиксировано в юридических или политических текстах, но также и систему образов и ценностей, которые «сопровождают» это понятие, а также и то, что означают и с чем ассоциируются смысловые единицы, образующие некоторое общее пространство с этим концептом. Так, изменения в представлении о правах или личности (трансформации «суб-концептов», соответственно, «право» и «личность») неизбежно приведут к новым семантическим, образным и оценочным элементам концепта «гражданское общество». Более того, изменения в прагматике словоупотребления (цели, с которыми люди используют концепт гражданского общества») также ведут к изменению содержания концепта: прогнозировать будущие состояния общества или нормировать текущее положение дел в соответствии с гражданскими идеалами – от этого будет зависеть и то, что и как мы думаем о гражданском обществе.

Определив ключевые аспекты концепта (понятийный, образный и ценностный), сформулировав основные стратегии концептуализации реальности (обозначение, выражение и описание), обозначив содержание смысловой структуры концепта «гражданское общество», мы теперь должны ответить на важный методологический вопрос: каким образом мы можем идентифицировать концепты в текстах культуры? как конкретно концепт проявляет себя в различных формах культуры?

На наш взгляд, поскольку речь идёт о когнитивно-коммуникативной, прагматико-семиотической деятельности человека в определенном культурном контексте, то верным будет утверждать, что концепты производятся, воспроизводятся, актуализируются, переосмысливаются, разрушаются в ходе *дискурса и дискурсной практики* субъектов культуры. Под *дискурсом* вслед за Е.А.Кожемякиным мы будем понимать «*регламентируемую определёнными историческими и социокультурными кодами (традициями) смыслообразующую и воспроизводящую деятельность, рецепция которой формирует или изменяет картину мира и модели опыта человека*»²⁹. Подчеркнём, что дискурс представляет собой именно деятельность, а не простую сумму языковых единиц, высказываний, текстов. Будучи сложной, комплексной деятельностью, дискурс включает в себя ряд структурных компонентов (или «параметров»³⁰). Существует несколько подходов к описанию структуры и практики дискурса, однако в нашей работе мы будем придерживаться фило-софско-культурологического подхода к моделированию дискурса, представленного, например, в работах Е.А.Кожемякина³¹, в силу того, что этот подход представляется нам синтезирующим результаты многих других теоретических и эмпирических исследований.

Дискурс включает в себя: а) предметную область; б) цели коммуникативно-когнитивной деятельности; в) языковые средства; г) текстовые формы и жанры, «порождаемые» дискурсом; д) типы контекста, в которых те или иные языковые единицы приобретают определенный культурный смысл; е) когнитивные структуры дискурса; ж) коммуникативные характеристики. Выделение этих параметров обосновано, с одной стороны, приведенной выше дефиницией дискурса и, с другой стороны, выработанными на сегодняшний день представлениями учёных о структуре дискурса³².

данское общество как феномен цивилизации. Идея гражданского общества в социальной мысли. М.: Союз, 1993; Витюк В. В. Становление идеи гражданского общества и ее историческая эволюция. М.: Институт социологии РАН, 1995.

²⁹ Кожемякин Е.А. Концептуально-методологическое обоснование дискурсной формы бытия культуры. Автореф. ... доктора филос. наук. – Белгород: Изд-во БелГУ, С. 14.

³⁰ См., например: Кротков Е.А. Диагностическое познание. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2006. – С. 65; Кожемякин Е.А. Дискурсный подход к изучению институциональной культуры. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2008.

³¹ См., например: Кожемякин Е.А. Дискурсный подход к изучению институциональной культуры. – Белгород, 2008; Кожемякин Е.А. Дискурсная матрица институциональной культуры // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. – 2007. – №2 (Т.5). – С. 58-63.

³² См., например: Макаров М.Л. Основы теории дискурса. – М.: Гнозис, 2003; Григорьева В.С. Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный аспекты. – Тамбов: Изд-во Тамб.гос.техн.ун-та, 2007; Русакова О.Ф. Дискурс, политический дискурс, политическая дискурсология // Многообразии политического дискурса. – Екатеринбург, 2004. – С.7-33; Fair clough N. Critical discourse analysis. – L.: Longman, 1995 и другие.

Вышеназванные параметры дискурса представляют собой те процессуальные феномены, которые тесным образом связаны с созданием, воссозданием, выражением, изменением концептов. Эта связь имеет ряд методологических обоснований.

Во-первых, понять, что и как представляют субъекты культуры можно, главным образом, на основании тех языковых (и более широко – дискурсных) практик, которые они реализуют (например, на основании того, что люди говорят и пишут). Узнать, что люди подразумевают под «гражданским обществом» можно, проанализировав порядок понятий, текстов, образов и ценностей, которые они (вос)создают, высказываясь о «гражданском обществе». Эта идея (взятая в её методологическом «модусе», вне изучения собственно представлений о гражданском обществе) была всесторонне обоснована и апробирована в работах, например, Мишеля Фуко³³.

Во-вторых, та или иная составляющая концепта – понятие, образ и ценность не представлены в текстах «в своей данности», они поддерживаются определёнными параметрами дискурса и репрезентированы ими. Из этого следует, что задачей является выявить, как гражданское общество концептуализируется в дискурсной практике, и как гражданское общество проявляется в дискурсной практике. Уточним характер связи аспектов концепта и параметров дискурса. Понятийная сторона культурного концепта репрезентирована, главным образом, с помощью предметной области, языковых средств, когнитивных структур дискурса; образная сторона – с помощью предметной области, языковых средств, специфики текстов и когнитивных структур дискурса; ценностный аспект – с помощью целевого параметра дискурса, а также его контекстов и коммуникативных характеристик. Рассмотрение каждого параметра дискурса в отдельности позволяет создать целостную картину о содержании концепта «гражданское общество».

В-третьих, все параметры дискурса тесно связаны между собой, и если, например, изменится цель дискурса, это, скорее всего, отразится на языковых средствах или коммуникативных характеристиках. Это означает, что обнаружение специфичных значений только лишь одного параметра вряд ли позволит нам получить полное знание о той или иной стороне концепта. Так, для того, чтобы определить образную составляющую концепта «гражданское общество» в Новое время, нам будет недостаточно изучить исключительно специфику использования языковых тропов в соответствующих текстах: напротив, нам предстоит выявить целый комплекс уникальных значений различных параметров дискурса – от особенностей организации познавательной деятельности (например, определённых типов аргументации) до особых коммуникативных ситуаций, традиционных для типа культуры.

Обратим внимание, что мы отнюдь не ставим себе целью описание некоторого «механизма» функционирования концептов в дискурсных практиках; в контексте нашей работы нам представляется важным выявить сходства и различия (динамику) представлений о гражданском обществе в различные исторические эпохи и в наши дни. А сколь речь идёт о представлениях, о ментальности, о репрезентациях и репрезентативности, то целесообразно говорить не об абстрактных и «сверх-объективных» «механизмах», а о субъективностях в пространстве культуры и об их прагматической, познавательной, коммуникативной и идеологической деятельности.

Подчеркнем, что та или иная «ментальность», «дух», «дискурсивная формация» (М.Фуко) эпохи, ее «когнитивный порядок» (Т. ван Дейк) в более или менее кристаллизованном виде выражены в определенной философско-научной и/или общественно-политической парадигме (при этом мы ни в коей мере не склонны недооценивать значимость иных репрезентационных матриц эпохи, таких как религия, искусство и т.д.). Так, говоря об основных парадигмах коллективного сознания Нового времени в Европе, мы говорим о формировании либерализма, что можно пронаблюдать на примере логико-теоретического дискурса английской философии права того времени, а также и на примере практических (конкретных) дискурсов конституций, основные положения которых также были сформулированы в свойственном для того времени типе «ментальности» или «дискурсивной формации».

³³ См., например: Фуко, М. Археология знания. – СПб.: Гуманитарная Академия, 2004; Фуко, М. Рождение клиники. – М.: Смысл, 1998; Фуко, М. История безумия в классическую эпоху. – СПб.: Университетская книга, 1997 и другие.

Итак, подведём промежуточные итоги. Нам представляется, что анализ гражданского общества как концепта имеет ряд эвристических преимуществ по сравнению с понятийным анализом. Концептный подход к исследованию гражданского общества позволяет зафиксировать специфику представлений об искомом объекте в конкретную культурно-историческую эпоху, включающих в себя понятийную, образную и ценностную составляющие. В функциональном отношении с помощью концепта гражданского общества субъекты культуры обозначают, выражают и описывают идеальные или реальные отношения между людьми относительно их прав, свобод, обязанностей и интересов в определенных культурно-исторических условиях. Подобного рода концептуализация названных «фрагментов реальности» происходит в теоретических и практических дискурсах конкретных культурно-исторических эпох. Понятия, образы и ценности, формирующие концепт «гражданское общество», выражаются в различных структурных элементах дискурса, к которым мы отнесли его предметную область, цели, языковые средства, текстотипы и жанры, типы контекста, когнитивные структуры, коммуникативные характеристики.

Список литературы

1. Белоусова М.М., Мельник Ю.М., Римская О.Н., Римский В.П. Методология исследования субкультур в социально-гуманитарных науках (на примере молодежной культуры) // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». Вып. 8. – Белгород, 2009.
2. Вобликов, В.Ю. Основные направления реконструкции понятия «гражданское общество» во второй половине XX – начале XXI веков: теоретические подходы // Режим доступа: <http://credonew.ru/content/view/808/44>
3. Гаджиев К. С. Концепция гражданского общества: идейные истоки и основные вехи формирования // Вопросы философии. М., 1991. № 7. С. 21–22.
4. Гегель Г. Ф. В. Философия права // Философское наследие. М.: Мысль, 1990.
5. Грамши, А. Тюремные тетради. – М.: Изд-во политической литературы, 1991.
6. Григорьева В.С. Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагматико-лингвистический и когнитивный аспекты. – Тамбов: Изд-во Тамб. гос.техн.ун-та, 2007.
7. Швери, Р. Молодежь и формирование гражданского общества в Западной и Восточной Европе // Будущее молодежи России. М-лы Междунар.науч.-практ. конф. – М., 2003.
8. Habermas J. Faktizität und Geltung. Beiträge zur Diskurstheorie des Rechts und des demokratischen Rechtsstaats. – Frankfurt a. M., 1992.
9. Маркс, К., Энгельс, Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – 2-е изд. Т.3. – М.: Госполитиздат, 1963.
10. Максименко В. Идеологема civil society и гражданская культура // Pro et Contra. – 1999. – Т. 4. – №1. – С. 114.
11. Ильин М. Политическая глобализация: институциональные изменения // Грани глобализации: трудные вопросы современного развития. М.: Альпина Паблишер, 2003.
12. Резник, Ю.М. Гражданское общество в современной России: проекты и возможности их реализации // Режим доступа: <http://www.mzst.ru/pages/13-ju.m.-reznik-grazhdanskoe-obshhestvo-v.html>
13. Резник Ю. М. Гражданское общество как феномен цивилизации. Идея гражданского общества в социальной мысли. М.: Союз, 1993.
14. Макаренко, В.П. Политическая концептология. – М.: Праксис, 2005.
15. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: Гнозис, 2004.
16. Соломоник, А. Семиотика и лингвистика. – М.: Молодая гвардия, 1995.
17. Залевская А.А. Текст и его понимание. – Тверь: Изд-во ТГУ, 2001.
18. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Языки русской культуры, 1997.
19. Кубрякова Е.С. Концепт // Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: Изд-во МГУ, 1996.
20. Неретина С.С. Концепт // Новая философская энциклопедия. – Т. II. – М., 2000.
21. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. – М.: Гнозис, 2004.
22. Зусман В.Г. Концепт в культурологическом аспекте // Межкультурная коммуникация. – Н.Новгород: Деком, 2001.
23. Кожемякин Е.А. Концептуально-методологическое обоснование дискурсивной формы бытия культуры. Автореф. ... доктора филос.наук. – Белгород: Изд-во БелГУ.

24. Кротков Е.А. Диагностическое познание. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2006.
25. Кожемякин Е.А. Дискурсный подход к изучению институциональной культуры. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2008.
26. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. – М.: Гнозис, 2003.
27. Русакова О.Ф. Дискурс, политический дискурс, политическая дискурсология // Многообразие политического дискурса. – Екатеринбург, 2004.
28. Fair clough N. Critical discourse analysis. – L.: Longman, 1995
29. Фуко, М. Археология знания. – СПб.: Гуманитарная Академия, 2004.
30. Фуко, М. Рождение клиники. – М.: Смысл, 1998.
31. Фуко, М. История безумия в классическую эпоху. – СПб.: Университетская книга, 1997.
32. Фергюсон А. Опыт истории гражданского общества / Пер. с англ. И.И. Мюрберг; Под ред. М.А. Абрамова. – М.: РОССПЭН, 2000

NOTIONS «CONCEPT» AND «DISCOURSE» AND THE PROBLEM OF CIVIL SOCIETY: TOWARDS METHODOLOGY OF THE RESEARCH

A. V. Tikhomirov

*Belgorod State
University*

The author discusses conceptual and discursive aspect of the problem of civil society explaining the difference between the notion “civil society” and the relevant concept. The article describes the structure of concept and strategies of conceptualization, which lets the author formulate basic statements for further civil studies in terms of the discursive approach.

Key words: concept, notion, discourse, civil society, conceptualization.

СОЦИАЛЬНЫЕ, КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ И ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ ЭТИКИ

О. А. Филина

*Тулский
государственный
педагогический
университет
им. Л.Н. Толстого*

*e-mail:
phileo@tspu.tula.ru*

Информационная цивилизация радикально преобразует социокультурное пространство, формируя так называемую информационную культуру. Само это понятие достаточно многогранно и используется в самых различных значениях. Информационная культура ставит человека в совершенно иные связи с внешним миром. На наш взгляд, именно информационная этика, призвана преодолеть моральные дилеммы информационного общества. В определенном смысле можно сказать, что моральные дилеммы информационного общества есть формы кризиса культуры и, что процессы информационного развития общества необходимо взять под этический контроль. В этой связи возникает особая актуальность информационной этики, призванной ответить на вызовы современной информационной культуры, сохранив традиционные ценности и приоритеты относительно человеческого бытия.

Ключевые слова: информация, манипуляция, информационные технологии, информационное общество, кризис культуры, этический контроль, информационная этика, дилеммы информационной этики

Бурное развитие компьютерной техники и информационных технологий во второй половине XX века послужило толчком к развитию общества, построенного на использовании различной информации и получившего название информационного общества.

Определение понятия «информационного общества» является одним из ключевых. В 50-70-е годы человечество вступает в новую эпоху, ознаменованную научно-технической революцией. Существование человека в «технизированном» и «информатизированном» мире – вызов культуры, который в общественном сознании формирует концепцию «информационного» общества.

Информационное общество – неоднозначное явление общественной жизни, социологическая и футурологическая концепция, полагающая главным фактором общественного развития производство и использование научно-технической и другой информации. Общество считается информационным¹, если:

- любой индивид, группа лиц, предприятие или организация в любой точке страны и в любое время могут получить за соответствующую плату или бесплатно на основе автоматизированного доступа и систем связи любую информацию и знания, необходимые для их жизнедеятельности и решения личных и социально значимых задач;
- в обществе производится, функционирует и доступна любому индивиду, группе или организации современная информационная технология;
- имеются развитые инфраструктуры, обеспечивающие создание национальных информационных ресурсов в объеме, необходимом для поддержания постоянно убыстряющегося научно-технологического и социально-исторического прогресса;
- происходит процесс ускоренной автоматизации и роботизации всех сфер и отраслей производства и управления;
- происходят радикальные изменения социальных структур, следствием которых оказывается расширение сферы информационной деятельности услуг.

Устойчивость глобального информационного общества основывается на стимулирующих развитие человека демократических ценностях, таких как свободный обмен информацией и знаниями, взаимная терпимость и уважение к особенностям других людей.

С другой стороны, информатизация включает в себе и недостатки, например, доступность информации в сети и легкость ее получения не только облегчает жизнь многим людям, но и создает массу проблем. Одна из них – бесконтрольное распространение

¹ Ракитов А.И. Философия компьютерной революции. – М.: Политическая литература, 1990.

«информации для взрослых», от «мягкой эротики» до «жесткой порнографии». Проблема авторского права, выражающаяся в краже художественных и интеллектуальных произведений и присвоении им «чужих имен», что ведет к нарушению правовых и нравственных законов.

Перспектива развития демократии связывается с распространением информационной техники. Главная роль отводится в этом телекоммуникационной «кабельной сети», которая обеспечит двустороннюю связь граждан с правительством, позволит учитывать их мнение при выработке политических решений. Работы в области «искусственного интеллекта» рассматриваются как возможность информационной трактовки самого человека. Концепция информационного общества вызывает критику со стороны гуманистически ориентированных философов и ученых, отмечающих несостоятельность технологического детерминизма, указывающих на негативные последствия компьютеризации общества².

«... Нет ни одного способа производительного приложения труда, который в то же самое время не был бы приложением информации. Более того, информацию, подобно капиталу, можно накапливать и хранить для будущего использования»³.

«Компьютерная революция» постепенно приводит к замене традиционной печати «электронными книгами», изменяет идеологию, превращает безработицу в обеспеченный досуг (Х. Эванс). Социальные и политические изменения рассматриваются в теории информационного общества как прямой результат «микрорезультатов революции».

Следовательно, информация представляет собой: а) знание относительно нового типа, пригодное для дальнейшего использования; б) знание, производство, хранение и применение данного знания становится все более важной для общества деятельностью, порождая соответствующие технико-организационные структуры.

В то же самое время возрастающая роль информации и информационных систем есть отражение исторического развития современных форм науки и техники, а концепции информационного общества представляют собой совокупность мировоззренческих идей и настроений, возникающих в результате восприятия общественным сознанием данной исторической реальности. В то же самое время исторической реальностью является быстрое, поистине революционное воздействие «информационного разума» на общественное производство, управление, человеческую ментальность.

Информационные технологии все активнее внедряются в общественную жизнь, что характерно и для образовательной сферы. Так, в глобальной сети Интернет можно встретить огромное количество образовательных ресурсов: от огромных образовательных порталов до небольших сайтов конкретных школ.

Информационные технологии внедряются не только в образование, но и в науку, что находит свое проявление в использовании вычислительных машин и компьютеров при проведении экспериментов и вычислительных расчетов учеными в различных сферах науки и техники.

Internet – существенно изменился за последнее время. Современному Internet недостает безопасности и системы учета, (billing system). В перспективе технологии воплотят идею всеобщей информационной магистрали, что будет представлять собой единая высоко-пропускная сеть – соединение компьютерных и других коммуникаций. Интернет в будущем – «универсальный рынок» (ultimate market). Глобальный информационный рынок объединит все способы обмена товарами, услугами и идеями.

Основные проблемы информационного пространства:

1. доступность информации в сети и ее бесконтрольное распространение;
2. негативные явления в нравственной и правовой сфере: нарушение авторского и интеллектуального прав;
3. моральные и материальные затраты пользователей.

В связи с этим мы считаем, что необходимы институциональные изменения в сфере информации. Информационная цивилизация радикально преобразует социокультурное пространство, формируя так называемую информационную культуру. Само это

² Современная западная философия. Словарь. – М.: Изд-во полит. литературы, 1991. – С. 117-118.

³ Стоуньер Т. Информационное богатство: профиль постиндустриальной экономики.

понятие достаточно многогранно и используется в самых различных значениях. Например, говорят об информационной культуре кого-то или чего-то, о культуре информации и т.д. Мы употребляем этот термин в широком смысле, подразумевая под ним культуру информационного общества. Э. Тоффлер, анализируя культурологические проблемы этого общества, прежде всего, обращает внимание на демассификацию «массового сознания». Новые, демассифицированные средства информации ускоряют процесс движения общества к разнообразию. Новая культура характеризуется фрагментарными, временными образами, клипами, блицами. По сути дела, мы живем в «клип-культуре». Естественно, что не все способны быстро адаптироваться в новых условиях, «вписаться» в новую культурную среду. Некоторые ломаются, другие, напротив, постоянно растут и становятся более компетентными и грамотными людьми. По мере демассификации цивилизации демассифицируется и человек, люди становятся более индивидуализированными.

Информационная культура ставит человека в совершенно иные связи с внешним миром. Его жизнь становится менее детерминированной социально-экономическими условиями, а его свободная творческая деятельность во многом определяет социокультурную ситуацию. По мнению Э. Тоффлера, новая инфосфера создает новую интеллектуальную среду, благодаря быстрому распространению компьютерного интеллекта. Безусловно, это несет с собой определенные опасности. Но Тоффлер, будучи оптимистом, считает, что «у нас есть интеллект и воображение, которыми мы до сих пор еще не начали пользоваться». Размышляя о последствиях компьютеризации, Тоффлер пишет, что компьютеры «помогут нам и не только несколькими «супертехнократам» – гораздо серьезнее думать о самих себе и о мире, в котором мы живем».

Следует отметить, что экранная культура возникла гораздо раньше информационного общества. Предтечей современной экранной культуры, современного культурно-информационного пространства, несомненно, явился кинематограф. Способность кинематографа оказывать огромное эмоциональное воздействие на зрителя служила еще в первые годы его существования способом создания иллюзорного, или, говоря современным языком, виртуального мира, как тогда выражались «киновселенной». «Во всяком случае, кино объединяет в себе слишком много явлений, позволяющих ему заменить жизнь. И потому-то оно и получает такую могучую действенность, перед лицом которой оказываются бессмысленными все рассуждения о том, хорошо или плохо, что оно существует, и можно ли вообще оправдать его существование»⁴.

Современный виртуальный способ существования культуры – это то качественно новое ее состояние, которое характеризует информационное общество. Термин «виртуальный», если считать его происхождение от латинского слова *virtualis*, переводится как «возможный». Английское слово *virtual* переводится как «фактический». Некоторое несоответствие в переводах отражает многоплановость свойств «виртуального». Современная виртуальная реальность – результат развития информационных технологий. Некоторые исследователи считают виртуальную реальность новой сферой бытия, а формой существования виртуальной реальности – информационное пространство. Информационное пространство предполагает технологию информационного взаимодействия, которое с помощью современных операционных средств мультимедиа создает иллюзию непосредственного присутствия в «экранном» мире.

Глобальное развитие информатизации и углубление кризиса культуры – глубоко взаимосвязаны. Следует отметить, что феномен информационного общества проявляется в контексте кризиса культуры.

В связи с этим возникает необходимость информационной этики, как теоретической системы, исследующей новые тенденции нравственных регуляций в новых социально-культурных условиях.

Необходимостью на современном этапе развития культуры являются внедрение нравственных норм и ценностей в систему отношений человека и техники. Если в предыдущие эпохи система нравственных отношений строилась как отношение социума и индивида, индивида и индивида, то современная культура поставила человека перед вызовом: индивид взаимодействует с другими опосредованно, что рождает отношение анонимности и нравственной бесконтрольности действий. Информационная этика как при-

⁴ Альтенло Э.К. Социологии кино, 1914 г.

кладная этика призвана разрешить эту иллюзию. Именно поэтому в настоящее время наблюдается тенденция этической направленности работы в информационных системах, выработка правовых и этических норм и правил, способствующих нравственной и правовой регуляции опосредованных в нравственном плане взаимоотношений.

Уже сейчас начинает складываться своеобразный сетевой этикет, «сетикет» («netiquette») – правила поведения в сети. Превращая информационную магистраль в своего рода городскую площадь перед ратушей, мы вправе ожидать, что она будет отвечать уровню нашей культуры. Но в мире бездна разных культур, и поэтому магистраль разделится на части; одни выделяют специфическим традициям и нравам, другие отдадут для всеобщего пользования. А пока превалируют пограничные умонастроения, наблюдается, что поступки участников электронных форумов являются безнравственными и недопустимыми с точки зрения правовой оценки: свободно распространяются нелегальные копии защищенной авторскими правами интеллектуальной собственности, в том числе статьи, книги и программы, мошеннические пособия на тему «как быстро разбогатеть», процветает порнография и т.д. Характерными особенностями форумов являются: маниакальное злословие о программах, товарах, фирмах и людях, с которыми сводят счеты, зазорение эфира ругательствами, безграмотность и т.д.

На наш взгляд, именно информационная этика, призвана преодолеть моральные дилеммы информационного общества. «Девальвация слова», «безразличие к истине», «немедленная гласность», «меркантильный интерес», «погоня за сенсацией», «сиюминутная реализация» стали главными моральными изъянами информационного общества, порожденного общей кризисной ситуацией культуры⁵.

Информационное общество – это общество, в котором произошла утрата согласия, что приводит к невозможности найти общий стандарт поведения, общие идеи, единый язык. Это способствует росту различных субкультур, что увеличивает степень конфликтности социума. Причем такой ценностный плюрализм является скорее не проявлением свободы, сколько невозможностью прийти к общим идеям из-за «рассеивающего» действия информации. По своей сути информация ценностно и семантически индифферентна, в то время как общие идеи – это концентрация смысла и ценности. Засилье информация приводит к вытеснению ценностно-смысловых установок; сиюминутность и сенсационность выходят на первый план, устраняя сам прецедент серьезной рефлексии.

Основные моральные дилеммы современного социокультурного пространства:

1. противоречие между свободой и смыслом.

Высокие технологии создают пространство досуга (свободы), которое актуализирует проблему смысла, то есть смыслового наполнения этого пространства. В парадоксальной форме она выражается следующим образом: свобода вне смысла, которая представляет собой суррогатный смысл (информация), подменяющая традиционные духовные и нравственные ценности предшествующих эпох. Таким образом, информационное общество обнажает проблему экзистенциального смысла существования человека, что является по своей сути духовной и нравственной проблемой, требующей не технологических, но этических решений.

2. информационное общество – это глобальное общество.

С одной стороны, расширение информационной среды во всепланетарном масштабе имеет позитивное значение, но, с другой стороны, создание глобальных проектов приводит к «недооценке и третированию локальных процессов, которые практически исключались из глобального моделирования». Информация в глобальном измерении пере-

⁵ Обращает внимание абсолютная аксиологическая нейтральность понятия информационного общества, определение которого дают адепты этого общества. Вот пример подобного определения, данного авторами совместного проекта Британского Совета в России, Института развития информационного общества и проекта «Российский портал развития»: «Информационное общество – Степень в развитии современной цивилизации, характеризующаяся увеличением роли информации и знаний в жизни общества, возрастанием доли инфокоммуникаций, информационных продуктов и услуг в валовом внутреннем продукте (ВВП), созданием глобального информационного пространства, обеспечивающего эффективное информационное взаимодействие людей, их доступ к мировым информационным ресурсам и удовлетворение их социальных и личностных потребностей в информационных продуктах и услугах» (<http://www.iis.ru/glossary/index.html>).

стает быть аксиологически нейтральной вещью и приобретает деструктивный характер, связанный с недооценкой культурного разнообразия мира. Речь идет о «глоболизирующемся информационном пространстве», которое нивелирует всякое разнообразие и стандартизирует мышление.

3. противоречие между высокой информированностью общества и недоверенностью информации.

4. противоречие между избытком информации и ее избыточностью, ненужностью, бессмысленностью.

5. противоречие между широким распространением информации и ее недоступностью.

6. проблема недоверенности информации.

Это проблема одна из болевых в современной медийной культуре. Ее сложность заключается в том, что она не решается с помощью особых информационных технологий, так как коренится в нравственной природе человека, в его способности ко лжи и самооправданию. Личная недобросовестность тех, кто является распространителями массовой информации, может плачевно сказываться на душевном и нравственном состоянии миллионов людей, которые являются пассивными рецепторами информации.

Кроме вышеперечисленных моральных коллизий, которые возникают в информационном обществе, новые информационно-технологические возможности порождают новые опасности, которых человечество стремится избежать. «Информационная революция несет с собой и совершенно новые проблемы. Среди них – цифровое неравенство стран и регионов, проблема правового регулирования сети Интернет, электронной коммерции и налогообложения в этой области, вопросы интеллектуальной собственности, проблема обеспечения безопасности и конфиденциальности информации, возможность психологического воздействия на индивидуальное и общественное сознание с целью навязывания своего видения характеристик противника, его образа, используя современные информационно-коммуникационные технологии. Успешность их решения остается одним из основных факторов, влияющих на развитие глобального информационного общества»⁶.

Информационная безопасность является одной из проблем современного общества. Она связана с нравственной безответственностью и эгоизмом, так как использование мировой системы информационного обслуживания в целях узкой группы людей или части человечества, создает опасность манипулирования с её помощью сознанием людей в собственных эгоистических целях. Информационная безопасность связана с явными и преднамеренными манипуляциями информацией с целью заданного влияния на сознание человека, институты государства и гражданского общества. К сожалению, такая практика общественной жизни не только не искоренена, но и продолжает наращивание ресурсов на основе новейших информационно-коммуникативных технологий.

Всепроникающий характер манипуляции сознанием угрожает уже не только информационной безопасности, но подрывает сами основы нравственного достоинства личности, чревата потерей культурной и этической идентичности.

Список литературы

1. Абдеев Р.Ф. Философия информационной цивилизации. – М.: ВЛАДОС, 1994.
2. Альтенло Э.К социологии кино, 1914 г.
3. Барбур И. Этика в век технологии. – М.: ББИ им. Св. Апостола Андрея, 1998.
4. Белл Д. Культурные противоречия капитализма // Этическая мысль: Науч.-публицист. чтения. – М.: Политиздат, 1990.
5. Василенко И.А. Политическая глобалистика. – М.: Логос, 2000.
6. Иванов В.Г. Информации – благо? // Информационное право: Информационная культура и информационная безопасность. – СПб, 2002.
7. Ракитов А.И. Философия компьютерной революции. – М.: Политическая литература, 1990.

⁶ Чернов А.А. Становление глобального информационного общества: проблемы и перспективы. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К^о», 2003. – С. 83.

8. Современная западная философия. Словарь. – М.: Изд-во полит. литературы, 1991.
9. Чернов А.А. Становление глобального информационного общества: проблемы и перспективы. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2003.
10. <http://www.iis.ru/glossary/index.html>.

SOCIAL, CULTURAL, HISTORICAL AND AXIOLOGICAL BASIS OF INFORMATIONAL ETHICS

O. A. Filina

*Tula State L.N. Tolstoy
Pedagogical University*

*e-mail:
phileo@tspu.tula.ru*

The information civilization is radically transforming the sociocultural space forming a so-called information culture. This concept itself is quite many-sided and is used in different meanings. The information culture puts a person in absolutely different connection with the surrounding world. To our mind, information ethics is to overcome moral dilemmas of the information society. In some sense it is possible to say that the moral dilemmas of an information society are forms of the crisis of culture, and that the processes of the information development of the society are to be taken under the ethical control. In connection with this, there is a special actuality of the information ethics, the mission of which is to respond to the challenges of the modern information culture keeping the traditional values and priorities concerning the human being.

Key words: information, manipulation, information technologies, information society, crisis of culture, ethical control, information ethics, information ethics dilemmas.

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ НОВЫХ ТИПОВ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ТЕЛЕСНОСТИ

М. И. Цой

*Калужский
государственный
педагогический
университет
им К.Э.Циолковского*

*e-mail:
koi@kspu.kaluga.ru*

В условиях всеобщей трансформации техногенной цивилизации и современного состояния оппозиции/сотрудничества общества-человека-планеты особое внимание привлекают вопросы изучения телесности¹ человека, в том числе вопросы формирования современного типа человека и его перспективы.

Ключевые слова: телесность человека, формирование, направления, виды трансформации, новые типы телесности.

Значение изучения этих вопросов трудно переоценить в силу того, что телесность, как целостная структура человека – это и первооснова и потенциал международных и политических, внесоциальных и социальных, экономических и духовных, культурных и коммуникационных, образовательных и воспитательных факторов. Конкретные и абстрактные виды жизнедеятельности и творчества человечества отражают тенденции общей трансформации, которые в свою очередь являются закономерным следствием изменений человеческой телесности. В общем процессе формирования современных типов человеческой телесности и их перспектив можно выделить основные направления:

Во-первых – *интеллигибельное*. Это направление подразумевает интуитивное, умозрительное постижение и формирование доказательств, искусственное дублирование и материализацию идей. Сюда можем отнести философское мыслетворчество телесности и «ноосферного общества»; эзотерические и постпостнеклассические трансцендентные перспективы телесности человечества/богочеловечества; фантастические формы формирования телесности путем создания логически несовместимых с господствующим в реальном мире представлениями (мифы, фольклор, искусство, утопии); экзобиологические решения проблем эволюции существования посредством имитации внеземных форм жизни.

Во-вторых – *научно-практическое*. Это направление дает возможность корректировки и проектирования биологического тела и телесности посредством научно-технических достижений и открытий. В том числе: техногенное («техносферное» общество, «массовый» человек с коллективной телесностью; медицинская и генная инженерия; киборгизация, микробиологические и информационно-энергетические интервенции) и эконоучное (экодуховное направление, осознанное следование гармонии с существующей природой, освоение и развитие внутренних личностных духовно/телесных способностей).

В результате анализа современной ситуации трансформации тела и телесности человека в рамках основных направлений предполагаем существование двух, основных на наш взгляд, современных видов трансформации.

Первое направление – трансформация «*механической*» телесности, которая подразумевает: внешние способы – физико/химические и био/медицинские вмешательства/операции; внутренние – духовно/прагматические конструкции и пр. Это направление связано с характеристикой «механического» человека: машиноподобность бытия челове-

¹ Под телесностью в своих исследованиях по философской антропологии мы подразумеваем все, локализованные на физико-биологическом теле человеческого индивида полевые структуры человека с их потенциальными и реализованными качествами и способностями. В свете последних тенденций комплексного подхода и поиска целостности человека сам человек и трудно отделимая от него его телесность подразумевают совокупность умозрительных и материализованных качеств и свойств, объединяющих биологическое и духовное, интеллектуальное и эмоциональное, личностное и социальное, природное/врожденное и воспитанное/привнесенное в многоуровневой целостной системе «Человек».

ка (в античном атомизме и средневековом номинализме); преумножение «кармического долга» (понятие буддизма); «человек – машина» как часть «мира – машины» (Вольф и игнорирование отличия живой системы от автоматов в кибернетике); одностороннее развитие/освоение и взаимодействие с реальностью на основе признания механического способа бытия материи («механицизм»); сведение человеческой жизни (высшей формы жизни) к понятиям физики, химии, биологии, к механическим и физико-химическим взаимодействиям («механисты» – группа советских философов 20-30-х гг. 20 столетия); неодухотворенный разум, неодушевленная биомасса; «детерминирование бытия внешними обстоятельствами и причинами» и состояние «сна механического существования» (А.К. Зайцев, постпостнеклассицизм); аморфность человека: внутренняя и внешняя лень и безразличие; полное отсутствие творчества или слабо выраженное, механическое/ремесленное. «Механический» человек всегда был массовым явлением, связан с понятием «массовый человек»: у Фрейда и Райха – деградирующий индивид; у Э.Канетти – абстрактность в противоположность конкретного индивидуума человек. «Механический» современный человек имеет возможность обрести даже сверхчеловеческие способности путем механических техногенных манипуляций с телесностью.

Второе направление – вид трансформации «творческой» телесности посредством «одухотворения», подразумевает путь развития/самотворчества», что внешне проявляется как организация мира по духовным законам, а внутренне как взаимодействие с духовными структурами. Основная роль этого вида трансформации современного человека нам видится в повышении общечеловеческой планки роли сознания и ответственности за свои деяния, в выходе на творческую позицию активности и новые технологии во всех видах жизнедеятельности человека, в научном подходе в изучении и практике телесной структуры человека.

На базе основных направлений и видов намечаются следующие новые типы телесности человека, имеющие условный и комбинированный характер, имеющие огромное значение для перспектив развития человечества вообще. Два первых – ближе к трансформации «механической» телесности. Два вторых отражают трансформацию «творческой» телесности.

«Техногенно-прагматический». Тип биологического и интеллектуального потребителя, индивидуалиста, который управляет своими корыстными желаниями или подвержен манипулированию чужой волей через удовлетворение этих своих желаний. Значение «техногенно-прагматического» типа телесности человека – лабораторный материал техногенной лаборатории.

«Духовно-прагматический». Тип «механического» освоения «духовных» практик. Использует духовность прагматически, ради удовлетворения и воплощения своих корыстных целей. Духовность – инструмент. Цель – материально-энергетическое благосостояние. Значение – во-первых – это массовое распространение духовных знаний, духовных практик, трансформация сознания, морали, уклада жизни, образа питания, общения, уровня внутреннего и внешнего осознания; во-вторых – массовая наработка опыта совмещения духа и материи, причем во всевозможных вариациях, пропорциях и объемах.

«Виртуально-творческий». Тип постижения «духовности» посредством технических средств и виртуальных принципов построения реальности. Но техника – только инструмент, а цель – духовное развитие/познание. Современное явление «виртуальная телесность» – часть так называемых «виртуальных реальностей» (VR) – связана с проблемой перспективы развития телесности человека, ее эволюции желания человека расширить свое жизненное пространство, обогатить свой жизненный опыт, одна из перспектив развития и воспитания человеческой телесности. Значение становления «виртуально-творческого» типа телесности – моделирование и освоение совмещения материи, технологий и духовности посредством как традиционных (искусство, психология, религия, магия), так и современными (научно-технических).

«Духовно-самотворческий» Тип образования реальности и жизнедеятельности по принципам «духовного «сотворения» (духовное служение, личностная ответственность, творческий труд) посредством самоосвоения и саморазвития телесного потенциала конкретной личности. Значение становления «духовно-самотворческого» типа телесности – углубление познания природы человека, сохранение сути человека «по образу и подобию».

Наиболее перспективным видом трансформации современной телесности мы считаем трансформацию «творческой» телесности посредством «одухотворения», так как все развитие человечества идет по пути освоения все более тонких/точных/абстрактных навыков, субстанций, материи и т.д. Для выявления перспектив развития человечества и трансформации его телесности в рамках этого вида требуется экскурс в теорию и практику прошлого. Значение становления «духовно-самотворческого» типа телесности – углубление познания природы человека, сохранение сути человека «по образу и подобию».

Трансформация «творческой» телесности от «механической» отличает цель, инструментарий, степень осознанности намерения и степень участия духовного в его жизнедеятельности, соотношение и совокупность этих компонентов, связано с понятием «одухотворением» человека. Явление «одухотворения» объединяет понятия «Дух» и «Творчество».

Современные словари дают значения понятия «Дух»: невещественное начало в отличие от материального, природного², а так же 1) – дыхание, движущая сила в телах, всепронизывающая субстанция Космоса; 2) – бессмертная сознательная часть человека; 3) – духовная субстанция, сверхсознательная часть личности, супер-эго; 4) – духовная сила, сущность, идея, смысл; 5) – бессмертное духовное начало в человеке (монада); 6) – бесплотные существа, элементы разных уровней (ангелы, демоны, сифлы)³.

«Дух» в современной литературе⁴ рассматривается в нескольких ракурсах: в религиозной – часть троицы, святой дух, определяющий божественность в человеческом сознании; в светском смысле – стремление к идеалу, совершенству (например Э. Фром); прорыв к трансценденции (В.Фракл).

«Творчество»⁵ – деятельность, порождающая нечто качественно новое, ранее не бывшее. В философии – сущность творчества.

Морфемный разбор понятия «Одухотворение» дает этимологическое определение «одухотворения» человека как процесса «обволакивания» творчеством духа. Относительно «одухотворения» человека – это свершение «проявления» духа во всех человеческих ипостасях (теле, душе, разуме и т.д.) и творческий переход на новую ступень духовного бытия. Интересующая нас «одухотворенная» телесность обретает качества «духовного само/сотворчества».

Вопрос «одухотворения» рассматривался философами по-разному в разные исторические эпохи. В Древней Греции в связи с космологическими, интеллектуалистическими, безличностными трактовками Духа (Платон, Аристотель). В библейско-христианской традиции – связи с личностной творческой волей Бога (Плотин). В философии Нового времени – рационалистическая форма разумности и актов мышления. В немецкой классической философии интеллектуализация «одухотворения» человека. В рамках иррационалистических трактовок духа развивались интуитивистские и экзистенциалистские интерпретации «одухотворения» человека: противоречие духа и разума, одухотворенность через глубинную боль осознания временности, ситуативности, конечности, одиночества, трансцендирования. До Гегеля «одухотворение» телесности человека шло в рамках соотношения врожденных идей и влияния воспитания. Гегель объединил и раскрыл круг проблем соотношения приобретенного (социального) с природным у человека. В марксистской философии – педагогический контекст формирования гармонично развитого советского человека.

Парадигмальная установка постмодернизма утрачивает презумпции бинаризма. Происходит «сращивание тела с духом». В западной философии 20 века одухотворение человека рассматривалось и в религиозно-философских антропологических концепциях, обращенных к постижению именно природы бытия. В западной философской антропологии всеохватывающей жизненной действительностью являлась космически-витальная

² Философский энциклопедический словарь. Гл. ред. Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. – М.: «Советская энциклопедия». 1983.

³ Новейший философский словарь: 3-е изд., исправл. – М.: Книжный Дом. 2003

⁴ Спирина Э.М. Проблема телесности в философской антропологии Александра Лоуэна. Диссертация кандидата философских наук. 09.00.13. – Москва, 2003.

⁵ Философский энциклопедический словарь. Гл. ред. Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. – М.: «Советская энциклопедия». 1983.

сфера, вне практической деятельности человека и его исторической реальности. В этом же ключе разрабатывалась тема «одухотворения» человека и его телесности.

В практической философии 20 века процесс «одухотворения» человека принимает историческую и социальную подоплеку: ритмы истории получили духовное происхождение. «Осевое время» К. Яспера (1883-1969) рассматривается как период небывалого прорыва духа к подлинному бытию, исключительной духовной продуктивности, возникновения всех мировых религий. У А. Тойнби (1889-1975) духовность человека в рамках активного вызова миру Процесс «одухотворения» телесности сверхприродных существ (людей). в процессе/результате творения «сверхприродной истории», создания «новой духовной реальности».

В эзотерических учениях «одухотворение» человека определяется основаниями эзотерики, ее идеями: фундаментального Единого (целого) Сущего; заключение в человеке всех Небесных Иерархий; существования только Живой Материи, только Одной Жизни и Одного Закона в Божественном устройстве; Великое Дыхание имеет характер Пре-Космической Мысле-Основы. Поэтому Дух в эзотерической философии – есть воплощенный или будущий человек, ангелы лишь люди высшего вида, духовные завоевания человека – мимолетная иллюзия, а порядок Природы – «свидетельство о прогрессивном продвижении по направлению к высшей жизни». «Одухотворение» человека в эзотерических учениях является процессом проявления Бога в материи, тогда каждый человек обладает частью Божественного в самой собственной основе, подлинной духовностью вне понятий разума и тела.

Цель «одухотворения» человека и его телесности всегда было стремление к богоискательству, богоподобности и сверхчеловечности.

«Богоискательство» основательно разрабатывала русская либеральная интеллигенция (Н.А.Бердяев, С.Н.Булгаков), опираясь на «всеединство» Вл. Соловьева в направлении «нового религиозного сознания» и установлению «царства божия на земле». Богоподобность человека всегда предполагало сверхчеловеческие сущность и качества.

«Сверхчеловек» как философское понятие – «метафорический концепт образа человека, преодолевшего самообусловленность собственной естественной природой и достигшего состояния качественного иного существа»⁶ путем «одухотворения» человеческой телесности.

Современное «одухотворение» к форме организации процессов индивидуальных типов телесности добавляет структуру коллективной мыследеятельности и коллективных работ. Современный «одухотворенный» тип человеческой телесности – это творческий, критически мыслящий, способные решать нестандартные ситуации, ответственные за свои деяния, индивидуализированный тип, обладающий функциями коллективной телесности и навыками коллективной духовной деятельности. Отличие современного способа прогрессивного освоения духовности – это принцип «одухотворение» будущего через риск. В результате – всевозможное проектирование духовной человеческой телесности как посредством «виртуальных реальностей», медицинской и генной инженерии, так и через трансформацию системы образования (от корпоративного зомбирования до интеллектуальных программы и локальных антроподромов). Формирование (образование) телесности человека происходит посредством общего образования в процессе учебной деятельности, профессиональной специфической и социальной практиками, в результате религиозного структурирования личности, духовного и творческого саморазвития. Уровень образования телесного реализуется через целостность сознания, личностные и эмоциональные проявления, утилитарно-прикладную деятельность, биологическую и социальную активность, творческие и волевые акты.

Список литературы

1. Философский энциклопедический словарь. Гл. ред. Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. – М.: «Советская энциклопедия». 1983. – 840 с.
2. Новейший философский словарь: 3-е изд., исправл. – М.: Книжный Дом. 2003. – 1280 с.

⁶ Новейший философский словарь: 3-е изд., исправл. – М.: Книжный Дом. 2003

3. Энциклопедия «Эзотеризм». – Минск: Интерпрессервис, Книжный Дом, 2002. – 1040 с.
4. СЭС, Москва: «Советская энциклопедия», 1987. – 1600 с.
5. Спирина Э.М. Проблема телесности в философской антропологии Александра Лоуэна. Диссертация кандидата философских наук. 09.00.13. – Москва, 2003. – 127.
6. Журнал «Вопросы философии» / В.А. Лекторский. О настоящем и будущем, П. Бехман. Современное общество как общество риска. Пер. В.Г. Горохов). 2007, №1; Г.С. Киселев «Мир человека: тупиковая ветвь эволюции. 2007, №4; А.Л. Алюшин, Е.Н. Князева. Эндодифизика и временные шкалы виртуального восприятия. 2007, №2; Щедровицкий П.Г. Изменения в мышлении на рубеже 21 столетия: социокультурные вызовы. 2007. №6.

ON THE ISSUE OF FORMATION OF NEW TYPES OF HUMAN CORPOREITY

M. I. Tsoy

*K.E. Tsiolkovsky Teachers'
Training University
of Kaluga*

*e-mail:
koi@kspu.kaluga.ru*

In the conditions of universal transformation of the technogenic civilization and modern state of society-man-planet opposition/cooperation special attention is given to the issues of studying human "corporeity", including the issues of the formation of the modern type of man and his perspectives.

Key words: human «corporeity», formation, directions, types of transformation, new types of «corporeity».

ИНТЕРНЕТ И ПРОБЛЕМА АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ

А. Н. Черняков¹⁾

Р. А. Дунаев²⁾

*¹⁾ Белгородский
государственный
университет*

*e-mail:
chernyakov@bsu.edu.ru*

*²⁾ Белгородский
государственный
университет*

В статье рассматривается проблема определения интернет как культурно-коммуникативного феномена, а также выявляется его антропологическая специфика.

Ключевые слова: интернет, дискурс, виртуальное, субъект.

На сегодняшний день высказывания о возросшей роли коммуникации в современном мире, появлении «информационного» общества, «цифровой» или компьютерной культуры и много другого в том же духе стали привычными. Технические средства, вошедшие в нашу повседневность в конце прошлого века, создали новые возможности для реализации человека и сделали возможным появление новых культурных форм. «Реальность медиа», мир Интернет или виртуальное пространство стали частью той реальности, в которой мы существуем.

Ее появление было связано с целым рядом ожиданий и, прежде всего, свободы, свободы коммуникации (Дж. Барлоу и др.), реанимации изрядно «уставшего» гражданского общества и много другого. Возможность некой альтернативной реальности питала иллюзии целого ряда поколений. Позднее произойдет «отрезвление» и возродившийся скептицизм будет рассматривать Интернет в терминах симулятивности (Ж. Бодрийар), отчужденности или иллюзорности. Образ «дома», совершенной сферы обитания, лишенной недостатков реального мира, сменяется предостережением и недоверием «симулятивной реальности».

В целом, большая часть размышлений по поводу Интернет и сопутствующих темах виртуальности, складывалась в направлениях таких оппозиций, как реальное – виртуальное, реальное – симулятивное, подлинное – вымышленное, истинное – ложное. Общий этический «пафос» подобных высказываний, так или иначе укладывается в схему «хорошо – плохо», и очевидно, безоценочного подхода довольно сложно избежать. Однако необходимость выхода за рамки сложившихся схем, на наш взгляд, очевидна и обусловлена потребностью в критическом анализе феномена Интернет в контексте современной культуры.

Интернет, часто выступающий в роли «общего места» ряда исследований, презентуется как нечто привычное и потому не нуждающееся в определении и исследовании; а, вместе с тем, круг дефиниций, его детектирующий довольно ограничен (виртуальность, коммуникация, симуляция...). По-нашему мнению, подобный «солипсизм» нуждается в ревизии и постановке проблемы исследования Интернет в широкий культурный контекст, рассмотрению данного феномена не только с позиции виртуальности, но символическо-знаковой, а также антропологической природы.

Анализ спектра значений, приписываемых Интернет, позволяет разделить его определения на две группы, в основу деления положив фундаментальный вопрос о том, что является определяющим, техника и технологии или же культура, ее собственная логика развития. В первом случае интернет есть следствие технологической эволюции и сам он определяется как коммуникативная технология. Во втором, интернет – это одна из культурных форм, свойственная культуре постмодерна¹. Несмотря на то, что возник-

¹ Andrei Gornyxh. Aesthetics of Internet and Visual Consumption: On the RuNet's essence and specificity. Norderstedt: Books on Demand, 2006. pp. 198-214

новение Интернет лишь отчасти обусловлено развитием технологическим. Культура и ее логика развития привели к появлению столь значимого культурного явления. Поэтому *интернет стоит рассматривать и определять как культурную форму постмодерна, сущностной особенностью которой является ее коммуникативный характер*. Данное определение основывается на том, что коммуникация есть суть культурного феномена интернет.

Что дает нам такое определение интернет, интернет как пространства коммуникации и сосуществования, наложения дискурсов? Прежде всего, возникает возможность и необходимость своеобразного «углубления» этого пространства и потому:

1) Учитывая историческую обусловленность практик коммуникации и шаткость нашего определения интернет, как пространства коммуникации, мы постараемся поместить интернет в более широкий культурно-исторический контекст, укоренить его исторически и попытаться выяснить его *генеалогию*.

Помимо этого, наше движение «вглубь» должно быть дополнено и движением по «поверхности», что предполагает следующее утверждение:

2) Пространство интернет предполагает некую разнокачественность, разделенность составляющих ее элементов, что позволит создать своеобразную *топографию* и *топологию* этого пространства. Эта исследовательская стратегия основывается на структуралистской традиции усмотрения бинарных оппозиций, что в нашем случае сводится к парам означающее – означаемое, вещь – знак, актуальное – виртуальное и проч. Но в соединении с первым исследовательским проектом выходит за рамки структурализма в постструктурализм, основываясь на интуиции, что за структурой и историческими формами коммуникативной практики есть что-то еще, что ранее оставалось скрытым, что можно назвать *топологией* интернет-пространства.

Этот проект может быть описан и с использованием понятия дискурс. Тогда рассмотрение интернет как пространства, поля пересечения и наложения различных дискурсов, будет предполагать усмотрение двух аспектов: синхронического, интернет как «дискурсивная машина» (термин И. Сандомирской)², анализ дискурсивных практик бытующих в интернет здесь и сейчас, что мы соотносим с топологией и топографией; и диахронического, генеалогия или культурная археология интернет пространства.

Последние значения, выстраиваемые нами на основе идей Ж. Лакана, отвечают на вопрос о самой функциональности, и позволяют ее идентифицировать. Напомним, что отнюдь не абстрактный, а совершенно конкретный субъект нуждается в дискурсе как способе восполнить исходную Нехватку, Неполноту бытия с помощью воображаемых образов (по Лакану Воображаемое) и символов/знаков (Символического)³. В этом контексте дискурс есть средство, а интернет действительно поле их разворачивания или «машина» их конфигураций. То есть, у ныне существующей «машины», опять-таки, должны быть предшественники с такой же сутью.

Рассмотрение четырех «эпох» (Античности, Средних веков, Нового времени и Постмодерна) позволяет выявить разные «подходы» к решению проблемы «быть субъектом». Античность осуществляет «практики себя» как непосредственное (насколько это возможно при посредничестве символов) присоединение к Символическому (символическое тело рода – Агора) в мифе. Этот доступ осуществляется с помощью слова и образа (наглядное единение, репрезентация целостности в народном собрании). Тематически практики «собрания себя» локализуются в дискурсе политическом, педагогическом, эротическом.

В Средние века целостность обретается путем обращения к Библии как персонификации Символического и осуществляется посредством слова. Однако «непосредственность» Символического единства сохраняется как апелляция к личному опыту сакрального. Дискурсивно механизм «собрания себя» сосредотачивается в дискурсе религиозном и педагогическом.

² Сандомирская И. Книга о Родине. Опыт анализа дискурсивных практик. – Wiener slawistischer almanach Wien 2001.

³ Лакан Ж. Этика психоанализа. М.: Гнозис, Логос. 2006.

В Новое время практики «собираения себя» приобретают качество отчужденности («картезианский поворот» М. Фуко)⁴ и теряют свою «непосредственность». Символическая проекция целостности субъекта перемещается в книги и автономизируется (у каждого своя «конфигурация» Символического). Единство Я удостоверяемого Книгой (Библией) уже недостаточно (кризис сакральности, который стал предметом изучения (проблематизация этой темы есть указание на процесс) многих ученых начиная с этого времени). Недостаточность компенсируется «эксклюзивностью» (автономизацией) символического целостного образа (литература). Практики авто-субъективации сосредоточены в дискурсах педагогики и политики.

В эпоху Пост-современности практики «собираения себя» вновь эксплуатируют не только слово, но и образ (визуальный характер современной культуры). Происходит своеобразный возврат к «мифу» (речь, конечно же, следует вести о псевдо-мифологии, как искусственно сконструированной, вторичной мифологизации) как преимущественно образной реальности. Но с сохранением и усилением тенденции отчужденности и автономности единого образа себя. Дикурсивные механизмы компенсации травматичности субъекта локализируются в дискурсе *педагогики* (поскольку вхождение в план Символического предполагает познание), *политики* (что также обусловлено дикурсивной природой практик субъективации, фукианская связка знание – власть), *рекламы* (как следствие словесно-образного характера процесса символического преодоления Нехватки).

Очевидно, что способ субъекта «быть» или же быть «субъектом» как чем-то целостным, в указанном перечне практик автосубъективации как никогда ставится под сомнение именно в пост-современности. Интернет как пространство автосубъективации несет несколько иные возможности и предлагает новые перспективы, которые, во многом, еще предстоит оценить.

Субъект интернет пространства может быть идентифицирован как виртуальный, что позволяет дополнить указанные выше характеристики. Так, следует отметить, что сам термин – виртуальное имеет обширный спектр значений. Изначально он носил ярко выраженное антропологическое содержание, фиксировавшее разрыв между сущим и должным. Позднее, в философии Платона и Аристотеля, термин теряет антропологические черты и переходит в область онтологии; начинается традиция рассмотрения виртуального сквозь призму оппозиций реальное – идеальное, а также актуальное – потенциальное. В эпоху средневековья эта традиция сохраняется и развивается в трудах Н. Кузанского и Д. Скота, где виртуальное заключено в оппозиции актуальное – потенциальное, идеальное – действительное. Византийская философия сохраняет значение виртуального как энергии. Новое время подхватывает это значение, но уже как энергии сугубо природной.

В отечественной философии XX века, доминирующими подходами к рассмотрению виртуальности является онтологический (виртуальное как особый род бытия), и психологический (виртуальное как психологическая реальность). Мы исходим из следующего понимания виртуального: виртуальная реальность (реальности) существует, противоположна актуальному, характеризуется качествами автономности и интерактивности.

Вместе с тем, указанные значения термина виртуальное (виртуальная реальность) позволяют утверждать, что на сегодняшний момент существует двойное понимание виртуального: виртуального, трактуемого как онтологическое, к которому мы присоединяемся, и виртуального как симулятивной реальности. Эти позиции в понимании виртуального позволяют сформировать представление о виртуальном субъекте, которое находит отражение в формулировке двух типов виртуального субъекта, что соответствует двум определениям виртуального.

Первый тип соответствует первому определению виртуального. Субъект в данном случае центрирован онтологически, он есть средоточие реальностей, своеобразная скрепа виртуальных вселенных, которые обретают реальность в результате действия волевого акта.

Второй тип соответствует второму определению виртуального как симулятивного. Этот субъект определяется в поле социального и проявляется в совокупности социальных практик, он оказывается децентрированным социально, «мозаичным», складывающимся из практик (социальных или дикурсивных), но, несмотря на это его реальность не отри-

⁴ Фуко М. Герменевтика субъекта. – СПб.: Наука, 2007.

цается. Субъекта этого типа можно определить как «комбинатора отдельных объективных элементов, растворяющего себя в контексте их процессов и соединений».

Сравнение выделенных нами типов в аспекте их бытийственного статуса (на основе концепций Ж. Делеза и М. Фуко) позволяют сказать, что искомый нами виртуальный субъект отождествим с делезовским «субъектом поверхности». Его онтологический статус раскрывается в категориях становления, сингулярности, структуры, смысла и ряда других.

Отождествление субъекта с сингулярностью приводит к избеганию всякой иерархичности человека и бытия, следует говорить не о взаимодействии, а о наложении и пересечении, совпадении. Человек (субъект) случайное пересечение сингулярностей. Точка неустойчивости, провоцирующая неустойчивость ради нее самой, где цель уже содержит результат. Таков же и субъект: «Стойк-мудрец «отождествляется» с квази-причиной; он располагается на поверхности, на прямой линии, пробегающей поверхность, или, точнее, в случайной точке, блуждающей по самой этой линии. Мудрец подобен стрелку из лука...Здесь мудрец ожидает события. Он, так сказать, понимает чистое событие в его вечной истине – независимой от его пространственно-временного осуществления – как то, что всегда вот-вот произойдет или уже произошло на линии Эона... Отождествляя себя с квази-причиной, мудрец хочет «дать тело» бестелесному эффекту, поскольку эффект присущ причине...Но как бы мог мудрец быть квази-причиной бестелесного события и потому желать его воплощения, если бы событие уже не находилось в процессе производства...»⁵.

Событие – это то, к чему стремится и чем живет, а точнее в чем, находится субъект поверхности. Событие не то, что происходит, оно вне Хроноса: «скорее, оно внутри того, что происходит, – чистое выраженное. Оно подает нам знаки и ожидает нас...событие – это то, что должно быть понято, на что направлена воля и что представлено в происходящем»⁶. Событие «сориентировано» на осуществление, можно сказать, что оно требует воплощения в настоящем: «любое событие подразумевает момент собственного осуществления в настоящем, когда оно воплощается в положении вещей, в индивидуальности или личности – момент, который мы обозначаем, говоря: «И вот наступил момент, когда...». Будущее и прошлое события разворачиваются именно по отношению к этому определенному настоящему и с точки зрения того, что его воплощает. Но с другой стороны, есть будущее и прошлое события самого по себе, отделенного от всякого настоящего, свободного от всех ограничений положения вещей, безличного и до-индивидуального... У такого события нет иного настоящего, кроме настоящего того подвижного момента, который его представляет, который всегда разделен на прошлое-будущее и формирует то, что мы назвали контр-осуществлением»⁷.

Такое понимание события как двойственного кажется довольно странным, если первое вполне обычно – событие как граница разделяющая прошлое и будущее; то второе событие смещает фокус рассмотрения на уровень сингулярностей. За сериациями вещей и слов, а также за действующим субъектом возникают номадические сингулярности, своим сплетением образующие особые события вне настоящего. Также события сравнимы с действием виртуальных частиц в физике, действие которых настолько быстро, что оно или уже свершилось, или еще свершится. Действительно «контр-осуществление», такое осуществление, которое не предполагает длительности. Что также для нас важно, в таком событии не фигурирует личность, это до личный уровень существования: «события – это провал настоящего, время без настоящего, с которым у меня нет связи, и в направлении которого я неспособен проецировать себя»⁸. Всегда есть двое: осуществление и контр-осуществление; равные событию, происходящему в глубине, и событию поверхности. Между ними есть определенное противоречие – противоборство, одно отменяет другое.

Субъект находит себя в событии, но также сопровождает это языковым выражением. Язык порождается событием. В тоже время, язык указывает на субъекта. Произнесение «Я» есть акт говорения, который указывает на присутствие субъекта.

⁵ Делёз Ж. Логика смысла: Пер. с фр. – Фуко М. *Theatrum philosophicum*: Пер. с фр. – М.: «Раритет», Екатеринбург: «Деловая книга», 1998. – 480с. – С. 195-196.

⁶ Там же. – С. 198.

⁷ Там же. – С. 200-201.

⁸ Там же. – С. 201.

Субъект у Фуко конституируется, преимущественно, с помощью категории практики, что не позволяет прийти к базовому для нас противопоставлению актуальное – виртуальное и, соответственно, определить его как виртуального.

Онтологические основания эксплицированного нами виртуального субъекта могут быть определены следующим образом: это элемент системы-структуры, под которой понимается как сущее, так и слово о сущем, то есть теория.; виртуальный субъект децентрирован, что соответствует ускользанию от определенности, в том числе и самоопределенности; в качестве элемента структуры субъект осуществляет коммуникации серий структуры, их разделения и соединения, а также «ветвления»; виртуальный субъект (субъект поверхности) обеспечивает распределение сингулярностей между сериями; а также наделяет смыслом (сообщает смысл) каждой из серий.

Субъект с проблематичным Я, коллаж, человек собранный из осколков – сингулярностей. Вот чем является виртуальный субъект. И если вначале вслед за Делезом он мог быть определен как «*Homo natura*» (или же, что более согласуется с нашей позицией – человек децентрированный онтологически), то теперь как «*Homo historia*», так как идентификация достигается через примеривание «масок», их головокружительную смену. Подлинным трикстером может быть только виртуальный субъект, тот который умеет совмещать несколько реальностей, планов бытия, социальных ролей и т.п. Этот субъект не прикасается к истории, не изучает ее, а живет ею и в ней.

В данном случае слово «живет» следует понимать не только как проживает, но и как создает. Так как желание создает реальность, как и ранее мы определяли, воля-желание делает актуальными те «вселенные» индивидуальностей, на которые оно направлено. И это именно реальность, а не мир фантазмов или неких психических явлений: «если желание производит, оно производит реальное. Если желание производительно, оно может быть таковым только в реальности, производя реальность. Желание является совокупностью пассивных синтезов, которые прорабатывают частичные объекты, потоки и тела, которые функционируют в качестве производственных единиц. Из них вытекает реальное, оно есть результат пассивных синтезов желания как самопроизводства бессознательного»⁹. Соответственно столь же реален и объект желания и субъект. Реальность виртуального субъекта, таким образом, не ставится под сомнение.

Функциональный аспект рассмотрения проблемы антропологии виртуальной реальности приводит нас к необходимости выделения двух основополагающих антропологических типов: субъекта виртуального и субъекта не виртуального. Первый всегда ускользающий, противящийся любой определенности, записи и кодированию. Второй стабилен и определен, кодирован и территориализован. Виртуальный субъект оперирует сингулярностями и образован ими, он есть их случайное пересечение. Субъект не виртуальный действует на уровне абстрактностей и статистических систем, которые отторгают сингулярности в пользу абстрактного множества. Виртуальный субъект связан с желанием, которое раскодировано и детерриторизировано, вне вытеснения и сублимации, без преград и ограничений. Не виртуальный производит инвестирование желания в инструменты его же подавления. Направляет желание на установление территориализации и аксиоматики, заставляет его работать над своим же угнетением. Один всегда индивидуален и противится любого объединения. Другой коллективен и становится собой только в социуме. Виртуальный субъект не нуждается в цели и ее рационализации, а так же обосновании, может рассматриваться как содержащий цель в себе самом.

Таким образом, понимание виртуального как онтологического, конституируемое принципом полионтичности, качествами автономности и интерактивности; а также виртуального как симулятивной реальности (симулякр), позволяет дать два определения виртуального субъекта: 1. Он есть средоточие реальностей, своеобразная скрепа виртуальных вселенных, которые обретают реальность в результате действия волевого акта; 2. Этот субъект определяется в поле социального и проявляется в совокупности социальных практик. Он «комбинатор отдельных объективных элементов, растворяющий себя в контексте их процессов и соединений».

⁹ Делез, Ж., Гваттари, Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения / Ж. Делез, Ф. Гваттари; пер. с франц. И послесл. Д. Кралечкина; науч. ред. В. Кузнецов. – Екатеринбург: У-Фактория, 2007. – 672 с. – С. 49.

Онтологический статус виртуального субъекта раскрывается в категориях становления, сингулярности, структуры, смысла и ряда других. Его бытийственные основания сводятся к следующему: 1. он элемент системы-структуры, под которой понимается как сущее, так и слово о сущем, то есть теория; 2. виртуальный субъект децентрирован, что соответствует ускользанию от определенности, в том числе и самоопределенности; 3. в качестве элемента структуры субъект осуществляет коммуникации серий структуры, их разделения и соединения, а также «ветвления»; 4. виртуальный субъект (субъект поверхности) обеспечивает распределение сингулярностей между сериями; 5. также наделяет смыслом (сообщает смысл) каждой из серий.

Виртуальный субъект может быть охарактеризован как всегда ускользающий, противящийся любой определенности, записи и кодированию. Субъект который оперирует сингулярностями и образован ими, есть их случайное пересечение. Он всегда индивидуален, сам по себе и противится любого объединения, то, что можно назвать частичностью. Виртуальный субъект как субъект поверхности, персонификация тела без органов, не нуждается в цели и ее рационализации, а так же обоснования. (Без)цельность как невозможность артикуляции цели, так и сущностная без-цельность, отсутствие цельности, децентрированность.

Список литературы

1. Andrei Gornykh. Aesthetics of Internet and Visual Consumption: On the RuNet's essence and specificity. Norderstedt: Books on Demand, 2006.
2. Сандомирская И. Книга о Родине. Опыт анализа дискурсивных практик. – Wiener slawistischer almanach Wien 2001.
3. Лакан Ж. Этика психоанализа. М.: Гнозис, Логос. 2006.
4. Фуко М. Герменевтика субъекта. – СПб.: Наука, 2007.
5. Делёз Ж. Логика смысла: Пер. с фр. – Фуко М. *Theatrum philosophicum*: Пер. с фр. – М.: «Раритет», Екатеринбург: «Деловая книга», 1998.

INTERNET AND THE PROBLEM OF ANTHROPOLOGICAL PERSPECTIVE

A. N. Chernyakov¹⁾

R. A. Dunaev²⁾

The article discusses the problem of defining the Internet as a cultural and communicative phenomenon and also its anthropological perspective is observed.

Key words: Intern et, discourse, virtual, subject.

¹⁾ *Belgorod State University*

e-mail:
chernyakov@bsu.edu.ru

²⁾ *Belgorod State University*

ТЕОГЕНЕЗИС В РЕЛИГИОВЕДЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ МИРЧИ ЭЛИАДЕ

М. Е. Серёгин

*Тульский
государственный
педагогический
университет
им. Л.Н.Толстого*

В данной статье анализируется проблема понимания Мирчей Элиаде происхождения и развития идеи Божественного. Обосновывается тезис о том, что понимание идеи Бога основывается на иерофании. Анализируются основные категории, имеющие непосредственное значение при исследовании происхождения и развития представлений о Божественном. Рассматриваются понятия сакрального, андрогина, светофании, крипторелигиозности, а так же «мифа о возвращении» и приводится аргументация М. Элиаде, утверждающего важность этой проблемы не только для религиоведения, но и для науки в целом.

Ключевые слова: М. Элиаде, иерофания, теогенезис, светофания, «миф о возвращении», сакральное и профанное, теофания.

Мирча Элиаде – один из известнейших исследователей в области религиоведения, его интересы простираются далеко за пределы только религиоведческих исследований, исследователи, разбирающие проблемы социологии, филологии, культурологии, а так же исследователи эзотеризма, пользуются данными полученными этим учёным в своих изысканиях. В один ряд с М.Элиаде ставят, например, Карла Густава Юнга, Мартина Хайдеггера, Жан-Поль Сартра. Творчество этих людей сформировало интеллектуальную историю XX века – так же как в XIX веке идеи Чарльза Дарвина или Карла Маркса. Десяток таких авторов в каждом поколении формируют его интеллектуальный облик. Несомненно, М.Элиаде принадлежит к этим влиятельнейшим авторам минувшего века.

Мирча Элиаде родился 9 марта 1907 года в Бухаресте.

Уже в юности у М.Элиаде проявляются поразительные литературные способности. Свой первый рассказ он опубликовал в тринадцать лет в «Газете народного знания». Рассказ назывался «Как я открыл философский камень», за который ему присудили на конкурсе лицейстов первую премию¹.

В двадцать один год М.Элиаде отличный знаток иностранных языков, увлекается творчеством Лотреамона, Кьеркегора, Ницше, Папини, интересуется Востоком, как древним, так и современным – Миларепой, Рамакришной, Ганди.

Его привлекают рациональное исследование сверхрационального, осмысление тайных снов религиозного и мистического опыта. Он отправляется на Восток в Индию, чтобы освоить санскрит и главные принципы Йоги. В Калькутте посещал лекции Сурендраната Дасгупты, изучал санскрит. Четыре месяца жил в Ришикеше, в гималайском монастыре. Его «гуру» – знаменитый Свами Шивананда.

В 1931 вернулся в Бухарест и становится крупнейшим традиционалистом. Здесь он пишет серию выдающихся мистических эстетико-философских романов «Свет гаснет», «Бенгальская ночь», «Хулиганы», «Мадемуазель Кристина» и т.д. М.Элиаде утверждается в культурном контексте Румынии как один из самых ярких и блистательных выразителей «Консервативной Революции».

Проходил воинскую службу: сначала в противовоздушном полку, затем служил в бюро переводчиков при штабе (1932). В 1933-м защитил диссертацию по философии и был принят ассистентом на кафедру логики и метафизики Бухарестского университета. В Париже отдельным изданием вышла его докторская диссертация «Йога. Эссе об истоках индийской мистики» (1936). Помимо своей литературной и научной деятельности М. Элиаде так же руководитель бухарестского клуба «Акса» и ближайший сподвижник Нае Ионеску, официального идеолога Железной Гвардии. За связь с Ионеску М. Элиаде попадает в 1938 году в концлагерь для политзаключённых.

¹ См. Элиаде М. Испытание лабиринтом / Беседы с Клодом-Анри Роке / Перевод с французского Старостиной А. / http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Eliade/Isp_Lab.php

В 1940 году занимает пост атташе по культуре при посольстве Румынии в Лондоне, а затем должность атташе по культуре в Лиссабоне (1941). В 1945 году переехал в Париж, где по приглашению Ж. Дюмезиля читал курс лекций в Школе высших штудий. Был избран членом Азиатского общества в Париже. В 1948 был приглашен читать лекции в Сорбонне.

В 1956-ом обосновывается в США, здесь М.Элиаде читает цикл лекций «Шаблоны инициации», позже возглавляет кафедру истории религий Чикагского университета (1957), а также занимает должность профессора в Комитете общественной мысли.

Был избран членом Американской академии искусств и наук (1966). В том же году стал Доктором *honoris causa* Йейльского университета. В 1970 году – Доктор *honoris causa* Лойольского университета (Чикаго). Член-корреспондент Британской академии. Был членом-корреспондентом Австрийской академии наук, членом Бельгийской королевской академии (1972). В 1976 году – Доктор *honoris causa* Сорбонны. Лионский университет им. Жана Мулена выдвинул М.Элиаде на Нобелевскую премию (1980). Получил международную премию Данте Алигьери в Италии (1984); был награжден Орденом Почетного Легиона (1984). В 1985 году – Доктор *honoris causa* Вашингтонского университета. Чикагский университет присвоил имя Мирчи Элиаде кафедре истории религий (1985). Элиаде умер 22 апреля 1986.

Благодаря исследованиям, сделанным Мирчей Элиаде, в последнее время всё ярче проявляется интерес к «примитивным» и «отсталым» религиям. Именно он впервые ввел в культурный контекст многие понятия, которые раньше являлись достоянием только узких исследовательских кругов. Параллельно с ним трудились и многие другие заслуженные учёные, например, Отто, Юнг, Дюмезиль, Туччи, Корбен, Леви-Стросс и многие другие, но только М.Элиаде принадлежит заслуга по систематизации и анализу предшествующего творчества, благодаря чему и сформировалось современное видение и восприятие истории религий.

Термины, введённые М.Элиаде: «сакральное», «профанное», «космос», «хаос», «иерофания» стали частью религиозно-философской мысли. Творчество М.Элиаде в современном научном мире достаточно слабо исследовано, поэтому в данной работе проведена попытка рассмотрения категориального состава философии данного исследователя.

В России творчество Мирчи Элиаде становится известным с середины 1970-х годов, в частности, его идеи комментировали: Е. М. Мелетинский (1918 – 2005) в работе «Поэтика мифа» (1976); Ревуненкова Е. В. в многочисленных статьях посвящённых шаманизму; Вяч. Иванов как переводчик и комментатор художественных произведений Элиаде; сопровождающие статьи к изданиям, посвящённым мифологии, Н. Я. Дараган, В. А. Чаликова, Ю. Н. Стефанова, Н. К. Гарбовский, В. Большаков, Е. Строганова и др.

В современном научном мире существуют различные оценки роли и вклада творчества М.Элиаде в западную культуру. Зачастую он рассматривается как предтеча современной парадигмы в западном и отечественном религиоведении, некой – «внецерковной духовности» как «специфического феномена современного сознания, в рамках которого ощущение приобщения к сакральным пространствам, наделяющим этот мир смыслом, достигается без принадлежности к традиционной религии, а иерофания (боговоплощение) проглядывает через вполне обыденные и привычные элементы окружающей действительности»². Трудно найти другого философа или исследователя религий в XX веке, чьи бы работы инициировали столь бурную полемику. В литературе встречаются диаметрально противоположные оценки идей и методов М.Элиаде, от обвинений и критики в бездоказательности его теорий и вольной интерпретации фактов (например, Э. Лич, Н.Л. Сухачёв и др.), до полной и восторженной приверженности (например, Вяч. Иванов, М.В. Воробьёва, О.К. Михельсон, Е.В. Ревуненкова и др.). Его обвиняли в отсутствии историзма, неточности в деталях, тяге к слишком широким обобщениям на почве увлеченности несколькими основными теоретическими предположениями³. Исследовательский метод, который использует М.Элиаде, далеко не однозначен, но его позиция представляется интересной и значимой не только для религиоведения, но и для культурологии и

² Лихачев В.Л. Сакральный космос юденфрай: Мирча Элиаде и «еврейский вопрос» / <http://eliade.upelsinka.com/cr2.htm>.

³ См. Сухачев Н.Л. Феномен духа и космос Мирчи Элиаде / Элиаде М. Азиатская алхимия. Сборник эссе / Пер. с рум., фр., англ. – М.: Янус-К, 1998. С. 26-27.

философии. Для наиболее адекватного восприятия творчества данного мыслителя следует воспринимать его не как исследователя мифов или прикладного религиоведения, а как философа религий⁴. В своих трудах М.Элиаде ставил своей целью выявить структуру и значение религиозных феноменов, понять их смыслы. При всём этом понятия «святости», «божества», «центра Мира», «спасения», «воссоединения с Космосом», «второго рождения» и т.п. в метафизической концепции Элиаде совершенно не мистифицированы. «Это действенные для человеческого сознания идеальные проявления наблюдаемого им феномена – мировосприятие как порождение и условие разумного бытия», которое близко к понятию реальности, в творчестве Тейяра де Шардена именуемое «сверхжизнью», а у В. И. Вернадского – ноосферой⁵. С поправкой на то, что Элиаде имеет в виду состояние не становящееся, спроецированное в будущее в качестве некоего результата развития жизни и разума во Вселенной, а ставшее, явленное самим фактом существования человека, мыслимого в его изначальной природной духовности.

М.Элиаде создаёт основу для своей доктрины из теории совпадения противоположностей. В областях научных знаний, которых он касался, ему всегда было интересно промежуточное, парадоксальное и уникальное пространство, в котором сочеталось несочетаемое – мужское и женское, земное и небесное, дневное и ночное, духовное и материальное, бесконечное и ограниченное, древнее и современное⁶.

В творчестве Элиаде чётко прослеживается влияние экзистенциализма, что проявляется в излагаемых им сюжетах: «Вечное возвращение к истокам, воссоединение с не расчлененным некогда Космосом, алхимические поиски абсолюта, гётевское «нисхождение к Матерям», слияние женского и мужского начал в андрогине и двусмысленное шутство Мефистофеля как символы «совпадения противоположностей», земная и небесная матрицы восприятия ремесла кузнецов и «металлургов», созерцательная самоуглубленность йоги – все вовлекается в орбиту поисков, размышлений на тему нашей природной особенности, неприкаянности, отчужденности от некоего идеального единства с Космосом, существовавшего «во время оно»⁷.

По мнению Н.Л. Сухачёва, творчество Платона дало первоначальный толчок для создания мифологической концепции Элиаде, и выступило в качестве некоего «культурно-философского субстрата, как одно из проявлений рассматриваемой им идеи «космической цельности» и один из истоков, подпитывавших античную и средневековую мистику»⁸. По его мнению, смысл, заключенный в человеческом существовании ставит человека в центр мироздания, здесь «он уподобляется божеству, и в то же время сообщенная ему божественная сила осознается им самим как священная, надчеловеческая. Способы же овладения этой силой оказываются «зашифрованными» в культурной традиции, и, независимо от ее этнической индивидуальности, повсеместно и во все времена обнаруживаются одни и те же сокрытые священные символы. Все традиционные мировоззрения, начиная с древнейших земледельческих «космологии» Месопотамии и Средиземноморья и кончая верованиями «первобытных народов», оставшихся на периферии современной цивилизации, оказываются подобными в главном: в антропоцентрической ориентации всякого природного начала и в ценностном отношении к любым проявлениям человеческого существования, соизмеримого с бытием всего мыслимого Космоса»⁹. Это и есть та самая иерофания, которая проявляет «сакральное» в «мирском». Именно она предполагает начало противоположное природному страху человека перед лицом «ноуменального», которое Рудольф Отто («Священное», 1917) называет

⁴ См. Михельсон О.К. История религий и Новый гуманизм М. Элиаде / <http://eliade.upelsinka.com/cr4.htm>

⁵ Сухачев Н.Л. Феномен духа и космос Мирчи Элиаде / Элиаде М. Азиатская алхимия. Сборник эссе / Пер. с рум., фр., англ. – М.: Янус-К, 1998. С. 26.

⁶ См. Дугин А.Г. Мирча Элиаде – вечное возвращение / <http://www.arcto.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=1103>

⁷ Сухачев Н.Л. Феномен духа и космос Мирчи Элиаде / Элиаде М. Азиатская алхимия. Сборник эссе / Пер. с рум., фр., англ. – М.: Янус-К, 1998. С. 9.

⁸ Сухачев Н.Л. Феномен духа и космос Мирчи Элиаде / Элиаде М. Азиатская алхимия. Сборник эссе / Пер. с рум., фр., англ. – М.: Янус-К, 1998. С. 31-32.

⁹ Там же. С. 19-20.

«*mysterium tremendum*» – чувство потрясающей тайны»¹⁰. По утверждению Элиаде: «миф спасает от страха», а «Священное», «выступает как онтологический принцип человеческого существования. История религий на заданном уровне обобщения и впрямь превращается в философию истории»¹¹.

М. Элиаде пытался обнаружить в истории религии не линейный подход, при котором состояния, прогрессирующие от простого к сложному постепенно сменяют друг друга, а универсальные морфологические образцы (модели или «паттерны»), имманентно присутствующие в культуре и составляющие её ядро вне зависимости от хронологии или этнической принадлежности носителей тех или иных религиозных традиций. В одной из своих первых фундаментальных научных работ – «Шаманизм и архаические техники экстаза» (1951) – М. Элиаде показывает, как многие элементы религиозного опыта шамана (например, «полет» и инициация) схематически воспроизводятся в более поздних религиях¹².

М. Элиаде не разделяет идеи «страшного Бога», который видится в опыте встречи со святым. Святое как онтологический термин, – по мнению А.П. Забияко, – проявляется в работах Элиаде в тот момент, когда он применяет данное понятие в смысле «Предельной Реальности», «Основания», «Бытия», «Жизни», «Космической Силы», «Космического ритма», «Трансцендентного», «Трансэмпирической реальности», «Космоса как Целого», «Бога», «Брахмана» и др. «В этом смысле термин *святое* относится к онтологически объективной реальности». Уже одно перечисление «имен» святого убеждает, что категория святости М. Элиаде стоит вне любых конфессиональных представлений о святом. Для него «священное – это *реальное* в его совершенстве, это одновременно и могущество, и действительность, и источник жизни, и плодородие»¹³, понятие священного «всегда проявляется как реальность совсем иного порядка, отличная от «естественной» реальности»¹⁴. Таким образом, А.П. Забияко делает вывод, что «*святое* в философии М. Элиаде тождественно *абсолютной реальности*»¹⁵.

По мнению А.П. Забияко, у Элиаде определяющим фактором определения священного бытия выступает некая «онтологическая одержимость человека», которая проявляется как «жажда священного» и «ностальгия по *Бытию*», влекущие человека к «полному слиянию с Бытием». Наиболее точно передаётся смысл понятия святого в понимании Элиаде, это понятие Брахмана, раскрываемое в «Упанишадах». Брахман как священное начало, представляет собой основу гармонии и простоты мира, некий естественный порядок, который чужд всякому хаосу и неорганизованности, всякому волнению и распаду. Брахман выступает не только как субстанция жизни, но самой жизнью. Тем самым Элиаде подводит категорию святого к понятию «Жизнь». В творчестве Элиаде, по мысли А.П. Забияко, *святое* становится абсолютной реальностью, первопричиной сущего. Святое, при этом как субстанция, формирующая онтологически первичную реальность, может обнаружить себя в земном мире. Человек, движимый «онтологической одержимостью», со своей стороны, испытывает интуитивное стремление к прорыву в изначальную реальность через уход от рутины обыденного существования. «Термин «иерофания» был введен М. Элиаде для обозначения акта обнаружения святого в чувственно доступной форме»¹⁶, иерофания является стимулом к религиозно-творческой деятельности человеческого духа. При всём при этом «абсолютная реальность может осуществить себя как святое только при посредстве человека»¹⁷. Провозглашая уникальность положения человека в

¹⁰ <http://www.ido.edu.ru/philosophy/11.html>.

¹¹ Сухачев Н.Л. Феномен духа и космос Мирчи Элиаде / Элиаде М. Азиатская алхимия. Сборник эссе / Пер. с рум., фр., англ. – М.: Янус-К, 1998. С. 20.

¹² См. Забияко А.П. Сакральное как категория феноменологии религии / <http://eliade.upelsinka.com/cr3.htm>.

¹³ Там же.

¹⁴ Элиаде М. Священное и мирское / Пер. с фр., предисл. и коммент. Н.К. Гарбовского. – М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 17.

¹⁵ См. Забияко А.П. Сакральное как категория феноменологии религии / <http://eliade.upelsinka.com/cr3.htm>.

¹⁶ Забияко А.П. Сакральное как категория феноменологии религии / <http://eliade.upelsinka.com/cr3.htm>.

¹⁷ Там же.

мире, ведь посредством него абсолютная реальность реализует себя в данной действительности, т.к. вокруг человека, который открывает в акте иерофании абсолютную реальность, формируется центр всего универсума. Именно таким образом, по мнению Элиаде, из хаоса возникает бытие, а иерофания превращается в «священную онтофанию».

Центральное понятие в учении Мирчи Элиаде – иерофания (явление священного), порождённое, как считает Н.Л. Сухачёв, осознанием основ цивилизаций, а именно, «религиозного почтения к Земле и к Жизни»¹⁸. Данная концепция возникла как отклик на констатацию исторической ситуации Ф. Ницше («Бог умер»), породившую тотальное обесценивание мира и человеческого существа.

По мнению М. Элиаде, «все иерофании, от самых элементарных (например, проявление сакрального в данном дереве или камне) до самых сложных («видение» новой «божественной формы» пророком или основателем религии) выступают в исторической конкретности и определенным образом обусловлены историей»¹⁹. М. Элиаде считает, что в каждой иерофании проявляется «вечное возобновление» и «возвращение» к некому «безвременному моменту», где упраздняется история, зачеркивается прошлое и снова творится мир.

Иерофания в исторической перспективе приводит к изменению представлений о Божественном. В творчестве Мирчи Элиаде, нас интересует, прежде всего, **эволюция Божественной реальности, в широком смысле, а узком смысле – происхождение и развитие идеи Бога (Божественного) в человеческом сознании, т.е. проблема теогенезиса**. Понятие «теогенезиса» получает распространение благодаря Е.П. Блаватской, по её мысли и мнению её последователей-теософов, это то, что «в космическом аспекте означает начало, или создание, Бога или Богов. В человеческом аспекте это соответствует пробуждению людей к осознанию Бога внутри, своей врождённой Божественности, ибо в этом цикле времени человечество стоит в буквальном смысле на пороге своей Божественной природы и, сделав следующий шаг, достигнет её, обретя полное понимание своего права духовного первородства на индивидуальном и расовом уровне»²⁰.

Данную проблематику у Мирчи Элиаде можно проследить в работах посвящённых рассмотрению различных категорий сакрального, мифа, инициации, крипторелигиозности, иерофании и др., в общем, всего того, что составляет человеческие представления о Божественном, в том числе, непосредственно самой идеи Бога. Но при всём при этом, Элиаде «занимала не столько идея Бога (не принцип веры), сколько единство идей об этой идее (принцип культуры). Откуда и пристальное внимание к мифологической и мистической символике, отражающей идею священного»²¹.

У Мирчи Элиаде обнаруживается происхождение идеи Бога основанное, прежде всего, на организации человеком своего образа жизни, в частности, отличаются религиозные представления у охотников в эпоху палеолита, здесь Бог предстаёт в образе Повелителя животных, и является непосредственно вписанным в мифологический мир первобытного человека. Человек выступает как часть природы, а Божественное – источник природы, следовательно, человек – часть Божественного. В последующие эпохи происходит переход от охоты к земледелию. По мнению Мирчи Элиаде: «Первым и, может быть, важнейшим следствием открытия земледелия является кризис ценностей палеолитического охотника: на смену отношениям религиозного порядка с животным миром пришло то, что можно назвать *мистической солидарностью между человеком и растительностью*»²². До этого момента «существо и сакральность жизни» получало выражение через

¹⁸ Там же.

¹⁹ Элиаде М. Шаманизм: Архаические техники экстаза / www.koob.ru/mircea_eliade/ecstasy_techniques.

²⁰ Теогенезис. Третья часть древних Станиц Дзиан. Первые две, «Космогенезис», «Антропогенезис», обнародованы в «Тайной Доктрине» Е.П. Блаватской. Пер. с англ., примеч. Е.В. Фалёва, М.: «Дельфис», 2002. С. 16.

²¹ Сухачев Н.Л. Феномен духа и космос Мирчи Элиаде / Элиаде М. Азиатская алхимия. Сборник эссе / Пер. с рум., фр., англ. – М.: Янус-К, 1998. С. 20.

²² См. Элиаде М. История веры и религиозных идей: От каменного века до эливинских мистерий / Пер. с фр. Н.Н. Кулаковой, В.Р. Рокитянского, Ю.Н. Стефанова. – М.: Академический Проект, 2008. С. 55.

символику крови и костей, то после появления земледелия они проявляются через кровь и сперму. Помимо всего прочего вершину общественной иерархии занимают женщины и «женская сакральность». По мысли исследователя: «Источником религиозного творчества служит не эмпирический феномен земледелия, а тайна рождения, смерти и возрождения, присутствующая в ритме вегетации»²³. Таким образом, тайна космической сакральности предстаёт в виде символа Мирового Древа, которое находится в Центре Мира, в месте, освящённом молитвами и ритуалами, т.к. именно здесь происходит «общение со сверхчеловеческими сущностями».

В процессе исторической эволюции пришла «мифология металлов», самая известная, богатая и характерная образовалась вокруг железа. Первоначально обрабатываемо железо было метеоритного происхождения, а затем с развитием добычи, обработки, закалки стали использоваться руды. По мнению Мирчи Элиаде, «последствия оказались важными и в религиозном плане. Наряду с небесной сакральностью, присущей метеоритам, появилась теллурическая сакральность, связанная с рудниками и рудами»²⁴. Что впоследствии вылилось в мифологию, связанную с Матерью-Землёй, в недрах которой «созревают» руды. В ряде мифологий кузнецы предстают как пособники богов, выковывающие оружие и доспехи, столь необходимые для победы над врагами. Таким образом, на разных уровнях культуры существовала тесная взаимосвязь между «кузнечным ремеслом, оккультными техниками (шаманизмом, магией, знахарством и т.д.) и искусством пения, танца и поэзии»²⁵. Отсюда и происходит понятие о мастере, демиурге, помогающем творить Верховному Божеству весь мир.

Пониманию смысла проявления Божественного в мире посвящена, прежде всего, работа «Мефистофель и Андрогин», где М. Элиаде говорит об опыте сверхъестественного света, который даёт духовное рождение²⁶. Исследователь выделяет основные признаки мистического просветления у шаманов якутов, тунгусов и эскимосов:

- а) возникает как результат подготовки, данное состояние наступает внезапно подобно «вспышки молнии»;
- б) этот внутренний свет ощущается во всем теле, но больше всего — в голове;
- в) испытывающие его впервые чувствуют некое вознесение ввысь;
- г) шаман начинает видеть сразу повсюду и очень далеко, при этом он замечает даже невидимую реальность (духов, души больных), также видит грядущие события²⁷.

При этом М.Элиаде говорит о том, что шаман должен обладать «легкостью» и «быстротой», например, «в мифах, когда необходимо «очень быстро» пройти между члестями чудовища, — это символическое представление «ума», «мудрости», «трансценденции», а в конечном итоге — посвящения»²⁸.

В индийских религиях и философиях существует идея, что свет — это созидательное начало. Настроившись на приём фундаментального света, излучаемого Брахманом-Атманом, человек переживает некий опыт, в котором он усваивает свой экзистенциальный режим. Здесь свет идентичен бессмертию и бытию. По мнению М.Элиаде: «Понимание Всемирной Пустоты — точно так же, как осознание идентичности Брахмана и Атмана в упанишадах — это мгновенный акт, сравнимый со вспышкой молнии»²⁹. Далее исследователь из индийской метафизики света делает следующие выводы:

- 1) наиболее воспринимаемое проявление божества осуществляется при помощи света;
- 2) те, кто достигли или приблизились к положению «освобожденного» или Будды, т.е. высокой степени духовности, сами способны испускать свет;
- 3) космогония может быть проявлена как явление светоиспускания³⁰.

²³ Там же. С. 57.

²⁴ Там же. С. 71.

²⁵ Там же. С. 72.

²⁶ Элиаде М. Мефистофель и Андрогин / www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psiho/eliade/index.pbp.

²⁷ Там же.

²⁸ Элиаде М. Шаманизм: Архаические техники экстаза / www.koob.ru/mircea_eliade/ecstasy_techniques.

²⁹ Элиаде М. Мефистофель и Андрогин / www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psiho/eliade/index.pbp.

³⁰ Там же.

Далее Элиаде рассматривает явление теофании – факта религиозного опыта. И приходит к выводу, что «свет — это самая суть божества»³¹. По мнению исследователя, свет проявляется в моменты, переходные между состояниями божества, природы, матери, духа, или используя терминологию автора «процесс космической резорбции завершается, умирающий замечает свет, похожий на лунный, потом на солнечный, а затем погружается во тьму. Внезапно его пробуждает ослепительный свет: это встреча со своим «Я»³², которое и есть высшая реальность или Бытие.

Опыт переживания света означает, по мнению исследователя, зачастую, встречу с высшей реальностью; именно поэтому «утренний свет обнаруживают, когда осознают собственное «Я» (Атман), или когда проникают в самую суть жизни и космических элементов, или, наконец, когда умирают»³³. В индийской философии религии, — говорит М. Элиаде, — свет, «увиденный в мистическом откровении — это синдром трансцендентности здешнего мира, мира непосвященных, существующего по законам обусловленности, и достижения другой сферы существования — сферы чистого бытия, божественного начала, высшего знания и абсолютной свободы»³⁴. Поэтому это, и есть знак откровения высшей реальности, лишенной каких бы то ни было свойств. Эта реальность переживается на опыте как яркий белый свет, который вначале ослепляет, а затем человек исчезает в нем, растворяясь бесследно.

В христианстве опыт мистического света, из которого рождается экстаз соединения с Богом, заимствуется из греческих философских школ, в частности, у Плотина, в его трудах обнаруживается подробное описание вхождения в экстаз, которому как раз и соответствует явление, именуемое Элиадой, светофанией³⁵.

Далее исследователь приводит опыты явления света у обычных современных людей, и приходит к выводу, что данный опыт совершенно внерелигиозен, но и обладает «человеколюбивым» характером. Элиаде выделяет некоторые виды опыта, которые отличаются увиденным и пережитым, и вызванными в результате разного воздействия на людей, в некоторых случаях во сне в образе яркого света, в других — не зависимо от воздействия, в спокойной обстановке, в-третьих — в результате церковного пения, в-четвёртых — при прослушивании классической музыки. При этом исследователь приходит к выводу, что если человек, переживший встречу с экстатическим светом, является интеллектуально развитым и пережившим опыт «выхода из тела», то он не переживает преломления в своей жизни, а лишь углубляет свою веру и просветляется в философском смысле.

Говоря о целостности восприятия Андрогинна и Мефистофеля, М. Элиаде исследует, предысторию философии, досистематическую фазу развития мысли. Мифы, ритуалы и теории, раскрывающие целостность Божественного, говорят о том, что наилучший путь для постижения Бога или высшей реальности состоит, прежде всего, в том, чтобы на время «отказаться мыслить и представлять себе божество в категориях непосредственного опыта; подобный опыт позволил бы обнаружить только фрагменты и тенденции»³⁶.

Исследуя религиозные идеи у разных народов, Мирча Элиаде приходит к выводу, что только в переживании человеком единства противоположностей, происходит некое алхимическое соединение, которое приоткрывает истину на существующее положение вещей в мире. Поэтому, андрогин у Мирчи Элиаде являлся неким образцом, идеалом, потому что «ему было присуще не совмещение анатомических органов, но символическая целостность магически-религиозных сил, связанных с обоими полами»³⁷.

Таким образом, можно сделать выводы о понятии теогенезиса в творчестве Мирчи Элиаде: во-первых — происхождение идеи Бога у первобытного человека основано, прежде всего, на организации того или иного образа жизни (охота или земледелие, а позднее

³¹ Там же.

³² Там же.

³³ Там же.

³⁴ Там же.

³⁵ Плотин. Эннеады. К.: «УЦИММ-ПРЕСС», 1995-1996; К.: PSYLIB, 2003 / <http://psylib.org.ua/books/plotio1/index.htm>.

³⁶ Элиаде М. Мефистофель и Андрогин / www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psiho/eliade/index.pbp.

³⁷ Там же.

металлургия); во-вторых – большое значение имеет опыт сверхъестественного света, именно он способствует духовному рождению, и является зачастую завершающей стадией инициации; в-третьих – познание Божественного складывается из преодоления дуалистичности мира и человека; в-четвёртых – для восприятия Бога требуется алхимический акт, совершаемый посвящённым; в-пятых – исследователя занимала, прежде всего, единство идей об идее Бога, т.е. не принцип веры, а принцип культуры.

Список литературы

1. Элиаде М. Испытание лабиринтом / Беседы с Клодом-Анри Роке / Перевод с французского Старостиной А. / http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Eliade/Isp_Lab.php.
2. Лихачев В.Л. Сакральный космос юденфрай: Мирча Элиаде и «еврейский вопрос» / <http://eliade.upelsinka.com/cr2.htm>.
3. Сухачев Н.Л. Феномен духа и космос Мирчи Элиаде / Элиаде М. Азиатская алхимия. Сборник эссе / Пер. с рум., фр., англ. – М.: Янус-К, 1998.
4. Михельсон О.К. История религий и Новый гуманизм М. Элиаде / <http://eliade.upelsinka.com/cr4.htm>.
5. Дугин А.Г. Мирча Элиаде – вечное возвращение / <http://www.arcto.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=1103>.
6. <http://www.ido.edu.ru/philosophy/11.html>.
7. Забияко А.П. Сакральное как категория феноменологии религии / <http://eliade.upelsinka.com/cr3.htm>.
8. Элиаде М. Священное и мирское / Пер. с фр., предисл. и коммент. Н.К. Гарбовского. – М.: Изд-во МГУ, 1994.
9. Элиаде М. Шаманизм: Архаические техники экстаза / www.koob.ru/mircea_eliade/ecstasy_techniques.
10. Теогенезис. Третья часть древних Станиц Дзиан. Первые две, «Космогенезис», «Антропогенезис», обнародованы в «Тайной Доктрине» Е.П.Блаватской. Пер. с англ., примеч. Е.В.Фалёва, М.: «Дельфис», 2002.
11. Элиаде М. История веры и религиозных идей: От каменного века до эливсинских мистерий / Пер. с фр. Н.Н. Кулаковой, В.Р. Рокитянского, Ю.Н. Стефанова. – М.: Академический Проект, 2008.
12. Элиаде М. Мefистофель и Андрогин / www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psiho/eliade/index.pbp.
13. Плотин. Эннеады. К.: «УЦИММ-ПРЕСС», 1995-1996; К.: PSYLIB, 2003.

THEOGENESIS IN THE RELIGIOUS STUDIES CONCEPT OF MIRCEA ELIADE

M. E. Seryogin

*The Tula state
pedagogical
university n.a. I. Tolstoy*

In the given article the problem of understanding by Mircea Eliade of the origin and development of the idea of Divine is analyzed. The thesis that the understanding of the idea of God is based on hierophany is proved. The basic categories having direct value in the research of the origin and development of representations of Divine are analyzed. Concepts of sacral, androgene, photophany, cryptoreligiosity and «a myth about returning» and M. Eliade's confirming importance of this problem not only for religious studies argument, but also for the science as a whole is considered.

Key words: M.Eliade, hierophany, theogenesis, photophany, «a myth about returning», sacral and profane, theophany.

КУЛЬТУРНЫЙ ЭТОС Л.Н. ТОЛСТОГО

И. В. Рождественская

*Тульский
государственный
педагогический
университет
им. Л.Н.Толстого*

В статье рассматривается понятие культурного этоса как своеобразия культуры дворянской усадьбы, его взаимосвязь с творчеством Л.Н. Толстого, влияние усадебного топоса на формирование религиозно-нравственного учения Л.Н. Толстого через понятие «семейного этоса» как важнейшей составляющей культурного этоса Л.Н. Толстого.

Ключевые слова: дворянская усадьба, семейный этос, этос.

Культура дворянской усадьбы занимает особое место в истории России. «Классическим веком русской усадьбы можно считать тот период истории, когда она, сохраняя основные формы организации хозяйственной практики, активно заявляла соответствующие ей модели культурного поведения. Усадебный топос активно формировал зависимые от него формы ментальности. Образы пространства и образы жизни оказывались связаны типологией культурного присутствия человека — единством поведенческих жанров»¹. Культура дворянской усадьбы формировала культурный этос как совокупность географического и духовного пространства. Культурный этос связан, таким образом, 1) с географическим пространством, местоположением, которое характеризуется определенным ландшафтом; 2) это пространство, определяется наличием людей, связанных узами родства, рода, что позволяет характеризовать его как «семейное гнездо»; 3) усадебное пространство характеризуется особым патриархальным укладом хозяйственной жизни; 4) для усадеб характерен особый образ и стиль жизни его обитателей; 5) усадьба формирует культурно-исторический тип личности, характеризующийся характерной ментальностью и своеобразной моделью поведения.

Д.М. Мережковский одним из первых исследовал проблему влияния топоса на творчество Л.Н. Толстого и Достоевского, показав взаимосвязь городского и усадебного топоса на характер их художественного творчества в своей работе «Л. Толстой и Достоевский: вечные спутники».

Цель статьи заключается в том, чтобы раскрыть влияние культурного этоса на творчество Л.Н. Толстого, охарактеризовать связь усадебного топоса с формированием религиозно-нравственного учения Л.Н. Толстого, раскрыть понимание им целостности духовного и телесного, нравственного и религиозного.

Культурный этос Л.Н. Толстого связан с культурно-историческим окружением, которое определяет и во многом способствует развитию творческого потенциала великого мыслителя. Толстой любил повторять мысль о том, что Ясная Поляна — то место, в котором он физически родился и вырос, которое во многом вдохновило и воспитало его как художника и мыслителя, определило и развило творческие силы. Ясная Поляна — это старинное барское родовое гнездо было тем истоком, который дал возможность проявиться творческому и художественному гению Толстого, и его мудрости. Именно здесь, в тени яснополянских яблонь и тополей, в стремительности прямоты яснополянского прешпекта, в лоне застенчиво-прекрасной природы среднерусской полосы, рождаются те самобытные идеи и образы, которые составляют славу русской культуры.

Этос Толстого — это та среда обитания, пространство, которое представляет собой не только географическое местоположение, но, прежде всего, духовное, которое одухотворено родовыми семейными, родственными связями, отношениями, рождающими и формирующими «чувство жизни», то чувство, которое определяет человеческое духовное и нравственное начало в каждом человеке. Поэзия рождения «чувства жизни» особенно ощутима в детстве. Именно поэтому Толстой свои первые художественные впечатления и исследования чувства жизни посвящает детству в своей знаменитой трилогии.

¹ Летагин Л.Н. Усадебный ландшафт России. <http://aesthetics-herzen.narod.ru/collegium/leo/leo-land.htm>.

Этос Толстого – это место жизни, уклад и образ жизни, семья, семейные отношения, которые, формируют, развивают, питают родовыми, семейными истоками творческий гений мыслителя. Этос Толстого – это понятие не только материальное, но это понятие и духовное, в нем как бы уравновешиваются эти две составляющие человеческого бытия.

Ощущение чувства жизни для Толстого чрезвычайно важно и от того, как оно сформируется в самом истоке человеческой жизни, зависит, прежде всего, развитие и воспитание человеческой души. Ребенок, по мнению Толстого, остро чувствует настоящие истинные проявления чувств. Именно поэтому он «бережет свою душу, как веко бережет глаз, и без ключа любви никого в нее не пускает». Ребенок знает истинные проявления нравственности и добра, поэтому «притворство в чем бы то ни было не может обмануть самого умного, проникательного человека, но самый ограниченный ребенок, как бы оно ни было искусно скрываемо, узнает его и отвергается». Поэтому детство – это время, «когда две лучшие добродетели – невинная веселость и потребность любви – являются единственными побуждениями к жизни»². В детстве человек интуитивно ощущает в себе целостность чувства жизни, поэтому «дети мудрее взрослых. Ребенок не разбирает звания людей, а всей душой чувствует, что в каждом человеке живет то, что одно то же и в нем и во всех людях»³.

Чувство жизни, возникающее в начале жизни, – является тем духовным истоком, которое побуждает, дает толчок душе к первым поэтическим ощущениям бытия, в котором соединяются жизнь, смерть и рождение, истина, красота и добродетель. Толстой в своей работе «Круг чтения», в разделе «Детство» приводит высказывание любимого писателя Амиеля, в собственном переводе, что отражает в известной степени его собственное мирозерцание: «Благословенно детство, которое среди жестокости земли дает хоть немного неба. Эти восемьдесят тысяч рождений, о которых свидетельствует статистика, составляют как бы изливания невинности и свежести, которая борется не только против уничтожения рода, но и против человеческой испорченности и всеобщего заражения грехом. Все добрые чувства, вызываемые около колыбели и детства, составляют одну из тайн Провидения; уничтожьте вы эту освежающую росу, и вихрь эгоистических страстей как огнем высушит человеческое общество... Благословенно детство за то благо, которое оно дает само, и за то добро, которое оно производит, не зная и не желая этого, только заставляя, позволяя себя любить. Только благодаря ему мы видим на земле частичку рая. Благословенна и смерть. Ангелы не могут нуждаться ни в рождении, ни в смерти для того, чтобы жить; но для людей необходимо и неизбежно и то и другое»⁴.

Чувство жизни, возникающее в детстве, связано, прежде всего, с ощущением тела, телесностью. Первое воспоминание о себе, о проявлении чувства жизни связано у Толстого с младенчеством, с корытом, в котором его купают. Чувство, которое его охватывает – это чувство удивления и свободы. Эти первые воспоминания детства формируют «первые невинные ощущения» от своего маленького голого тельца с выступающими ребрами». И в то же самое время с чувством глубокого удивления, возмущения и даже гнева младенческое ощущение несвободы и зависимости, связанные с пеленанием, «пленением тела», пленением свободы.

Согласно Толстому это первые ощущения телесности, своего тела, первое осознание душой тела как своего вместилища. Толстой постоянно подчеркивает, что духовное и телесное проявляются только в целостном единстве: «Говорить, что то, что мы называем собою, есть только тело, что и мой разум, и моя душа, и моя любовь, все только от тела, говорить так, все равно, что говорить, что то, что мы называем нашим телом, есть только та пища, которой питается тело. Правда, что тело мое это только переделанная телом пища и что без пищи не было бы тела, но тело мое не пища. Пища это то, что нужно для жизни тела, но не тело. То же и про душу. Правда, что без моего тела не было бы того, что я называю душой, но все-таки душа моя не тело. Тело только нужно для души, но тело не душа. Не было бы души, я бы и не знал, что такое мое тело. Начало жизни не в теле, а в душе»⁵.

² Толстой Л.Н. Круг чтения. М., Изд-во политической литературы, 1991. С. 18.

³ Толстой Л.Н. Путь жизни. М., Республика, 1993. С. 35.

⁴ Толстой Л.Н. Круг чтения. С. 17.

⁵ Толстой Л.Н. Путь жизни. С. 24.

Ключевую роль в формировании религиозной философии Толстого сыграл семейный этос. Именно он явился одним из истоков развития его идеи непротivления. Пространство семейной жизни мыслитель воспринимает одновременно и как стимул для духовного совершенствования и как препятствие для нравственного роста. Эта противоречивость его восприятия семейного этоса является выражением кризиса патриархальной семейственности.

Семейный этос, по мнению Толстого, являясь препятствием для духовного роста личности, связан с грехом, в силу того, что он усиливает и оправдывает такие негативные с нравственной точки зрения чувства человека как стремление к обогащению, завладением собственностью. Более того, безнравственность семейного соблазна⁶ заключается в оправдании этого греха, который состоит в том, что человек, делая грехи, оправдывает их благом своих детей»⁷. В то же самое время «особое коварство «семейного соблазна» состоит в том, что, если любить врагов, чужих, немилых людей можно без осторожности, вполне отдаваясь этой любви, то нельзя так любить семейных, потому что такая любовь ведет к ослеплению и оправданию грехов»⁸.

Толстой понимает, что семейный соблазн связан с тяжелыми нравственными испытаниями и нравственными уроками, ориентирующими на духовный рост личности. Он приходит к выводу, что семейный соблазн мотивирует развитие таких добродетелей как терпение, смирение, выражающих действие принципа непротivление злumu: «Грехи, соблазны и суеверия – это та земля, которая должна покрывать семена любви для того, чтобы они могли взойти», поэтому «борьба с ними и победа над ними – в этом смысл и радость человеческой жизни»⁹.

«Тяжесть от пустой, роскошной, лживой московской жизни и от тяжелых или, скорее, отсутствующих отношений с женой... Господи, помоги мне. Научи меня, как нести этот крест. Я все готовлюсь к тому кресту, который знаю: к тюрьме, виселице, а тут совсем другой – новый, про который я не знаю, как его нести. Главная особенность и новизна его та, что я поставлен в положение невольного, принужденного юродства, что я должен своей жизнью губить то, для чего одного я живу, должен этой жизнью отталкивать людей от той истины, уяснение которой дороже мне жизни. Должно быть, я дрянь. Я не могу разорвать всех этих скверных паутинок, которые сковали меня. И не от того, что нет сил, а оттого, что нравственно не могу; мне жалко тех пауков, которые ткали эти нити»¹⁰.

Это высказывание подчеркивает то, что Толстой понимает, что труднее всего любить и прощать близким людям, поэтому та «духовная стена», которая вырастает между близкими людьми в семье в результате гнева, обид и непонимания, – ужаснее и страшнее всего. Однако узы родства, родственная близость не позволяют считать домашних врагами и злодеями. Поэтому именно эти родственные, кровные узы должны заставить терпеть в семье обиды, забывать зло, увидеть, что оно происходит не от силы, а от слабости человека, его незнания и непонимания добра, блага.

«Стало мне ясно, – пишет Толстой, – что в существующем зле не только нельзя обвинять никого, но что именно обвинения людей и делают все зло. Вспомнил Марка Аврелия или Эпиктета (не помню), который говорит, что на делающего зло не только нельзя, не должно сердиться, но его-то и жалеть надо. А тут сердятся на людей, воспитанных в том, что хозяйственность – добродетель, что хорошо наживать, не проматывать отцовское, дедовское... Надо войти в положение людей и судить людей исходя из того, что мы все люди, все братья, и нам надо судить себя, а не других»¹¹.

⁶ «Люди, вступая в семейную связь, преимущественно женщины, бывают склонны думать, что их любовь к своей семье, к детям и есть то самое, чего требует от них их разумное сознание, и что поэтому, если в семейной жизни приходится совершать грехи для удовлетворения потребностей семьи, то эти грехи простительны». Толстой Л.Н. Христианское учение // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 24 т.М., 1913. Т. XV. С. 209.

⁷ Там же. С. 208.

⁸ Мелешко Е.Д. Христианская этика Л.Н. Толстого. М., «Наука», 2005. С. 212.

⁹ Толстой Л.Н. Путь жизни. С. 81.

¹⁰ Толстой Л.Н. Дневники 1847-1894. С. 500.

¹¹ Толстой Л.Н. Дневники 1847-1894. С. 213.

Таким образом, терпение и терпимость к слабостям домашних, смирение и непротавление перед обидами представляет собой своеобразный семейный этический кодекс, который в последующем перерастает в мировоззрение Толстого в культурную детерминанту модели социальных отношений: «Ветвь, отрезанная от своего сучка, тем самым отделилась от целого дерева. Так и человек при раздоре с другим человеком отрывается и от всего человечества. Но ветвь отсекается чужой рукой, человек же сам своей ненавистью отрезает себя от ближнего своего и не думает о том, что он этим отрывает себя от всего человечества»¹².

Семейный этос, родственные узы, а главное, семейные отношения и поведение в семье особенно важны для Толстого, так как в этих отношениях, мотивации и поведении проявляется универсальность системы социальных отношений, что требует «абсолютного отказа от насилия Ненасилие Толстого, осмысленное в качестве интеллектуальной позиции, умещается в один простой силлогизм: Все люди – братья. Враги (те, кого мы считаем врагами) – люди. Враги – братья»¹³.

Следовательно, непротавление злему есть, также то средство, которое дает возможность противостояния конфликтам, которые в своей совокупности представляют собой побуждение, мотивацию к совершению зла. Поэтому семейный этос Толстого представляет собой своего рода проекцию кантовского «вечного мира» в семейных отношениях.

В то же самое время семейный опыт явился главным фактором тактики поведения и всего образа жизни Толстого, определившим характер, содержание семейного этоса.

Этот семейный опыт Толстого проявляется через конфликты, которые происходят в семье, в совокупности своей представляющие семейное зло, как «непосредственная причина, побудившая его встать на позиции непротавления, явился конфликт собственности в семье Толстого»¹⁴.

В конце 80-х годов Толстой разочаровывается в филантропии и благотворительности, о чем он напишет в статьях, посвященных голоду и в работе «Так что же нам делать?». Главная причина, которая порождает грех собственности, является, по мнению мыслителя, суеверие собственности. Суеверие собственности¹⁵ – есть привычка сознания представлять, что собственность является неотъемлемой частью жизни и культуры. Собственность, по мнению Толстого, есть заблуждение разума, приверженность людей представлять, что «так же, как право собственности на жену, сына, раба, лошадь, есть фикция, которая уничтожается действительностью и только заставляет страдать того, кто верит в нее, потому что жена, сын никогда не будут подчиняться моей воле, точно также и собственность денег и всяких внешних предметов никогда не будут собственностью, а только обманом самого себя и источником страданий, а собственностью останется только мое тело, то, что всегда подчиняется мне и связано с моим сознанием»¹⁶. Толстой приходит к выводу, что именно «собственность есть корень зла». Толстой ставит перед собой задачу избавиться от «суеверия собственности», раздать имущество и сделаться нищим, подобно Франциску Ассизскому, чтобы иметь право беспрепятственно делать добро.

«Об отношении к своему состоянию, – пишет Берс, – Лев Николаевич говорил мне, что он хотел избавиться от него, как от зла, которое тяготило его при его убеждениях; но он поступал сначала неправильно, желая перенести это зло на другого, то есть непременно раздать его, и этим породил другое зло, а именно -- энергический протест и большое неудовольствие своей жены. Вследствие этого он предлагал ей перевести все состояние на ее имя, и когда она отказалась, он то же, и безуспешно, предлагал своим детям». Поэтому «не желая противиться жене насилием, он стал относиться к своей собственности так, как будто ее не существует, и отказаться от своего состояния, стал игнорировать свою судьбу и перестал им пользоваться, если не считать того, что они живут под кровлею яснополянского дома»¹⁷.

¹² Толстой Л.Н. Путь жизни. С. 42.

¹³ Гусейнов А.А. Ненасилие как интеллектуальная позиция// Л.Н. Толстой и традиция ненасилия в двадцатом веке: (Материалы симпозиума). М.,1996. С. 6-7.

¹⁴ Мелешко Е.Д. Христианская этика Л.Н. Толстого. С. 215.

¹⁵ Определяя понятия соблазна и суеверия, Толстой пишет: «От тела – грехи, от мнения людей соблазны, от недоверия своему разуму – суеверия»//Толстой Л.Н. Путь жизни. С. 77.

¹⁶ Толстой Л.Н. Так что же нам делать?//Толстой Л.Н. Полн.собр. соч.: в 24 т.М., 1913. Т.17. С. 61.

¹⁷ Берс С.А. Воспоминания о графе Л.Н. Толстом (в октябре и ноябре 1891 г.). Смоленск. 1893 Цит. По: Мережковский Д.С. Л.Толстой и Достоевский: вечные спутники. С. 27.

Конфликт собственности побудил Толстого впоследствии оставить дом, Ясную Поляну и уйти в вечность.

В то же самое время конфликт собственности был постоянным стимулом, мотивом нравственного самосовершенствования. Хотя «совершенство нравственное недостижимо,- пишет он, – но приближение к нему есть закон жизни человеческой»¹⁸. Поэтому «последствия внешние не в нашей воле, но усилие всегда возможно, и благотворные внутренние последствия всегда сопутствуют усилию»¹⁹.

Исполняя закон самосовершенствования, Толстой понимал, что его исполнение зависит от степени усилий – постоянной внутренней работы. По мнению мыслителя «усилия – не средство достижения блага, но сами усилия дают благо»²⁰. Усилия эти направлены на преобразование души. Мережковский, подчеркивая это, пишет: «вся жизнь и смерть его – одно усилие бесконечное...изнемогает, падает. Да, если кто-нибудь восхищал Царство Божие усилием, то это – он. Не святой, не пророк, не учитель, а рабочий, черно-рабочий, поденщик Христов»²¹.

Список литературы

1. Толстой Л.Н. Круг чтения. М., Изд-во политической литературы, 1991.
2. Толстой Л.Н. Путь жизни. М., Республика, 1993.
3. Толстой Л.Н. Христианское учение Полн.собр. соч.: в 24 т.М., 1913. Т.XV.
4. Мелешко Е.Д. Христианская этика Л.Н. Толстого. М., «Наука», 2005.
5. Толстой Л.Н. Дневники 1847-1894.
6. Гусейнов А.А. Ненасилие как интеллектуальная позиция// Л.Н. Толстой и традиция ненасилия в двадцатом веке: (Материалы симпозиума). М.,1996.
7. Толстой Л.Н. Так что же нам делать Полн.собр. соч.: в 24 т.М., 1913.
8. Берс С.А. Воспоминания о графе Л.Н. Толстом (в октябре и ноябре 1891 г.). Смоленск. 1893 Цит. По: Мережковский Д.С. Л.Толстой и Достоевский: вечные спутники.
9. Мережковский Д.С. Поденщик Христов//Русские мыслители о Льве Толстом. Сб. статей. Ясная Поляна. 2002.
10. Толстой и традиции ненасилия в двадцатом веке: (Материалы симпозиума). М., 1996.

L.N. TOLSTOY'S CULTURAL ETHOS

The article deals with the notion of cultural ethos as a peculiarity of nobility manor. Its interrelation with L.N. Tolstoy's work, the inference of manor ethos on Tolstoy's moral-religious theory through the notion of "family ethos" as one of the most important components of the cultural ethos of L.N. Tolstoy.

I. V. Roshdestvenskaya

The Tula state pedagogical university n.a. l. Tolstoy

Key words: nobility, manor, family ethos, ethos.

¹⁸ Толстой Л.Н. Круг чтения. М., Республика,1993.Т. 2. С. 174.

¹⁹ Там же. Т.2. С. 175.

²⁰ Там же. Т.2. С. 12.

²¹ Мережковский Д.С. Поденщик Христов//Русские мыслители о Льве Толстом. Сб. статей. Ясная Поляна. 2002. С. 458.

СОЦИАЛЬНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА СПЕЦИАЛИСТА: ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ

И. В. Мамина

*Белгородский
государственный
университет*

Данная статья представляет собой отчёт о работе круглого стола «Формирование и развитие социально-технологической культуры специалистов», проведённой 15-16 сентября 2009 года в Белгородском государственном университете.

Ключевые слова: конференция, социально-технологическая культура, социально-технологическая деятельность, социокультурная среда, социально-технологический потенциал, социальные технологии, молодежь, образование.

Быстро меняющиеся социально-экономические условия современного мира ставят перед управлением новые цели и задачи, несопоставимые по своим масштабам, сложности и комплексности теми задачами, которые приходилось решать ранее. Следствием увеличения скорости развития и глобализации общественных, технологических, информационных процессов социума третьего тысячелетия является эффект повышения влияния поведения субъектов управления на устойчивость жизни и развитие всего человечества. Поэтому профессиональное владение управленческими технологиями, и в первую очередь социальными, в сочетании с общей менеджерской культурой и индексом управленческой мысли, определяют успешность деятельности любой организации.

Назрела острая потребность в обновлении методов управления, в разработке инновационных наукоемких социальных технологий в целом и технологий социального управления и самоуправления в частности. Причем речь идет о придании новых форм наименования старым, бюрократическим процедурам и операциям, а о качественно новом переосмыслении социальных, управленческих технологий, о формировании новой управленческой ментальности, основанной на высоком уровне социально-технологической культуры.

Исследование данного феномена XXI века представляет собой одно из приоритетных направлений белгородской школы социологов, работающей в постоянном взаимодействии с ведущими научными центрами России.

Для этой школы характерно последовательное выстраивание системы исследования социальных технологий, их внедрения, формирования и развития социально-технологической технологической культуры. В Белгороде была создана первая в стране кафедра социальных технологий, которая сначала функционировала на базе Белгородского технологического института строительных материалов, а в настоящее время функционирует на базе Белгородского государственного университета. Создание кафедры означало разработку инновационного научного направления, востребованного социальной практикой и общественной теорией. В настоящее время кафедра является базовой для реализации образовательных программ по специальностям: «Социология»; «Государст-

венное и муниципальное управление»; «Организация работы с молодежью». В 2009 – 2010 учебном году на кафедре начинается реализация магистерских программ «Государственное и муниципальное управление»; «Управление проектами»; «Государственная политика и управление»; «Менеджмент по связям с общественностью».

В 2007 году в университете был создан Центр социальных технологий, задачей которого является проведение научных исследований и разработка практических рекомендаций, обеспечивающих практическую реализацию теоретических выводов и аналитических моделей.

В результате за последние, практически, двадцать лет в Белгороде сформировалась известная в стране и за рубежом школа исследователей, успешно разрабатывающих проблемы социальных технологий и социально-технологической культуры и внедряющих результаты научных исследований в практику управления социальными процессами. В ходе этой деятельности ученые БелГУ успешно сотрудничают с крупнейшими вузами России и других стран. К их числу относятся в России Московский государственный университет, Санкт-Петербургский государственный университет, Нижегородский государственный университет; Московский государственный социальный университет, Российская академия государственной службы при Президенте России, Институт социально-политических исследований РАН, а также Мичиганский и Луисвилльский университеты (США); Бременский университет (Германия); Университет г. Ополе (Польша), Остравский университет (Чехия); Дэджоуский университет (Китай); Харьковский государственный университет (Украина).

Очередным, своего рода рубежным этапом научных исследований, стало проведение в Белгородском государственном университете круглого стола «Формирование и развитие социально-технологической культуры специалиста» 15 сентября 2009 года. Круглый стол в очередной раз подтвердил актуальность и значимость проблемы развития социально – технологической культуры у специалистов. В проведении круглого стола приняли участие лидеры современной российской социологической науки из Российской академии наук, Московского государственного университета, Белгородского государственного университета, редакторы ведущих социологических журналов. В числе гостей доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, главный редактор журнала «СОЦИС» **Жан Терентьевич Тощенко**, заместитель директора по международным связям Института социологии РАН, Президент Российского Общества Социологов **Валерий Андреевич Мансуров**; декан Социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, Президент Российской Социологической Ассоциации **Владимир Иванович Добренков**; зав.отделом Института социально – политических исследований Российской академии наук, доктор социологических наук, профессор **Юлия Альбертовна Зубок**; ведущий сотрудник Института социально – политических исследований РАН, доктор социологических наук, профессор **Владимир Ильич Чупров**; заведующий кафедрой социологии и управления персоналом «МАТИ» – Российского государственного технологического университета им. К.Э. Циолковского, доктор социологических наук, профессор **Иван Сергеевич Болотин**; ответственный секретарь журнала «Социология образования», кандидат философских наук **Иван Евдокимович Задорожнюк**.

Открыл заседание ректор БелГУ доктор социологических наук, профессор, академик Академии социальных наук **Леонид Яковлевич Дятченко**. Он подчеркнул, что, проблема формирования и развития социально-технологической культуры приобрела для современного общества глобальный характер, однако многие аспекты данного феномена крайне мало исследованы в зарубежной и отечественной социологической литературе. До настоящего времени остается далеко не очевидным ответ на вопрос: как сопрягается идея и практика применения социальных технологий с перспективами развития общества. В нестабильном социуме крайне остро стоит проблема включения организации, человека в социальное пространство, в ситуацию быстрого принятия правильных решений. Однако в условиях экспоненциального нарастания информационных потоков, все усложняющейся социокультурной ситуации, когда необходима нетривиальная деятельность, у человека зачастую нет эффективных механизмов решения социальных проблем. Набор действий, основанный на традиционной праксеологии, который в прошлом давал хороший результат, уже не позволяет успешно решать задачи. Современная социальная реальность

требует принципиально иных методов ее познания и преобразования, научной методологии преобразования действительности. Необходимо системное решение проблем, которое включает в себя учет как технологических, так и социальных, культурных, интеллектуальных, антропологических, нравственно – этических аспектов проблемы.

Такое решение, подчеркнул докладчик, возможно лишь при условии овладения основами социально-технологической культуры. Социальные технологии – это неизбежный путь развития социологии, без движения по которому невозможно решить ни один управленческий вопрос. В отличие от многих составляющих культуры социально-технологическая культура является процессом сознательной деятельности людей, достигших определенного уровня рациональности, поставивших задачу не просто оптимизировать свою жизнедеятельность, но сделать это на основе согласования базисных ценностей и диалога между акторами социального пространства. Для этого следует развивать социологическую школу в России, в том числе и на базе Белгородского государственного университета.

Далее слово было предоставлено заведующей кафедрой менеджмента и социальных технологий Липецкого государственного педагогического университета, кандидату социологических наук, доценту **Ирине Викторовне Бурмыкиной**, которая отметила, что современная технологическая реальность характеризуется бурным ростом и планетарным распространением технологий, преобразовывающих все сферы жизни общества. В этой связи возникает острая потребность в менеджерах, способных разрабатывать способы и процедуры оптимизации жизнедеятельности человека в условиях возрастающей динамики и взаимозависимости социальных процессов, социальные технологии гармонизации отношений в системе природа – человек – социум. Такой специалист в системе управления должен уметь выполнять глубокий анализ социальных систем, ставить задачи социального управления социальными системами различного класса, правильно выбрать методы их решения с использованием современных информационных технологий, разрабатывать социальные технологии, призванные гармонизировать социокультурную среду, а также находить при ограниченных ресурсах оптимальное решение поставленной задачи. И.В. Бурмыкина отметила, что порой из стен вуза выходят специалисты, которые практически не умеют применять социально – технологические знания в профессиональной деятельности. Для решения этой проблемы, по ее мнению, требуется пересмотр системы и форм профессионального образования в области менеджмента, повышения качества образования.

Профессор **Жан Терентьевич Тощенко** отметил важность развития технической культуры в современном обществе. Он отметил, что в современных условиях все большее значение отводится развитию технологических процессов и формированию на его основе технологического обеспечения управленческой деятельности. Уровень овладения технической культурой, по его мнению, – это уровень развития общества на основе целесообразной и эффективной преобразовательной деятельности людей, совокупность достигнутых технологий в материальном и духовном производстве. Ж.Т. Тощенко особо подчеркнул, что необходимо развивать технические знания современных специалистов, выделяя различные аспекты рассматриваемого явления.

Президент Российского Общества Социологов **Валерий Андреевич Мансуров** отметил, что за последние десятилетия, разрушилась тесная взаимосвязь между политическим, экономическим и культурным стратификационными измерениями. Привнесение логики рынка в российскую реальность привело к рассогласованию социального статуса многих профессиональных групп, но в то же время, открыло для них новые возможности для осуществления групповой социальной мобильности, переопределения собственного статуса в государственном секторе и конструирования новых позиций на рынке труда. В связи с этим актуальным становится вопрос об адекватных методологических схемах, которые позволят точно описать особенности социального статуса различных профессиональных групп, а также предложить технологии увеличения имеющихся в их распоряжении ресурсов и способы их преобразования в реальные рыночные возможности. По мнению автора, в постперестроечной России социологи компенсировали недостаток исследований, направленных на изучение экономического статуса профессионалов. И этот дефицит целесообразно восполнить.

Декан Социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова **Владимир Иванович Добреньков** подчеркнул важность модернизации образования именно в интересах подготовки хорошего специалиста. Обратившись к проблеме содержания образования, в рамках единого государственного экзамена, Владимир Иванович заявил, что у чиновников, участвующих в его введении, недостаточно знаний о социально-технологической культуре. Задача социологов заключается в том, чтобы помочь сформировать социально-технологическую культуру общества. Существенной проблемой подготовки специалистов он считает то, что в настоящее время не выстроено «единой цепи» профессионального обучения и последующего профессионального развития специалистов в области социальных технологий. В свою очередь это предусматривает разработку теоретических и методических основ развития и совершенствования системы подготовки специалистов; долгосрочное планирование объемов подготовки специалистов по изучению социально-технологической культуры; разработку проектов государственных образовательных стандартов, базовых учебных планов и программ для подготовки, переподготовки, повышения квалификации управленцев.

В рамках заседания круглого стола обсуждались такие темы как «Концептуально – методологические аспекты современной социально – технологической деятельности», «Формирование социально – технологической культуры в системе образования», «Проектирование социальных технологий управления качеством образования» и «Социально-технологическая культура молодежи».

В процессе заседания круглого стола ученые высказали общее мнение, что работу по формированию категориального аппарата теории социально – технологической культуры необходимо продолжить.

При этом тема формирования социально – технологической культуры в российском обществе, в том числе в молодежной среде не должна обсуждаться лишь на уровне работников образования. Целесообразно продолжить практику ее рассмотрения на научно-практических конференциях, к участию в которых следует более активно привлекать молодежные организации, средства массовой информации, работников органов государственного и муниципального управления.

Выступающие отмечали: социально-технологический вектор развития современного общества характеризуется все более основательным интересом наук к проблематике взаимодействия человека, общества и природы. Этот интерес стимулируется изменением темпов общественного развития и социального прогресса. Преодоление кризиса в обществе не без оснований связывается с качеством управления, развертыванием широкого процесса самоуправления. Но для этого необходимо проектировать и налаживать новые механизмы социального управления, уточнять цели обновления российского общества.

Принимавшие участие в круглом столе специалисты были единодушны в том мнении, что практику подобных обсуждений необходимо развивать, они должны стать ежегодными, а формат круглого стола целесообразно расширить.

SOCIO-TECHNOLOGICAL CULTURE SPECIALIST: PROBLEMS OF FORMATION AND DEVELOPMENT

I. V. Mamina

*Belgorod State
University*

This article represents the proceedings of the roundtable «The formation and development of socio-cultural technology professionals», held 15 -16 September 2009 in the Belgorod State University.

Key words: conference, social-technological culture, and social-technological activities, socio-cultural environment, socio-technological potential, social, technology, youth, education.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ Л.В. КОЛПИНОЙ «ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ЗДОРОВЬЯ ЛИЧНОСТИ»¹

Е. В. Реутов

*Белгородский
государственный
университет*

Несмотря на всю значимость здоровья для нормальной жизнедеятельности человека, смысл данной категории и в настоящее время недостаточно прояснен. А наиболее распространенной дефиницией здоровья является «отсутствие болезни». Еще большая неясность характерна для центрального понятия монографии Л.В. Колпиной – «социальное здоровье».

Монография «Теоретико-методологические основы исследования социального здоровья личности» посвящена актуальной в научном плане проблеме – методологическому обоснованию необходимости использования категории «социального здоровья» применительно к личности.

Начинается работа с анализа социально-исторических предпосылок актуализации проблематики социального здоровья. Все причины выделения из «социальной ткани» феномена социального здоровья и, в связи с этим, формирования указанной теоретической категории, автор объединил в три группы: цивилизационные, социально-субъектные и личностно-демографические. Указывая на то, что категория социального здоровья относительно недавно стала входить в социологический обиход, автором указывается на важность в данном контексте осознания факта «нездоровья» современного общества. Подтверждение этой мысли, в частности, мы находим в трудах П. Штомпки, в которых он говорит о разочаровании в идеи социального прогресса как вектора позитивного развития общества. В середине XX в., – пишет исследователь, – мы стали свидетелями роста влияния парадигмы кризиса. В конце XX века в средствах массовой информации, в выступлениях политических деятелей, повседневной жизни часто звучит слово «травма», относимое не только к больницам и психиатрическим палатам. Новая парадигма – парадигма травмы, медленно внедряется в сферу гуманитарных и социальных наук². В другой своей работе он раскрывает эту тему: в результате исторических и интеллектуальных пе-

¹ См.: Колпина Л.В. Теоретико-методологические основы исследования социального здоровья личности. – М.: Изд-во СГУ, 2009. 180 с.

² См.: Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социологические исследования. – 2001. – № 1. С. 6 – 16.

рипетий концепция прогресса была заменена концепцией кризиса. Это справедливо для всего общественного сознания, в котором преобладают пессимистические взгляды на социальную реальность, причем не только в слаборазвитых бедных странах, но также в ведущих и процветающих. Люди привыкают мыслить в терминах локального или всеобщего кризиса – экономического, политического, культурного. Это справедливо и для социальной науки, в которой также доминирует критическое рассмотрение текущих процессов в терминах кризиса³.

Основные причины такого кризисного сознания – масштабы и диссипативность современного общества, нелинейность процессов, происходящих в нем, обезличенность политико-административного механизма управления, низкая степень контроля за этими процессами со стороны широких масс населения, которое превращает их в «анонимные, механические объединения нанимателей, клерков, избирателей, покупателей или зрителей»⁴; дезинтегрирующее воздействия индустриализации, урбанизации и глобализации, когда «по мере роста городов и массовых коммуникаций возрастает одиночество человека, усиливается конфликт между человеком как субъектом общения и обезличенностью в сфере общения современного общества, ... конфликт между личностью и стандартизацией, обезличиванием образа ее жизни». Причем, «конформизм не только не устраняет одиночества, но, напротив, его усиливает»⁵. «Человек построил свой мир; он построил дома и заводы, производит автомашины и одежду, выращивает хлеб и плоды. Но он отчужден от продуктов своего труда, он больше не хозяин построенного им мира, наоборот, этот мир, созданный человеком, превратился в хозяина»⁶.

От анализа глобальной ситуации, предопределяющей внесение концепта социального здоровья в социологическую науку, автор переходит к описанию современных российских реалий, позволяющих выявить значимость проблематики для отечественной науки. Так, М. Горшков подчеркивает наличие тревожных тенденций расширения социальной эксклюзии уязвимых групп из нормальной жизнедеятельности общества, вызванной характером социальной политики государства, которое должно, по его мнению, нести ответственность за социальные риски и их последствия, а не возлагать их на человека без предоставления ему рычагов и механизмов реализации этой ответственности, прежде всего, через возможности эффективной занятости, усвоение навыков поведения в условиях рыночной экономики⁷.

И если указанные предпосылки исходят из констатации «нездоровья» как антипода «здоровья», и поэтому важны для внедрения новой исследовательской парадигмы, то вторая группа социально-исторических предпосылок фиксирует внимание на социальности как на второй составляющей категории. И здесь автор отмечает те особенности современного общества, в том числе, современного российского общества, которые детерминируют специфические требования к социальным характеристикам человека, когда ответственность за общественные процессы все в большей степени является атрибутом личности; ее самореализация и социальное творчество становятся условиями развития общества, а характеристики социальности – важной составляющей здоровья индивида.

В работе проанализированы генезис понятия «социальное здоровье», проблемы концептуализации исследуемого феномена. Категория социального здоровья выделена из группы смежных категорий, предложено его социологическое определение и проанализированы современные подходы к его интерпретации.

Интерпретируя категорию социального здоровья, автор исходит из комплекса научных парадигм:

- психологической (гуманистическая и экзистенциальная парадигмы, концепции ассертивности, статусная концепция личности),
- обществоведческой в широком смысле (концепция гражданского общества, гражданской и политической культуры);

³ Штомпка П. Социология социальных изменений. – М.: Аспект-Пресс, 1996. С. 58-59.

⁴ Там же. С.111.

⁵ Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. – СПб.: Питер, 2001. С.245.

⁶ Фромм Э. Бегство от свободы // www.koob.ru – Систем. требования: IBM PC, Internet Explorer.

⁷ См.: Горшков М. Социальная ситуация в России в фокусе общественного мнения // Социологические исследования. – №12. – 2006. – С. 3-13.

– социологической (теории социальных изменений, социальной мобильности, социального капитала, статусного капитала, социального самочувствия и настроения).
– медицинской (здравоцентрическая парадигма).

Автор акцентирует внимание на междисциплинарном характере исследуемой проблемы и необходимость объединения разрозненных данных, полученных в рамках различных научных направлений и теоретико-методологических подходов, в связи с чем предпринимается попытка их интеграции посредством помещения в социологический дискурс.

В работе обосновывается функциональный подход к определению здоровья вообще, и социального здоровья, в частности. На основании анализа обширного теоретического и эмпирического материала автор предлагает структурную и факторную модели социального здоровья личности, позволяющие обосновать оригинальную концепцию социального здоровья.

Примеряя категорию социального здоровья к современной социальной ситуации в России, автор отмечает, что неразвитость институтов гражданского общества и демократических механизмов управления не позволяет большей части населения реализовывать свои потребности, цели и ценности социально приемлемым и полезным образом. Но, с другой стороны, и для самих людей несформированность публичных каналов презентации своих интересов в массе своей не является рефлекслируемой проблемой.

Иначе говоря, если рассматривать социальное здоровье личности в габитуальном ключе, как способность человека достигать своих целей, ценностей и потребностей путем взаимодействия с обществом на основе осознанного целеполагания, то возникает необходимость овладения населением определенного набора компетенций, позволяющих осуществить эту деятельность, а также – адекватного целям и задачам уровня и качества информации. Однако осознанное целеполагание, по мнению автора, является ресурсом лишь в том случае, если человек имеет достоверную, достаточную и своевременную информацию о процессах или явлениях, в рамках которых осуществляется его деятельность, а, главное, стремится к ее получению. Соответственно, способность человека к реализации своих целей, ценностей и потребностей снижается в условиях затрудненного доступа к информации или ее искажения.

При этом автор делает достаточно оптимистический вывод о том, что «результатом кардинальных общественных изменений явилась потребность в новом типе общественных отношений, диктующих необходимость адекватных общественной ситуации характеристик социальности личности, и, как следствие, задачу конструирования нормативной модели современной личности и, далее, концепции социального здоровья населения, включающей в себя выявление таких характеристик, и детерминант и механизмов их формирования»⁸, конституируя, таким образом, наличие общественного запроса на внедрение концепта «социальное здоровье» и в социальные исследования, и в практику государственного и муниципального управления.

В построении собственной модели социального здоровья автор опровергает сложившиеся в настоящее время концепции, в соответствии с которыми выделяют два уровня социальности здоровья: личностный – комплекс социальных экзогенных причин, влияющих на возможность человека реализовать свой потенциал, который актуализируется в социальных связях, месте и роли человека в решении социальных задач, степени реализации им общественных интересов, и, в конечном итоге, определяют уровень его социальной адаптивности, и социумный – как социальные эндогенные характеристики жизнедеятельности общества, выражающие его состояние в экономической, политической, правовой, нравственной и других сферах. Автор указывает на некорректность применения категории «социального здоровья» по отношению к обществу, считая его в данном случае лишь метафорой, суть которой передают иные вполне устоявшиеся научные понятия – интеграция, солидарность, эффективность социальных институтов и др. Еще более некорректным, с точки зрения автора, является использование категории «социальное здоровье» по отношению к оценке здоровья населения.

⁸. Колпина Л.В. Теоретико-методологические основы исследования социального здоровья личности. – М.: Изд-во СГУ, 2009. С. 53-54.

В итоге, формулируя дефиницию социального здоровья, Л.В. Колпина исходит из базового набора критериев, имеющих ключевой характер. С ее точки зрения, категорию социального здоровья выражает:

- социальная инклюзия личности (включенность в социетальные сферы, в различного уровня социальные связи и отношения) и социальное доверие;
- удовлетворенность личности характеристиками включенности в социетальные сферы, которая в конечном итоге выражается в удовлетворенности социальным статусом, в тех возможностях, которые предоставляет социальный статус;
- доступность социальных ресурсов и возможность влияния на их формирование и распределение;
- характеристики социальной активности (переход от пассивной адаптации к активной посредством целенаправленного саморазвития), социально преобразующая деятельность – социальное творчество; деятельность, основанная на осознании собственной социальной миссии;
- социальная направленность указанных характеристик (социальную, асоциальную, антисоциальную – по степени когерентности индивидуальных и общественных потребностей и ценностей);
- потенциал социальной мобильности – возможность поддержания или изменения своего статуса в соответствии с индивидуальными потребностями и способностями (набор личностных и профессиональных компетенций, с одной стороны, и их соответствие «общественному запросу», с другой);
- степень управляемости ситуацией как возможность социального субъекта планировать, прогнозировать свою жизнь и целенаправленно воздействовать на нее.

В итоге Л.В. Колпина формулирует определение социального здоровья **как** детерминируемого индивидуальными особенностями и социальной ситуацией взаимоотношения социального субъекта с социальной средой, выражающегося в субъективной и объективной достаточности его социального статуса для реализации своих потребностей, целей и ценностей в процессе социального взаимодействия в соответствии с общественными ожиданиями. Основными структурными компонентами социального здоровья являются: социальная адаптация, самореализация, социальное творчество, социальная миссия.

И здесь автор проводит параллель с гражданским обществом, с его точки зрения, и являющимся тем состоянием социума, которое в наибольшей степени соответствует социально здоровой личности.

Представляя же социальное здоровье личности как объект управленческого воздействия, автор в качестве базовых направлений социальных технологий указывает на актуализацию личностного потенциала и самореализации и развитие социального творчества как элемента реализации социальной миссии. И в этом отношении рецензируемая монография является открытой в том смысле, что не дает ответа о конкретных управленческих механизмах, не определяет комплекс практических рекомендаций, следуя которым можно было бы реализовать соответствующие социальные программы. Это, с одной стороны, является достоинством работы, поскольку автор остается в пределах сформулированной им темы – «Теоретико-методологические основы исследования социального здоровья личности». С другой стороны – заставляет ожидать продолжения работы по заявленному направлению, поскольку автор сумел убедить читателя в актуальности данной проблемы не только в научном, но и в практическом, прикладном смысле.

Список литературы

1. Колпина, Л.В. Теоретико-методологические основы исследования социального здоровья личности [Текст] / Л.В. Колпина. – М.: Изд-во СГУ, 2009. 180 с.
2. Штомпка, П. Социальное изменение как травма [Текст] // П. Штомпка / Социологические исследования. – 2001. – № 1. – С. 6 – 16.
3. Штомпка, П. Социология социальных изменений [Текст] / П. Штомпка. – М.: Аспект-Пресс, 1996. – 415 с.
4. Штомпка, П. Социология социальных изменений [Текст] / П. Штомпка. – М.: Аспект-Пресс, 1996. – 415 с.

5. Ананьев, Б.Г. Человек как предмет познания [Текст] / Г. Ананьев. – СПб.: Питер, 2001. – 245 с.
6. Фромм, Э. Бегство от свободы [Электронный ресурс] / Э. Фромм // Режим доступа к изд.: www.koob.ru – Систем. требования: IBM PC, Internet Explorer.
7. Горшков, М. Социальная ситуация в России в фокусе общественного мнения [Текст] / М. Горшков // Социологические исследования. – №12. – 2006. С. 3 – 13.
8. Колпина, Л.В. Теоретико-методологические основы исследования социального здоровья личности [Текст] / Л.В. Колпина. – М.: Изд-во СГУ, 2009. – 180 с.

**THE REVIEW
ON THE MONOGRAPHY BY L. KOLPINA
«THE THEORETICO-METHODOLOGICAL BASES
OF PERSON'S SOCIAL HEALTH RESEARCHES»**

E. V. Reutov

*Belgorod State
University*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Алексеева О.И.** кандидат философских наук, доцент кафедры народного хора Белгородского государственного института культуры
- Аторин Р.Ю.** аспирант кафедры философии Белгородского государственного университета
- Башкатова О.В.** соискатель кафедры социальных технологий ИГМУ Белгородского государственного университета
- Белая И.В.** кандидат философских наук, старший научный сотрудник Центра синологических исследований Амурского государственного университета
- Болотнов Г.В.** аспирант кафедры философии Белгородского государственного университета
- Гаранина О.Д.** доктор философских наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных и социально-политических наук Московского государственного технического университета гражданской авиации
- Городова Т.В.** соискатель кафедры социальных технологий ИГМУ Белгородского государственного университета
- Давыденко Т.М.** доктор педагогических наук, профессор, первый проректор, проректор по научной работе Белгородского государственного университета
- Дунаев Р.А.** соискатель кафедры философии Белгородского государственного университета
- Евтушенко В.И.** кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права и государственного управления юридического факультета Белгородского государственного университета
- Жернакова Н.И.** кандидат медицинских наук, доцент кафедры внутренних болезней № 2, декан медицинского факультета Белгородского государственного университета
- Жиров М.С.** доктор педагогических наук, декан социально-теологического факультета Белгородского государственного университета
- Заливанский Б.В.** кандидат социологических наук, доцент кафедры социальных технологий ИГМУ Белгородского государственного университета
- Колпина Л.В.** кандидат социологических наук, доцент кафедры социальных технологий ИГМУ Белгородского государственного университета
- Короткий С.А.** старший преподаватель кафедры гражданского процесса и социальных отраслей права Российского государственного университета нефти и газа им. И.М. Губкина
- Кравчук П.Ф.** доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии и социологии Курского государственного технологического университета
- Кривых С.Е.** аспирант кафедры религиозоведческих и религиозно-философских наук Армавирского Православно-Социального института
- Липич В.В.** доктор филологических наук, декан филологического факультета Белгородского государственного университета

- Литич Т.И.** кандидат философских наук, докторант, доцент кафедры философии Белгородского государственного университета
- Макатов З.В.** аспирант кафедры гуманитарных и социально-политических наук Московского государственного технического университета гражданской авиации
- Максуров А.А.** кандидат юридических наук, преподаватель Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова
- Мамина И.В.** аспирант кафедры социальных технологий ИГМУ Белгородского государственного университета
- Маринченко Ю.Ю.** аспирант кафедры социальных технологий ИГМУ Белгородского государственного университета
- Некрасов С.И.** доктор философских наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных и социально-политических наук Московского государственного технического университета гражданской авиации
- Олейник Н.Н.** доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой украиноведения Белгородского государственного университета
- Перетьяцкий Г.Ф.** кандидат философских наук, доцент кафедры философии Белгородского государственного университета
- Песегова Е.В.** кандидат экономических наук, старший государственный инспектор Управления лицензирования и аккредитации в образовании Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки
- Подгорный Б.Б.** соискатель кафедры философии и социологии Курского государственного технического университета
- Реутов Е.В.** кандидат социологических наук, доцент кафедры социальных технологий ИГМУ Белгородского государственного университета
- Рождественская И.В.** ассистент кафедры философии Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого
- Рычихина Э.Н.** кандидат социологических наук, доцент, профессор кафедры социологии Ухтинского филиала Московского государственного университета путей сообщения
- Серегин М.Е.** ассистент кафедры философии Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого
- Синенко В.С.** кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса юридического факультета Белгородского государственного университета
- Страхов А.М.** доктор философских наук, профессор кафедры философии Белгородского государственного университета
- Усик И.В.** аспирант кафедры гуманитарных и социально-политических наук Московского государственного технического университета гражданской авиации
- Филина О.А.** преподаватель кафедры философии Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого
- Цой М.И.** ассистент кафедры философии и социологии Калужского государственного педагогического университета им. К.Э. Циолковского

Черняков А.Н.

соискатель кафедры философии Белгородского государственного университета

Шилов В.Н.

доктор философских наук, профессор кафедры отечественной истории и политологии Белгородского государственного университета

Шумакова И.А.

старший преподаватель кафедры педагогики Белгородского государственного университета

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ СЕРИИ: ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПРАВО В ЖУРНАЛЕ «НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ Белгородского государственного университета»

Уважаемые коллеги!

Материалы в журнал необходимо высылать в 2-х экземплярах с приложением внешней и внутренней рецензий (для аспирантов необходима рецензия или соавторство научного руководителя):

- первый экземпляр по адресу: 308000, г. Белгород, ул. Преображенская, 78, социально-геологический факультет, Белгородский государственный университет;
- по электронной почте: в раздел «Философия» – Rimskiy@bsu.edu.ru (Римский Виктор Павлович, главный редактор серии); в раздел «Социология» – Babintsev@bsu.edu.ru (Бабинцев Валентин Павлович, заместитель главного редактора); в раздел «Право» – ETonkov@bsu.edu.ru (Тонков Евгений Евгеньевич, заместитель главного редактора); во все разделы – SBorisov@bsu.edu.ru (Борисов Сергей Николаевич, ответственный секретарь серии журнала).

Редакция проводит внутреннее рецензирование всех материалов и оставляет за собой право отправить на доработку или отклонить полученные работы.

Статьи, отклоненные редколлегией, к повторному рассмотрению не принимаются.

Материалы, присланные без соблюдения требований к оформлению, редколлегией не рассматриваются.

Требования к оформлению материалов для представления в журнал:

1. УДК научной статьи.
 2. Аннотацию статьи (не более 1200 знаков).
 3. Ключевые слова.
 4. Текст статьи (должен иметь введение и выводы).
 5. Библиографический список.
 6. Ссылки.
 7. Внешняя рецензия доктора наук, рекомендация кафедры, рецензия научного руководителя (для аспирантов).
 8. Сведения об авторах (Ф.И.О., место работы, должность, ученая степень, ученое звание, почтовый адрес, адрес электронной почты (если имеется), контактные телефоны).
 9. Объем статьи – до 1 усл.п.л. или уч.-изд. лист (до 16 страниц)
 10. Объем сообщения – до 0,5 усл.п.л. (до 8 страниц).
 11. Объем рецензии или обзора конференции – до 0,3 усл.п.л. (5,4 страниц).
- на русском и английском языках*
- на русском языке*

Технические требования к оформлению текста статьи:

1. Поля:

- правое – 1,5 см;
- левое – 3,0 см;
- нижнее – 2,0 см;
- верхнее – 2,0 см.

2. Шрифт:

- гарнитура для заголовков – Impact (14 кегль) прописной, для статьи – Georgia (11 кегль), для сносок и литературы – Georgia (10 кегль);

- межстрочный интервал 1,0 пункт.

3. Ссылки:

- номер ссылки размещается перед знаком препинания (перед запятой, точкой);

- нумерация – автоматическая, сквозная по статье;

- текст сноски располагается с абзацным отступом внизу каждой страницы;

- размер шрифта – 10 кегль.

4. Библиографический список:

- список литературы с полными названиями работ приводится в порядке цитирования;

- при ссылке на данные, полученные из Internet, указывается электронный адрес цитируемого источника, например: www.soclib.ru/2007/5;

- при ссылке на монографии указывают фамилию, инициалы автора(ов), полное название книги, город, название издательства, год выхода издания с соблюдением ГОСТ;

- при ссылке на статьи из журналов указывают фамилию, инициалы автора(ов), полное название статьи, через косую линию (/) указывают авторов согласно ГОСТ, затем название журнала, год, том, номер, страницы ссылки;

- при ссылке на авторефераты диссертаций указывают фамилию, инициалы автора, полное название работы, докторская или кандидатская, место и год издания.

5. Примеры оформления статей, сносок, сведений об авторах, таблиц, рисунков приведены в прил. 1, 2, 3.

Приложение 1. Оформление статьи и сведений об авторах

УДК 130.2

**ЕВРОПЕЙСКАЯ ФИЛОСОФИЯ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНАЯ НАУКА
МЕЖДУ МИФОЛОГИЕЙ МОДЕРНА И РАЦИОНАЛЬНЫМ ЗНАНИЕМ**

**А. В. ИВАНОВ¹⁾
Л. Н. ПЕТРОВ²⁾**

¹⁾ *Департамент
экономического развития
Белгородской области*

e-mail: ivanov@bsu.edu.ru

²⁾ *Белгородский
государственный
университет*

e-mail: petrov@bsu.edu.ru

В статье рассматривается генезис основных логико-методологических парадигм европейского социально-гуманитарного знания, укорененных в идеологии и мифологии эпохи модерна.

Ключевые слова: модерн, мифология, сциентизм, социально-гуманитарное знание.

Основной задачей данной статьи будет усвоение некоторых логико-методологических «уроков» и анализ фактов из истории становления классической и неклассической западной философии и современного социально-гуманитарного знания¹.

**BETWEEN MYTHOLOGY OF MODERNITY AND RATIONAL
KNOWLEDGE: QUESTION OF HISTORY
OF EUROPEAN SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES**

**A. V. IVANOV¹⁾
L. N. PETROV²⁾**

¹⁾ *Department of economic
development of the Belgorod
area*

e-mail: ivanov@bsu.edu.ru

²⁾ *Belgorod state university*

e-mail: petrov@bsu.edu.ru

The article deals with the genesis of main logical and methodological paradigms of the European social sciences and humanities rooted into the ideology and mythology of modernity era.

Key words: modernity, mythology, scientism, social sciences and humanities.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Иванов А.В.

кандидат философских наук, доцент кафедры философии Белгородского государственного университета 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85, Белгородский государственный университет;
e-mail: ivanov@mail.ru, тел. 30-00-00

¹ Вико Дж. Основания новой науки об общей природе нации / Дж. Вико. – Л.: Худ. лит., 1940. – С. 128.

Приложение 2. Оформление таблиц

1. Каждая таблица должна быть пронумерована справа, иметь заголовок, расположенный по центру.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

2. Таблицы не должны выходить за границы полей страницы слева и справа.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

3. Если таблица располагается на 2-х страницах, ее столбцы должны быть пронумерованы на каждой новой странице, так же, как на первой.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
1	2	3	4	5	6	7	8	9
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

Таблица, расположенная на первой странице.

Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Белгородская область	1,2620	0,4169	2,2612	1,0176	1,2012	0,6413	1,3134	0,9534
Брянская область	0,9726	0,4817	0,5612	1,8653	0,9064	1,6898	0,6718	1,4872

Таблица, расположенная на следующей странице.

Приложение 3. Оформление графических объектов

1. Изображение каждого графического объекта должно иметь номер и заголовок, расположенные по центру под рисунком.

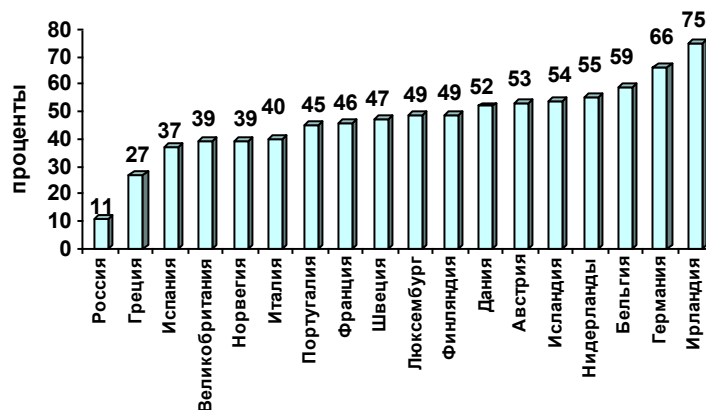

Рис. 1. Уровень инновационной активности в России, странах ЕС, Норвегии, Исландии

2. Изображение графического объекта должно быть в виде рисунка или сгруппированных объектов.

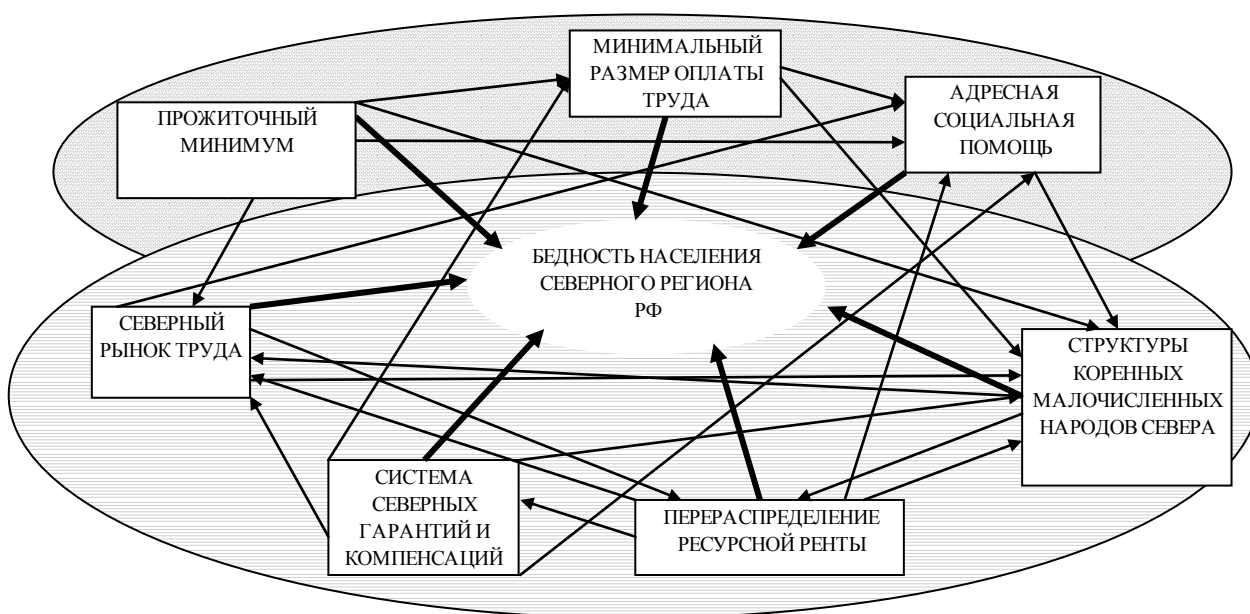

Рис. 2. Институциональная среда существования бедности населения северного региона России

3. Изображение графического объекта не должно выходить за пределы полей страницы.

4. Изображение графического объекта не должно превышать одной страницы.